ОЧЕРКИ

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I. Историческій очеркъ экономическихъ ученій. Гл. 1. Введеніе. — Гл. 2. Платонъ и Аристотель. — Гл. 3. Политико-экономическая литература новоевропейскихъ народовъ до половины XVIII вѣка.—Гл. 4. Меркантильная система.—Гл. 5. Система физіократовъ. — Гл. 6. Адамъ Смитъ, Мальтусъ и Рикардо. — Гл. 7. Противники Смита—Сисмонди и Листъ.—Гл. 8—13. Соціализмъ и коммунизмъ.—С. Симонъ, Фурье, Оуэнъ, Луи Бланъ, Лассаль, Родбертусъ, Прудонъ, Марксъ, Генри Джорджъ, Флюршеймъ.—Гл. 14. Новая школа свободы промышленности.—Кэри, Бастіа и Леруа Больe. — Гл. 15. Соціализмъ государственный и соціализмъ каѳедръ.—Адольфъ Вагнеръ и Шеффлэ.—Гл. 16. Историческая школа.—Роширъ, Штейнъ.—Гл. 17. Современное историко-статистическое направленіе.—Тукъ, Шмоллеръ.

II. Теорія согласія частныхъ интересовъ Кэри.

III. Джонъ Стюартъ Милль, какъ экономистъ.

IV. Шмоллеръ о Менгерѣ.

Н. Х. БУНГЕ.

ОЧЕРКИ

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I. Историческій очеркъ экономическихъ ученій. Гл. 1. Введеніе. — Гл. 2. Платонъ и Аристотель. — Гл. 3. Политико-экономическая литература новоевропейскихъ народовъ до половины XVIII вѣка.—Гл. 4. Меркантильная система.—Гл. 5. Система физіократовъ. — Гл. 6. Адамъ Смитъ, Мальтусъ и Рикардо. — Гл. 7. Противники Смита—Сисмонди и Листъ.—Гл. 8—13. Соціализмъ и коммунизмъ.—С. Симонъ, Фурье, Оуэнъ, Луи Бланъ, Лассаль, Родбертусъ, Прудонъ, Марксъ, Генри Джорджъ, Флюршеймъ.—Гл. 14. Новая школа свободы промышленности.—Кэри, Бастіа и Леруа Болье. — Гл. 15. Соціализмъ государственный и соціализмъ каѳедръ.—Адольфъ Вагнеръ и Шеффлэ.—Гл. 16. Историческая школа.—Рошеръ, Штейнъ.—Гл. 17. Современное историко-статистическое направленіе.—Тукъ, Шмоллеръ.

II. Теорія согласія частныхъ интересовъ Кэри.

III. Джонъ Стюартъ Милль, какъ экономистъ.

IV. Шмоллеръ о Менгерѣ.

Н. Х. БУНГЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Киршбаума, Дворцовая площ., д. М-ва Финансовъ.
1895.

3 экз

Пров 38ч
Пров. 1959
БК
711
.39с
2о

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 22-го Апрѣля 1895 года.

пр
711
30

Къ читателю.

Настоящая книга состоитъ изъ написанныхъ мною въ разное время статей по исторіи литературы Политической Экономіи. Для того, чтобы не обмануть ожиданій читателей, которые могли ожидать отъ меня разработки практическихъ вопросовъ, или отвѣта на такъ называемыя злобы дня, я избралъ заглавіе, устраняющее всякое недоразумѣніе.

Не отказываясь отъ намѣренія напечатать со временемъ, если силы мои позволятъ, тѣ изъ моихъ изслѣдованій, которыя относятся къ нѣкоторымъ отраслямъ экономической политики и государственнаго хозяйства, я ограничился на первый разъ областію теоретическою, именно потому, что искалъ отдыха въ работѣ мысли, которая имѣетъ для меня особую прелесть. Я вспоминалъ при этомъ о слушателяхъ, память о которыхъ мнѣ дорога; я вспоминалъ о прожитой умственной жизни, вспоминалъ, какъ въ теченіе многихъ лѣтъ я испытывалъ на себѣ вліяніе нѣкоторыхъ изъ господствовавшихъ политико-экономическихъ ученій, какъ увлеченіе проходило, какъ я убѣждался и дѣлилъ съ своими слушателями убѣжденіе, что знаніе пріобрѣтается не вѣрою въ догматы теоріи, выдаваемой за нѣчто несомнѣнное, а тщательнымъ анализомъ явленій, правильными выводами изъ безспорныхъ основныхъ положеній и осторожными обобщеніями (заключеніями отъ частныхъ случаевъ къ общему правилу). Я вспоминалъ, какъ для меня становилось очевиднымъ, что

теоріи господствуютъ часто не потому, что въ нихъ воплощаются непререкаемыя истины, но потому, что онѣ отвѣчаютъ современному настроенію, съ неумолимою послѣдовательностію дѣлаютъ выводы изъ смѣлыхъ гипотезъ, нисколько не стѣсняясь дѣйствительностію, или же возводятъ единичныя явленія на степень общихъ статистическихъ фактовъ. Я вспоминалъ, какъ созданныя такимъ образомъ системы заявляли притязаніе сказать послѣднее слово въ наукѣ, но не выдерживали первой серіозной критики, и лишь только теоретическій чадъ начиналъ разсѣеваться, а одуреніе въ головахъ ослабѣвало, недостатки прославленныхъ ученій становились столь же наглядными, какъ и противорѣчіе ихъ съ повседневными, наблюдаемыми нами явленіями.

Я далекъ отъ мысли, что все познаваемое нами условно, имѣя значеніе лишь для извѣстной эпохи и при извѣстныхъ обстоятельствахъ; въ каждой наукѣ есть незыблемыя истины. Такъ, уваженіе нравственнаго достоинства человѣка, его личности, понятія о долгѣ и связанной съ послѣднимъ отвѣтственности принадлежатъ къ числу тѣхъ аксіомъ, которыя облегчаютъ для насъ вѣрное пониманіе явленій общественной жизни. Но я также далекъ отъ мысли, что ошибочныя и эфемерныя теоріи имѣютъ одно лишь отрицательное значеніе — въ нихъ всегда есть если не доля истины, то нѣчто заслуживающее изученія; затѣмъ въ нихъ воплощаются господствующія стремленія и идеалы, а потому онѣ способствуютъ пониманію данной эпохи. Даже высокомѣрное пренебреженіе, съ которымъ такія теоріи относятся иногда къ прошлому, въ особенности же къ современному, приноситъ своего рода пользу. Крайности позволяютъ имъ развивать свои мысли съ большею ясностію и опредѣленностію и тѣмъ самымъ

облегчаютъ задачу критическаго изученія. При этомъ слова ученія не принимаются уже на вѣру, но съ надлежащимъ пониманіемъ и съ сознаніемъ степени ихъ убѣдительности, а это существенно важно.

Самая смѣна теорій не должна смущать насъ: въ области знанія человѣкъ въ каждую данную минуту, обладая тѣмъ, что выработано наукою, никогда не доходитъ до разрѣшенія всѣхъ возникающихъ въ умѣ его вопросовъ. Истинное знаніе, освѣщая пройденный путь, открываетъ передъ глазами мыслителя непрерывно новыя перспективы, и то, что выдавалось за послѣднее слово, не болѣе какъ переходная ступень въ движеніи нашей творческой мысли. Въ каждую данную эпоху всегда, болѣе или менѣе замѣтно, мерцаетъ свѣтъ будущаго.

Развить въ себѣ и въ своихъ слушателяхъ духъ изслѣдованія и критики, а равно научиться и научить другихъ собирать и обрабатывать матеріалы, я всегда считалъ своею задачею. Насколько все это мнѣ удавалось—это другой вопросъ. Сознаюсь, что я всегда оставался и остаюсь неудовлетвореннымъ.

Подъ вліяніемъ этого неудовлетвореннаго чувства я кое-что дополнилъ и переработалъ въ издаваемыхъ „Очеркахъ“ [1]*). Переработка казалась мнѣ необходимою, потому*

---

[1]) *Вотъ краткій отчетъ о сдѣланныхъ измѣненіяхъ. „Историческій очеркъ экономическихъ ученій“, напечатанный въ первый разъ въ 1868 году, значительно дополненъ обозрѣніемъ новѣйшей германской литературы.— Статья „Теорія согласія частныхъ интересовъ—первое политико-экономическое ученіе Кэри“, написанная въ 1858, передактирована вновь и отчасти дополнена критическою оцѣнкою.— Статья „Джонъ Стюартъ Милль, какъ экономистъ“ 1868 года перепечатана почти безъ всякихъ измѣненій. Поправки въ ней имѣютъ почти исключительно редакціонный характеръ.— Статья „Шмоллеръ о Менгерѣ“ напечатана не была. Она содержитъ въ себѣ извлеченіе изъ критическаго разбора книги Менгера, и служитъ дополненіемъ къ послѣдней главѣ „Историческаго очерка экономическихъ ученій“.— Всѣ дополненія написаны въ 1894 году.*

что не во всемъ, прежде написанномъ мною, я нахожу то, что считаю нынѣ своимъ.

Прибавлю въ заключеніе, что я не имѣю притязанія изданіемъ настоящей книги кого-либо переубѣдить, и признаю безплодность всякой полемики, ибо „вступившіе въ споръ", по справедливому замѣчанію Гёте, „противопоставляютъ только свои взгляды взглядамъ противника, и такимъ образомъ рѣшеніе вопроса ни на шагъ не подвигается впередъ". Каждый пріискиваетъ доводы скорѣе въ пользу своего, чѣмъ для опроверженія чужого мнѣнія. Я имѣю въ виду изучающихъ политическую экономію, и если книга моя сослужитъ имъ такую же службу какъ и мнѣ, т. е. поможетъ имъ избавляться отъ иллюзіи всепримиряющихъ ученій и отъ гнета непримиримыхъ доктринеровъ, то цѣль моя будетъ достигнута вполнѣ.

Въ такое время какъ наше, когда поклоненіе фетишамъ, воздвигнутымъ разными ученіями, сдѣлалось чѣмъ-то довольно обычнымъ, нельзя не пожелать каждому мыслящему человѣку, серіозно относящемуся къ жизни и наукѣ, дорости до того, чтобы...

смѣть
Свое сужденіе имѣть. (Грибоѣдовъ).

Н. Х. Бунге.

С.-Петербургъ.
5 Апрѣля 1895 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
	Къ читателю	I
I.	**Историческій очеркъ экономическихъ ученій.**	1
Глава	I. Введеніе	1
»	II. Классическая древность.—Платонъ и Аристотель.	5
»	III. Экономическая литература ново-европейскихъ народовъ до половины XVIII вѣка	8
»	IV. Меркантильная система	12
»	V. Система физіократовъ	16
»	VI. Адамъ Смитъ и его послѣдователи	21
»	VII. Противники Адама Смита	37
»	VIII. Реакція противъ школы свободы промышленности со стороны соціализма и коммунизма. Введеніе	47
»	IX. Критическая оцѣнка соціалистами современнаго хозяйственнаго быта и началъ, на которыхъ онъ основанъ	51
»	X. Общій обзоръ основаній соціализма и коммунизма и критическая ихъ оцѣнка	61
»	XI. Соціальныя утопіи и системы	69
»	XII. Философскій и критическій соціализмъ	95
»	XIII. Замѣтка о современномъ состояніи соціальныхъ ученій	157
»	XIV. Ученіе свободы промышленности, начиная съ конца 40 хъ годовъ настоящаго столѣтія	160
»	XV. Соціализмъ государственный и соціализмъ каѳедръ. (Staats und Katheder-socialismus)	171
»	XVI. Историческое направленіе въ политической экономіи	175
»	XVII. Современное прогрессивное историко-статистическое направленіе въ политической экономіи	183
II.	**Теорія согласія частныхъ интересовъ**	201
Глава	I. Введеніе	203
»	II. Взглядъ Кэри на политическую экономію, ея методъ и отношеніе къ жизни	220

стр.

Глава III. Характеристика производства, капитала и доходовъ 226
» IV. О цѣнности. 232
» V. Теорія ренты, или чистаго земельнаго дохода. . 243
» VI. Вліяніе распространенія обработки земель на заработную плату. 263
» VII. Вліяніе распространенія обработки на прибыль капиталиста. 272
» VIII. Сравненіе цѣнности существующаго земледѣльческаго капитала съ употребленными на него издержками. 280
» IX. Колебанія цѣнъ. 293
» X. Выводы. 302

III. Джонъ Стюартъ Милль какъ экономистъ. 312

Глава I. Научный методъ Милля въ примѣненія къ политической экономіи 315
» II. Общій взглядъ Милля на систему политической экономіи и на главную ея задачу 339
» III. Производство. 352
» IV. Распредѣленіе богатствъ 366
» V. Мѣна. 388
» VI. Вліяніе прогресса общества на производство и распредѣленіе. 419
» VII. Вліяніе правительства. 427

IV. Шмоллеръ о Менгерѣ. 450

I. Историческій очеркъ экономическихъ ученій [1].

Глава I.

Введеніе.

Исторія экономическихъ ученій подтверждаетъ старую истину, что практика вездѣ предшествовала теоріи.

Произведенія философовъ и политиковъ древне-классическаго міра, представляя обширныя изслѣдованія о наилучшемъ хозяйственномъ устройствѣ обществъ, бѣдны научными положеніями.

---

[1]) Источники: 1) Blanqui. Histoire de l'économie politique en Europe. 1837—1838. Нѣсколько изданій.—2 vol. 2) Bargemont, Villeneuve de. Histoire de l'économie politique. Paris 1841. 2 vol. 3) Mac-Culloch. The literature of political economy. London. 1845. 4) Bruno-Hildebrand. Die Nationaloeconomie der Gegenwart und Zukunft. Frankfurt 1848 (№ 3 и 4 переведенъ на русскій языкъ). 5) Вернадскаго. Очеркъ исторіи политической экономіи. С.-П. 1858. 6) Kautz. Dr. Julius. Die geschichtliche Entwickelung der Nationaloekonomie und ihrer Literatur. Wien. 1860. 2 Bde. 7) Marlo. Weltoeconomie. 1848—54. 8) Du Puynode Etudes sur les principaux économistes. 1868. Въ послѣдніе годы вышло нѣсколько сочиненій по исторіи политической экономіи на русскомъ языкѣ. 9) Ингрема Джона. Исторія политической экономіи переводъ съ англійскаго подъ редакціею И. И. Янжула. Москва 1891. 10) Мейера Морица. Главныя теченія въ современной политической экономіи. Переводъ съ 4-го нѣмецкаго изданія. С.-Петербургъ 1891. 11) Чупрова, А. И. Исторія политической экономіи. Лекціи. Москва 1892 г. и пр. Ингремъ не излагаетъ вовсе исторіи соціализма; въ лекціяхъ пр. Чупрова содержатся лишь краткія указанія на ученія соціалистовъ; книга Мейера полнѣе другихъ, отличается живостью изложенія, но критическій элементъ въ ней довольно слабъ.

Изъ названныхъ сочиненій лучшія—Мак-коллоха Бруно Гельдебранда, Ингрема и Чупрова. Сочиненіе Кауда содержитъ подробныя библіографическія указанія.

Политико-экономическая литература новоевропейскихъ народовъ начинаетъ развиваться съ XVI вѣка. При всемъ разнообразіи господствовавшихъ въ ней воззрѣній, въ періодъ времени, оканчивающійся первою половиною XVIII вѣка, нельзя не замѣтить одного общаго преобладающаго направленія. Это направленіе носитъ названіе *меркантильной системы*, которая разсматриваетъ деньги, и въ особенности монету, или какъ существенную составную часть народнаго богатства, или какъ главную производительную силу. Хозяйственное устройство, по понятіямъ меркантилистовъ, слагается при непосредственномъ участіи государства, которое не только направляетъ, но и подчиняетъ себѣ частную дѣятельность, въ видахъ достиженія государственныхъ цѣлей.

Въ половинѣ XVIII вѣка является система физіократовъ, какъ противодѣйствіе меркантильной теоріи и практикѣ. Физіократы полагаютъ богатство въ обиліи земледѣльческихъ произведеній, считаютъ природу, т. е. землю, главною, едва ли не единственною производительною силою, а трудъ земледѣльца исключительно производительнымъ. Устройство экономическое представляется физіократамъ, какъ естественный порядокъ, въ которомъ благосостояніе достигается при свободѣ дѣятельности и свободѣ мѣны (laisser faire, laisser passer).

Система Адама Смита составляетъ дальнѣйшую ступень развитія науки въ томъ же направленіи. Смитъ признаетъ богатствомъ совокупность служащихъ, для удовлетворенія потребностямъ, вещественныхъ средствъ, произведенныхъ трудомъ человѣка. Существующее хозяйственное устройство противуполагается Смитомъ естественному, слагающемуся сообразно съ выгодами всѣхъ и каждаго при неограниченной свободѣ, предоставленной промышленности и частнымъ интересамъ. Согласно съ симъ, участіе государства въ хозяйственной дѣятельности народа,

системы поощренія, покровительства и направленія частнаго труда, однимъ словомъ всѣ стороны меркантильной политики подвергаются безпощадной критикѣ. Изслѣдованія Смита представляютъ первое систематическое и, по возможности, полное изложеніе науки. Смитомъ и ближайшими его послѣдователями разработаны ученія: о производительныхъ силахъ, о раздѣленіи труда, о цѣнности, цѣнѣ и соперничествѣ, о главныхъ отрасляхъ доходовъ, и изложена система либеральной хозяйственной политики.

Практическое примѣненіе началъ Смита не оправдало однако надеждъ, возбужденныхъ школою свободы промышленности. И въ практической дѣятельности, и въ наукѣ является мысль о необходимости ограниченій свободы и объ устройствѣ народнаго хозяйства при участіи государства (Сисмонди, Листъ и мн. др.).

Это направленіе переходитъ въ соціализмъ — крайній протестъ противъ либеральнаго направленія смитовой школы. Раздѣляя основныя понятія Смита о народномъ богатствѣ и о трудѣ, какъ главной производительной силѣ, соціалисты полагаютъ задачею науки организацію труда на началахъ ассоціаціи и солидарности, другими словами — пріисканіе такихъ формъ хозяйственнаго устройства, которыя обезпечиваютъ достиженіе общаго благосостоянія. Дальнѣйшее ученіе свободы промышленности, а затѣмъ и реакцію противъ соціализма составляютъ во 1-хъ ученіе о согласіи интересовъ—первая система Кэри, перенесенная въ Европу Бастіа и его послѣдователями, и во 2-хъ положительное направленіе, къ которому относятся школы историческая и статистическая. Ученіе Кэри-Бастіа есть ни что иное, какъ обновленная теорія послѣдователей Смита, основанная на положеніи, *что всѣ законные интересы согласны между собою*—tous les intérêts légitimes sont harmoniques. Историческая школа пытается примирить различныя доктрины и принимаетъ, какъ для нихъ, такъ и для хозяйственнаго

устройства, извѣстные историческіе моменты, переживаемые каждымъ народомъ. Среди противуположныхъ политико-экономическихъ ученій вырабатывается наконецъ статистическое направленіе, которое ищетъ въ исторіи не характеристическіе моменты и типическіе періоды, но только матеріалы для выводовъ, и въ изслѣдованіяхъ своихъ употребляетъ, по преимуществу, статистическій методъ. Таковы изслѣдованія Тука и Ньюмарча, и въ особенности Шмоллера.

Въ эти рамки очень удобно укладывается все содержаніе политико-экономической литературы, и изучающему послѣднюю не по источникамъ, а по историческимъ обозрѣніямъ, можетъ казаться, что одно ученіе вслѣдъ за другимъ отживало свой вѣкъ, составляя реакцію противъ крайностей и заблужденій предшествовавшаго времени.

Ближайшее знакомство съ литературою приводитъ однако къ убѣжденію, что политико-экономическія ученія не представляются строго разграниченными во времени. Основныя ихъ мысли нерѣдко были высказаны гораздо прежде, чѣмъ тѣ или другія ученія становились преобладающими, и продолжали жить еще долго послѣ того, какъ наступала пора для господства новой школы. Идеи предшествовавшихъ отжившихъ системъ повторяются иногда очень долго, не только людьми отсталыми, которые, при незнакомствѣ съ результатами научныхъ изслѣдованій, доходятъ собственнымъ умомъ до того, что давно уже было выработано или опровергнуто, но также и тѣми, которые пытаются спасти истины, отвергнутыя лишь потому, что онѣ были перемѣшаны съ заблужденіями, или же неправильно поняты и истолкованы.

Глава II.

Классическая древность. — Платонъ и Аристотель [1]).

Главныя теоретическія положенія политической экономіи встрѣчаются у грековъ въ отрывочномъ видѣ. Изъ отдѣльныхъ мѣстъ въ сочиненіяхъ Ксенофонта, Платона, Аристотеля, можно извлечь элементарныя понятія о раздѣленіи труда, о мѣнѣ, о деньгахъ, но эти понятія не образуютъ науки.

Принимая рабство за установленіе природы, питая глубокое презрѣніе къ промышленному труду и полагая, что государство существуетъ для однихъ только гражданъ, греки разсматривали государство, какъ механическое, художественное произведеніе, какъ средство для осуществленія блага и добродѣтели гражданъ.

Таково воззрѣніе, развитое въ двухъ сочиненіяхъ Платона «О государствѣ» и «О законахъ». Первое представляетъ коммунистическій идеалъ, въ осуществленіе котораго самъ Платонъ, повидимому, не имѣлъ вѣры; второе — практически осуществимое изъ этого идеала.

Искусство политики, по мнѣнію Платона, состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать людей добродѣтельными и установить учрежденія, которыя имѣли бы опору не въ законахъ, а въ нравахъ, познаніи, разумѣ и общественной совѣсти. На дѣлѣ, однако, законъ и принужденіе являются у Платона главными основами общественнаго порядка.

Платонъ требуетъ для своего идеальнаго государства (города) физическихъ условій, препятствующихъ его про-

---

[1]) Источники: 1) Oeuvres de Platon, traduits par V. Cousin. 1826—1835. La République и Les Lois. 2) Aristote. La Politique, trad. par Barthélemy St. Hilaire. 1848. Есть и въ русскомъ переводѣ. Ср. Marlo Weltoeconomie.

мышленному процвѣтанію, именно — континентальнаго, а не морского положенія, для того чтобы городъ не былъ торговымъ и не имѣлъ легкихъ сообщеній съ другими странами; такъ какъ при этомъ развивается вкусъ къ новизнѣ и къ пріобрѣтенію, сообщающимъ двуличный и лживый характеръ населенію. Платонъ хочетъ, чтобы территорія государства не была слишкомъ велика, и чтобы число поселенныхъ на ней жителей не превышало 5040 гражданъ. Населеніе должно, по его мнѣнію, принадлежать къ одному племени, говорить однимъ языкомъ и имѣть одни и тѣ же вѣрованія.

Не довольствуясь этимъ, для упроченія политическаго единства, философъ имѣетъ въ виду съ одной стороны обезпечить гражданамъ нѣкоторый достатокъ, а съ другой— воспрепятствовать обогащенію отдѣльныхъ лицъ. На раздѣлъ земли между гражданами Платонъ смотритъ какъ на уступку и требуетъ, чтобы каждый увѣрилъ себя, что отведенный участокъ равно принадлежитъ и государству, и гражданину. Весь городъ и вся территорія дѣлятся на 12 частей, изъ коихъ выдѣляется гражданамъ по два надѣла—одинъ ближайшій къ городу и другой—отдаленный. Участки лучшей земли имѣютъ меньшую, худшей— бо́льшую поверхность. Это дѣленіе земель должно оставаться *неизмѣннымъ*, а потому законъ, по мнѣнію Платона, долженъ установить нераздѣльность, неотчуждаемость участковъ и выселеніе лишняго населенія. Полагая, что добродѣтель несовмѣстна съ богатствомъ, и что честный человѣкъ не можетъ быть ни слишкомъ богатымъ, ни слишкомъ бѣднымъ, Платонъ требуетъ назначенія извѣстнаго предѣла для пріобрѣтенія имущества—весь излишекъ долженъ принадлежать государству и покровительствующимъ богамъ; нарушителей закона слѣдуетъ подвергать взысканіямъ. Равнымъ образомъ, Платонъ запрещаетъ своимъ гражданамъ занятія презрѣнными ремеслами, постыднымъ тор-

гомъ скота, торговлею, и назначаетъ наказаніе тѣмъ, которые займутся корыстными промыслами. Затѣмъ, Платонъ совѣтуетъ—предоставить промыслы иностранцамъ, опредѣлить какіе изъ промысловъ могутъ быть дозволены и, наконецъ, назначить умѣренный барышъ для продавцовъ.

Строгая регламентація, которой Платонъ подчиняетъ экономическое устройство, обнимаетъ и другія стороны общественной и частной жизни. Законодатель постановляетъ правила для браковъ, рожденія и воспитанія дѣтей обоего пола, слѣдитъ за человѣкомъ отъ юности до старости, поучаетъ его и опредѣляетъ, что̀ честно и что̀ позорно въ каждомъ данномъ случаѣ.

Такимъ образомъ двигателемъ человѣческой дѣятельности въ платоновомъ государствѣ является не самоопредѣленіе, не свобода воли, а принудительный законъ, который служитъ вѣчною указкою того, что слѣдуетъ дѣлать, и въ то же время карою для нарушителей.

Аристотель, въ своей Политикѣ, отдаляется отъ платоновскаго идеала; но онъ столь же безусловно подчиняетъ личность государству. По его мнѣнію территорія послѣдняго должна быть достаточною, для доставленія гражданамъ умѣреннаго достатка. Положеніе при морѣ и хорошіе пути необходимы для облегченія внѣшнихъ сношеній. Лѣса, горные промыслы и половина земли предоставляются государству; остальная земля распредѣляется между гражданами въ числѣ двухъ участковъ на каждаго гражданина (въ чертѣ ближайшей къ городу и въ чертѣ отдаленной). Число гражданъ не должно быть велико для того, чтобы они могли знать другъ друга. Гражданамъ запрещается заниматься ручными работами и поступать въ услуженіе. Промышленныя сословія не должны имѣть политическихъ правъ; обработка земли возлагается на рабовъ, торговля и промыслы — на не греческихъ союзниковъ; гражданамъ же

предоставляется только одинъ надзоръ за работами,— настоящее ихъ призваніе составляетъ общественная жизнь. Вопреки Платону, Аристотель даетъ особое значеніе семейству и собственности.

При оцѣнкѣ ученій Платона и Аристотеля не слѣдуетъ забывать, что идеалъ греческій относился къ малымъ республикамъ съ немногочисленнымъ привилегированнымъ классомъ, который жилъ на счетъ рабовъ и порабощеннаго населенія. Разсматривать эти ученія съ точки зрѣнія современнаго государства — значитъ упускать изъ виду огромное различіе между настоящимъ и политическою жизнью, въ которую былъ заключенъ греческій общественный бытъ.

Экономическія понятія римлянъ выразились не въ теоретическихъ построеніяхъ хозяйственной политики, а въ правѣ.

Глава III.

Экономическая литература ново-европейскихъ народовъ до половины XVIII вѣка [1]).

Обозрѣвая совокупность политико-экономическихъ литературныхъ произведеній, начиная съ XVI до половины XVIII вѣка, нельзя не придти къ убѣжденію, что при одномъ болѣе выдающемся направленіи они имѣли, на первыхъ порахъ, у нѣмцевъ, итальянцевъ, французовъ и англичанъ особый характеръ.

[1]) Источники: 1) Roscher. Zur Geschichte der englischen Volkswirthschaftslehre. 1851—1852. 2) Его же. Geschichte der Nationaloeconomie in Deutschland. 1874. 3) Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft. 1854, 3—4. 4) Pecchio, Histoire de l'économie politique en Italie, traduit par Gallois. 5) Collection des économistes. Economistes financiers au XVIII siècle.

Въ Германіи, политическая экономія является въ видѣ *камералистики*, которая обнимаетъ собою полицію, торговлю, финансы, лѣсоводство, земледѣліе, горные промыслы, и т. д. Камеральное направленіе образовалось въ Германіи вслѣдствіе особыхъ отношеній государственной власти къ самостоятельнымъ привилегированнымъ сословіямъ. Такъ какъ власть не могла, по произволу, налагать податей на послѣднія, то надо было искать увеличенія доходовъ въ хорошемъ управленіи камерными (государственными) имуществами (Kammergüter), и въ установленіи исключительныхъ правъ государства на занятіе нѣкоторыми отраслями промышленности. Все это вызывало потребность въ администраціи, знакомой съ технологіею, лѣсоводствомъ, сельскимъ хозяйствомъ и пр., а также съ прикладною частью политической экономіи. Отсюда возникла камералистика—Kammeralwissenchaft — собраніе правилъ, вытекавшихъ изъ широкихъ правъ казны и ограниченій частной дѣятельности экономическою дѣятельностью государства, въ видахъ народнаго и государственнаго блага, охраненія добрыхъ нравовъ, порядка, и пр.

Первые начатки политико-экономической литературы въ Италіи были вызваны практическими потребностями. Разнообразіе монетныхъ системъ, искусственное возвышеніе и пониженіе цѣнности металлическихъ денегъ — служили поводомъ къ появленію большаго числа сочиненій о монетѣ; но, при отсутствіи политическаго единства, при увеличившемся разрывѣ между наукою и жизнью, политико-экономическія изслѣдованія приняли впослѣдствіи, по преимуществу, философскій характеръ. Отъ умозрѣній о свойствахъ денегъ, цѣнности, кредита и разныхъ видовъ торговли, при чемъ разумѣется отдавалось преимущество торговлѣ активной предъ пассивною, отпуску фабричныхъ произведеній предъ отпускомъ земледѣльческихъ, итальян-

скіе ученые перешли къ воззрѣніямъ физіократической школы, еще до появленія ученія Кенэ.

Во Франціи первыя политико-экономическія сочиненія посвящены, главнымъ образомъ, финансамъ — критикѣ существующихъ податей, оцѣнкѣ ихъ вліянія на народное и на государственное хозяйство, созданію новыхъ финансовыхъ системъ. Вобанъ въ своемъ проектѣ королевской десятины (Vauban, Projet d'une dîme royale) изображаетъ печальное положеніе податныхъ сословій. Буагильберъ, приписывая также разстройство Франціи дурной системѣ налоговъ и требуя ихъ преобразованія, доказываетъ, что богатство зависитъ не отъ количества денегъ, а отъ поддержанія гармоніи и взаимности въ обществѣ. Это достигается тогда, когда природѣ предоставляютъ дѣлать свое дѣло (pourvu qu'on la laisse faire), и когда вмѣшательство власти въ промышленныя дѣла имѣетъ цѣлію доставленіе всѣмъ покровительства и огражденіе отъ насилія.

Въ Англіи политико-экономическая литература отличается необыкновеннымъ разнообразіемъ. Она начинается утопіею Томаса Моруса, и затѣмъ обнимаетъ цѣлый рядъ изслѣдованій: о составѣ населенія въ государственно-экономическомъ отношеніи, о колоніяхъ, о торговыхъ компаніяхъ, о средствахъ для развитія разныхъ отраслей промышленности, о банкахъ, о торговомъ балансѣ, о деньгахъ, о цѣнности, о причинахъ высоты процентовъ и о средствахъ для пониженія послѣднихъ. Это замѣчательное богатство литературы объясняется тѣмъ, что англійскіе ученые принимали живое участіе въ рѣшеніи практическихъ вопросовъ, вызванныхъ частною предпріимчивостію, свойственною англо-саксонской расѣ. — Составъ населенія съ государственно-экономической точки зрѣнія разсматриваетъ Ралей, который говоритъ, что общество состоитъ изъ трехъ классовъ: 1) изъ живущихъ своимъ трудомъ и удѣляющихъ лучшую часть жатвы покоющимся и праздно-

любцамъ; 2) изъ купцовъ, которые обогащаютъ страну, и 3) изъ высшаго сословія — gentry, составляющаго стражу добраго порядка въ государствѣ. — По Гаррингтону, распредѣленіе земельной собственности опредѣляетъ образъ правленія въ государствѣ. Онъ находитъ абсолютизмъ тамъ, гдѣ вся земля принадлежитъ одному, ограниченную монархію, гдѣ земля принадлежитъ немногимъ, и демократію, гдѣ народъ участвуетъ въ обладаніи землею. Измѣненіе баланса земельной собственности, т. е. ея распредѣленія, при сохраненіи прежнихъ формъ правленія, составляетъ, по его мнѣнію, причину политическихъ переворотовъ. —Изслѣдованія о населеніи и о колоніяхъ образуютъ обширный отдѣлъ англійской экономической литературы. Опасавшіеся чрезмѣрнаго возрастанія населенія были ревностными поборниками колонизаціи; но, при устройствѣ колоній, они имѣли, главнымъ образомъ, въ виду привозъ дешеваго сырья и сбытъ обработанныхъ произведеній, а не добываніе золота. Противники ихъ доказывали, что увеличеніе населенія способствуетъ процвѣтанію и богатству страны. Чайльдъ и Петти, писатели XVII вѣка, напоминаютъ въ этомъ отношеніи Бастіа и Кэри. Они были также защитниками установленія низкаго процента. (Чайльдъ требовалъ этого пониженія силою закона). Принимая за образецъ Голландію, нѣкоторые изъ англійскихъ писателей совѣтовали учрежденіе банковъ, введеніе охранительныхъ пошлинъ (Ярранторъ). Въ XVIII вѣкѣ начинаетъ опредѣлительнѣе обозначаться меркантильное направленіе, но при всемъ томъ свобода промышленности имѣла ревностныхъ поборниковъ.

Глава IV.

Меркантильная система [1]).

Меркантильная система имѣла огромное значеніе на практикѣ и многочисленныхъ представителей въ литературѣ. Впрочемъ, неоспоримо, что система эта не была обработана въ научной формѣ, какъ связное цѣлое, какъ ученіе, изложенное во всей полнотѣ въ одномъ какомъ-либо сочиненіи.

Въ меркантилизмѣ необходимо разсмотрѣть его основныя понятія о богатствѣ и объ экономическомъ устройствѣ.

Въ первомъ отношеніи слѣдуетъ отличать меркантилизмъ практическій отъ научнаго.

Меркантилизмъ практическій, разсматривая монету, какъ существенную составную часть народнаго богатства, какъ товаръ, не уничтожаемый потребленіемъ и за который все можно купить, полагаетъ, что государство, подобно частному лицу, обогащается пріобрѣтеніемъ большаго количества денегъ (монеты).

На это можно возразить, что монета удовлетворяетъ потребности не частной, а общественной — ея назначеніе служить орудіемъ въ оборотахъ, посредникомъ въ мѣнѣ, и что одной монеты недостаточно для приведенія товаровъ въ обращеніе. Затѣмъ, для пріобрѣтенія произведеній за монету, необходимо, чтобы они были уже произведены. Поэтому, производство составляетъ неистощимый родникъ богатства, между тѣмъ какъ деньги, однажды издержанныя, должны быть снова пріобрѣтены хозяйственною дѣя-

---

[1]) Источники (кромѣ упомянутыхъ на страницѣ 1-ой). 1) Rau, Lehrbuch der polit. Oeconomie, 1 Bd. 2) А. Смитъ. 3) Economistes financiers au XVIII siècle. 4) Horn, L'économie politique avant les Physiocrates, 1867. 5) Du Puynode. 6) Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Merkantilsystem.

тельностію, или ея произведеніями. Пріобрѣтеніе и накопленіе монеты цѣною большихъ матеріальныхъ пожертвованій не имѣетъ смысла; потому что для обращенія товаровъ, для мѣны, можетъ также хорошо служить большое, какъ и малое количество монеты. Можно даже сказать: чѣмъ менѣе тратится на монету, какъ на орудіе мѣны, тѣмъ болѣе сберегаетъ народъ силъ и средствъ для удовлетворенія потребностямъ.

Научный меркантилизмъ приписываетъ значеніе не одной монетѣ, но деньгамъ вообще и, не разсматривая ихъ какъ богатство по преимуществу, полагаетъ, что увеличеніе количества денегъ необходимо для увеличенія быстроты обращенія, потому что при быстромъ обращеніи создаются новыя богатства. По словамъ Бодена (Jean Bodin), 1 милліонъ, воспроизведенный 20 разъ обращеніемъ, оказываетъ ту же услугу, какъ и 20 милл. обратившихся одинъ только разъ; но такъ какъ, одна монета не можетъ въ одно и то же время обращаться въ двухъ разныхъ мѣстахъ, то для усиленія обращенія необходимо увеличить количество денегъ, а за недостаткомъ монеты пустить въ обращеніе кредитъ (Ло).

На это должно замѣтить, что быстрое обращеніе денегъ равно способствуетъ ускоренію и производства, и потребленія. Все зависитъ отъ назначенія денегъ. Меркантилисты, въ этомъ случаѣ, принимали слѣдствіе за причину — быстрое обращеніе денегъ за причину усиленнаго производства, между тѣмъ какъ иногда бываетъ наоборотъ.

Что касается воззрѣнія меркантилистовъ на хозяйственное устройство общества, то по господствовавшему въ то время понятію, интересъ частный долженъ быть безусловно подчиненъ государственному, и такъ какъ частные интересы не совпадаютъ съ общественнымъ, то первые должны быть принесены въ жертву послѣднему. Отсюда безусловное право государства принуждать къ труду и устраивать

весь хозяйственный порядокъ въ обществѣ, не въ видахъ блага всѣхъ и каждаго, но для доставленія государству преобладанія надъ сосѣдями. При всемъ томъ, меркантилизмъ имѣетъ свою гуманную сторону: подчиняя весь хозяйственный порядокъ государству, онъ обуздываетъ произволъ монополіи и силы, въ земледѣліи — феодализма, въ обрабатывающей промышленности—цеховъ. Отъ узкихъ понятій о привилегированной корпораціи онъ возвышается къ воззрѣнію болѣе широкому — государственному, національному, составляющему переходную ступень къ идеѣ всемірнаго гражданства — Weltbürgerthum (Марло).

Предыдущимъ объясняется совокупность экономическихъ учрежденій, образовавшихся въ эпоху меркантилизма и составлявшихъ главный предметъ изслѣдованій этого времени.

Запрещеніе вывоза монеты и добываніе драгоцѣнныхъ металловъ, хотя бы съ издержками, не оплачивающими производства, представлялись ближайшимъ средствомъ для пріобрѣтенія запасовъ золота и серебра, но когда Т. Менъ (Mun) доказалъ, что вывезенное золото, служа для заграничныхъ закупокъ и продажъ, возвращается съ избыткомъ въ страну, и когда убѣдились, что потери на убыточную разработку рудниковъ ничѣмъ не вознаграждаются, тогда обратились къ другимъ мѣрамъ. Мѣры эти имѣли въ виду поощрить внутреннее производство (въ особенности предметовъ, предназначенныхъ для внѣшняго отпуска) и доставить государству преобладаніе во внѣшней торговлѣ достиженіемъ выгоднаго торговаго баланса, т. е. такого отношенія между привозомъ и отпускомъ товаровъ, когда цѣна отпуска значительнѣе цѣны привоза, и когда иностранцы вынуждены уплатить разность монетою.

Согласно съ предыдущимъ считали необходимымъ:

А) Для усиленія производства внутри государства— 1) заботиться объ увеличеніи населенія и объ уменьшеніи числа празднаго народа; 2) требовать отъ ремесленныхъ

и фабричныхъ произведеній извѣстнаго размѣра, качества, клейма, и пр., подъ опасеніемъ строгихъ взысканій: 3) способствовать техническому образованію народа и руководить промышленными предпріятіями.

Б) Для усиленія внѣшняго сбыта и для пріобрѣтенія выгоднаго торговаго баланса—1) установлять таможенныя пошлины, которыми привозъ обработанныхъ произведеній былъ бы затрудненъ, а сырыхъ—облегченъ, и, наоборотъ, отпускъ обработанныхъ произведеній — поощренъ, а сырыхъ—запрещенъ. Такая система должна была, по мнѣнію меркантилистовъ, увеличить цѣну отпуска, уменьшить цѣну привоза и привести къ уплатѣ разности монетою; 2) заключать торговые трактаты, для облегченія выгоднаго сбыта товаровъ; 3) учреждать колоніи съ тѣмъ, чтобы имѣть обезпеченный сбытъ для туземныхъ произведеній и рынокъ для выгодной закупки сырья. Торговля съ колоніями была, по преимуществу, монопольная, т. е. исключительное право на торговлю съ ними предоставлялось метрополіи, и при томъ привилегированной корпораціи купцовъ; 4) устраивать привилегированныя торговыя компаніи, 5) поощрять морскую активную торговлю. (Актъ о мореплаваніи). Всѣ эти мѣры подробно разобраны Ад. Смитомъ, въ IV книгѣ его «Изслѣдованія о существѣ и причинахъ богатства народовъ».

Изъ писателей, въ сочиненіяхъ которыхъ ярко выступаетъ меркантильное направленіе, заслуживаетъ особеннаго вниманія Ло (Law—авторъ соч. Considérations sur numéraire et le commerce и разныхъ мемуаровъ), извѣстный финансовый дѣятель Франціи, въ началѣ XVIII вѣка. Въ *Системѣ* Ло, государственно-экономическое направленіе XVII и XVIII вѣковъ достигло высшей ступени развитія. Двигателемъ хозяйственной дѣятельности является государство, а не частныя лица и ихъ интересы: государство оказываетъ кредитъ частнымъ лицамъ, а не ча-

стныя лица государству; государство можетъ замѣнить однѣ деньги другими; частныя лица совершаютъ государственное преступленіе, удерживая у себя деньги, предназначенныя для обращенія. Въ *Системѣ*, вся внѣшняя колоніальная торговля получаетъ государственное устройство. Однимъ словомъ, ученіе Ло и въ теоріи, и въ примѣненіи, представляетъ совершенное поглощеніе частныхъ интересовъ государственными, предъ которыми частныя лица являются совершенно безправными.

Меркантилизмъ имѣлъ представителей въ Англіи, Германіи, Италіи, Франціи, Россіи и пр. Слѣды его сохранились до настоящаго времени, не только въ ученіи протекціонистовъ, но и въ политико-экономическихъ изслѣдованіяхъ, расширяющихъ до крайности участіе государства въ дѣлахъ народнаго хозяйства.

Тѣмъ не менѣе, задолго до развитія идей свободы промышленности физіократами и Смитомъ явилась рѣчь Додлэ Норса о торговлѣ—North, Discourse upon trade, 1691. Норсъ, признавая солидарность всѣхъ народовъ, доказывалъ, что въ государствѣ не можетъ быть ни слишкомъ много, ни слишкомъ мало монеты, и былъ ревностнымъ поборникомъ неограниченной свободы промышленности.

Глава V.

Система физіократовъ [1]).

Физіократія представляетъ первую попытку обнять экономическія явленія, какъ одно цѣлое. Основателемъ

[1]) Источники: 1) Collection des économistes. Les Physiocrates, Oeuvres de Turgot. 2) Гейсмана. О сущности основного физіократическаго ученія. Кіевъ. 1849. 3) Kellner. Zur Geschichte des Physiocratismus. 1847. 4) Batbie. Turgot. 1861. Ср. подробную литературу у Рау и Кауца. Ученіе физіократовъ изложено въ общихъ сочиненіяхъ, указанныхъ въ предыдущей главѣ. Очень интересны статьи Дэра (Daire) въ Collection dés économistes. 5) Du Puynode. Etudes sur les principaux économistes 1868.

этого ученія былъ врачъ Людовика XV Франсуа Кенэ (Quesnay). Впрочемъ, идея физіократіи принадлежитъ не одному Кенэ, а его времени.

По ученію Кенэ, истолкованному Дюпонъ де-Немуромъ, физіократія обнимаетъ: знаніе *естественнаго права*, которое ограничивается тѣмъ, что человѣкъ пріобрѣтаетъ своимъ трудомъ; *естественнаго порядка*, т. е. устройства, даннаго Богомъ міру, и *естественныхъ законовъ*, на основаніи коихъ все совершается въ естественномъ порядкѣ и которые составляютъ основаніе положительнаго права. Отсюда три части въ ученіи Кенэ: Droit naturel—естественное право, Tableau économique—естественный порядокъ въ обществѣ, и Maximes générales du gouvernement économique—основанія положительнаго права, извлеченныя изъ знанія естественныхъ законовъ.

По ученію Кенэ, на сколько оно касается экономіи общества, одна природа производительна, или, какъ сказалъ Дюпонъ де Немуръ, въ письмѣ къ Сэ (Say) — одинъ Богъ творитъ (Dieu seul est producteur). Одно земледѣліе увеличиваетъ народное богатство, потому что оно не только возмѣщаетъ издержки, сдѣланныя на производство, но и даетъ чистый доходъ — produit net. Обрабатывающая промышленность, торговля, войско, чиновники, ученые, ничего не производятъ. Хотя фабричныя произведенія имѣютъ бо́льшую цѣнность, но это потому, что при обдѣлкѣ сырыхъ матеріаловъ потребляется цѣнность земледѣльческихъ произведеній.

Изъ этого основного положенія Кенэ вытекаетъ нижеслѣдующее:

1. Раздѣленіе всѣхъ жителей государства на три класса:

а) Земледѣльцевъ — классъ производительный, который дѣлаетъ первоначальныя и ежегодныя затраты (avances primitives и avances annuelles) и не только выручаетъ за-

траченное, но и получаетъ чистый доходъ (produit net), поступающій въ распоряженіе землевладѣльцевъ. Земледѣльцы отдаютъ, сверхъ того, часть сырыхъ произведеній за обработанные предметы непроизводительному классу.

б) Землевладѣльцевъ, которые получаетъ чистый доходъ и дѣлаютъ земельныя затраты на расчистку земли (avances foncières). Это классъ, которымъ общество можетъ располагать (classe disponible). Землевладѣльцы отдаютъ одну часть чистаго дохода за средства существованія — земледѣльческому классу, а другую часть за обработанное сырье—классу безплодному.

в) Классъ непроизводительный, безплодный—stérile—мануфактуристы, купцы, чиновники, ученые, войско и пр. Они получаютъ часть сырыхъ произведеній, для переработки, и средства существованія отъ класса производительнаго, и часть изъ чистаго дохода отъ землевладѣльческаго класса за обработанныя издѣлія.

Такимъ образомъ, съ раздѣленіемъ населенія на классы, совпадаетъ также и представленіе физіократовъ о распредѣленіи народнаго богатства.

2. Неограниченная свобода промышленности, выражаемая формулою — laissez faire, laissez passer. Свобода торговли, по мнѣнію физіократовъ, необходима для того, чтобы земледѣльческія произведенія имѣли выгодный сбытъ, и для того, чтобы соперничество понизило цѣну обработанныхъ продуктовъ. Не смотря на то, что физіократы являются поборниками неограниченной свободы промышленности, они требуютъ поощреній для земледѣлія, обработки земли въ большихъ размѣрахъ, содѣйствія со стороны государства устройству путей сообщенія, въ особенности же огражденія правъ собственности. (См. Кенэ—Maximes générales du gouvernement économique).

3. Единственная подать — съ землевладѣльцевъ. Такъ какъ одни землевладѣльцы получаютъ чистый доходъ, то

они должны уплачивать всѣ подати. Это даже въ интересѣ самихъ плательщиковъ, потому что подати, взимаемыя съ другихъ сословій, окончательно падаютъ на земледѣльцевъ, только съ наростаніемъ процентовъ, а падаютъ подати на земледѣльцевъ потому, что produit net составляетъ единственный источникъ, изъ котораго могутъ быть уплачены налоги.

Къ этимъ выводамъ изъ основного воззрѣнія физіократовъ на производство можно присоединить еще слѣдующія положенія:

а) Доходъ пропорціоналенъ цѣнности (telle est la valeur vénale, tel est le revenu); изобиліе, при низкой цѣнѣ, не есть богатство; голодъ, при дороговизнѣ, есть нищета; изобиліе, при высокой цѣнѣ, есть довольство.

б) Выгоды внѣшней торговли зависятъ не отъ количества привоза или вывоза денегъ, но отъ годности статей привоза и отпуска.

в) Государства должны избѣгать займовъ.

Основаніе заблужденій физіократовъ заключается въ ложномъ понятіи о производствѣ и богатствѣ. Производство состоитъ не въ созданіи вещества, которое существуетъ отъ вѣка, но въ переработкѣ вещества, въ примѣненіи его къ потребностямъ человѣка и въ оказаніи личныхъ услугъ. Производство есть дѣло не одной природы, но и человѣка, который видоизмѣняетъ, при помощи естественныхъ силъ и накопленнаго капитала, внутренній составъ и внѣшній видъ (форму) предметовъ, какъ въ земледѣліи, такъ и въ мануфактурахъ, и облегчаетъ личными услугами трудъ другихъ лицъ. Сэ очень удачно сравнилъ дѣйствіе природы въ земледѣліи съ дѣйствіемъ машинъ въ мануфактурахъ. Поэтому отнесеніе мануфактуристовъ къ классу безплодному, даже съ точки зрѣнія физіократовъ, не правильно.

Разсматривая богатство, какъ обиліе средствъ, служа-

щихъ для удовлетворенія потребностямъ, нельзя не замѣтить, что богатство, ни въ какомъ случаѣ, не можетъ состоять изъ однихъ произведеній земледѣлія.

Вмѣстѣ съ этимъ падаетъ и финансовый выводъ физіократовъ. Такъ какъ не одни землевладѣльцы получаютъ чистый доходъ, а всѣ лица, которыя съ избыткомъ выручаютъ издержки производства, то единственная подать съ землевладѣнія раззорила бы отрасль промышленности, которой физіократы приписывали наибольшую важность.

Неограниченная свобода промышленности — laissez faire, laissez passer, составляя крайнюю противоположность меркантильно-регламентарному направленію, много способствовала освобожденію частнаго интереса, стѣсненнаго корпоративно-привилегированнымъ устройствомъ промысловъ и ограниченіями внутренней и внѣшней торговли. Но одна свобода, предоставленная частнымъ интересамъ, не обезпечиваетъ еще наилучшаго порядка въ народномъ хозяйствѣ: частные интересы могутъ приходить въ столкновеніе, и сильный угнетать слабаго.

Идеалъ экономическаго устройства, по ученію физіократовъ, заключается въ государствѣ съ монархическимъ образомъ правленія, съ богатою аристократіею, цвѣтущимъ земледѣліемъ и благоденствующимъ земледѣльческимъ населеніемъ. «Бѣдны земледѣльцы — бѣдно государство; бѣдно государство—бѣденъ государь» [1]) — таково основное воззрѣніе физіократіи, поставляющей главною задачею государства охраненіе правъ собственности частныхъ лицъ, пользующихся разумною свободою. Эти идеи доставили физіократамъ послѣдователей и приверженцевъ между монархами и государственными людьми конца XVIII вѣка. Іосифъ II, Леопольдъ герцогъ Тосканскій, великій герцогъ Баденскій, министры — Помбаль, въ Португаліи,

[1]) Эпиграфъ къ Tableau économique. Pauvres paysans—pauvre royaume; pauvre royaume—pauvre souverain.

Тюрго во Франціи, явились ревностными поборниками новаго ученія. Физіократія, основанная Кенэ, образовала замкнутую школу. Послѣдователи Кенэ—Дюпонъ де-Немуръ, Мерсье де-ла-Ривьеръ, Бодо, Летронъ, Гурне, развивая ученіе основателя школы, расходились только въ частностяхъ. Одинъ Тюрго успѣлъ подвинуть политическую экономію впередъ. Его «Размышленія объ образованіи и распредѣленіи богатствъ» составляютъ первый систематическій трактатъ, который во многомъ напоминаетъ послѣдующую систему Адама Смита.

Глава VI.

Адамъ Смитъ и его послѣдователи.

I. Адамъ Смитъ [1]).

Въ сочиненіяхъ Тюрго, а также Норса, Юма, Верри и др. содержатся многія изъ положеній, развитыхъ Адамомъ Смитомъ; тѣмъ не менѣе, за Смитомъ остается честь основателя науки политической экономіи.

Адамъ Смитъ родился въ Шотландіи и пріобрѣлъ извѣстность, какъ профессоръ Эдинбургскаго университета и какъ авторъ «Теоріи нравственныхъ чувствъ». Въ 1763 г. онъ оставилъ университетъ и отправился съ герцогомъ Боклю во Францію, гдѣ онъ сблизился съ физіократами. Возвратясь въ Шотландію, Смитъ издалъ въ 1776 году — «Изслѣдованія о существѣ и причинахъ богатства народовъ», которыя доставили ему громкую славу.

[1]) Источники: Smith, Adam. Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. 1776. Есть переводъ русскій подъ редакціею г. Бибикова. Лучшій изъ переводовъ, хотя и не вполнѣ точный, Гарнье, пересмотрѣнный Бланки въ Collection des économistes. См. оцѣнку Смита у Бруно Гильдебранда и Дю-Пюйнода въ Etudes sur les principaux économistes. Цѣхановецкій. Значеніе А. Смита. Кіевъ. 1859 г.

Подробный перечень послѣдователей Смита—у Рау, Кауда и др.

Сочиненіе Смита состоитъ изъ введенія и пяти книгъ.

Въ введеніи излагается планъ цѣлаго труда и основное положеніе, выраженное слѣдующими словами: «ежегодный трудъ народа есть первоначальный источникъ, который доставляетъ человѣку всѣ вещи, необходимыя и служащія къ удобствамъ жизни. Эти вещи или непосредственно производятся трудомъ, или покупаются у другихъ народовъ произведеніями труда». Такимъ образомъ, Смитъ подъ богатствомъ разумѣетъ совокупность вещественныхъ средствъ, служащихъ для удовлетворенія потребностямъ человѣка, а источникомъ богатства считаетъ трудъ человѣка. Увеличеніе богатства, по Смиту, зависитъ отъ количества труда, употребляемаго на производство, и отъ искусства, ловкости и умѣнія, пріобрѣтаемыхъ работниками при раздѣленіи труда.

Первую книгу Смитъ начинаетъ главою о раздѣленіи труда; отъ раздѣленія труда онъ переходитъ къ мѣнѣ, которую считаетъ слѣдствіемъ склонности человѣка къ мѣновымъ сдѣлкамъ. При мѣнѣ необходимо опредѣлить цѣнность промѣниваемаго. Отличая (value in use отъ value in exchange) годность отъ цѣнности, Смитъ поставляетъ своею задачею опредѣлить: а) истинное мѣрило мѣновой цѣнности, или *дѣйствительную* цѣну товаровъ; б) составныя части дѣйствительной цѣны; в) причины, которыя возвышаютъ или понижаютъ одну или всѣ составныя части цѣны дѣйствительной противъ естественной.

Такъ какъ всѣ произведенія пріобрѣтаются трудомъ, то цѣнность вещи для ея владѣльца равняется количеству труда, которое можетъ быть куплено этимъ произведеніемъ. Дѣйствительная цѣна каждаго произведенія, или то, что стоитъ каждая вещь, желающему ее имѣть, это трудъ, который онъ долженъ употреблять на ея пріобрѣтеніе. То, что дѣйствительно стоитъ вещь лицу, пріобрѣвшему ее или располагающему ею, или желающему

обмѣнять ее на другой предметъ—это трудъ, отъ котораго она можетъ избавить означенное лицо, или который она позволяетъ наложить на другихъ лицъ. То, что покупается на деньги или на товары, покупается трудомъ, точно такъ же, какъ и то, что пріобрѣтается нами въ потѣ лица нашего. Трудъ былъ первою цѣною, монетою, уплачиваемою за всѣ вещи.

Отъ этихъ изслѣдованій Смитъ переходитъ къ разсмотрѣнію составныхъ частей дѣйствительной цѣны.

Вначалѣ, говоритъ Смитъ, произведенія труда исключительно принадлежали работнику; но, послѣ образованія земельной собственности и появленія капиталовъ, дѣйствительная цѣна распалась на три части. Изъ вознагражденія труда сдѣланы были два вычета: ренты, платимой землевладѣльцу за пользованіе землею, и прибыли, платимой капиталисту за пользованіе капиталомъ. Такимъ образомъ, явились три составныя части дѣйствительной цѣны: заработная плата, рента и прибыль (три отрасли доходовъ); трудъ остался, однакоже, общимъ для нихъ мѣриломъ.

Въ каждой мѣстности есть средняя величина для заработной платы, ренты и прибыли; изъ этихъ среднихъ величинъ слагается *естественная* цѣна произведеній, которую Смитъ противуполагаетъ *рыночной*, опредѣляемой отношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ. Колеблющіяся рыночныя цѣны произведеній находятъ въ естественной цѣнѣ средоточіе, центръ, къ которому онѣ тяготѣютъ.

Цѣна, установляемая соперничествомъ, выражается деньгами, но монета не составляетъ вѣрнаго мѣрила цѣнъ. Денежная цѣна, или цѣна нарицательная, подвержена измѣненіямъ, происходящимъ отъ колебанія цѣнности не только произведеній, но и денегъ, въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго періода времени. Практическимъ потребностямъ наиболѣе удовлетворяетъ денежная оцѣнка,

потому что оцѣнка трудомъ представляетъ большія трудности, а другія произведенія не удобны для выраженія цѣнности произведеній (хлѣбъ годенъ лишь для сравненія цѣнъ за продолжительные періоды времени).

Наконецъ Смитъ переходитъ къ разсмотрѣнію причинъ, отъ которыхъ зависятъ измѣненія составныхъ частей дѣйствительной цѣны, говоря иначе — доходовъ.

При естественномъ ходѣ вещей, при свободѣ промышленности, заработная плата соразмѣрялась бы съ трудностью работы, временемъ, необходимымъ для изученія ремесла, съ довѣріемъ, которымъ должны пользоваться лица, занимающіяся извѣстнымъ промысломъ (повѣренные, медики и пр.), и установлялись бы болѣе или менѣе равномѣрные проценты въ разныхъ отрасляхъ занятій. Далѣе Смитъ находитъ, что заработная плата низка при неразвитости, упадкѣ, застоѣ промышленности и велика при быстро развивающемся богатствѣ; а прибыль высока у народовъ отсталыхъ, или же быстро идущихъ впередъ, и низка, при неподвижности народнаго богатства, достигшаго значительнаго развитія.

Соразмѣрность заработной платы и прибыли, въ разныхъ отрасляхъ хозяйства, нарушается устройствомъ привилегированныхъ промышленныхъ корпорацій, цеховъ и административными распоряженіями, стѣсняющими свободу передвиженія труда и капитала—выборъ занятій и затратъ.

Ученіе Смита о земельной рентѣ довольно сбивчиво. Онъ полагаетъ, что рента есть результатъ установившихся цѣнъ. По его словамъ, спросъ на одни произведенія такъ силенъ, что они всегда даютъ ренту; на другія спросъ менѣе силенъ, и они иногда даютъ, а иногда не даютъ ренты. Засимъ, говоря о рентѣ, доставляемой хлѣбопашествомъ, Смитъ приписываетъ ея происхожденіе тому, что земля даетъ не только средства для прокормленія земледѣльцевъ, но еще избытокъ, который и составляетъ

ренту. Наконецъ, въ горной промышленности, въ каменноугольныхъ копяхъ, по мнѣнію Смита, рента установляется подъ вліяніемъ мѣстоположенія и богатства копей, а въ рудникахъ—подъ вліяніемъ богатства руды, причемъ рента опредѣляется цѣнами произведеній самыхъ богатыхъ мѣстодобываній металловъ и минераловъ.

Въ заключеніе Смитъ разсматриваетъ отношенія между тремя отраслями доходовъ. По его мнѣнію, рента и заработная плата возрастаютъ, при успѣвающемъ состояніи промышленности; заработная плата бываетъ низка, при неизмѣняющемся состояніи и при упадкѣ промышленности; прибыль падаетъ, при изобиліи капиталовъ и цвѣтущемъ состояніи народнаго хозяйства, но растетъ, при бѣдности капиталовъ, при упадкѣ промышленности, а въ новыхъ странахъ, при сильномъ требованіи на капиталы.

По общему правилу, замѣчаетъ Смитъ, успѣхи народнаго богатства возвышаютъ ренту и абсолютно, и относительно другихъ доходовъ; при этомъ заработная плата растетъ, но очень медленно, а прибыль падаетъ. Итакъ, въ успѣхахъ народнаго богатства заинтересованы землевладѣльцы и рабочій классъ, но не капиталисты.

Во второй книгѣ Смитъ говоритъ о капиталѣ, о деньгахъ, о кредитныхъ орудіяхъ обращенія и о банкахъ; при семъ онъ полагаетъ, что банковые билеты должны быть выпускаемы крупнаго достоинства и служить для замѣна купеческихъ капиталовъ, праздно лежащихъ въ кассахъ.

Въ третьей книгѣ Смитъ излагаетъ естественный порядокъ, которому, по его мнѣнію, должно бы слѣдовать развитіе народнаго богатства, и противуполагаетъ таковой порядку, въ которомъ богатство развивалось на Западѣ Европы, гдѣ появленіе обрабатывающей промышленности не было слѣдствіемъ накопленія капиталовъ въ земледѣліи, а, наоборотъ, накопленіе капиталовъ и развитіе обрабатывающей промышленности въ городахъ вызвали

успѣхи земледѣлія. Это часть историческая съ изложеніемъ экономическихъ причинъ паденія феодализма.

Въ четвертой книгѣ Смитъ разбираетъ систему меркантильную, вызванныя ею учрежденія и предпріятія — колоніальную политику, торговыя компаніи и пр., а затѣмъ переходитъ къ системѣ физіократовъ. Критика меркантилизма отличается большою силою логики и рѣзкостью, критика физіократіи — слаба; очевидно, Смитъ находился самъ подъ вліяніемъ этого ученія.

Въ четвертой книгѣ, а также въ первой книгѣ въ отдѣлахъ о заработной платѣ и о прибыли, Смитъ развиваетъ свое воззрѣніе на экономическій порядокъ. Частный интересъ и свобода промышленности составляютъ, по Смиту, основу нормальныхъ хозяйственныхъ связей. Каждый человѣкъ, трудясь для себя, занимаясь извѣстнымъ родомъ дѣлъ, получаетъ наиболѣе выгодъ только тогда, когда произведенія его наиболѣе полезны или необходимы для общества, слѣдовательно, когда они наиболѣе цѣнятся другими людьми. Чѣмъ болѣе выгодъ получаетъ частное лицо отъ своего труда, тѣмъ болѣе оно будетъ трудиться и производить. Поэтому дѣятельность каждаго лица, подчиненная вліянію его личнаго интереса, ничѣмъ не стѣсненная въ своемъ проявленіи, будетъ самою плодотворною и для производителя, и для потребителя, и для цѣлаго общества. Экономическія отношенія, установляющіяся при свободномъ обнаруженіи частныхъ интересовъ, образуютъ естественный порядокъ вещей.

Пятая книга посвящена финансамъ. Здѣсь Смитъ говоритъ о доходахъ, расходахъ и о кредитѣ государства. Въ статьѣ о доходахъ, къ которымъ авторъ относитъ въ особенности подати, высказаны слѣдующія положенія:

1) подати должны быть соразмѣрны съ доходами и облагать равномѣрно разныя отрасли послѣднихъ; 2) подати должны быть опредѣленны, т. е. время, способъ и

количество платежа должны быть извѣстны всѣмъ и каждому; 3) время и образъ взиманія податей должны быть какъ можно болѣе удобны для плательщиковъ; 4) каждая подать должна быть взимаема съ возможно меньшими издержками и потерями, а собранныя деньги должны какъ можно менѣе времени оставаться праздными.

Въ отдѣлѣ о государственныхъ расходахъ Смитъ подробно говоритъ объ устройствѣ военныхъ силъ, юстиціи, народнаго образованія и пр. Въ этихъ изслѣдованіяхъ заключается богатый историческій матеріалъ съ остроумною критикою, какъ прежнихъ, такъ и существовавшихъ во время Смита учрежденій. Въ финансахъ авторъ старается, по возможности, отвести какъ можно болѣе мѣста частной дѣятельности и частной предпріимчивости при удовлетвореніи потребностямъ государственнымъ. Такъ, напр., по его мнѣнію, учрежденіе среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній слѣдовало бы предоставить частнымъ лицамъ, и одни лишь начальныя училища должны быть предметомъ государственныхъ заботъ. При этомъ нельзя не замѣтить, что въ XVIII вѣкѣ въ Англіи правительство ничего не расходовало на народныя школы.

Въ сочиненіи Адама Смита политическая экономія сдѣлала большой шагъ впередъ. Его «Изслѣдованія» представляютъ полное, связное изложеніе науки, замѣчательное по естественной послѣдовательности, по глубокому анализу, по ѣдкой, остроумной критикѣ и по необыкновенному богатству фактовъ. Смитъ первый выяснилъ значеніе человѣческаго труда въ народномъ хозяйствѣ, освѣтилъ нѣкоторыя изъ существенныхъ сторонъ раздѣленія труда, и указалъ на зависимость цѣнности отъ труда. Равнымъ образомъ законъ соперничества и теорія доходовъ изложены Смитомъ съ несравненно большею опредѣлительностію, чѣмъ его предшественниками. Но главная заслуга знаменитаго экономиста состоитъ въ томъ, что онъ

подорвалъ авторитетъ меркантильной школы и, проводя начало свободы промышленности, принялъ за исходную точку *не интересы извѣстнаго класса населенія, но благо всѣхъ и каждаго.* Въ этомъ отношеніи ученіе Смита, развивая далѣе начало laissez faire, laissez aller и придавая ему болѣе раціональную основу, имѣло огромное вліяніе на мѣры государственнаго благоустройства. Наконецъ, за Смитомъ остается неоспоримая заслуга первой ученой обработки науки финансовъ.

Указавъ на достоинства, необходимо коснуться и недостатковъ книги Смита. Его взглядъ на трудъ, какъ на единственную производительную силу, какъ на дѣйствительную цѣну произведеній—не вѣренъ. Производительность свойственна не одному труду, но также природѣ и капиталу. Самъ Смитъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «Изслѣдованій» отступаетъ отъ своего основного положенія и говоритъ: «ежегодныя произведенія земли и труда». Равнымъ образомъ, цѣна произведеній не опредѣляется исключительно ни количествомъ труда, которое можетъ быть куплено ими, ни тѣмъ, которое необходимо для ихъ производства — она установляется отношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ, подъ вліяніемъ соперничества между спрашивающими и предлагающими. Спросъ и предложеніе, соперничество, какъ между спрашивающими, такъ и предлагающими, зависятъ отъ разнообразныхъ причинъ, между прочимъ, отъ хозяйственнаго устройства общества и связей между производителями, потребителями и посредниками между тѣми и другими. Нельзя сказать также, чтобы образованіе земельной собственности и накопленіе капиталовъ уменьшали необходимо вознагражденіе работника, напротивъ, заработная плата можетъ расти вмѣстѣ съ капиталомъ и распространеніемъ собственности, потому что капиталъ и собственность сообщаютъ труду большую производительность и облегчаютъ для него пользованіе

даровыми силами природы. Мысли Смита о рентѣ довольно шатки, какъ это видно изъ изложенія его ученія объ этомъ предметѣ, хотя неоспоримо, что теорія ренты взята имъ изъ самой жизни. Отсутствіе одного общаго вывода объясняется тѣмъ, что Смитъ не совладалъ съ обобщеніемъ изслѣдованныхъ имъ фактовъ, а представилъ только разъясненіе частныхъ случаевъ, возникавшихъ при условіяхъ, которыя не могутъ быть признаны постоянными. Отношеніе между разными доходами: заработною платою, прибылью и рентою, при ошибочномъ воззрѣніи на заработную плату, также не выдерживаетъ критики. Переходя за симъ къ взлядамъ Смита на экономическое устройство общества, нельзя сказать, чтобы Смитъ, во всѣхъ случаяхъ, былъ вѣренъ началу безусловной свободы промышленности (въ особенности въ отдѣлахъ о земледѣльческой промышленности и о банкахъ). Наконецъ, принимая свободное обнаруженіе частныхъ интересовъ за основу естественнаго порядка, Смитъ не всегда даетъ надлежащее значеніе историческому развитію хозяйственныхъ отношеній и не всегда правильно смотритъ на законы и учрежденія, опредѣляющіе нормы хозяйственнаго порядка. Хотя историческій элементъ занимаетъ у Смита выдающееся мѣсто, но вездѣ историческому развитію Смитъ противуполагаетъ свой идеальный, естественный ходъ вещей.

2. Послѣдователи Адама Смита [1]).

Сочиненіе Адама Смита положило основаніе экономической школѣ, которая развивала ученіе свободы промышленности и частнаго интереса.

---

[1]) Источники: 1) Malthus. Essay on the principle of population. Первое изданіе—1798, второе—1803; 2) Его же Principles of political economy. 1820; 3) Ricardo. Principles of political economy and taxation. 1817; 4) Mac-Culloch. Principles of political economy — 1825 (первое изданіе); 5) Nassau Senior. Outlines of Political economy 1836 (первое изданіе). Первыя 4 сочиненія помѣщены во французскомъ переводѣ въ Collection des économistes.

Въ Англіи представители Смитова направленія—Мальтусъ, Рикардо, Мак-Колохъ и Синіоръ сообщили наукѣ отвлеченный, дедуктивный характеръ (въ особенности Рикардо), подвергая при этомъ критической оцѣнкѣ нѣкоторыя изъ положеній Смита, въ особенности относящіяся къ теоріи цѣнности и доходовъ. Независимо отъ этого, англійскіе экономисты разрабатывали спеціальные предметы: Мальтусъ—начало населенія, Рикардо—банковый вопросъ.

Мальтусъ пріобрѣлъ громкую извѣстность своимъ «Опытомъ о началѣ населенія». «Начала политической экономіи» заслуживаютъ полнаго вниманія, какъ разностороннее изслѣдованіе закона спроса и предложенія и примѣненія его къ объясненію явленій цѣнности.

Въ Опытѣ о началѣ населенія Мальтусъ ставитъ два вопроса, отъ которыхъ, по его мнѣнію, зависитъ развитіе общества.

Во 1) какія причины останавливаютъ преуспѣяніе человѣка, или возрастаніе его счастія?

Во 2) какъ велика вѣроятность полнаго или частнаго устраненія причинъ, препятствующихъ такому преуспѣянію.

Къ числу причинъ, останавливающихъ преуспѣяніе человѣка, относится, по Мальтусу, стремленіе людей къ размноженію. Если размноженіе не встрѣчаетъ препятствій, то населеніе можетъ удваиваться чрезъ каждые 25 лѣтъ. Что же касается средствъ существованія, то они, по мнѣнію автора, могутъ увеличиваться черезъ каждыя 25 лѣтъ не болѣе, какъ на одно и то же количество. Такимъ образомъ, населеніе стремится къ возрастанію въ геометрической прогрессіи, а средства существованія могутъ возрастать въ прогрессіи ариѳметической. Въ 25 лѣтніе періоды стремленіе населенія къ увеличенію выразится цифрами: 1, 2, 4, 8, 16, 32 и проч., а возможное возрастаніе средствъ существованія выразится цифрами: 1, 2, 3, 4, 5, 6 и проч.

Равновѣсіе между возрастаніемъ населенія и средствами

существованія достигается дѣйствіемъ причинъ или предупреждающихъ размноженіе населенія (preventive check), или уничтожающихъ населеніе существующее (positive check).

Къ первымъ относятся нравственное воздержаніе (moral restraint) и безпорядочныя половыя сношенія; ко вторымъ: тяжелыя и нездоровыя работы, бѣдность, дурная пища, нездоровый воздухъ, болѣзни, война и голодъ.

Изъ всѣхъ исчисленныхъ причинъ одна—нравственное воздержаніе при вступленіи въ болѣе поздній бракъ—хотя и налагаетъ лишеніе, но совмѣстна съ достоинствомъ человѣка, который долженъ подчиниться ей, какъ дѣятель нравственный. Отъ этихъ общихъ воззрѣній, Мальтусъ переходитъ къ фактической части, въ которой онъ излагаетъ дѣйствія причинъ, препятствующихъ размноженію населенія, какъ у народовъ не цивилизованныхъ и въ минувшія времена, такъ и у народовъ цивилизованныхъ въ современной Европѣ.

Изобразивъ рукою мастера картину порока, нищеты и страданій, сопровождающихъ недостаточность средствъ существованія, Мальтусъ обращается къ разсмотрѣнію системъ и учрежденій, которыя сулили человѣку счастіе подъ условіемъ ихъ осуществленія. По словамъ Мальтуса, благосостояніе, которое обѣщали системы Валласа, Кондорсэ и Годвина, оказывается неосуществимымъ, въ виду стремленія населенія къ возрастанію въ геометрической прогрессіи; эмиграція, или выселеніе, составляетъ палліативное средство; законы о бѣдныхъ (въ Англіи), которымъ Мальтусъ посвящаетъ подробное изслѣдованіе, безсильны, потому что они не могутъ увеличить капиталовъ и средствъ существованія—они берутъ у однихъ то, что даютъ другимъ; наконецъ, изъ системъ народнаго хозяйства—земледѣльческой, торговой и смѣшанной, только послѣдняя болѣе благопріятна, но и она не можетъ оказать дѣйствительной помощи.

Все это приводитъ Мальтуса къ заключенію, что одно лишь нравственное воздержаніе (при болѣе позднемъ бракѣ) можетъ увеличить и сумму нравственныхъ наслажденій человѣка, и его благосостояніе,—поставляя то и другое въ зависимости отъ вліянія *частнаго интереса* на благо цѣлаго, отъ воли частныхъ лицъ,—а этимъ путемъ достигается всякое совершенствованіе. Сознавъ эту истину, населеніе увидѣло бы, что причина страданія заключается въ немъ самомъ, и не зависитъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ.

Благосостоянію могутъ способствовать прежде всего образованіе, распространеніе частной собственности, рождающей привычки труда и бережливости, и устройство сберегательныхъ кассъ. Благотворительность необходима, но она должна быть частною, неоффиціальною и имѣть нравственный характеръ. Система общественной благотворительности, установленная въ Англіи законами о бѣдныхъ, находитъ въ Мальтусѣ безусловнаго порицателя.

Теорія населенія Мальтуса нашла восторженныхъ послѣдователей и ожесточенныхъ противниковъ. Она сохранила свое значеніе и доселѣ; но всѣ попытки или оправдать формулу двухъ прогрессій—возрастанія населенія и средствъ существованія—или предложить ее въ исправленномъ видѣ, остались безплодными, такъ какъ онѣ не могли быть основаны на точныхъ статистическихъ трудахъ. Опытъ Мальтуса имѣетъ цѣну и въ настоящее время, какъ первое изслѣдованіе о томъ, насколько благосостояніе зависитъ отъ возрастанія населенія и условій производства, а также какъ основательная и добросовѣстная критика учрежденій, которыми полагали отвратить нищету.

Рикардо прославился теоріею ренты (земельнаго дохода), и только въ недавнее время обращено бо́льшее вниманіе на его ученіе о цѣнности.—Между тѣмъ какъ Смитъ, разсматривая цѣнность съ двухъ точекъ зрѣнія, опредѣ-

лялъ дѣйствительную цѣну вещи для желающаго ее пріобрѣсть—количествомъ труда, употребленнаго на ея производство, а для желающаго ее обмѣнять—количествомъ труда, которое можетъ быть ею куплено. и между тѣмъ какъ Мальтусъ это послѣднее количество труда считалъ дѣйствительнымъ мѣриломъ цѣнности, Рикардо доказывалъ, что цѣнность зависитъ прежде всего отъ количества труда, употребленнаго на производство, а затѣмъ выводилъ всю теорію доходовъ изъ теоріи дохода земельнаго (ренты).—Пока всѣ лучшія земли въ странѣ не будутъ заняты, говорилъ онъ, до тѣхъ поръ не можетъ быть ренты; рента появляется, когда приходится обратиться къ воздѣлыванію земель худшаго качества (2-го разряда), или употребить болѣе капитала, но безъ пропорціональнаго возрастанія количества произведеній. Тогда какъ хлѣбъ, полученный на землѣ 2-го разряда, съ бо́льшими издержками, будетъ только оплачивать ихъ, хлѣбъ, собранный на землѣ 1-го разряда, произведенный меньшимъ количествомъ труда, не только оплатитъ расходы, но дастъ излишекъ, который образуетъ ренту. Такимъ образомъ рента, какъ говорилъ и Смитъ, есть результатъ цѣнъ; она не входитъ въ составъ издержекъ производства. Съ появленіемъ ренты, съ увеличеніемъ количества труда, потребнаго для производства даннаго количества произведеній, положеніе рабочихъ классовъ нисколько не улучшится—они получатъ только средства, необходимыя для существованія; но такъ какъ потребуется болѣе труда, а слѣдовательно и средствъ для содержанія рабочихъ, то доля, идущая на вознагражденіе рабочихъ, увеличится, а прибыль—вторая составная часть издержекъ производства—уменьшится.

Эти основныя мысли ученія Рикардо относительно доходовъ теряютъ свой абсолютный характеръ вслѣдствіе того, что, по мнѣнію автора, цѣнность зависитъ также

отъ участія болѣе или менѣе долговѣчныхъ капиталовъ въ производствѣ (чѣмъ долговѣчнѣе капиталъ, тѣмъ цѣнность становится ниже, потому что на воспроизведеніе капитала требуется менѣе труда), и что рента зависитъ отъ свойства улучшеній въ земледѣліи, которыя могутъ сдѣлать излишними или обработку худшихъ земель, или затрату бо́льшаго капитала для увеличенія производства, а слѣдовательно должны уменьшить ренту.

Теорія ренты Рикардо, составляющая краеугольное основаніе всей его системы, несмотря на свой отвлеченный характеръ, въ значительной степени отражаетъ на себѣ экономическое положеніе Англіи въ началѣ настоящаго столѣтія, въ эпоху наполеоновскихъ войнъ, когда высокія цѣны на хлѣбъ заставляли думать о воздѣлываніи худшихъ земель, а благосостояніе населенія находилось въ положеніи застоя; но эта дѣйствительность только отражается въ гипотезахъ автора, и не составляетъ сознаннаго ихъ основанія. Отвлеченныя изслѣдованія Рикардо не подкрѣпляются фактическою провѣркою развиваемыхъ имъ положеній. Вмѣсто фактовъ у него почти всегда вымышленные примѣры, вмѣсто научно-добытыхъ истинъ — предположенія. Эти пріемы, въ связи съ необыкновенною силою ума, при анализѣ допускаемыхъ гипотезъ, объясняютъ, почему на Рикардо смотрятъ, какъ на своего учителя, и фаталистическая англійская школа (какъ называетъ Кэри послѣдователей Рикардо въ Англіи), и неосоціалисты, принадлежащіе къ послѣдователямъ Лассаля и Маркса (хотя самъ Марксъ положеній Рикардо не признаетъ). Первые видятъ въ его ученіи теорію необходимаго естественнаго порядка, существующаго въ народномъ хозяйствѣ; вторые — провозглашеніе началъ, осуждающихъ этотъ порядокъ. Уже поэтому изученіе Рикардо имѣетъ капитальное значеніе, независимо отъ того, что его теорія цѣнности и доходовъ,

въ особенности ренты, вызываетъ вопросы, разрѣшеніе которыхъ еще принадлежитъ будущему.

Во Франціи послѣдователи Смита принадлежатъ къ числу популяризаторовъ этого ученія. Между ними первое мѣсто занимаетъ Сэ (Jean Baptiste Say)—авторъ «Полнаго курса практической политической экономіи» (Cours complet d'économie politique pratique). Сэ поставляетъ задачею политической экономіи изложеніе законовъ производства, распредѣленія и потребленія богатства и сообразно съ этимъ подраздѣляетъ науку на главные отдѣлы. На ряду съ этимъ взглядомъ онъ высказываетъ другой, по которому политическая экономія должна быть общественною физіологіею и обнять всю общественную систему. Сэ, принадлежа къ числу блестящихъ представителей началъ свободы промышленности, имѣлъ неоспоримое вліяніе на распространеніе послѣднихъ. Бланки (Blanqui), извѣстный болѣе своею «Исторіею политической экономіи», чѣмъ двумя курсами; Росси (Rossi), одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ эклектиковъ Смитовой школы, авторъ курса, читаннаго имъ въ Collège de France; М. Шевалье (Michel Chevalier), преподававшій политическую экономію послѣ Росси (въ лекціяхъ его наиболѣе самостоятельнымъ образомъ обработаны отдѣлы о желѣзныхъ дорогахъ и о монетѣ), безспорно имѣли значеніе для своего времени.

Въ Германіи къ произведеніямъ послѣдователей Смита относится отчасти учебникъ Рау, пользовавшійся европейскою извѣстностью (Lehrbuch der polit. Oeconomie).

Школа Смита имѣла также своихъ представителей въ Италіи (Gioja, Scialoja), Польшѣ (Scarbec) и Россіи (Шторхъ, Storch—Cours, Тургеневъ, И., авторъ Опыта теоріи налоговъ).

Такимъ образомъ Смитъ, и въ своемъ отечествѣ, и во всей образованной Европѣ, образовалъ цѣлую школу экономистовъ, проникнутыхъ его ученіемъ. Правда, немногіе изъ его послѣдователей дѣйствительно подвинули науку

впередъ; но за то ихъ ученые труды, а отчасти ихъ преподавательская дѣятельность имѣли сильное вліяніе на кономическія преобразованія, которыми въ особенности ознаменовалась первая половина XIX столѣтія. Преобразованія эти, въ духѣ ученія свободы промышленности, отличались особымъ характеромъ. Смитъ не предлагалъ готоваго хозяйственнаго устройства; его цѣль — освобожденіе народнаго хозяйства отъ монополій и стѣсненій; поэтому реформы, внушенныя началами его системы, требовали изученія дѣйствительности, сознанія обществомъ ихъ необходимости и строгой осмотрительности со стороны самихъ преобразователей. Почти всѣ важнѣйшія европейскія государства могутъ указать на дѣятелей, воспитанныхъ школою Смита: Россія можетъ назвать Сперанскаго и графа Гурьева, Германія—Штейна, Франція — де Мольена; но нигдѣ не была въ такой степени подготовлена почва для реформъ въ духѣ ученія Адама Смита, какъ въ Англіи, которая представляетъ рядъ замѣчательныхъ государственныхъ дѣятелей отъ Гэскиссона до Гладстона. Гэскиссонъ (1824—1830 г.) первый начинаетъ съ рѣшимостью отстаивать свободу промышленности. Англія обязана ему отмѣною законовъ, запрещавшихъ союзы рабочихъ, вывозъ машинъ и благородныхъ металловъ, реформою законовъ о мореплаваніи и тарифовъ въ духѣ свободы торговли. За Гэскиссономъ слѣдуетъ сэръ Робертъ Пиль, вступившій на министерское поприще 22 лѣтъ отъ роду (1809), въ качествѣ товарища министра внутреннихъ дѣлъ. Независимо отъ участія, принятаго имъ во многихъ первостепенныхъ законодательныхъ мѣрахъ—въ устройствѣ полиціи, въ преобразованіяхъ уголовныхъ законовъ и банковой системы (возобновленіе металлическихъ платежей 1819 и актъ 1844 г.), въ эмансипаціи католиковъ (1829), Пиль, въ 1845 году, провелъ свободный таможенный тарифъ, а въ 1846 году (пользуясь дороговизною хлѣба и движеніемъ,

возбужденнымъ лигою противъ хлѣбныхъ законовъ, во главѣ которой стоялъ Ричардъ Кобденъ) отмѣну хлѣбныхъ законовъ, т. е. таможенныхъ пошлинъ на хлѣбъ, которыя доставляли англійской аристократіи монополію на внутреннемъ рынкѣ. Дѣло Пиля продолжали Чарльзъ Вудъ (отмѣна навигаціоннаго акта) и въ особенности Гладстонъ, довершившій либеральное преобразованіе таможеннаго тарифа.

Глава VII.

Противники Адама Смита.

Система Смита нашла возражателей вскорѣ послѣ своего появленія. Полемика противъ свободы промышленности, неограниченнаго соперничества и преобладанія частныхъ интересовъ становится болѣе оживленною только съ конца 2-го десятилѣтія XIX вѣка.—Къ числу наиболѣе серіозныхъ противниковъ Смита слѣдуетъ отнести Сисмонди и Листа.

1. Сисмонди [1]).

Первый трудъ этого писателя «О коммерческомъ богатствѣ» представляетъ развитіе понятій господствующей школы; въ своихъ позднѣйшихъ произведеніяхъ—въ «Новыхъ началахъ политической экономіи» и въ «Изслѣдованіяхъ (Etudes) по политической экономіи». — Сисмонди вступаетъ на новый путь.

По его мнѣнію, взглядъ экономистовъ (школы Смита) на политическую экономію и на богатство не вѣренъ; они видѣли въ наукѣ одну теорію богатства или его умноженія и отдѣляли, такимъ образомъ, богатство отъ чело-

[1]) Источники: Simonde de Sismondi — 1) De la richesse commerciale. 1803; 2) Nouveaux principes d'économie politique 1819; 3) Etudes sur l'économie politique. 1836—1838.

вѣка, между тѣмъ какъ задача науки состоитъ въ томъ, чтобы примѣнить правила хозяйства домашняго къ общественному.

Забывая, что богатство создается для человѣка, экономисты, говоритъ Сисмонди, не замѣчали, что производство можетъ быть чрезмѣрнымъ, что среди борьбы отдѣльныхъ соперничествующихъ интересовъ поглощаются малыя промышленныя предпріятія большими, уменьшаются и доходы частныхъ лицъ, и запасы въ частныхъ хозяйствахъ.

Эти мысли Сисмонди развиваетъ слѣдующимъ образомъ.

По прекращеніи наполеоновскихъ войнъ, весь трудъ, всѣ капиталы, занятые войною, устремились въ промышленныя предпріятія. Шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ труда было слишкомъ мало; предложеніе рабочихъ рукъ и капитала не могло удовлетворить существующему спросу; были бѣдные, но каждый былъ увѣренъ въ возможности пріобрѣтенія средствъ для своего существованія. Теперь же, когда всѣ хозяйственныя силы обратились къ промышленности, когда, при помощи науки и машинъ, человѣкъ удесятерилъ свое производство—каждый городъ, каждое государство переполнены произведеніями, и пора предложить себѣ вопросъ: не время ли остановиться, не имѣемъ ли мы слишкомъ много произведеній? Экономисты отрицаютъ это—они говорятъ, что потребности безграничны, что производство, создавая новые предметы мѣны, вызываетъ потребленіе, потому что «произведенія покупаются произведеніями»; но все, что произведено и не можетъ быть потреблено—излишне и составляетъ потерю для народа.

Отдѣльный человѣкъ перестаетъ трудиться и предпочитаетъ отдыхъ труду, когда удовлетвореніе его нуждъ обезпечено; въ обществѣ—каждый, преслѣдуя свою личную цѣль, теряетъ изъ виду интересъ общественный и не соразмѣряетъ своего производства съ потребностями другихъ. Повинуясь своему частному интересу, каждый, при помощи

соперничества, старается одолѣть своихъ противниковъ, производя съ меньшими издержками и замѣняя рабочія руки машинами въ большихъ предпріятіяхъ, убивающихъ предпріятія меньшаго размѣра. Вслѣдствіе этого доходы рабочихъ классовъ уменьшаются, и бѣднѣйшія сословія должны довольствоваться сначала хлѣбомъ вмѣсто мяса, а потомъ картофелемъ вмѣсто хлѣба; капитальная прибыль дѣлается невѣрною, мелкая промышленность и хозяйственная самостоятельность бѣднѣйшихъ сословій исчезаютъ. Такимъ образомъ, доходы становятся недостаточными для потребленія произведенныхъ богатствъ.

Между тѣмъ, по мѣрѣ того, какъ по господствующимъ понятіямъ общество обогащается, запасные капиталы уменьшаются. Процессъ производства ускоряется, и запасы произведеній въ складахъ или лавкахъ приносятъ убытокъ, потому что прибыль условливается быстротою сбыта.

Въ своихъ Etudes sur l'économie politique Сисмонди изображаетъ съ замѣчательнымъ мастерствомъ современное ему положеніе земледѣлія, обрабатывающей промышленности, торговли и кредита, останавливаясь съ любовью на довольно рѣдкихъ формахъ хозяйства, въ которыхъ выгоды хозяина—собственника, капиталиста и мастера совпадаютъ съ интересами земледѣльца, арендатора и рабочаго. Не чуждаясь при этомъ нѣкоторой идеализаціи, Сисмонди противупоставляетъ свѣтлымъ явленіямъ—ужасающее зрѣлище господствующей нищеты и человѣческаго приниженія среди земледѣльцевъ римской Кампаніи и Ирландіи, среди рабочихъ на крупныхъ фабрикахъ, среди общаго упадка домашнихъ ремеслъ и опустошающихъ Западную Европу торговыхъ и кредитныхъ кризисовъ.

Возставая противъ свободы промышленности и соперничества, приписывая имъ бывшіе въ его время промышленныя бѣдствія, Сисмонди не выражаетъ ясно своихъ требованій. Онъ хочетъ порядка въ промышленности, проч-

ныхъ связей между предпринимателями и рабочими, между земельными владѣльцами и земледѣльцами; но нигдѣ не развиваетъ своихъ мыслей объ устройствѣ народнаго хозяйства. Сочувствуя старому, онъ сознаетъ невозможность возстановленія порядка эпохи меркантильной и ограничивается ѣдкою критикою современнаго.

Эта критика совпадала съ осужденіемъ соціалистами современнаго экономическаго порядка и послужила поводомъ къ включенію Сисмонди въ число послѣднихъ, что совершенно не вѣрно. Сисмонди консерваторъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова; онъ защитникъ собственности, семьи и хорошихъ старыхъ порядковъ, но въ то же время онъ поборникъ общественнаго идеала, который не довольствуется тѣмъ, чтобы люди были «du bétail engraissé dans ses étables»; онъ хочетъ чтобы человѣку было доступно нравственное существованіе.

Обращаясь къ разбору мыслей, высказанныхъ Сисмонди, нельзя согласиться съ нимъ, что школа Смита имѣла въ виду одну теорію богатства и его умноженія и отдѣляла богатство отъ человѣка; но совершенно справедливо, что послѣдователи Смита не считали задачею науки примѣненія правилъ хозяйства домашняго къ общественному. Школа свободы промышленности ставила благосостояніе народа на первомъ планѣ, а если упоминала о возможности пониженія заработной платы до предѣловъ необходимаго для существованія человѣка, то не возводила этотъ фактъ (далеко не общій) на степень принципа. Въ подтвержденіе можно сослаться не только на Смита, но и на Рикардо, главнаго виновника такъ называемой фаталистической теоріи. Ошибка либеральной школы, начиная съ физіократовъ и оканчивая Бастіа, состояла въ предположеніи существованія одного незыблемаго естественнаго хозяйственнаго порядка, предустановленнаго Провидѣніемъ, и въ признаніи кореннымъ условіемъ для осуществленія этого порядка и зависящаго отъ него благосостоянія — одного свободнаго про-

явленія частныхъ интересовъ. По мнѣнію этой школы, общественныя бѣдствія происходятъ, главнымъ образомъ, отъ стѣсненія свободной дѣятельности частныхъ лицъ. Между тѣмъ на дѣлѣ хозяйственное устройство человѣческихъ обществъ не есть нѣчто совершенно однообразное: оно развивается вмѣстѣ съ успѣхами образованія, благосостоянія и нравственности, вмѣстѣ съ расширеніемъ круга дѣятельности и общественной власти, и индивидуальной иниціативы. Общество благоустроенное не есть неизбѣжная форма свободно сложившихся частныхъ отношеній, какъ думали послѣдователи Смита,—это результатъ непрерывнаго совокупнаго дѣйствія правительства и народа. Огромная заслуга Сисмонди состоитъ въ представленіи наглядныхъ доказательствъ тому, что не все устраивается само собою ко благу всѣхъ и каждаго, и что нельзя всего ожидать отъ индивидуальной дѣятельности, ограничивая до крайности роль общественной власти мѣстныхъ союзовъ и самого правительства.

Переходя отъ основныхъ положеній Сисмонди къ нѣкоторымъ частностямъ въ его «Новыхъ началахъ» и «Изслѣдованіяхъ», нельзя согласиться и съ тѣмъ, что экономическое положеніе народовъ было гораздо лучше въ прежнее время (это противорѣчитъ фактамъ), что труда и произведеній въ настоящемъ (т. е. тогда, когда писалъ Сисмонди) было слишкомъ много, что произведенія превышали потребности, ограниченныя по самому существу своему. Потребности наши безпредѣльны и далеко не удовлетворены. Онѣ безпредѣльны, потому что вслѣдъ за физическими развиваются духовныя потребности, и что желанія наши всегда превышаютъ наши средства. Чрезмѣрное производство, которое видѣлъ авторъ во время промышленныхъ кризисовъ, состояло въ остановкѣ сбыта, происходившемъ, какъ отъ спекулятивныхъ закупокъ, такъ и отъ несоотвѣтствія между производствомъ и доходами, которые оказывались

недостаточными не только вслѣдствіе пониженія ихъ соперничествомъ, но и отъ разнообразныхъ причинъ (войны, тяжкіе налоги, несовершенное устройство промышленности, недостатокъ образованія и пр.). Все, что говоритъ Сисмонди противъ соперничества и машинъ, какъ виновниковъ уменьшенія доходовъ частныхъ лицъ, страдаетъ односторонностію. Соперничество оказывается гибельнымъ, когда вступаютъ въ борьбу силы неравныя, съ одной стороны сплоченныя, поддерживаемыя монополіями, привилегіями, громаднымъ капиталомъ, а съ другой раздробленныя, лишенныя всякой поддержки, и необезпеченныя въ своей дѣятельности. Но безъ соперничества, какъ справедливо замѣтилъ Прудонъ, наступилъ бы громадный упадокъ силъ. Зло заключается не въ соперничествѣ, а въ недостаточномъ его уравновѣшеніи. Безспорно, такое уравновѣшеніе силъ въ соперничествѣ есть одна изъ труднѣйшихъ общественныхъ задачъ, впрочемъ скорѣе осуществимая, чѣмъ созданіе общественнаго порядка, изъ котораго соперничество было бы окончательно изгнано. Даже и въ настоящее время, не отрицая господства силы и угнетенія, вслѣдствіе соперничества, нельзя сказать, чтобы положеніе рабочихъ классовъ повсемѣстно ухудшалось, чтобы неизбѣжное поглощеніе малыхъ предпріятій большими, примѣненіе машинъ и силъ природы, увеличивающее дешевизну производства, вели необходимо и къ уничтоженію хозяйственной самостоятельности рабочихъ, и къ пониженію заработной платы, потому что между работниками и хозяевами возможны соглашенія; производительность же и вознагражденіе труда увеличиваются вмѣстѣ съ примѣненіемъ силъ природы.

Наконецъ, Сисмонди впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою: онъ и утверждаетъ, что производство чрезмѣрно, и жалуется на уменьшеніе запасовъ—на фактъ дѣйствительно существующій, въ которомъ должно видѣть только уменьшеніе мертвыхъ, непроизводительныхъ капи-

таловъ въ интересѣ дешевизны и потребленія. Такимъ образомъ, не отрицая экономическихъ бѣдствій, указанныхъ Сисмонди, должно приписать ихъ не чрезмѣрности производства и не изобилію труда и капитала, не соперничеству и свободѣ промышленности, не машинамъ и изобрѣтеніямъ человѣческаго генія, а разнообразнымъ общественнымъ условіямъ и недостаточности мѣръ, принимавшихся противъ существующихъ бѣдствій. Не возвратомъ къ старому, не передѣлкою существующаго на новый ладъ можно обезпечить благосостояніе общественное, но содѣйствіемъ свободѣ промышленности, духу общественности, распространенію собственности и народному просвѣщенію.

2. Листъ [1]).

Подобно Сисмонди, Листъ возстаетъ также противъ свободы промышленности и обращаетъ главное вниманіе на соперничество внѣшнее. Въ своей «*Системѣ національной экономіи*» (System der Nationaloeconomie) онъ является главнымъ представителемъ протекціонизма 1820—1846 годовъ.

Въ этомъ полемическомъ трудѣ Листъ отвергаетъ ученіе экономистовъ (которое онъ называетъ теоріею цѣнности въ противоположность развиваемой имъ теоріи—производительныхъ силъ), ихъ мысли о раздѣленіи труда и доказываетъ пользу охранительныхъ пошлинъ тѣмъ, что онѣ необходимы для развитія мануфактуръ.

Физіократы и школа Смита, по мнѣнію Листа, разрабатывали экономію космополитическую, а не національную, которая научаетъ, какимъ образомъ государство, при данныхъ обстоятельствахъ, можетъ достичь благосостоянія, цивилизаціи и могущества. *Школа* (т. е. послѣдователи Смита) говорила о состояніи, которое должно наступить,

[1]) List. Gesammelte Schriften. 1850—1851. Третій томъ—Das Nationale System der politischen Oeconomie. Лучшая критика у Бруно Гильдебранда.

о всеобщемъ мирѣ и союзѣ народовъ, какъ о чемъ-то существующемъ; между тѣмъ какъ народы должны быть приготовлены къ такому союзу развитіемъ мануфактуръ и внѣшней торговли.

Понимая невѣрно свою задачу, экономисты школы Смита излагали одну теорію цѣнностей, смѣшивали причины богатства съ самымъ богатствомъ и впадали въ самый грубый матеріализмъ. Они называли политическую экономію наукою о цѣнностяхъ, или о мѣнѣ; они полагали, что богатства накопляются, вслѣдствіе раздѣленія труда и увеличенія капиталовъ, и что производство состоитъ въ образованіи вещества или въ приданіи ему цѣнности. Отсюда приходили къ заключенію, что человѣкъ, воспитывающій животныхъ, производителенъ, а воспитывающій людей не производителенъ, и даже смѣшивали самого человѣка съ богатствомъ: такъ Куперъ цѣнитъ американскаго правовѣда въ 3000 долларовъ, въ три раза дороже, чѣмъ раба.

Экономисты школы Смита, говоритъ Листъ, не понимали, что наравнѣ съ цѣнностями существуютъ производительныя силы, пріобрѣтаемыя нерѣдко пожертвованіемъ цѣнностей, именно: духовное и физическое развитіе человѣка, возможность располагать своею дѣятельностью, обезпеченіе пользованія трудомъ, уваженіе къ труду, науки и искусства, согласное развитіе всѣхъ отраслей промышленности—земледѣлія, мануфактуръ и торговли, могущество государства.

Раздѣленіе труда, по словамъ автора, разсматривалось послѣдователями свободы промышленности односторонне, только какъ подраздѣленіе работы на простыя ея отправленія. Между тѣмъ наравнѣ съ подраздѣленіемъ происходитъ соединеніе производительныхъ силъ, которое и составляетъ одну изъ главныхъ причинъ большей производительности, доставляя каждому дѣятелю увѣренность въ

томъ, что возлѣ него находятся другія лица, связанныя съ нимъ занятіями и интересами.

Раздѣленіе занятій, замѣчаетъ Листъ, начинается съ раздѣленія и соединенія труда въ извѣстной отрасли промышленности, переходитъ къ раздѣленію и соединенію разныхъ отраслей промышленности — силъ, земледѣльческой, мануфактурной и торговой,—наконецъ достигаетъ раздѣленія и соединенія силъ духовныхъ и вещественныхъ. Самое полное раздѣленіе и соединеніе труда представляется Листу въ предѣлахъ государства (im Nationalmasstabe); но оно, по замѣчанію его, простирается далѣе и обнимаетъ весь земной шаръ—такъ народы южные наиболѣе способны къ земледѣлію, а народы умѣренной полосы призваны, по преимуществу, къ развитію мануфактуръ.

Безъ мануфактуръ, по Листу, государство не можетъ быть ни богатымъ, ни просвѣщеннымъ, ни могущественнымъ. Водвореніе ихъ необходимо, но мануфактуры не возникаютъ сами собою. Государство, въ которомъ существуютъ лишь начатки обрабатывающей промышленности, не можетъ бороться со страною, гдѣ мануфактуры развиты, точно такъ же, какъ ребенокъ не можетъ бороться съ великаномъ. Потому слѣдуетъ наложить охранительныя пошлины на обработанныя издѣлія, привозимыя изъ-за границы, соображаясь притомъ съ слѣдующими правилами.

Государство исключительно земледѣльческое, или имѣющее мануфактуры, неудовлетворяющія внутреннимъ потребностямъ, выигрываетъ отъ свободы торговли. Государство, которое снабжаетъ собственными обработанными произведеніями свой рынокъ, или начинаетъ ихъ отпускать за границу, должно прибѣгнуть къ защитѣ, къ пошлинамъ на привозныя иностранныя произведенія отъ 40 до 60% съ цѣны, съ цѣлью вызвать мануфактуры внутри страны, и отъ 20 до 30%, для поддержанія послѣднихъ. При недостаточности этой защиты, было бы безполезно поощрять произ-

водство. Государство, въ которомъ мануфактуры получили рѣшительное преобладаніе, какъ, напр., Англія, можетъ только выиграть отъ свободы торговли.

Таково ученіе Листа въ существенныхъ чертахъ. Переходя къ критической оцѣнкѣ «Національной экономіи», должно замѣтить, что авторъ видитъ въ ней, главнымъ образомъ, не совокупность теоретическихъ истинъ, а практическія указанія для примѣненія нѣкоторыхъ началъ въ видахъ осуществленія своего не только экономическаго, но и политическаго идеала—единой Германіи, заключающей въ себѣ всю почти среднюю Европу. Упрекая школу Смита въ космополитизмѣ, Листъ забываетъ, что истина никогда не бываетъ одною для одного, другою для другого народа. Формы хозяйственнаго устройства, подобно всѣмъ общественнымъ явленіямъ, имѣютъ, безъ сомнѣнія, и общечеловѣческую, и національную сторону и въ этомъ смыслѣ совмѣщаютъ въ себѣ обѣ стихіи. Листъ, вооружаясь противъ экономистовъ, не замѣтилъ, что такъ называемый имъ космополитизмъ Смита есть ни что иное, какъ начало свободы промышленности вездѣ, но не въ одинаковой степени примѣнимое во всѣхъ развитыхъ странахъ. Обвиняя смитову школу въ томъ, что она излагала теорію цѣнности, а не производительныхъ силъ, Листъ справедливо возсталъ противъ ложнаго матеріальнаго взгляда на производство, но своими разсужденіями о силахъ земледѣльческихъ, мануфактурныхъ, торговыхъ, онъ ничего не выяснилъ. Въ самомъ дѣлѣ—что разумѣть подъ ними? Если разумѣть дѣятельность труда, капитала и природы въ разныхъ отрасляхъ промышленности, то это обобщеніе ни къ чему не ведетъ, а вводитъ только въ науку новыя неопредѣленныя понятія. Листъ, при всей мѣткости своей критики, не пришелъ къ сознанію того, что именно объединяетъ дѣятельность матеріальную и нематеріальную. По вопросу о раздѣленіи труда онъ высказалъ вѣрныя мысли, но, говоря о соединеніи

производительныхъ силъ, о гармоніи между ними, онъ не далъ себѣ яснаго отчета ни о способахъ, ни объ условіяхъ образованія стройной связи между этими силами. Наконецъ, преувеличивая значеніе мануфактуръ, Листъ требовалъ охранительной системы, потому что государство съ развитою обрабатывающею промышленностью господствуетъ надъ менѣе развитымъ, вслѣдствіе накопленія капиталовъ и техническаго образованія; но капиталы и образованіе не могутъ быть созданы однѣми таможенными пошлинами.

Не раздѣляя многихъ политикоэкономическихъ мыслей, высказанныхъ Листомъ, должно впрочемъ отдать ему полную справедливость, какъ общественному дѣятелю. Безъ средствъ, безъ покровительства, силою своего практическаго генія, Листъ создалъ себѣ общественное положеніе внѣ администраціи, и имѣлъ неоспоримое вліяніе на экономическое объединеніе Германіи, которая обязана ему таможеннымъ союзомъ и устройствомъ сѣти желѣзныхъ дорогъ — существенными основами ея политическаго единства и промышленнаго развитія во второй половинѣ настоящаго вѣка.

Глава VIII.

Реакція противъ школы свободы промышленности со стороны соціализма и коммунизма [1]). Введеніе.

Главную реакцію противъ школы свободы промышленности составляетъ *соціализмъ*. Это слово употребляется и въ тѣсномъ, и въ обширномъ смыслѣ. Въ послѣднемъ слу-

[1]) Источники: 1) Stein. Der Socialismus und Communismus des heutigen Frankreichs. 1842. 2) Его же. Geschichte der socialen Bewegung in Frankreich. 1850. 3 Bd. 3) Reybaud. Etudes sur les réformateurs contemporains ou les socialistes modernes. 1840. Позднѣйшія изданія значительно пополнены. 4) Sudre. Histoire du Communisme. 1850. 5) Socialismus und Communismus — въ Staats-Wörterbuch von Bluntschli und Brater'a, статья Губера. 6) Handwörterbuch der Staatswissenschaften. 1889—94. Статьи: So-

чаѣ имъ обозначаютъ и *соціализмъ*, и *коммунизмъ*. Существенное различіе между тѣмъ и другимъ состоитъ не во взглядѣ на хозяйственный порядокъ и на его основанія, но въ томъ, какъ далеко проводится общность имущества, производства и потребленія. Чистый коммунизмъ, въ своихъ построеніяхъ, совершенно отвергаетъ частную собственность и проповѣдуетъ безусловное равенство. Соціализмъ допускаетъ частную собственность только какъ исключеніе, какъ часть общаго хозяйства и пытается примирить начало равенства съ признаніемъ правъ отдѣльныхъ лицъ на соразмѣрное съ ихъ трудомъ вознагражденіе. По общему правилу коммунизмъ принимаетъ общность имущества, производства и потребленія за точку отправленія, а соціализмъ за конечную цѣль общественнаго устройства.

Идеалъ того и другого — уничтоженіе въ обществѣ нищеты, порока, преступленія, широкое развитіе народнаго благосостоянія, роскошное удовлетвореніе потребностей, при необременительномъ трудѣ, и установленіе между людьми равенства, понимаемаго впрочемъ различно—или въ смыслѣ вознагражденія, соотвѣтствующаго заслугамъ трудящихся (соціализмъ), или безусловнаго равенства вознагражденія независимо отъ участія членовъ общества въ хозяйственной дѣятельности. Съ перваго взгляда этотъ идеалъ не только подкупаетъ картиною золотого вѣка, но представляетъ нѣкоторыя заманчивыя черты; однако присматриваясь ближе, нельзя не замѣтить, что суля многое,

---

cialdemocratie, Socialismus und Communismus, Anarchismus, Internationale и др. 7) Ott. Traité d'économie sociale. 1892. 8) Чичеринъ. Собственность и Государство. 1882—1883. 9) Головинъ. К. Соціализмъ какъ положительное ученіе. 1892. 10) De Laveleye, Emile. Le socialisme contemporain. 9-me édition. 1894. 12) Leroy Beaulieu, Paul. Le Collectivisme 1885. 2 éd. Литература соціализма и коммунизма чрезвычайно обширна.—Болѣе подробныя указанія можно найти у Рейбо и Кауца, а полную библіографію въ книгѣ Stammhammer'a. Bibliographie des Socialismus und Communismus. Iena. 1893.

онъ отнимаетъ гораздо болѣе, чѣмъ обѣщаетъ, и что для осуществленія его предлагаются средства, которыя далеко не безразличны для человѣка, свыкшагося съ развитою гражданскою жизнью и обезпечиваемою ею свободою. Впрочемъ, въ числѣ средствъ, рекомендуемыхъ умѣренными соціалистами, есть и такія, которыя уже давно усвоены благоустроенными человѣческими обществами. Таковы, напр., разныя общества, товарищества, союзы или артели, для цѣлей производства, обмѣна и потребленія. Болѣе радикальный соціализмъ въ самомъ принципѣ частныхъ ассоціацій видитъ только обманъ—потому, что подобныя формы общенія въ его глазахъ не болѣе, какъ палліативы, не ведущіе къ разрѣшенію соціальнаго вопроса.

Изъ предыдущаго не трудно заключить, что коммунизмъ понятіе опредѣленное, а соціализмъ въ высшей степени растяжимое. Терминъ этотъ примѣняютъ часто ко всему, что носитъ характеръ общенія интересовъ, хотя бы въ этомъ общеніи не было ничего противорѣчащаго настоящимъ основамъ государственности и культуры, даже къ мѣрамъ, которыя только чѣмъ-либо затрогиваютъ частные интересы, и наконецъ къ крайнимъ радикальнымъ коммунистическимъ теоріямъ. Злоупотребленіе словомъ соціализмъ дѣло обыкновенное. Послѣдователи свободы торговли обзывали соціалистами защитниковъ покровительственныхъ таможенныхъ пошлинъ на томъ основаніи, что покровительство дается на счетъ потребителей, въ чемъ видѣли нарушеніе права собственности. Крайніе консерваторы и современные феодалы—земельные и фабричные — называли соціалистами тѣхъ финансовыхъ дѣятелей, которые въ наукѣ и на практикѣ, во первыхъ, проводили мысль, что въ государственномъ и въ мѣстномъ общественномъ хозяйствѣ налоги и повинности должны соотвѣтствовать податнымъ силамъ плательщиковъ, по-

чему совѣтовали по возможности облегчить зарабатывающихъ лишь необходимое для своего существованія, и, во вторыхъ, относили къ предметамъ государственныхъ расходовъ не одну внутреннюю и внѣшнюю безопасность, но также общественное благоустройство и удовлетвореніе потребностей, или оказывающееся не подъ силу частнымъ лицамъ, или болѣе успѣшное при помощи правительства—напр. устройство почтъ, телеграфовъ, сооруженіе и эксплоатація желѣзныхъ дорогъ, страхованіе вообще и жизни въ особенности и т. п.

Очевидно, что обвиненіе въ соціализмѣ протекціонистовъ, а также ученыхъ и практиковъ, расширяющихъ кругъ государственнаго хозяйства, не болѣе какъ полемическій пріемъ для запугиванія общественнаго мнѣнія, способъ одолѣть противника указаніемъ на мнимую опасность тѣхъ или другихъ мѣръ для общества.

Ученія соціализма очень стары. По замѣчанію Рошера, они получаютъ значеніе въ тѣ времена, когда образуется рѣзкое различіе между богатствомъ и бѣдностью, когда хозяйственныя отношенія становятся болѣе сложными и среди общественныхъ переворотовъ утрачивается чувство законности. Такъ было въ Греціи, въ эпоху паденія греческихъ республикъ, въ Римѣ—въ теченіе полутора столѣтія, предшествовавшаго явленію Спасителя, въ Западной Европѣ—въ періодъ реформаціонныхъ войнъ.

Въ XIX вѣкѣ появленію соціализма особенно благопріятствовали: во 1) извращеніе нравственныхъ понятій и смѣшеніе ихъ съ юридическими — (понятіе о нравственномъ христіанскомъ долгѣ разсматривалось многими, какъ юридическая обязанность, которой соотвѣтствуютъ права бѣднѣйшихъ сословій на вспомоществованіе); во 2) мысль, вызванная механическими открытіями, о возможности осуществленія всеобщаго матеріальнаго благосостоянія, при лучшемъ распредѣленіи доходовъ; въ 3) распростра-

неніе греко-римскихъ понятій о государствѣ; наконецъ, въ 4) численное возрастаніе рабочаго класса, такъ называемаго четвертаго сословія. Лишенный обезпеченной будущности, съ болѣе развитыми нуждами, рабочій классъ ощущаетъ сильнѣйшую потребность въ порядкѣ, который доставилъ бы ему болѣе обезпеченное хозяйственное положеніе.

Дальнѣйшее изложеніе ученія соціалистовъ будетъ заключать въ себѣ: во первыхъ, критическую оцѣнку соціалистами современнаго хозяйственнаго быта и началъ, на которыхъ онъ основанъ (гл. IX); во вторыхъ, общій обзоръ основаній соціализма и коммунизма (гл. X); въ третьихъ, соціальныя утопіи и системы Сенъ-Симона, Роберта Оуэна, Луи Блана и Лассаля (гл. XI); въ четвертыхъ, филосовскій и критическій соціализмъ—Робертуса, Прудона и Маркса (гл. XII); наконецъ въ пятыхъ, замѣтку о современномъ состояніи ученій соціализма (гл. XIII).

Глава IX.

Критическая оцѣнка соціалистами современнаго хозяйственнаго быта и началъ, на которыхъ онъ основанъ.

Большинство населенія, по словамъ соціалистовъ, не имѣетъ необходимаго. Пища рабочихъ не достаточна для питанія человѣческаго организма—она состоитъ часто изъ одного картофеля и хлѣба; одежда ограничивается нерѣдко лохмотьями; жилища находятся или въ темныхъ подвалахъ, или въ холодныхъ чердакахъ. Среди безпріютности, грязи, лохмотьевъ, подъ вліяніемъ голода, зараждаются повальныя болѣзни, и чахнетъ организмъ человѣка, обремененнаго тяжкою работою. Смертность въ бѣдныхъ кварталахъ большихъ городовъ бываетъ въ два раза значительнѣе, чѣмъ въ богатыхъ. Нищета сопровождается нравственнымъ паде-

*

ніемъ; дѣти, лишенныя призрѣнія, религіознаго и умственнаго образованія, въ раннія лѣта поступаютъ въ школы воровства и разврата. Послѣ этого неудивительно, что преступленія и проституція, вызванныя бѣдностью, растутъ съ ужасающею быстротою. Съ 1805 по 1842 годъ число преступленій, по Энгельсу, увеличилось въ Англіи слишкомъ въ 7 разъ (отъ 4,605 до 31,309). Наравнѣ съ воровствомъ и развратомъ развиваются и другіе пороки. Всѣ эти бѣдствія, по мнѣнію соціалистовъ, составляютъ произведеніе современной цивилизаціи, слѣдствіе хозяйственнаго устройства человѣческихъ обществъ и ихъ промышленнаго развитія.

Не отрицая приводимыхъ фактовъ, должно замѣтить, что соціалисты искажаютъ дѣйствительность: во 1) обобщая факты и дѣлая заключенія отъ частнаго къ общему; во 2) измѣняя смыслъ приведенныхъ цифръ, и въ 3) идеализируя прошедшее.

Выставляя на видъ нищету земледѣльцевъ въ Ирландіи и рабочихъ въ большихъ фабричныхъ центрахъ, соціалисты умалчиваютъ о промыслахъ, въ которыхъ задѣльная плата высока и положеніе человѣка обезпечено, а также и объ огромномъ числѣ земледѣльцевъ-собственниковъ, которыхъ было гораздо менѣе и въ древности, и въ среднихъ вѣкахъ.

Указывая на фактъ возрастанія преступленій въ Англіи, въ началѣ XIX вѣка, соціалисты забываютъ, что приращеніе это было слѣдствіемъ лучшаго устройства полиціи, которая рѣдкое преступленіе оставляетъ теперь не открытымъ, слѣдствіемъ прекращеній войнъ и вербовки, наконецъ — возрастанія населенія. Если принять въ разсчетъ эти обстоятельства и цифры позднѣйшаго времени (1843—46 года), то окажется, что число преступленій въ Англіи въ 25-лѣтіе, заключающееся 1846 годомъ, не только не увеличилось, но даже уменьшилось, сравнительно съ приращеніемъ населенія.

Наконецъ, самое поверхностное знакомство съ современнымъ состояніемъ обществъ, которыхъ не коснулось промышленное движеніе, убѣждаетъ вполнѣ, что страны, гдѣ хозяйственная свобода сдѣлала наибольшіе успѣхи, стоятъ теперь на гораздо высшей ступени благосостоянія, чѣмъ прежде. Это подтверждается и тѣми статистическими данными, которыми располагаетъ наука. Такъ, квартеръ пшеницы (1 1/3 четверти) работникъ пріобрѣталъ въ Англіи, въ XVI вѣкѣ, трудомъ 48 дней, въ XVII—43, въ первыя двѣ трети прошлаго столѣтія—32-хъ, въ XIX—24 и 19 дней, даже 13 дней. Нищета, порокъ и преступленіе существовали отъ вѣка; если теперь они кажутся столь поразительными и ужасными, то это потому, что цивилизація обнаружила ихъ, поставила въ укоръ нравственному чувству и призвала всѣ дѣятельныя силы для борьбы съ ними. Силы эти довольно могущественны для того, чтобы облегчить, а иногда и устранить страданіе.

Отыскивая причины человѣческихъ бѣдствій, соціализмъ указалъ на слѣдующія: 1) на собственность и наслѣдство; 2) на борьбу противуположныхъ частныхъ интересовъ; 3) на соперничество; 4) на торговлю и деньги, и 5) на капиталистическое производство.

1. Собственность и наслѣдство, по мнѣнію соціалистовъ, не имѣютъ раціональнаго основанія. Доходъ, приносимый землею—рента составляетъ произведеніе или природы, или человѣка. Въ первомъ случаѣ источникъ ренты—несправедливъ, потому что земля дана въ удѣлъ всему человѣчеству; во второмъ случаѣ право на доходъ должно принадлежать не владѣльцу, но работнику. Наслѣдство увѣковѣчиваетъ монопольное обладаніе землею и сохраняетъ послѣднюю въ рукахъ людей, которые не имѣютъ на нее другого права, кромѣ дарованнаго имъ случайностью рожденія. Теоріи философовъ—Канта, Гегеля, Шталя, доказываютъ только то, что собственность должна быть

достояніемъ всѣхъ и каждаго, между тѣмъ, какъ она составляетъ исключительное право немногихъ.

Противъ этого слѣдуетъ замѣтить, что историческое происхожденіе земельной собственности (на которую такъ нападали соціалисты) представляетъ большое разнообразіе. Собственность возникала иногда изъ завоеванія, иногда изъ занятія пустопорожнихъ не населенныхъ мѣстъ племенами кочующими, которыя переходили потомъ въ состояніе осѣдлое, при чемъ земельная собственность изъ племенной или родовой превращалась въ общинную и, наконецъ, въ частную семейную или личную собственность. Земля, никѣмъ не занятая и никому не принадлежащая, считалась и считается государственною собственностію [1]).

Какимъ бы порядкомъ однако ни возникала частная земельная собственность — путемъ ли завоеванія, занятія или покупки у государства никому не принадлежащей земли, но несомнѣнно, что въ теченіе времени несправедливость первоначальнаго пріобрѣтенія (напр., завоеваніе съ обезземеленіемъ прежнихъ владѣльцевъ) постепенно сглаживается. Собственникъ влагаетъ въ землю свой трудъ, свой капиталъ, и платитъ налоги отъ земли. Поэтому нельзя сказать, что земля и доходъ отъ нея составляютъ для собственника нѣчто даровое, и должны быть достояніемъ всего человѣчества. Такой выводъ былъ бы равносиленъ признанію, что собственникъ не имѣетъ права ни на трудъ, ни на сбереженія, пріобрѣтенныя трудомъ и затраченныя на обработку земли, равно и на усиленіе ея производительности, т. е. на все способствовавшее происхожденію ренты. Наслѣдство, если законъ допускаетъ дробленіе земельной собственности, не только не увѣковѣчиваетъ

[1]) У мусульманскихъ народовъ вся земля считается собственностію государя. У новоевропейскихъ народовъ отъ бывшаго завоеванія сохранилось одно только верховное право,—право верховной власти на территорію. Въ Россіи государственное право смѣшивалось вначалѣ также съ вотчиннымъ.

исключительнаго обладанія, но уничтожаетъ его. Наслѣдственное право вытекаетъ не изъ случайности рожденія, а изъ естественнаго установленія—семейства. и собственность частная должна быть разсматриваема, какъ собственность семейная. Возраженія, заимствованныя изъ философскихъ системъ, еще менѣе удачны. Философы доказывали необходимость всеобщаго распространенія собственности, а не ея уничтоженіе; появленіе и успѣхи частной собственности свидѣтельствуютъ о результатахъ, достигнутыхъ въ XIX вѣкѣ. До введенія собственности, говоритъ Бруно-Гильдебрандъ, равенство нищеты, невѣжества и животнаго прозябанія составляло общій жребій людей. Собственность дала возможность личной энергіи выйти изъ этого положенія и возвыситься до образованія духовнаго; она привела въ соприкосновеніе дѣятельность отдѣльныхъ лицъ, сдѣлалась органомъ ихъ сношеній, и тамъ, гдѣ нѣтъ этого языка, тамъ существуетъ или однообразное механическое устройство аскетизма, или порабощеніе грубою матеріальною силою. Хотя экономическая исторія не разработана, но изъ того, что извѣстно, можно убѣдиться въ постепенномъ распространеніи собственности. Ни въ древности, ни въ средніе вѣка земля не была достояніемъ огромной массы населенія: въ Аттикѣ, въ эпоху ея процвѣтанія, только 3 — 4% населенія были землевладѣльцами; въ Римѣ, во время императоровъ, — $^1/_2$%; въ Англіи, при Вильгельмѣ Завоевателѣ,—3%; нынѣ, во Франціи—50%; въ Пруссіи—33%. При этомъ не должно забывать, что другіе классы населенія владѣютъ также другими видами собственности — движимой и недвижимой.

2. Все общество, говорятъ соціалисты, представляетъ борьбу частныхъ интересовъ. Каждое сословіе, или каждый человѣкъ, желаетъ вреда другимъ сословіямъ и лицамъ. Правовѣдъ желаетъ увеличенія числа тяжебъ и преступленій; медикъ — болѣзней; архитекторы, плотники, камень-

щики—большихъ пожаровъ, и т. п. Однимъ словомъ, цивилизація представляетъ безсмысленный механизмъ, въ коромъ части дѣйствуютъ противъ цѣлаго (Фурье).

Антагонизмъ и борьба частныхъ интересовъ, выставленныхъ на видъ соціалистами, далеко не имѣютъ приписаннаго имъ значенія. *Желаніе* тяжебъ, преступленій, болѣзней, пожаровъ и пр. только безнравственно, но еще безспльно; страданія, постигающія человѣка, зависятъ не отъ тѣхъ лицъ, которыя могутъ радоваться чужой бѣдѣ, но отъ другихъ причинъ. Общество же такъ устроено, что всѣ люди (каковы бы ихъ желанія ни были) содѣйствуютъ другъ другу въ устраненіи зла. При развитіи просвѣщенія, каждый начинаетъ понимать, что бѣдствія частныя суть бѣдствія общественныя, которыя постигаютъ въ большей или меньшей степени всѣхъ и каждаго. Такъ, пожаръ, уничтожая капиталы, и увеличиваетъ бѣдность, и уменьшаетъ количество возможныхъ построекъ въ будущемъ, а слѣдовательно гибеленъ для архитекторовъ, для каменьщиковъ, для плотниковъ и для многихъ др. лицъ.

3. Соперничество между спрашивающими и предлагающими товары или трудъ представляетъ, по словамъ соціалистовъ, картину междуусобной войны, съ девизомъ горе побѣжденнымъ, въ которой сильный всегда одолѣваетъ слабаго, крупный предприниматель—мелкаго, заводчики и фабриканты—ремесленниковъ, капиталисты-наниматели—работниковъ и т. д. Крупный предприниматель можетъ производить дешевле и лучше, потому что онъ располагаетъ могущественнѣйшими орудіями, машинами, доводитъ до совершенства раздѣленіе труда, производитъ закупки въ большихъ размѣрахъ и разсчитываетъ свое производство на обширный сбытъ.

Такимъ образомъ одно крупное предпріятіе убиваетъ нѣсколько мелкихъ и превращаетъ самостоятельныхъ хозяевъ въ пролетаріевъ. — Затѣмъ борьба капиталистовъ

нанимателей съ пролетаріями, нанимающимися на работы, далеко не равна.—Капиталистамъ, какъ замѣтилъ уже А. Смитъ, легко вступить въ соглашеніе, въ стачку между собою относительно размѣра заработной платы, тогда какъ работники, вынужденные потребностью въ насущномъ хлѣбѣ, волею-неволею должны соглашаться на предлагаемыя имъ условія. Между тѣмъ крупные предприниматели-капиталисты, раззоряя мелкихъ и понижая заработную плату, не соображаютъ своего производства съ возможнымъ потребленіемъ, сами раззоряются отъ промышленныхъ кризисовъ, которые приводятъ ихъ къ банкротству, и пускаютъ по міру тысячи рабочихъ.

Явленій этихъ отрицать нельзя, на нихъ уже указывалъ Сисмонди; но соціалисты, обвиняя соперничество въ раззореніи мелкихъ предпринимателей и въ нищетѣ рабочихъ, выставляютъ только одни его темныя стороны. Соперничество есть не только гнетущая или даже разрушительная стихія, но *символъ свободы и собственности* (какъ выразился Прудонъ), условіе совершенствованія и прогресса, сила, при помощи которой можетъ быть достигнуто уравновѣшеніе интересовъ въ народномъ хозяйствѣ Винить соперничество въ томъ, что люди не умѣютъ его сдерживать и направлять ко благу, а частныя лица пользуются имъ съ безнравственною и даже преступною неразборчивостію, то же, что винить орудіе, которымъ совершено преступленіе—ножъ убійцы, а не самого виновнаго.

Соперничество нисколько не исключаетъ участія мелкихъ промышленниковъ въ образованіи крупныхъ предпріятій, соглашеній между рабочими, образованія между ними товариществъ, въ видахъ установленія болѣе справедливой заработной платы. Наконецъ не вина соперничества, если производство не имѣетъ еще въ настоящее время достаточно точныхъ указаній относительно вѣроятнаго спроса на тѣ или другія произведенія, и если оно

не налажено для того, чтобы сообразоваться съ спросомъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ замѣтить, что какъ ни быстро развитіе крупнаго производства, но нельзя сказать, что оно непремѣнно поглотитъ всѣ мелкія предпріятія—послѣдніе находятъ для себя постоянно новыя отрасли занятій взамѣнъ прежнихъ, точно такъ же, какъ наравнѣ съ крупнымъ земельнымъ хозяйствомъ распространяется мелкое — огородничество, садоводство, разведеніе домашнихъ животныхъ и пр. Трудность, которую приходится преодолѣть, заключается въ умѣньи приспособиться къ хозяйственнымъ условіямъ, зависящимъ отъ измѣняющихся потребностей, средствъ, служащихъ въ производствѣ, состоянія доходовъ и соединеннаго съ ними спроса.

4. Соціалисты обвиняютъ торговлю и деньги, торговлю въ томъ, что, вызывая ожесточенную борьбу интересовъ, она только распаляетъ соперничество и стремится къ господству надъ производствомъ, понижая цѣны въ покупкѣ, и надъ потребленіемъ, возвышая цѣны при продажѣ. Такимъ образомъ, торговое сословіе, ничего не производя, живетъ какъ паразитъ на счетъ другихъ. Между тѣмъ, соперничество среди торговцевъ ведетъ къ банкротствамъ, скупу, биржевой игрѣ; купцы разсчитываютъ на барыши, раззоряя другъ друга и обманывая потребителей.

Но, разсуждая такимъ образомъ, соціалисты противорѣчатъ сами себѣ: соперничество между купцами не позволяетъ имъ назначать слишкомъ низкихъ цѣнъ при закупкахъ и слишкомъ высокихъ при продажѣ товаровъ; можно сказать, что иногда производство и потребленіе господствуютъ надъ торговлею, а не наоборотъ. Что же касается мнимой непроизводительности торговли и безнравственныхъ коммерческихъ продѣлокъ, то, во первыхъ, купцы не производятъ вещей, но сберегаютъ время, а слѣдовательно трудъ, который теряли бы и производители, и по-

требители, еслибы они сами отыскивали другъ друга; во вторыхъ, безнравственныя продѣлки не зависимы отъ общественнаго устройства; въ коммунизмѣ, при общеніи имуществъ, человѣкъ скорѣе, чѣмъ въ современномъ общественномъ устройствѣ, можетъ уклоняться отъ работы, желая только потреблять.

Далѣе соціалисты доказываютъ, что деньги установляютъ вмѣсто юридическаго рабства—фактическое, болѣе тягостное потому, что въ немъ владѣлецъ-предприниматель свободенъ отъ заботы о пропитаніи работниковъ во время ихъ болѣзни или старости и о воспитаніи ихъ дѣтей. Деньги помогаютъ накопленію капиталовъ и приносятъ проценты, хотя сами по себѣ ничего не производятъ; составляя накопленную работу, превращенную въ золото и серебро, они содѣйствуютъ обѣднѣнію рабочаго населенія и обращаютъ его въ состояніе зависимости. Различіе между богатыми и бѣдными производитъ пороки и преступленія, а милостыня, увѣковѣчивая только нищету, унижаетъ нравственное достоинство просящаго.

Исторія убѣждаетъ однако въ томъ, что деньги въ рукахъ раба были залогомъ его освобожденія. Фактическая зависимость едва ли страшнѣе юридическаго рабства, потому что рабъ не могъ оставить несправедливаго и жестокаго господина и только въ деньгахъ нашелъ средство для пріобрѣтенія этой независимости. Бѣднѣйшіе классы много выиграли въ нравственномъ отношеніи съ тѣхъ поръ, какъ они стали заботиться о самихъ себѣ и перестали быть вещью рабовладѣльца, предметомъ спекуляціи и продажи. Справедливо, что деньги помогаютъ накопленію капиталовъ и служатъ для уплаты процентовъ; но капиталы состоятъ не въ однѣхъ деньгахъ, и уплачиваемые проценты получаются не съ извѣстнаго количества золота или серебра, а съ накопленныхъ трудомъ произведеній, оцѣниваемыхъ на монету. Увеличеніе капиталовъ и употребленіе ихъ въ

производствѣ облегчаетъ работу человѣка и увеличиваетъ даровую работу силъ природы; слѣдовательно капиталъ по существу приноситъ выгоду всѣмъ классамъ общества. Деньги не образуютъ противоположности между богатствомъ и нищетою, но уравниваютъ различіе, и если подаянія унижаютъ бѣдняка, то въ этомъ виноваты не деньги, а способъ вспомоществованія, лишенный нравственнаго христіанскаго характера.

5. Соціалисты называютъ современное производство капиталистическимъ—въ отличіе отъ бывшаго патріархальнаго и общественнаго или отъ будущаго коммунистическаго, исключающихъ наемный трудъ.

Слова капитализмъ, капиталистическое производство, съ легкой руки соціалистовъ и въ особенности Маркса, пріобрѣли право гражданства въ сочиненіяхъ экономистовъ и даже въ оффиціальномъ языкѣ для характеристики извѣстной формы производства и происходящаго въ ней накопленія капиталовъ. Съ исчезновеніемъ патріархальныхъ формъ промышленности, мелкихъ предпріятій и общиннаго владѣнія землею, по словамъ Маркса, появились крупныя предпріятія, въ которыхъ капиталистъ заставляетъ работника трудиться болѣе, чѣмъ нужно для поддержанія существованія рабочей силы и возстановленія употребляемыхъ въ дѣло капиталовъ, и обращаетъ весь излишекъ или прибавочную цѣнность въ свою пользу. Не касаясь пока теоріи Маркса о прибавочной цѣнности, въ настоящемъ случаѣ достаточно замѣтить, что выраженія капитализмъ и капиталистическое производство въ сущности въ высшей степени не правильны, потому что всякое производство, мелкое или крупное, личное или общинное, не можетъ не быть капиталистическимъ. Безъ капитала производить нельзя. Если эта терминологія изобрѣтена для объясненія, какимъ образомъ въ современныхъ обществахъ накопляются громадныя богатства при развитіи безземельнаго и бездом-

наго пролетаріата, то описаніе Марксомъ процесса образованія капитала далеко уступаетъ относительно простоты и ясности представленному Луи Бланомъ и Лассалемъ, изъ которыхъ первый приписывалъ эти явленія соперничеству, а второй, слѣдуя Рикардо, *желѣзному закону* спроса и предложенія, на основаніи котораго заработная плата, вслѣдствіе чрезмѣрнаго возрастанія населенія, доходитъ до крайняго предѣла, опредѣленнаго суммой средствъ, безусловно потребныхъ для поддержанія числа рабочихъ, необходимаго для производства. Ошибки Луи Блана и Лассаля состояли въ томъ, что они оставляли безъ вниманія средства, которыми располагаетъ современное общество для борьбы съ господствомъ силы въ соперничествѣ; ошибка Маркса заключалась въ извращеніи понятій о капиталѣ, о цѣнности и работѣ. Обо всемъ этомъ будетъ сказано подробнѣе при изложеніи ученій соціализма и коммунизма.

Глава X.

Общій обзоръ основаній соціализма и коммунизма и критическая ихъ оцѣнка.

1. Основанія соціализма и критическая ихъ оцѣнка.

Соціализмъ, какъ показываетъ самое его названіе, поставляетъ своею задачею общеніе, союзность—ассоціацію въ противоположность индивидуализму, т. е. разрозненной дѣятельности лицъ самостоятельныхъ, свободныхъ, независимыхъ другъ отъ друга, опирающихся единственно на свои силы и находящихся нерѣдко между собою въ борьбѣ. Основа современнаго общества, по словамъ соціалистовъ, заключается въ положеніи: «chacun pour soi et Dieu pour personne», которое провозглашаетъ беззащитность слабаго и отсутствіе всякаго содѣйствія и помощи со стороны другихъ

лицъ, вслѣдствіе индивидуалистическаго строя общества. Для того, чтобы вывести человѣка изъ состоянія безпомощности, нужна ассоціація — общеніе людей въ производствѣ, во владѣніи и пользованіи имуществомъ, а также и въ потребленіи.

Несомнѣнно, что соединеніе силъ имущественныхъ и личныхъ въ производствѣ, на товарищескихъ началахъ, можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ увѣнчаться блестящимъ успѣхомъ, но для этого необходимо, чтобы такое товарищество образовалось сознательно и свободно, чтобы между участниками господствовалъ духъ согласія, предполагающій и достаточно высокій нравственный уровень, и усвоенную дисциплину; затѣмъ, необходимо чтобы за предѣлами товарищеской жизни существовалъ еще другой міръ, въ которомъ человѣкъ оставался бы хозяиномъ того, что онъ пріобрѣлъ, гдѣ онъ чувствовалъ бы себя свободнымъ, и куда онъ могъ бы уйти изъ товарищества, еслибы оно почему-либо сдѣлалось ему въ тягость.

Соціалисты не хотятъ понять, что личная дѣятельность и частная собственность потому имѣютъ особую цѣну для человѣка, что при этихъ условіяхъ онъ чувствуетъ себя болѣе независимымъ отъ общественной среды, что въ семейной жизни онъ находитъ средства для нравственнаго общенія, тогда какъ въ ассосіаціяхъ, поглощающихъ все его существованіе, выборъ занятій, пользованіе имуществомъ, потребленіе и образъ жизни зависятъ отъ общественнаго строя, въ которомъ личность осуждается на зависимость болѣе тяжкую, чѣмъ та, которая создается въ современныхъ обществахъ съ такъ называемымъ капитализмомъ и свободнымъ соперничествомъ. Капиталистическое производство, господство соперничества, внушающія соціалистамъ чувства ужаса и ненависти, не лишаютъ по крайней мѣрѣ человѣка надежды на лучшее будущее и хотя бы на нѣкоторую долю свободы, чего не

дают замкнутыя ассоціаціи, внѣ которыхъ человѣкъ лишается даже права на существованіе.

Эти темныя стороны соціалистическаго хозяйства представятся съ большею ясностію, при характеристикѣ коммунизма, конечной цѣли соціалистическаго строя.

2. Общія основанія коммунизма и критическая ихъ оцѣнка [1]).

Оттъ, принадлежащій къ умѣреннымъ соціалистамъ, изображаетъ весьма мѣткими чертами сущность и недостатки коммунизма. Система эта, говоритъ онъ, очень проста. Частная собственность уничтожается. Общество состоитъ изъ ассоціацій—товариществъ рабочихъ, организованныхъ въ промышленныя и земледѣльческія общины. Производство ведется сообща; всѣ предназначенныя для него постройки располагаются въ видахъ соглашенія наибольшаго сбереженія производительныхъ силъ съ самымъ обильнымъ производствомъ. Выборные отъ общины распредѣляютъ трудъ, сообразно съ силами и способностями каждаго.

Произведенія поступаютъ въ склады общинъ и потребляются на основаніи слѣдующихъ правилъ.

Всѣ ѣдятъ за общимъ столомъ, болѣе или менѣе роскошнымъ, смотря по средствамъ общины, но каждый потребляетъ по своимъ потребностямъ. Каждое семейство занимаетъ отдѣльное помѣщеніе въ общемъ зданіи; залы, библіотеки и сады—общіе [2]).

Выборные распредѣляютъ одежду и мебель, которыми располагаетъ община, и снабжаютъ тѣмъ и другимъ каждое семейство [3]), смотря по его потребностямъ. Школы, спектакли, путешествія, ученые и литературные труды предпринимаются по указанію и по распоряженію ассоціацій.

---

[1]) Сравни: Ott. Traité d'économie sociale, откуда заимствовано изложеніе основаній коммунистическаго устройства и критическая ихъ оцѣнка.

[2]) Впрочемъ семейное расквартированіе замѣняется иногда у коммунистовъ общими помѣщеніями.

[3]) Разумѣется, если семейство не упразднено.

Общины назначаютъ окружныхъ представителей, которые распредѣляютъ земли и орудія производства между общинами одного округа (canton) и опредѣляютъ, какія произведенія должны быть уступлены нуждающейся общинѣ или обмѣнены на произведенія другихъ общинъ. Такимъ же точно способомъ ассоціація округовъ образуетъ область (департаментъ); ассоціація областей—государство. Развитіе системы должно привести къ ассоціаціи всего человѣчества.

Два начала составляютъ основу коммунизма: а) *всеобщая солидарность*; б) *отъ каждаго по его силамъ, каждому по его потребностямъ*. Эти начала должны осуществить *свободу, равенство* и *братство*.

Изъ предыдущаго явствуетъ, что устройство коммунистическое отличается самымъ суровымъ деспотизмомъ. Хотя все управленіе выборное, но оно не болѣе, какъ представитель господствующаго большинства, власть котораго ничѣмъ не ограничена и простирается на всѣ проявленія дѣятельности частныхъ лицъ. Всѣ хозяйственныя отношенія, основанныя въ современныхъ обществахъ на свободѣ сношеній, на личномъ вчинаніи, опредѣляются общественною властію—она опредѣляетъ потребности населенія, размѣры производства, назначаетъ каждому его работу и долю въ потребленіи. Коммунисты не задаютъ себѣ вопроса: чѣмъ обезпечивается безпристрастіе и справедливая оцѣнка управляющихъ, подчиненіе и честность управляемыхъ, чѣмъ ограждаются послѣдніе отъ насилія и произвола власти, чѣмъ обезпечиваются въ обществѣ порядокъ, правда, общественная безопасность. Забавные вопросы! замѣчаетъ иронически Оттъ. Въ коммунизмѣ люди любятъ другъ друга какъ братья, нѣтъ несправедливости, пристрастія, фаворитизма, зависти, раздоровъ, угнетенія, нѣтъ деспотизма и вѣроломства! Съ собственностію исчезаетъ единственный источникъ всѣхъ пороковъ и преступ-

леній; тюрьмы и полиція оказываются излишними и много если придется не повинующагося законамъ труда осуждать на вынужденную недѣятельность!

Формула коммунизма: *всеобщая солидарность* очень заманчива, но весьма туманна. Если понимать ее, подобно Отту, какъ взаимную зависимость людей другъ отъ друга, то цѣль современной цивилизаціи именно состоитъ въ томъ, чтобы высвободить человѣка отъ роковыхъ узъ, которыми сковываютъ его общественныя условія, тогда какъ всеобщая солидарность должна погасить послѣдній проблескъ независимости и самоопредѣленія. Если же понимать солидарность въ смыслѣ начала взаимности и отсутствія антогонизма частныхъ интересовъ, то нѣтъ сомнѣнія, что солидарность предполагаетъ свободу, для которой нѣтъ мѣста въ коммунизмѣ.

Формула — *отъ каждаго по его силамъ, каждому по его потребностямъ* — выражаетъ мысль: не требуйте отъ человѣка болѣе, чѣмъ онъ въ состояніи сработать и предоставьте ему участвовать въ потребленіи общаго имущества по его потребностямъ. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что это основное начало производства удовлетворяетъ самымъ строгимъ требованіямъ справедливости; но если принять въ разсчетъ, что оцѣнку силъ должна сдѣлать выборная администрація, и что силамъ людей не всегда соотвѣтствуетъ выполненная ими работа, то очевидно, что между трудомъ и вознагражденіемъ труда не будетъ никакого соотвѣтствія. Можно еще распредѣлить трудъ физическій пропорціонально силамъ рабочихъ, но какъ установить размѣръ труда умственнаго и художественнаго, соразмѣрно силамъ участниковъ? Если къ неправильности распредѣленія этой общественной барщины присоединить еще распредѣленіе произведеннаго по потребностямъ, то понятно, что въ коммунизмѣ не можетъ быть мѣста для правды. Зло должно увеличиться еще и оттого, что

количество разнообразныхъ предметовъ потребленія никогда не бываетъ столь изобильнымъ, чтобы всѣ и даже болѣе утонченныя потребности населенія могли быть удовлетворены. Коммунисты, говоритъ Оттъ, охотно сравниваютъ распредѣленіе предметовъ потребленія въ своемъ обществѣ съ угощеніемъ на балѣ, гдѣ каждый беретъ въ буфетѣ столько, сколько онъ желаетъ, но коммунисты забываютъ, что на многолюдныхъ балахъ очень часто люди скромные и застѣнчивые остаются не при чемъ. Если это тягостно на балѣ, то каково испытывать такое лишеніе при каждомъ обѣдѣ?— Впрочемъ, предоставляя распредѣленіе работъ управленію, коммунизмъ возлагаетъ на него и опредѣленіе того, что должно быть произведено. При этомъ одно изъ двухъ: или управленіе предпишетъ производство лишь необходимаго, что вовсе не заманчиво, или оно допуститъ производство предметовъ, относящихся къ удобствамъ жизни и роскоши,— и тогда, по недостаточности произведеній лучшаго качества, придется отступить отъ приведенной формулы распредѣленія.

Изъ предыдущаго не трудно заключить, что въ коммунистическомъ обществѣ не можетъ быть мѣста ни для свободы, ни для равенства, ни для братства.

О политической свободѣ не можетъ быть рѣчи, потому что въ системахъ коммунизма властвуетъ подавляющій деспотизмъ большинства: нѣтъ свободы печати, потому что монополія печати принадлежитъ государству; нѣтъ свободы преподаванія, потому что преподаваніе монополизировано государствомъ; нѣтъ свободы мнѣній, потому что государство подчиняетъ каждое лицо своей указкѣ. Независимаго меньшинства, партій, борьбы, прогресса, не существуетъ. Есть безусловное господство большинства, или скорѣе его представителей, которые, какъ свидѣтельствуетъ исторія, нерѣдко превращались въ тирановъ. И такъ нечего говорить о свободѣ политической. Но что станетъ съ свободою

гражданскою, съ независимостію частной жизни, съ правомъ каждаго располагать по своей волѣ своимъ трудомъ и своимъ отдыхомъ, съ неприкосновенностію лица и его семейнаго очага, съ свободою, на которую не смѣли посягнуть правительства, наиболѣе угнетавшія народъ? Лица служащія, безъ сомнѣнія, очень зависимы: они должны являться на работу въ назначенные часы, они не могутъ отлучаться на сутки, иногда даже на часъ, или на два, безъ разрѣшенія, зависящаго отъ произвола начальника; но зато они получаютъ опредѣленное содержаніе, которымъ располагаютъ свободно; дѣлаютъ сбереженія, если пожелаютъ; накопляя плоды своего труда, они могутъ, безъ ущерба для другихъ, создать для себя наконецъ пору совершенной независимости. Въ коммунизмѣ нѣтъ ничего подобнаго: ежедневно требуется отъ каждаго опредѣленное количество труда и ежедневно выдается каждому его продовольствіе; нѣтъ права сберегать, накоплять по своему усмотрѣнію плоды своего труда, и нѣтъ средства для того, чтобы воспользоваться на одинъ день своею свободою. Однимъ словомъ, общество коммунистовъ — это промышленный полкъ изъ вѣчно служащихъ, заключающій въ своемъ составѣ женщинъ и дѣтей, состоящій вѣчнымъ гарнизономъ на указанномъ мѣстѣ, съ дисциплиною и подчиненностію, исключающими всякое свободное проявленіе жизни.

Предполагать возможность равенства въ обществѣ, въ которомъ трудъ и вознагражденіе труда зависятъ отъ произвола власти, значитъ предполагать эту власть непогрѣшимою, недоступною для слабостей человѣческихъ и обладающею всезнаніемъ.

Идея братства, чтобы ни говорили коммунисты, исключается ихъ системою въ самомъ принципѣ. Братство, въ смыслѣ христіанскомъ, — а другого оно имѣть не можетъ — предполагаетъ самопожертвованіе; но для самопо-

жертвованія нѣтъ мѣста тамъ, гдѣ человѣкъ не имѣетъ имущества, которымъ онъ можетъ располагать, и не имѣетъ права ни на свою дѣятельность, ни на ея результаты. Рисуя идиллическую картину общества, коммунисты полагаютъ, что съ уничтоженіемъ собственности, каждый будетъ искать своего счастья въ счастьи другихъ людей. Всѣ пороки, по ихъ мнѣнію, имѣютъ одинъ источникъ—собственность; но лѣность, гордость, честолюбіе, зависть, сладострастіе, гнѣвъ, ненависть—развѣ они возникаютъ изъ собственности? Развѣ, по уничтоженіи собственности, не будетъ людей, завидующихъ дарованьямъ и естественнымъ преимуществамъ другихъ, развѣ не будетъ пьяницъ, развратныхъ, стремящихся къ господству, характеровъ завистливыхъ и мстительныхъ, наконецъ лѣнивыхъ, которые пожелаютъ много потреблять и ничего не дѣлать? Развитію всѣхъ этихъ пороковъ не будетъ ли благопріятствовать коммунизмъ? Стóитъ представить себѣ большое хозяйство, состоящее изъ множества мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Сколько непріятныхъ столкновеній, ссоръ и безпорядковъ! Какое скучное и отвратительное существованіе для людей, которые любятъ уединеніе, для впечатлительныхъ характеровъ, для умовъ дѣятельныхъ и предпріимчивыхъ! Какой адъ для всѣхъ, когда возникнутъ непримиримые раздоры, когда общество распадется на враждебныя другъ другу котеріи и личности, которыя однако принуждены будутъ жить вмѣстѣ! Мечта о братствѣ — не окончится ли она ужаснымъ пробужденіемъ?

Это не предположеніе; исторія коммунистическихъ обществъ обилуетъ фактами, подтверждающими сказанное [1]). Общества коммунистическія держались до тѣхъ поръ, пока въ нихъ господствовало религіозное увлеченіе, поддержи-

[1]) Ср. Клауса — Сектаторы-колонисты въ Россіи. Вѣстникъ Европы 1868, январь и слѣд. книжки.

вавшее власть руководителей; но коль скоро въ нихъ проникалъ духъ свободнаго изслѣдованія и начинало распространяться просвѣщеніе, они разрушались, потому что власть теряла свою опору—невѣжество толпы.

Въ заключеніе, должно замѣтить, что разсчеты коммунизма на усиленіе производства и на сбереженія при потребленіи совершенно ошибочны. Производительность зависитъ не отъ одного развитія ассоціаціи, но отъ личнаго вчинанія, и отъ подвижности хозяйственныхъ силъ, и многихъ другихъ причинъ. Конечно, производство требуетъ меньшихъ издержекъ, когда оно принимаетъ большіе размѣры, но и здѣсь есть предѣлъ, который нельзя переступить безнаказанно. Производство, которое простиралось бы за предѣлы общинъ, округовъ и областей и состояло подъ руководствомъ администраціи, потребовало бы сложнаго управленія и контроля, а слѣдовательно издержекъ производства, превосходящихъ расходы на этотъ предметъ въ частныхъ предпріятіяхъ. То-же должно сказать и о потребленіи. Сбереженіе, при общественномъ потребленіи, имѣетъ также свои границы; достигаемое небольшими товариществами, оно становится невозможнымъ, когда контроль надъ управленіемъ со стороны общества оказывается затруднительнымъ и когда для водворенія порядка необходима сложная административная машина.

Глава XI.

Соціальныя утопіи и системы.

А. Соціальныя утопіи.

Къ соціальнымъ утопіямъ относятся фантастическіе соціальные романы, признаваемые иногда самими авторами мечтательными *идеалами* общественной жизни. Названіе «Утопіи» они получили отъ сочиненія Томаса Моруса, или

Мора (Thomas More) 1516 г., содержавшаго въ себѣ описаніе мнимой республики на островѣ Утопіи. Такого рода произведенія являлись и въ отдаленной древности. Разговоръ Платона «О государствѣ» принадлежитъ также къ числу утопій, а осуществимое изъ этого идеала изложено авторомъ въ сочиненіи «О законахъ». Начиная съ XVII вѣка, можно насчитать нѣсколько соціальныхъ романовъ. Къ новѣйшимъ относятся: Cabet. Voyage en Icarie (1840 г.) и Bellamy. Looking backward. 1888 г. (Переведенъ на русскій языкъ).

Утопіи, принимая за основу своихъ построеній общеніе имущества, общее производство и потребленіе, иногда даже и упраздненіе семейной жизни, рисуютъ картину небывалаго матеріальнаго довольства, легкаго труда и безмятежнаго эпикуреизма, чтобы не сказать болѣе.

Утопіи не поддаются ученой критикѣ потому, что въ нихъ представляются не тѣ люди, не тѣ учрежденія и не тѣ общественныя силы, которые существуютъ въ дѣйствительности. На нихъ можно отвѣчать памфлетомъ въ родѣ написаннаго германскимъ публицистомъ Эженомъ Рихтеромъ [1]), который въ своихъ Socialdemocratische Zukunftsbilder изобразилъ, что̀ должно произойти въ государствѣ, въ которомъ совершился бы вдругъ соціальный переворотъ.

Не вдаваясь въ разборъ утопій, можно указать впрочемъ на нѣчто подобное имъ, существовавшее въ Перу во время господства Инковъ, до завоеванія этой страны испанцемъ Пизарро (ср. Прескотта—Завоеваніе Перу).

Хотя соціальные романы научнаго значенія не имѣютъ, и серьезные соціалисты на нихъ мало обращаютъ вниманія, но популяризація соціализма достигается ими скорѣе, чѣмъ тяжеловѣсными, малодоступными для большин-

[1]) Къ сожалѣнію внѣ Германіи никто не задалъ себѣ труда для перевода и распространенія этого остроумнаго памфлета—его старались «замолчать».

ства произведеніями такихъ писателей какъ Родбертусъ. Марксъ и др.

B. Соціальныя системы.

Соціальныхъ системъ очень много, нѣкоторыя изъ нихъ могутъ быть даже отнесены къ утопіямъ; но тогда, какъ въ соціальныхъ романахъ, авторы даютъ полную волю своему воображенію, въ соціальныхъ системахъ имѣется въ виду дать практически осуществимые планы или проекты экономическаго устройства. Къ важнѣйшимъ системамъ можно отнести ученія Сенъ Симона, Фурье, Роберта Оуэна, Луи Блана, Лассаля и отчасти аграрныя соціалистическія системы Генри Джорджа и Флюршейма.

1. Сенъ-Симонъ [1]).

Основателемъ сенъ-симонизма былъ графъ Сенъ-Симонъ (родился въ 1760 г., умеръ въ 1825), религіозный мечтатель, человѣкъ страстный, самолюбивый, но безспорно искренній. Вступивъ въ военную службу, Сенъ-Симонъ отправился сражаться за независимость Соединенныхъ штатовъ; послѣ окончанія войны онъ обратился къ мексиканскому правительству съ предложеніемъ соединить каналомъ Тихій океанъ съ Атлантическимъ; возвратившись въ Европу, онъ отказался отъ блестящей военной карьеры въ своемъ отечествѣ и составилъ новые проекты: въ Голландіи — объ изгнаніи англичанъ изъ Восточной Индіи, въ Испаніи—о соединеніи Мадрида съ моремъ посредствомъ канала. Во время революціи, въ компаніи съ прусскимъ посломъ въ Англіи, графомъ Редерномъ, Сенъ-Симонъ нажилъ огромное состояніе, спекулируя національными имуществами, и едва не сдѣлался жертвою террора. Получивъ небольшую часть изъ нажитаго богатства отъ своего товарища, Сенъ-Симонъ утѣ-

1) Срав. Hubbard. St.-Simon, sa vie et ses travaux. Paris. 1857

шалъ себя тѣмъ, что Редернъ идетъ къ тинистому болоту, среди котораго фортуна воздвигла свой храмъ, между тѣмъ какъ онъ поднимается на голую крутизну, увѣнчанную *алтарями славы*. Въ 38 лѣтъ Сенъ-Симонъ пришелъ къ убѣжденію, что ему нужно перевоспитать себя, и занялся исканіемъ физико-политической науки. Онъ началъ вести *опытную* жизнь, женился, жилъ открыто, окружилъ себя учеными, слушалъ лекціи, прожилъ въ годъ все свое состояніе, развелся съ женою и посвятилъ остальную жизнь развитію своего ученія, въ борьбѣ съ крайнею нищетою, которая довела его до неудачной попытки самоубійства. Лишившись одного глаза, Сенъ-Симонъ боролся съ нуждою еще два года и умеръ занятый мыслію объ изданіи новаго журнала и о торжествѣ своего ученія.

Мысли объ общественномъ устройствѣ впервые высказаны Сенъ-Симономъ въ «Письмахъ женевскаго жителя къ своимъ современникамъ» (1802), гдѣ Сенъ-Симонъ дѣлитъ все человѣчество на три класса: ученыхъ, артистовъ и либераловъ, собранныхъ подъ знаменемъ *прогресса*; собственниковъ, на знамени которыхъ начертано—*не нужно нововведеній*, и прочаго человѣчества, девизомъ которому служитъ *равенство*. Сенъ-Симонъ желаетъ, чтобы первый классъ былъ руководителемъ общества и получалъ вознагражденіе изъ суммы, собранной подпискою. Здѣсь, между прочимъ, Сенъ-Симонъ передаетъ то, что ему повѣдалъ Богъ (!) о Совѣтѣ Ньютона. Этотъ Совѣтъ раздѣлитъ человѣчество на 4 отдѣла по національностямъ — англійскій, французскій, итальянскій и германскій. Каждый отдѣлъ будетъ имѣть свой Совѣтъ подъ предсѣдательствомъ перваго математика. Въ Совѣтъ будутъ допущены и женщины.

Въ послѣдующихъ своихъ сочиненіяхъ Сенъ-Симонъ ставитъ на первомъ планѣ не ученыхъ, а промышленные классы («все для промышленности, все посредствомъ промышленности») и совѣтуетъ законодательство о соб-

ственности основать на началахъ торговаго права. Съ особымъ ожесточеніемъ нападаетъ онъ на правовѣдовъ (les légistes). Правовѣды, по его словамъ, стоятъ Франціи сотни милліоновъ; для уменьшенія этихъ расходовъ надо сдѣлать земельную собственность промышленною, предоставить разбирательство споровъ посредникамъ, и по утратѣ правовѣдами своего значенія, возвратить промышленнымъ классамъ подобающее имъ мѣсто. Между тѣмъ какъ въ первомъ сочиненіи Сенъ-Симонъ приписываетъ революцію ученымъ и артистамъ, въ позднѣйшихъ—онъ считаетъ ея виновниками правовѣдовъ. Жирондисты были правовѣды, Робеспьеръ—правовѣдъ, правовѣды привѣтствовали ниспроверженіе республики Бонапартомъ и паденіе самого Бонапарте.

Въ знаменитой Параболѣ, помѣщенной въ журналѣ «Организаторъ» (1819), Сенъ-Симонъ съ язвительною ироніею доказываетъ, что для Франціи утрата представителей науки и промышленности была бы несравненно чувствительнѣе, чѣмъ утрата близкихъ къ королю лицъ и представителей разныхъ отраслей администраціи.

Въ томъ же журналѣ Сенъ-Симонъ начерталъ проектъ промышленнаго парламента изъ трехъ палатъ—*изобрѣтенія, разсмотрѣнія* и *исполненія* публичныхъ работъ, для увеличенія богатствъ Франціи и для улучшенія участи ея обитателей. Проектъ наполненъ исчисленіемъ разнообразныхъ празднествъ. Первыя двѣ палаты состоятъ изъ ученыхъ, третья—изъ представителей промышленности.

Въ послѣднемъ своемъ сочиненіи—въ Новомъ христіанствѣ, Сенъ-Симонъ нападаетъ и на папу, и на Лютера, обвиняетъ обоихъ. въ ереси и провозглашаетъ новый догматъ: «все общество должно трудиться для улучшенія нравственнаго и имущественнаго состоянія бѣднѣйшаго населенія; общество должно быть наилучшимъ образомъ устроено, для достиженія этой великой цѣли».

Во всемъ, что написано Сенъ-Симономъ, нѣтъ строгой послѣдовательности. Толкуя о какой-то физико-политической наукѣ, онъ, какъ оказывается, не знакомъ съ дѣйствительною серіозною наукою; требуя переустройства общества съ господствомъ то ученыхъ, то промышленныхъ классовъ, объясняя по своему то такъ, то иначе значеніе революціи, провозглашая новую религію, Сенъ-Симонъ выказываетъ полнѣйшее невѣдѣніе общественнаго устройства, исторіи и духа христіанскаго ученія. Его ловкіе сарказмы, смѣлыя идеи и рѣзкая критика, волнуя незрѣлые, увлекающіеся умы, дали очень бѣдные научные результаты. Къ Сенъ-Симону, какъ справедливо замѣчаетъ Рейбо, можно примѣнить отзывъ, имъ же высказанный, о Лютерѣ—il a bien critiqué mais pauvrement doctriné.

Сенъ-симонизмъ получаетъ окончательную форму въ ученіи Базара и Анфантена. Въ публичномъ курсѣ, читанномъ въ Парижѣ въ 1830 г., подъ названіемъ: «Изложеніе ученія Сенъ-Симона», Базаръ представляетъ мрачную картину современной жизни. Онъ указываетъ на печальное положеніе церкви, государства и общества. По его словамъ, католицизмъ отсталъ отъ вѣка, протестантизмъ безсиленъ, вѣра утрачена. Въ государствѣ нѣтъ общей цѣли—каждый преслѣдуетъ свою. Въ обществѣ и въ промышленности господствуетъ соперничество—война всѣхъ противъ всѣхъ, коварство, обманъ, нищета и угнетеніе слабыхъ.

Въ жизни, продолжаетъ Базаръ, есть двѣ силы—личность и ассоціація. Личность стремится къ тому, чтобы пріобрѣсть значеніе, и признаетъ равною себѣ только то, что ей не подчинено. Отсюда возникаетъ безплодная борьба (антагонизмъ), которая встрѣчаетъ противодѣйствіе въ ассоціаціи, въ органическомъ соединеніи личностей—въ семействѣ, общинѣ, націи, въ союзѣ государствъ и во всеобщей ассоціаціи. Но антагонизмъ развивается па-

раллельно съ развитіемъ разныхъ формъ ассоціаціи.— Борьба личностей является въ началѣ исторіи, оканчиваясь смертью побѣжденнаго; позднѣе, жизнь побѣжденнаго покупается цѣною рабства; затѣмъ христіанство смягчаетъ рабство, которое превращается въ крѣпостное состояніе, уничтоженное революціею (!). Работникъ de jure дѣлается свободнымъ, но остается рабомъ своей нищеты, и рабство продолжается при господствѣ начала— «каждый для себя, а Богъ ни для кого». Улучшеніе судьбы самаго многочисленнаго и самаго бѣднаго класса требуетъ новаго совершеннѣйшаго общественнаго устройства, на основаніи начала: «à chacun selon sa capacité, à chaque capacité selon ses oeuvres» — «каждому по его способностямъ, каждой способности по ея дѣламъ». Главнѣйшее препятствіе къ осуществленію равенства и раціональнаго устройства общества заключается въ личной собственности и въ наслѣдствѣ. Собственнику хозяйственная самостоятельность достается сама собою; работникъ не можетъ купить ее цѣною всей жизни. Осуществленіе соціальной задачи, по мнѣнію Базара, можетъ быть достигнуто уничтоженіемъ наслѣдства—такой же привилегіи, какъ и привилегія рожденія. Наслѣдство, по Базару, должно переходить чрезъ руки банка, къ тому, кто можетъ сдѣлать изъ имущества, оставшагося послѣ смерти владѣльца, наилучшее употребленіе. Такимъ образомъ, Базаръ проповѣдуетъ не абсолютное равенство, а равенство заслугъ.

Базаръ былъ слишкомъ положителенъ для того, чтобы заняться религіозною стороною ученія. За религію взялся Анфантенъ, который проповѣдывалъ—примиреніе духа и плоти въ смыслѣ потворства плоти, равноправность обоихъ половъ и господство въ обществѣ верховнаго отца въ лицѣ мужчины и женщины. Мѣсто мужчины занялъ Анфантенъ, мѣсто женщины оставалось пустымъ. Проповѣди

Анфантена о свободѣ чувствъ произвели между сенсимонистами раздоръ: вѣрные ученію удалились на дачу Менильмонтанъ, гдѣ они составили нѣчто въ родѣ коммунистической общины, которой былъ положенъ конецъ судебнымъ приговоромъ.

Ученіе С.-Симона, разработанное его послѣдователями, можно изобразить въ слѣдующемъ видѣ. Принимая за основаніе распредѣленія правило: «каждому по его способности, каждой способности по ея дѣламъ», сенъ-симонисты требуютъ уничтоженія всѣхъ привилегій, которыя даются происхожденіемъ, а слѣдовательно, и наслѣдства—величайшей изъ привилегій (по ихъ мнѣнію), которая заключаетъ въ себѣ всѣ прочія. Вся частная собственность должна перейти въ руки государства. Лицо, облеченное верховною властью (père suprême), которое поставляетъ само себя (se pose) наитіемъ свыше, самое симпатичное и самое способное изъ живыхъ существъ, составляетъ живой законъ и, однимъ взглядомъ, какъ бы по вдохновенію, опредѣляетъ лѣстницу знаній, іерархію способностей и таксу вознагражденій. Оно избираетъ своихъ совѣтниковъ, при помощи ихъ назначаетъ начальниковъ второстепенныхъ и, пользуясь содѣйствіемъ этой бюрократической арміи, распредѣляетъ имущества: земли, капиталы, орудія труда, которыя государство получаетъ по наслѣдству. Всѣ производители превращаются въ чиновниковъ промышленности, получаютъ плату, соразмѣрно съ своими дѣлами, и пенсіонъ, поработавъ довольно (Чивилевъ).

Такимъ образомъ, въ сенъ-симонитскомъ обществѣ нѣтъ законовъ—это азіатскій деспотизмъ, съ организованною администраціею, которая своею оцѣнкою замѣняетъ свободную оцѣнку потребителей. Въ современной цивилизаціи произведенія цѣнятся мѣняющимися сторонами, по соглашенію, которое въ большинствѣ случаевъ нельзя не признать свободнымъ; по ученію сенъ-симони-

стовъ свободныя отношенія между производителями и потребителями замѣняются чиновническимъ произволомъ. Легко понять, въ какой степени становится примѣнимою приведенная выше формула распредѣленія.

2. Фурье.

Фурье—Charles Fourier. Изъ достаточнаго купеческаго семейства. Родился въ 1772 г., умеръ въ 1837 г. въ бѣдности, окруженный преданными ему учениками. Съ шестилѣтняго возраста онъ былъ привлеченъ отцомъ къ занятіямъ въ лавкѣ. По окончаніи съ успѣхомъ курса средней школы, Фурье поступилъ противъ своей воли въ одинъ ліонскій торговый домъ. Революція раззорила семейство Фурье, и онъ большую часть жизни исполнялъ обязанности купеческаго приказчика. Два обстоятельства въ ранней юности произвели глубокое впечатлѣніе на мальчика—понесенное имъ наказаніе въ отцовской лавкѣ за обнаруженіе торговаго обмана и потопленіе груза съ рисомъ для возвышенія цѣны товара во время голода. Это побудило Фурье вдуматься въ существующій хозяйственный порядокъ и искать средствъ для исправленія его недостатковъ.

Первое сочиненіе Фурье—«Теорія четырехъ движеній»—«Théorie des quatre mouvements», явилось въ 1808 г. и не обратило на себя никакого вниманія. Въ 1822 г. Фурье издалъ—«Трактатъ о домашней земледѣльческой ассоціаціи», которому онъ не рѣшился дать названія «Теорія всемірнаго единства»—«Théorie de l'unité universelle». Здѣсь онъ сравниваетъ себя съ Ньютономъ: Ньютонъ открылъ законъ всемірнаго тяготѣнія, Фурье полагалъ, что онъ открылъ законъ страстнаго притяженія! Но, ни это новое произведеніе, ни послѣдующія, напр., памфлетъ противъ Сенъ-Симона и Оуэна, не были замѣчены.

Послѣ іюльской революціи, на ряду съ сенъ-симонистами, фурьеристы образовали цѣлую школу и открыли

публичное преподаваніе. Наибольшій успѣхъ имѣлъ Викторъ Консидеранъ—воспитанникъ политехнической школы, недавно умершій, авторъ—«Общественной судьбы»—«Déstinée sociale». Не ограничиваясь распространеніемъ своего ученія въ особыхъ журналахъ, фурьеристы пытались осуществить общественное устройство, которому Фурье далъ названіе фаланстеры; дѣло не дошло однако до конца, по недостатку средствъ. Успѣхи фурьеризма въ 1847—1848 годахъ были столь значительны, что Викторъ Консидеранъ требовалъ отъ національнаго собранія, чтобы оно назначило часы засѣданій, для выслушанія его курса, и ассигновало суммы на устройство фаланстеры. Это была послѣдняя вспышка фурьеризма. Вскорѣ на первый планъ выступили во Франціи Луи Бланъ и Прудонъ, а въ Германіи—Лассаль и Марксъ.

Фурье поставляетъ цѣлью человѣка счастье, т. е. матеріальныя, чувственныя наслажденія, и полагаетъ, что счастіе можетъ быть достигнуто въ надлежащимъ образомъ устроенной общественной средѣ, въ которой страсти обнаруживаются свободно и, образуя между людьми страстныя притяженія, водворяютъ царство всемірной гармоніи.

Фурье признаетъ три рода страстей: а) пять страстей чувствъ—вкусъ, осязаніе, зрѣніе, слухъ, обоняніе; б) четыре страсти привязанностей—дружбу, честолюбіе, любовь, семейность (чувство родительской любви); в) три страсти распредѣляющія—интригу (cabaliste), перемѣнчивость (papillonne) и увлеченіе (composite). Страсти чувствъ влекутъ къ труду, который доставляетъ имъ удовлетвореніе; страсти привязанностей способствуютъ образованію группъ; страсти распредѣляющія—интрига возбуждаетъ соревнованіе, перемѣнчивость (переносящая человѣка отъ однихъ занятій къ другимъ) отнимаетъ у труда его утомительность, увлеченіе соединяетъ группы въ серіи и связываетъ серіи между собою.

Такимъ образомъ, взаимное притяженіе соединяетъ людей въ группы изъ 7-ми или 9-ти человѣкъ, которыя управляются избраннымъ главою, группы числомъ отъ 24 до 32 составляютъ серію, серіи — фалангу, заключающую въ себѣ отъ 1500 до 1800 человѣкъ подъ начальствомъ унарха. Двѣ фаланги состоятъ подъ вѣдѣніемъ избраннаго дуарха; наконецъ, когда организація покроетъ весь земной шаръ, тогда всемірная метрополія утвердится при Босфорѣ подъ начальствомъ омніарха.

Фаланга, составляющая общественную единицу гармоническаго общества, должна замѣнить собою поселеніе настоящаго устройства, огромнымъ зданіемъ — фаланстерою, вмѣщающимъ все населеніе фаланги съ общимъ хозяйствомъ, что, по Фурье, осуществитъ огромное сбереженіе. Независимо отъ этого, количество произведеній должно чрезвычайно умножиться, вслѣдствіе привлекательности труда. Люди, соединенные въ группы и серіи, будутъ заниматься производствомъ тѣхъ предметовъ, которые они любятъ потреблять (Фурье думаетъ, что въ этомъ заключается условіе привлекательности труда); ихъ занятія будутъ происходить не въ скучномъ одиночествѣ, а въ пріятномъ обществѣ сочувствующихъ другъ другу людей, которые будутъ возбуждены къ дѣятельности взаимнымъ соревнованіемъ и энтузіазмомъ; наконецъ, занятія эти отъ безпрерывной смѣны, чрезъ каждые два часа, перестанутъ утомлять человѣка. Когда фаланстеры покроютъ земной шаръ, тогда промышленныя арміи начнутъ выполнять гигантскія работы, полки гармоніи засадятъ лѣсами обнаженныя горы, полярныя страны процвѣтутъ и сдѣлаются обитаемыми, у сѣвернаго полюса появится вѣнецъ сѣвернаго сіянія, который будетъ разливать свѣтъ и теплоту и проч.

Распредѣленіе произведеній въ фалангѣ предполагается на слѣдующихъ началахъ: фаланстера основывается на

акціяхъ; всѣ землевладѣльцы и капиталисты, отказавшись отъ своихъ земель и капиталовъ, получатъ акціи, приносящія $^4/_{12}$ изъ общаго итога произведеній; $^5/_{12}$ пойдутъ на долю труда, $^3/_{12}$ на долю таланта. Вознагражденіе за необходимый трудъ должно быть самое большое, за полезный—меньшее, за пріятный — еще меньшее. Кромѣ того, каждый членъ фаланги получитъ право на minimum всѣхъ возможныхъ вещей даже тогда, когда онъ откажется работать, что можетъ случиться лишь при разстройствѣ умственныхъ способностей.

Приступая къ разбору ученія Фурье, слѣдуетъ прежде всего рѣшить вопросъ: достижима ли цѣль общества, которую Фурье полагаетъ въ счастіи человѣка? Едва ли. Въ физіологическомъ и психическомъ отношеніяхъ, какъ замѣчаетъ Оттъ (Ott. Traité d'économie sociale), человѣкъ не можетъ быть безусловно счастливъ. Онъ подверженъ физическимъ страданіямъ и испытываетъ чувство недовольства даже тогда, когда желанія его бываютъ удовлетворяемы. При томъ то, что составляетъ счастіе для одного человѣка, не есть счастіе для другого, и нормы для общаго счастія не существуетъ, по крайней мѣрѣ внѣ міра нравственнаго, въ которомъ господствуетъ чувство долга. Фурье полагаетъ, что счастіе осуществляется силою взаимнаго притяженія, которое возникаетъ при свободномъ обнаруженіи страстей. Дѣйствительно, взаимное притяженіе есть неоспоримая принадлежность міра нравственнаго, но оно не составляетъ результата страстей. Страсть мы считаемъ порокомъ, потому что она всецѣло овладѣваетъ человѣкомъ, лишая его способности дѣйствовать сознательно и свободно — напр., честолюбіе, зависть, гордость, гнѣвъ, чувственность; по Фурье страсти суть добродѣтели. Особое значеніе придаетъ Фурье распредѣляющимъ страстямъ (passions mécanisantes), прочія 9 страстей существуютъ по его мнѣнію и у *цивилизованныхъ*; но трудно объяснить себѣ

какимъ образомъ интрига или коварство (la cabaliste) вызоветъ соревнованіе, а не раздраженіе и ненависть; страсть къ перемѣнѣ (la papillone) облегчитъ трудъ, а не произведетъ хаоса въ отправленіи работъ; наконецъ, слѣпой порывъ увлеченія (la composite, fougue aveugle) создастъ гармонію, а не тѣ пагубныя послѣдствія (effets subversifs), которыя по Фурье составляютъ слѣдствіе страстей въ современныхъ обществахъ. Описывая сочетаніе страстей и образованіе подъ ихъ вліяніемъ группъ и серій, Фурье ничего не придумалъ для поясненія своей мысли, кромѣ дѣтскаго изображенія серіи садоводовъ, состоящей изъ группъ воздѣлывателей разныхъ сортовъ грушъ и кромѣ возмутительной картины чувственной распущенности.

Фурье мечтаетъ, что въ фаланстерѣ трудъ людей, производящихъ предметы, которые они любятъ потреблять, организованный въ соперничествующихъ группахъ и серіяхъ, оживленный разнобразіемъ и движимый восторженнымъ настроеніемъ, сдѣлается привлекательнымъ. Онъ считаетъ возможнымъ создать въ своей фаланстерѣ цѣлую систему дѣятельности—соединить занятія земледѣльческія съ мануфактурными, промышленныя съ научными и художественными; онъ грезитъ о какой-то небывалой производительности, о курахъ гармоніи, яйцами которыхъ можно будетъ уплатить англійскій государственный долгъ, о громадномъ развитіи производства, о безконечныхъ наслажденіяхъ. Обитатели фаланстеры проводятъ жизнь въ веселыхъ путешествіяхъ и нескончаемыхъ оргіяхъ, оживленныхъ потоками шампанскаго, плясками вакханокъ, баядерокъ и проч., и проч.

Неоспоримо, что трудъ можетъ быть привлекателенъ; но это свойство условливается или нравственною цѣлію трудящагося, или творчествомъ мысли и искусства, а не мнимою охотою къ работамъ, которыя доставляютъ намъ любимыя наслажденія; напротивъ, вопреки увѣреніямъ

Фурье, опытъ показываетъ, что люди любятъ потреблять многое изъ того, что они не любятъ производить. Впрочемъ Фурье, повидимому, и самъ сомнѣвается въ высказанной имъ мысли: такъ, напр., онъ не только назначаетъ для непріятнаго труда бо̀льшую плату, но совѣтуетъ вознаграждать людей, которые занимаются вывозомъ нечистотъ, высокими почетными титулованіями.

Равнымъ образомъ совершенно справедливо и то, что соединеніе земледѣлія съ другими отраслями занятій въ высшей степени полезно, но скорѣе въ гигіеническомъ, нежели въ промышленномъ отношеніи. Соединеніе разнообразныхъ отраслей дѣятельности съ промышленною цѣлію представляетъ очень часто непреодолимыя трудности; описывая группы, серіи и фаланги, Фурье не объясняетъ, какимъ образомъ будетъ устроено это соединеніе. Далѣе, при настоящихъ размѣрахъ фабрикъ, населеніе фаланстеры изъ 1800 человѣкъ едва достаточно для занятій одною отраслію промышленности, однимъ предпріятіемъ, съ примѣненіемъ надлежащихъ механическихъ двигателей, а тѣмъ болѣе невозможно совмѣстить въ фаланстерѣ разнородную дѣятельность, и ожидать, чтобы производительность въ ней была значительнѣе, чѣмъ у *цивилизованныхъ*. Одно изъ двухъ: или фаланстера должна представить соединеніе предпріятій въ малыхъ размѣрахъ, но тогда она сдѣлалась бы въ техническомъ отношеніи шагомъ назадъ; или же ей предстояло бы разростись въ настоящій большой городъ, гдѣ обиліе и дешевизна произведеній зависятъ отъ величины предпріятій и затраты въ нихъ огромныхъ капиталовъ, но тогда она перестала бы быть фаланстерою. Населенію дѣйствительной фаланстеры, предоставленному собственнымъ силамъ, не удалось бы проводить жизнь въ пиршествахъ, и пришлось бы помышлять о необходимомъ. А если предположить, что жители фаланстеры будутъ обезпечены предметами необходимости, то, при вознагражденіи за трудъ, основанномъ не на свободномъ

условіи, а на общественномъ приговорѣ, побужденіе къ дѣятельности оказалось-бы очень слабымъ.

Распредѣленіе доходовъ у Фурье, точно такъ же, какъ у Сенъ-Симона и у всѣхъ послѣдователей соціализма и коммунизма, погрѣшаетъ однимъ и тѣмъ же недостаткомъ: оно составляетъ результатъ не соглашенія между производителями, торговцами и потребителями, а слѣдствіе распоряженія выборнаго управленія. Фурье самъ не полагается на это распоряженіе и назначаетъ нормы для вознагражденія труда, капитала и таланта!

Наконецъ, въ фаланстеріальномъ устройствѣ, все населеніе земного шара подчиняется мертвому механическому однообразію: земля, покрытая фаланстерами, походитъ на шахматную доску съ размѣренными клѣтками, въ которыхъ для личности человѣка, для его свободы и самостоятельности не можетъ быть мѣста, потому что общественная организація сохраняетъ за нимъ одну свободу—произвольно мѣнять трудъ и наслажденія, но не располагать плодами своего труда, такъ какъ общество не позволяетъ своимъ членамъ имѣть независимое существованіе, а заставляетъ ихъ трудиться сообща въ общихъ предпріятіяхъ.

3. Робертъ Оуэнъ [1]).

Робертъ Оуэнъ (родился въ 1771 году, умеръ въ 1858) 10-ти лѣтъ поступилъ приказчикомъ, 13-ти лѣтъ имѣлъ долю въ дѣлахъ одного лондонскаго купца, затѣмъ былъ пайщикомъ и управителемъ нѣкоторыхъ бумагопрядиленъ, наконецъ, въ качествѣ товарища Дэля, принялъ въ свое вѣдѣніе Нью-Ланарскую бумагопрядильню, въ которой было примѣнено изобрѣтеніе Аркрайта. Жители Нью-Ланарка состояли изъ сброда, навербованнаго въ трехъ королевствахъ. Бѣдность, лѣность, воровство, пьянство, невѣже-

[1]) Сравни: Sargant. Robert Owen and his philosophy. London. 1860.

ство, развратъ, религіозныя распри господствовали въ этой колоніи. Оуэну достаточно было 4-хъ лѣтъ для того, чтобы сдѣлать это безпорядочное и бѣдствующее двухтысячное населеніе счастливымъ и образцовымъ.

Всѣ пороки были искоренены, безъ употребленія силы и наказанія. Оуэнъ подчинилъ рабочихъ хорошему надзору и научилъ ихъ стыдиться дурныхъ поступковъ; построилъ для нихъ здоровые коттеджи съ садами и отдалъ имъ дома въ наемъ, не разсчитывая на выгоду; завелъ лавки, для снабженія предметами потребленія, гдѣ можно было получить всѣ вещи и припасы за цѣну, по которой они обходились при заготовленіи; устроилъ хорошій дешевый общій столъ для холостыхъ; завладѣлъ торговлею напитками, продавая ихъ съ уступкою 30%, и искоренилъ пьянство, подчинивъ пьющихъ наблюденію; основалъ для дѣтей школы, изъ которыхъ наказанія были устранены. Нравственное возрожденіе Нью-Ланарка оказалось и экономически выгоднымъ. Не прибѣгая къ обыкновеннымъ продѣлкамъ для того, чтобы нажить случайные барыши, Оуэнъ предупреждалъ покупщиковъ своихъ фабричныхъ произведеній объ ожидаемыхъ цѣнахъ и пріобрѣлъ довѣріе, которое, при отличномъ ходѣ дѣлъ на фабрикѣ, сдѣлало его милліонеромъ.

Блестящій успѣхъ, достигнутый въ Нью-Ланаркѣ, Оуэнъ приписалъ не себѣ лично, но своей системѣ, которую онъ изложилъ въ сочиненіи «Новые взгляды на общество или изслѣдованіе объ образованіи человѣческаго характера» — «New views of society or essay upon the formation of human character» 1812 и въ «Книгѣ новаго міра» — «Book of the new world». Вся дальнѣйшая жизнь его была посвящена распространенію началъ своей системы и примѣненію ихъ на практикѣ.

Сущность ученія Оуэна заключалась въ слѣдующемъ: человѣкъ не добръ и не золъ по своей природѣ; ему присущи чувственныя влеченія, разумъ и нравственныя стре-

мленія, которые получаютъ хорошее или дурное направленіе, смотря потому, въ какой онъ развивается средѣ. Человѣкъ не подлежитъ отвѣтственности и не заслуживаетъ наградъ за свои мысли и дѣйствія, потому что онъ таковъ, какимъ онъ долженъ быть. Дурной характеръ слѣдуетъ разсматривать какъ болѣзнь, которая требуетъ лѣченія. Соціальное правительство обязано прежде всего заняться образованіемъ, которое, служа основою для счастія и нравственности, должно развить физическія и нравственныя качества человѣка, разсѣять предразсудки, страхъ смерти, возбудить чувство доброжелательства къ ближнимъ и стремленіе къ самоусовершенствованію. Въ послѣднемъ Оуэнъ видитъ поклоненіе Высшему Существу. Затѣмъ необходимо создать общественныя учрежденія, сообразныя съ человѣческою природою. Каждому въ обществѣ долженъ быть предоставленъ возможно большій просторъ для развитія своей личности— свобода мысли и слова. Основное начало совмѣстной жизни состоитъ въ томъ, что никто не можетъ требовать отъ своего собрата услуги, которой послѣдній не могъ бы получить отъ него. Поэтому всѣ обязаны работать, и общая работа даетъ одинаковое право. Разные виды работъ и услугъ опредѣляютъ положеніе человѣка въ обществѣ. Такъ какъ каждый получаетъ за свой трудъ достаточное содержаніе и каждый питаетъ чистое благорасположеніе къ своимъ собратіямъ, а въ случаѣ болѣзни лѣчится на счетъ общества, то частная собственность оказывается излишнею. Въ 15 лѣтъ оканчивается образованіе, человѣкъ становится работникомъ и вступаетъ съ женщиною въ связь, которая прекращается, если оказывается несчастною. Въ общинѣ, принимающей видъ большого семейства, исчезаетъ бракъ; дѣти получаютъ публичное воспитаніе на счетъ общества и ради его цѣлей. Соціальное правительство должно приступить къ преобразованію существующаго общества и приготовить ему счастливую будущность, основывая внѣ городовъ общины изъ 500—

до 2000 членовъ, снабжая ихъ необходимымъ и приводя въ гармонію производство и потребленіе, земледѣліе и обрабатывающую промышленность, ручную работу и работу машинъ. Община дѣлится на возрастные классы; самые сильные и взрослые исполняютъ самыя важныя занятія, занимаются управленіемъ и направленіемъ цѣлаго. Во главѣ управленія находится Главный совѣтъ, состоящій изъ членовъ отъ 30 до 60-лѣтняго возраста; онъ отвѣтственъ передъ общиною и можетъ быть смѣненъ общимъ собраніемъ, въ которомъ имѣютъ право голоса всѣ члены, начиная съ 16-ти лѣтъ. Спорные вопросы рѣшаетъ судъ посредниковъ изъ 3-хъ старшихъ по лѣтамъ членовъ. Главный совѣтъ общины поддерживаетъ ея сношенія съ другими общинами и установляетъ между ними духовныя и матеріальныя связи. Матеріальную основу устройства подобнаго общества составляетъ богатство; нравственность является какъ необходимое послѣдствіе; но земля, по убѣжденію Оуэна, даетъ богатство въ изобиліи, если только человѣчество сдѣлаетъ усиліе для того, чтобы собирать ея сокровища.

Съ 1812 по 1817 годъ Оуэнъ находился наверху своей славы. Нью-Ланаркъ привлекалъ многочисленныхъ путешественниковъ, между которыми находились не только лица, занимавшія высокое общественное положеніе, но и члены царствующихъ фамилій — въ числѣ посѣтителей былъ Великій Князь, впослѣдствіи Императоръ, Николай Павловичъ. Оуэнъ имѣлъ приверженцевъ въ парламентѣ, въ администраціи, въ торговомъ мірѣ. Въ 1817 г. онъ начинаетъ открытую борьбу съ существующими религіями. Въ Испаніи, при Филиппѣ II, Оуэнъ попалъ бы на костеръ, говоритъ Рейбо, въ Римѣ — его постигла бы анаѳема, въ Англіи—его предали забвенію. Онъ сохранилъ небольшое число послѣдователей, но не имѣлъ партіи. Его попытка основать въ Соединенныхъ Штатахъ колонію на началахъ своей системы (New Harmony) потерпѣла совершенную неудачу; его пропаганда въ Англіи

стоила ему громадныхъ денегъ, но не находила отголоска даже въ рабочихъ классахъ, которые были увлечены чартизмомъ — движеніемъ политическимъ, стремившимся къ доставленію преобладанія рабочимъ классамъ посредствомъ всеобщей подачи голосовъ. Оуэнъ жилъ и продолжалъ ратовать за свою систему до послѣднихъ дней жизни, но его вліяніе было ничтожно.

Переходя къ оцѣнкѣ трудовъ этого замѣчательнаго человѣка, нельзя не признать въ немъ рѣдкаго административнаго таланта и глубокой любви къ ближнему, которую онъ умѣлъ перенести на самое дѣло. Но Оуэнъ, вступившій на поприще практической дѣятельности въ десятилѣтнемъ возрастѣ, не получилъ солиднаго образованія—онъ былъ самоучкою; какъ многіе самоучки, онъ, не задумываясь, выработалъ свою систему и ожидалъ отъ нея того, что было плодомъ его личнаго участія и труда. Воззрѣнія Оуэна на природу человѣка и на общество погрѣшаютъ крайними обобщеніями. Малый міръ Нью-Ланарка, въ которомъ онъ былъ неограниченнымъ распорядителемъ, разросся въ его воображеніи въ общины, покрывающія весь земной шаръ; успѣхи въ перерожденіи нью-ланарскаго населенія и въ воспитаніи дѣтей представились ему слѣдствіемъ примѣненія новыхъ идей, независимо отъ его доброжелательной дѣятельности.

Разсматривая характеръ человѣка, какъ произведеніе внѣшнихъ вліяній, Оуэнъ напоминаетъ ученіе матеріалистовъ, съ тѣмъ различіемъ, что послѣдніе приписывали особое значеніе физической природѣ, между тѣмъ какъ Оуэнъ видѣлъ причину образованія человѣческаго характера въ общественныхъ условіяхъ и на нихъ основывалъ отрицаніе свободы воли и пресловутую теорію невмѣняемости. «Человѣкъ», говоритъ Оуэнъ, «не заслуживаетъ ни наградъ, ни наказаній — онъ таковъ, какимъ онъ долженъ быть». Но, смотря на человѣка съ этой точки зрѣнія, нельзя не признать равно безотвѣтственными и преступника, и карающую

власть, хотя бы преступленіе выказывало величайшую безнравственность, а возмездіе запечатлѣно было беззаконіемъ и жестокостію. Подобное ученіе приводитъ къ отрицанію возможности слѣдовать или не слѣдовать нравственному долгу, и къ признанію полнѣйшаго безразличія между добромъ и зломъ.

Устройство общества, по идеалу Оуэна, страждетъ недостатками, общими всѣмъ системамъ коммунизма, но отличается только большею непослѣдовательностію. Оуэнъ хочетъ развитія личности, свободы мнѣній, свободы слова, но въ то же время исключаетъ ихъ подчиненіемъ человѣка коммунистическому управленію, общностію имущества и уничтоженіемъ семейства. Оуэнъ искалъ движущаго начала для своего общества въ общихъ основаніяхъ своей системы, тогда какъ въ Нью-Ланаркѣ движущею силою былъ онъ самъ, а гарантіею свободы была та общественная некоммунистическая среда, которая его окружала.

Обращаясь къ правительствамъ, приглашая ихъ способствовать осуществленію его системы, Оуэнъ не ставилъ непремѣннымъ условіемъ появленія *новаго міра*, чтобы существующія правительства взялись за это дѣло. Луи Бланъ и Лассаль возлагаютъ исполненіе своихъ программъ на государство. Оба они являются не учеными мечтателями, а политическими агитаторами.

4. Луи Бланъ.

Луи Бланъ (L. Blanc) родился въ 1813, умеръ въ 1882 г., окончательное образованіе получилъ въ Парижѣ. Въ молодости былъ домашнимъ учителемъ, писцомъ у адвоката, сотрудникомъ нѣкоторыхъ газетъ, журналистомъ и испыталъ крайнюю нужду, что навело его на мысль объ отысканіи средствъ для улучшенія участи рабочихъ. Въ 1839 году появилась его «Организація труда» — «Organisation du travail» сочиненіе, доставившее ему громкую извѣстность. Въ неболь-

шомъ объемѣ оно содержитъ и осужденіе современнаго экономическаго устройства, и планъ преобразованія послѣдняго. Кромѣ другихъ мелкихъ статей соціалистическаго содержанія, Луи Бланъ написалъ Исторію десятилѣтія (1830—40 гг.)— Histoire de dix ans, вышло въ 1841 — 44 гг., и Исторію французской революціи, вышло въ 1847—62 гг. Оба сочиненія отличаются соціалистическимъ направленіемъ. Въ 1848 г. Луи Бланъ былъ членомъ временнаго правительства и предсѣдателемъ рабочаго собранія въ Люксембургскомъ дворцѣ. По его иниціативѣ учреждены были общественныя мастерскія—Ateliers nationaux,—но онъ не призналъ ихъ осуществленіемъ своихъ идей. Событія 15 мая 1848 г. заставили Луи Блана бѣжать въ Англію. Онъ возвратился во Францію въ 1870 г. и въ 1876 г. былъ избранъ въ законодательное собраніе, въ которомъ принадлежалъ къ радикальной партіи.

Планъ Луи Блана, изложенный въ его Organisation du travail, исключительно направленъ противъ соперничества, которое, по его мнѣнію, составляетъ причину всеобщаго раззоренія. Соперничество, говоритъ Луи Бланъ, должно быть уничтожено соперничествомъ. Правительство, или государство, владѣетъ самымъ большимъ капиталомъ; устроивъ общественныя мастерскія, оно заставитъ частныхъ лицъ отказаться отъ своихъ предпріятій, и такимъ образомъ вся частная промышленность сольется въ государственно-экономическія предпріятія, въ которыхъ сначала будетъ назначенное, а потомъ выборное управленіе. Произведенія общественныхъ мастерскихъ подлежатъ раздѣлу на 3 части и предназначаются: одна — для распредѣленія поровну между рабочими, другая — для содержанія стариковъ, больныхъ и для составленія запаса на случай кризисовъ, третья — для пріобрѣтенія орудій производства.

Выше было указано на значеніе соперничества, поэтому нечего объяснять, почему нѣтъ надобности въ его

уничтоженіи. Затѣмъ должно замѣтить, что если есть отрасли хозяйства, за которыя государство можетъ взяться съ равнымъ или даже съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ частыя лица, то это такія, которыя по существу своему имѣютъ или монопольный характеръ, или отличаются простотою манипуляцій и легкостію контроля. Вообще же попытки государства заниматься промышленностію по большей части бывали не удачны, потому что управляющіе почти всегда думали о своемъ собственномъ интересѣ, а не о выгодахъ предпріятія. Справедливо, что государство можетъ убить своимъ соперничествомъ ту или другую отрасль промышленности, употребивъ для этого податные сборы; оно можетъ продавать въ убытокъ себѣ и даже раздавать даромъ предметы, произведенные на финансовыя средства, но кто выиграетъ отъ этого? Конечно не плательщики податей. Наконецъ, при равенствѣ вознагражденія, побужденіе къ труду будетъ очень слабо: сколько бы не сработало отдѣльное лицо, оно можетъ разсчитывать только, смотря по числу работающихъ, на $^1/_{100}$ или $^1/_{1000}$ изъ общаго итога произведеній. Цѣль каждаго работника будетъ состоять въ томъ, чтобы трудиться какъ можно менѣе и получить какъ можно болѣе. Луи Бланъ думалъ замѣнить частный интересъ чувствомъ чести и ссылался на французское войско; но, говоритъ Рошеръ, Луи Бланъ забывалъ о статьяхъ, назначающихъ французскому солдату смертную казнь, при недостаткѣ этого point d'honneur, и о томъ, что не всѣ люди отличаются одинаковымъ сознаніемъ нравственнаго долга.

5. Лассаль.

Фердинандъ Лассаль, изъ еврейскаго купеческаго семейства. Родился въ Бреславлѣ въ 1825 г., убитъ на дуэли въ 1864 г. Изучалъ филологію и философію въ Берлинѣ и выступилъ съ 1857 г. на учено-литературное

поприще, какъ авторъ сочиненія «Философія Гераклита Эфесскаго». Въ 1861 появилась его «Система пріобрѣтенныхъ правъ» (въ 2-хъ томахъ)—«System der erworbenen Rechte». Эти два сочиненія доставили автору почетную извѣстность между спеціалистами. Затѣмъ Лассаль напечаталъ рядъ памфлетовъ, которые содержатъ въ себѣ произнесенныя имъ рѣчи, посланія къ рабочимъ и др. небольшія статьи соціалистическаго содержанія. Къ болѣе замѣчательнымъ относятся: 1) «Открытое отвѣтное письмо къ комитету рабочаго конгресса 1863 г.» — «Das offene Antwortschreiben», содержащее въ себѣ изложеніе его ученія. 2) «Къ рабочему вопросу» — «Zur arbeitfrage» — рѣчь на Лейпцигскомъ конгрессѣ того же года. 3) «Непрямой налогъ и положеніе рабочихъ классовъ». 1863 — «Die indirecte Steuer». 4) «Бастіа-Шульце Деличъ» 1864 — «Bastiat Schulze von Delitzsch» и др. Большая часть рѣчей произнесены были Лассалемъ на сходкахъ рабочихъ и передъ судами въ свою защиту. Онѣ, равно какъ и другіе его памфлеты, отличаются страстностію, неразборчивостію въ средствахъ и разсчитаны лишь на то, чтобы увлечь толпу.

Эта агитаторская дѣятельность поставила Лассаля въ 1863 г. во главѣ созданной имъ германской соціально-демократической партіи.

Въ своихъ памфлетахъ и рѣчахъ Лассаль доказывалъ несостоятельность существующаго экономическаго порядка, въ которомъ господствуетъ желѣзный законъ [1]) спроса и предложенія, низводящій среднюю заработную плату до того предѣла, когда она доставляетъ рабочимъ только средства для существованія и для пополненія своихъ рядовъ, истребляемыхъ сильнѣйшею смертностію. Противъ этихъ золъ безсильны ссудо-сберегательныя товарищества, рекомендованныя Шульце-Деличемъ, такъ какъ поддержка

[1]) Das eherne Gesetz, въ буквальномъ переводѣ—мѣдный законъ.

ими мелкихъ предпріятій можетъ лишь продлить агонію послѣднихъ въ борьбѣ съ крупными, которые работаютъ и лучше, и дешевле.

Единственный выходъ изъ этого положенія, по мнѣнію Лассаля, заключается въ основанномъ на всеобщей подачѣ голосовъ народномъ представительствѣ, которое доставило бы господство рабочимъ классамъ. При содѣйствіи такого представительства, возникнутъ ассоціаціи, обнимающія все рабочее сословіе; государство, утверждая ихъ уставы и контролируя ихъ дѣйствія, должно оказать имъ содѣйствіе кредитомъ и гарантіею процентовъ. Лассаль полагаетъ, что Государственный Банкъ съ капиталомъ въ 100 милліоновъ можетъ выпустить на 400 мил. талеровъ билетовъ, а 100 милліоновъ было бы уже достаточно для учрежденія ассоціацій изъ 400,000 рабочихъ, составляющихъ съ семействами 2 милліона населенія. Такимъ образомъ рабочіе, при содѣйствіи государства, должны обратиться въ предпринимателей, и получать вмѣстѣ съ заработною платою промышленную прибыль, а государство сдѣлать то, что оно сдѣлало при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, т. е. гарантировать предпринимателямъ проценты. Это требованіе, по мнѣнію Лассаля, тѣмъ болѣе справедливо, что населеніе по крайней мѣрѣ прусскаго королевства состоитъ изъ $96^1/_4$ процентовъ угнетенныхъ нуждою бѣдняковъ и въ сущности составляетъ уже ассоціацію бѣднѣйшихъ классовъ.

Взглядъ Лассаля на происхожденіе нищеты рабочаго класса представляетъ развитіе до крайнихъ послѣдствій нѣкоторыхъ изъ положеній послѣдователей Смита, въ особенности Рикардо, относительно стремленія заработной платы упасть до крайняго низшаго предѣла. Явленіе это объясняли различно — одни приписывали его свободному соперничеству, другіе преобладанію капитала надъ трудомъ, третьи чрезмѣрному возрастанію населенія при болѣе

медленномъ приращеніи производства средствъ существованія. Признавая въ большинствѣ случаевъ фактъ нищеты рабочаго класса, нельзя однако не замѣтить, что причины этой нищеты очень разнообразны и что положеніе Лассаля о *желѣзномъ законѣ*, установляющемъ заработную плату, выставляется какъ общее правило, какъ аксіома: между тѣмъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ спросъ на трудъ можетъ быть, и бываетъ сильнѣе предложенія труда.

Что касается средства, предложеннаго Лассалемъ, то, во 1-хъ, всеобщая подача голосовъ (во Франціи и въ Германской Имперіи давно уже существующая), каковы бы ни были ея достоинства и недостатки, не привела еще къ господству рабочаго сословія. Затѣмъ, еслибы даже ожиданія Лассаля и сбылись, то возникновеніе ассоціацій рабочихъ, о которыхъ онъ говоритъ, едва ли могло бы привести къ ожидаемымъ имъ результатамъ. Господство бѣднаго населенія имѣло бы своимъ послѣдствіемъ не мирное разрѣшеніе соціальнаго вопроса, а соціальную войну, исходомъ которой была бы тираническая диктатура. Лассаль предполагалъ капиталъ для большихъ предпріятій рабочихъ сословій взять у богатыхъ, которые, уступая свои деньги за низкую ренту, въ сущности были бы обобраны. Фраза, что $96\,^1/_4\%$ населенія въ Пруссіи составляютъ уже ассоціацію бѣдныхъ, есть насмѣшка надъ здравымъ смысломъ, потому что ассоціаціи бѣдняковъ не создаютъ крупныхъ предпріятій. Предлагая создавать рабочія ассоціаціи на бумажныя деньги, Лассаль выказываетъ полное незнакомство съ кредитомъ. Нельзя сказать, что Банкъ, имѣющій 100 мил. монетою, можетъ совершенно безопасно выпустить на 400 мил. билетовъ. Еслибы это было такъ, то въ Россіи и Австріи, страдающихъ отъ неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, билеты были бы давно равноцѣнными съ монетою. Далѣе, какіе проценты можетъ гарантировать правительство кредиторамъ ассоціацій, образованныхъ изъ рабочихъ въ странѣ

(Пруссіи), насчитывающей по словамъ Лассаля 96 1/4% бѣдняковъ, гдѣ также возможны и кризисы, надъ которыми государство не всегда бываетъ властно. Наконецъ, есть ли малѣйшая вѣроятность, что работа въ этихъ ассоціаціяхъ, хотя бы и подъ надзоромъ государства, была успѣшна и чтобы распредѣленіе работъ, вознагражденіе труда и сбытъ произведеній, при участіи выборныхъ, происходили согласно съ желаніями рабочихъ, интересами потребителей и выгодами кредиторовъ? Изъ предыдущаго можно заключить, что сила и значеніе Лассаля заключались въ его ораторскомъ талантѣ, въ умѣніи вліять на массы, а не глубинѣ и основательности его мыслей.

Вообще должно замѣтить, что оригинальнаго у него немного. Болѣе всего его теоріи сходятся съ доктриною Луи Блана. Оба они возлагали осуществленіе своего плана на государство, только Луи Бланъ прямо и открыто высказывалъ свою мысль, а Лассаль придавалъ своимъ товариществамъ видъ свободныхъ соглашеній, но въ то же время требовалъ отъ государства и денегъ, и гарантіи доходности, и уставовъ, и надзора. Можно найти также въ рѣчахъ и памфлетахъ Лассаля кое-какія черты, напоминающія Родбертуса, Прудона и Маркса; но это сходство относится скорѣе къ критикѣ существующаго, чѣмъ къ планамъ соціальныхъ преобразованій. Родбертусъ былъ противникомъ производительныхъ товариществъ и стоялъ за сохраненіе наемной платы. Прудонъ болѣе философъ и критикъ, у котораго Лассаль находилъ лишь матеріалъ для агитаціи (чуждой Прудону). Наконецъ, Марксъ расходился съ Лассалемъ не только относительно прибавочной цѣнности, какъ причины нищеты, но и относительно соціальнаго переворота. У Лассаля преобладаетъ государственное національное, а не космополитическое направленіе. Насколько оно было искренне — это другой вопросъ. Не слѣдуетъ забывать впрочемъ, что разгаръ агитаторской дѣятельности Лассаля от-

носится къ 1863—1864 годамъ, къ порѣ зарождавшагося объединенія Германіи, когда массы были очень чутки къ государственнымъ національнымъ интересамъ, ожидавшимъ своего осуществленія.

Глава XII.

Философскій и критическій соціализмъ.

Названіе это, быть можетъ, не совсѣмъ точно, но трудно пріискать другое для ученій тѣхъ соціалистовъ, которые не предлагали цѣлой системы общественнаго устройства, а, выясняя причины ненормальныхъ экономическихъ явленій, намѣчали только пути, долженствовавшіе привести къ перерожденію современнаго общества. Къ этой группѣ соціалистовъ слѣдуетъ отнести Родбертуса, Прудона и Маркса.

1. Родбертусъ (Rodbertus-Jagetzow).

Родбертусъ родился въ 1805, умеръ въ 1875 г., сынъ профессора Римскаго Права въ Грейфсвальдскомъ университетѣ. Родбертусъ получилъ юридическое образованіе въ Геттингенѣ и Берлинѣ; занималъ сначала судебныя должности, потомъ вышелъ въ отставку, много путешествовалъ, и въ 1834 г. купилъ въ Помераніи дворянское имѣніе Ягетцовъ, названіе котораго обыкновенно присоединяется къ его фамиліи. Былъ выбранъ въ Ландтагъ и короткое время (въ 1847 г.) состоялъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія въ Министерствѣ Ауэрсвальда-Ганземанна. Въ 1849 г. Родбертусъ удалился отъ общественной дѣятельности и посвятилъ остальную жизнь изученію соціальнаго вопроса. Изъ сочиненій его наиболѣе замѣчательны «Письма къ фонъ-Кирхману» — «Beleuchtung der Socialen Frage. Sociale

Briefe an von Kirchman», появлявшіяся съ 1850 г. въ видѣ обширныхъ трактатовъ, затѣмъ нѣкоторыя мелкія статьи, въ особенности «Нормальный рабочій день» — «Der normale Arbeitstag», 1871 г. [1]).

При жизни Родбертусъ, какъ писатель, былъ мало извѣстенъ; впервые обратили на него вниманіе соціалисты-каѳедры (Kathedersocialisten), проф. Адольфъ Вагнеръ и другіе сторонники расширенія круга участія государства въ дѣлахъ народнаго хозяйства.

Признавъ трудъ единственною производительною силою, сущностію цѣнности, мѣриломъ послѣдней болѣе точнымъ, чѣмъ драгоцѣнные металлы, Родбертусъ пришелъ къ заключенію, что доходы, получаемые собственниками земли и капитала, производятся трудомъ работниковъ и имѣютъ не экономическое, а юридическое основаніе.—Присвоеніе произведеній чужаго труда достигалось въ древности при помощи рабства, а въ германско-христіанскомъ мірѣ оно установлено положительнымъ правомъ. Законы о правѣ собственности на земли и на капиталы составляютъ причину обѣднѣнія рабочихъ классовъ—пауперизма и торговыхъ кризисовъ. Предоставленные самимъ себѣ, работники лишены возможности когда-либо, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, выйти изъ состоянія нищеты, и воспользоваться благодѣяніями возрастающей культуры. Средствомъ для этого, по мнѣнію Родбертуса, можетъ служить установленіе нормальнаго урочнаго рабочаго дня, полагая его въ 6, 8, 10 и 12 часовъ, смотря по роду занятій, при чемъ однако должно быть опредѣлено, сколько въ означенное нормальное число часовъ можетъ быть среднимъ числомъ исполнено работы. За такую урочную работу, установленную при участіи государства, соглашеніемъ нанимателей съ работниками, должна выда-

[1]) Rodbertus-Jagetzow. Kleine Schriften, p. 337—359.

ваться заработная плата на слѣдующемъ основаніи. Изъ совокупности всего произведеннаго даннымъ предпріятіемъ отчисляется сначала доля, необходимая для покрытія государственныхъ расходовъ, и доля, соотвѣтствующая доходамъ землевладѣльцевъ или капиталистовъ, которую тѣ или другіе получали до установленія нормальнаго урочнаго рабочаго дня. Доходы эти должны оставаться постоянными, и никакой новой прибавкѣ, при усиленіи производительности труда, не подлежатъ. Остатокъ распредѣляется, какъ заработная плата, по слѣдующему разсчету: если нормальный рабочій день будетъ опредѣленъ въ 10 часовъ, и работа урочная будетъ исполнена въ эти часы сполна, то подлежитъ выдачѣ полная плата; если въ 10 часовъ будетъ исполнена половина урочной работы, то подлежитъ выдачѣ половина платы; если будетъ исполнена работа въ $1^1/_2$ раза превышающая урочную работу, то подлежитъ выдачѣ полуторная заработная плата.

Затѣмъ Родбертусъ предлагаетъ выпускъ государствомъ особыхъ бумажныхъ денегъ съ цѣнностію, выраженною рабочимъ временемъ. Такія деньги должны служить для выдачи заработной платы и для оказанія дешеваго кредита подъ товары, помѣщаемые въ склады, устроенные государствомъ; на первое время подъ товары, предназначенные для потребленія рабочихъ (Lohngüter).

По словамъ Родбертуса, соціальный вопросъ имѣется на лицо и не разрѣшится ни самъ собою, ни на улицѣ — стачками, баррикадами и петролеумомъ; но онъ можетъ быть разрѣшенъ установленіемъ нормальнаго урочнаго рабочаго дня при энергическомъ содѣйствіи государства. Этимъ путемъ собственники земли и капитала ничего не лишатся изъ того, что они имѣютъ, но все будущее возрастаніе національнаго производства обратится въ пользу работниковъ.

Таковъ конечный выводъ, къ которому пришелъ Род-

бертусъ. На первый взглядъ, авторъ какъ будто не касается частной собственности, сохраняетъ вольнонаемный трудъ и ограничивается возложеніемъ на государство регулированія заработной платы, въ видахъ устраненія въ будущемъ нищеты рабочаго класса. Поэтому казалось бы можно признать Редбертуса консерваторомъ, тѣмъ болѣе что онъ не былъ сторонникомъ революціонныхъ переворотовъ, а тонъ его сочиненій всегда серіозный и спокойный, мѣстами только нѣсколько рѣзкій, никогда не впадаетъ въ декламацію.

Вникая нѣсколько глубже, нельзя однако не признать, что мысли Родбертуса по существу мало чѣмъ отличаются отъ идей крайнихъ соціалистовъ. Во-первыхъ, считая трудъ единственною производительною силою и утверждая, что цѣнность всѣхъ предметовъ, служащихъ къ удовлетворенію нашихъ потребностей, зависитъ отъ труда работниковъ, Родбертусъ долженъ былъ придти къ отрицанію права на доходы землевладѣльцевъ и капиталистовъ. Это было бы правильнымъ заключеніемъ, изъ невѣрной посылки. Между тѣмъ, авторъ остановился на половинѣ пути и, сохраняя за собственниками то, чѣмъ они обладаютъ, не допускаетъ лишь дальнѣйшаго возрастанія ихъ имущества на счетъ увеличенія производительности. Но очевидно, еслибы существующая собственность была плодомъ чужого труда, то могла ли бы она имѣть какое-либо оправданіе?—Никакого. Считая дальнѣйшее накопленіе существующей собственности несправедливымъ, Родбертусу слѣдовало бы признать таковымъ и прежнее ея образованіе, и всякое возникновеніе новой собственности.

Слова Родбертуса, что у собственниковъ, которымъ обезпечивается прежній получаемый ими доходъ, ничего не отнимается, звучатъ ироніею. Всякая новая затрата, сдѣланная землевладѣльцемъ или фабрикантомъ въ видахъ усиленія производства, обратится имъ въ ущербъ,—у соб-

ственниковъ будетъ отнято право на все, что они могли пріобрѣтать въ прежнее время до установленія нормальнаго рабочаго дня не только безъ всякаго нарушенія правъ рабочихъ, но даже съ пользою для послѣднихъ, накопляя и затрачивая свои сбереженія.

Такимъ образомъ главный источникъ заблужденій Родбертуса, равно какъ и др. соціалистовъ, состоитъ въ ошибочномъ понятіи о производствѣ и о создаваемой производствомъ цѣнности.

Не подлежитъ сомнѣнію, что трудъ не составляетъ единственной производительной силы, что въ производствѣ работаютъ не однѣ мышцы человѣка, а также стальные мышцы машинъ, органическія и неорганическія силы природы, накопленныя матеріальныя и духовныя средства, а наконецъ и весь организмъ болѣе или менѣе развитой общественной жизни. Всѣ эти силы создаютъ не только годность, но и цѣнность произведеній, выражающую степень необходимости и доступности послѣднихъ для человѣка. Также точно несомнѣнно, что собственность, какъ совокупность средствъ, находящихся въ обладаніи человѣка, и какъ итогъ извѣстной принадлежащей ему цѣнности, составляетъ результатъ предшествовавшаго производства и условій, подъ вліяніемъ которыхъ она образовалась. Разсматривая собственность, какъ цѣнность, нельзя не признать, что она создается трудомъ, капиталомъ, природою и общественными условіями, а между прочимъ и тѣмъ, что современные германскіе экономисты называютъ *коньюнктурами*, т. е. стеченіемъ случайныхъ обстоятельствъ. Такъ, напр., цѣнность земли возрастаетъ независимо отъ сдѣланныхъ въ нее затратъ, вслѣдствіе проведенія дорогъ, увеличенія населенія и пр. Политическая экономія и развивающееся подъ вліяніемъ ея законодательство стремятся къ тому, чтобы обратить въ общественное достояніе ту цѣнность, которая образуется обще-

ственными условіями, и обезпечить человѣку собственность, составляющую результатъ производства и его сбереженій. Борьба съ легкою наживою, съ спекулятивною игрою, съ биржевыми продѣлками, ведется обществомъ съ возрастающею энергіею, и съ успѣхомъ болѣе вѣрнымъ, нежели тотъ, котораго можно ожидать отъ осуществленія нормальнаго урочнаго рабочаго дня.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію послѣдняго, нельзя однако не замѣтить, что Родбертусъ почти не выясняетъ предполагаемый имъ процессъ присвоенія собственниками того, что производится работниками. Луи Бланъ и Лассаль указывали на неблагопріятное для работниковъ соперничество въ спросѣ и предложеніи, Марксъ — на образованіе того, что онъ называетъ прибавочною цѣнностію, Родбертусъ упоминаетъ о соперничествѣ только вскользь, и, повидимому, раздѣляетъ взглядъ Лассаля на «желѣзный законъ», доводящій заработную плату до крайняго низшаго предѣла. Въ видахъ противодѣйствія паденію заработной платы онъ рекомендуетъ установленіе нормальнаго урочнаго рабочаго дня и особый порядокъ распредѣленія результатовъ производства.

Мысль, что нормальный рабочій день не долженъ быть одинаковъ для всѣхъ занятій, и что вознагражденіе труда должно сообразоваться не съ числомъ рабочихъ часовъ, а съ выполненною работою, представляется на первый взглядъ правильною, но осуществленіе ея на практикѣ было бы соединено съ непреодолимыми затрудненіями. Пришлось бы опредѣлить продолжительность рабочихъ дней и часовую урочную работу въ тысячахъ разнообразныхъ занятій и даже въ однородныхъ работахъ, различныхъ лишь или по матеріалу, съ которымъ рабочіе имѣютъ дѣло, или по условіямъ, при которыхъ приходится трудиться, или наконецъ по требуемому качеству самой работы (напр. большей или меньшей тщательности). Разсчетъ, состав-

ленный архитекторомъ Петерсомъ для техническихъ работъ, поясняетъ только примѣромъ установленіе нормальнаго рабочаго дня, но не доказываетъ возможности осуществить послѣдній на самомъ дѣлѣ.

Не меньшія сомнѣнія возбуждаетъ вопросъ о вознагражденіи работниковъ, какъ въ цѣломъ, такъ и въ подробностяхъ. Изъ общаго итога полученныхъ произведеній Родбертусъ предлагаетъ отчислить долю для покрытія государственныхъ расходовъ, долю для выдачи постоянной невозрастающей ренты въ пользу землевладѣльцевъ и капиталистовъ, а затѣмъ остальное полагаетъ распредѣлить между работниками, по нормальнымъ урочно-рабочимъ днямъ. По словамъ Родбертуса, при такомъ распредѣленіи результатовъ производства, собственники не будутъ обогащаться на счетъ возрастанія народной производительности. Это вѣроятно; но можетъ случиться противное. Такъ какъ собственникамъ гарантируется постоянный доходъ, то въ годъ, подобный 1894, работники-земледѣльцы могутъ остаться ни при чемъ.

Хотя авторъ не имѣетъ въ виду коммунистическаго хозяйства, и всѣ работы предполагаетъ исполнять вольнонаемнымъ трудомъ, но нормальный урочный рабочій день только тогда можетъ имѣть смыслъ, когда онъ будетъ обязателенъ, когда вознагражденіе будетъ установлено при участіи и подъ надзоромъ администраціи. Вслѣдствіе этого прійдется вести милліоны, десятки милліоновъ личныхъ счетовъ для того, чтобы знать, сколько, кѣмъ и какой урочной работы исполнено, и какое за нее слѣдуетъ вознагражденіе.

Для выполненія этой задачи потребовалась бы дѣйствительно «eine saure Staatsarbeit», какъ замѣчаетъ Родбертусъ, т. е. тяжелый трудъ администраціи, не представляющій однако никакого ручательства относительно достиженіи сколько-нибудь сносныхъ результатовъ, потому

что гдѣ найти ту армію должностныхъ лицъ, которыя были бы компетентными судьями относительно трудности или легкости, качества или достоинства разнообразныхъ работъ.

Конечно могутъ сказать: хотя нормальный урочный рабочій день не установленъ, но продолжительность рабочихъ дней и урочныхъ занятій фактически теперь уже существуетъ, и вознагражденіе, только менѣе раціональное, также получается рабочими, — другими словами: все, что предполагаетъ Родбертусъ, уже дѣлается, но дѣлается неудовлетворительно; надо только провести въ жизнь болѣе справедливости и порядка. Разница однако огромная между безчисленнымъ множествомъ частныхъ соглашеній, хотя бы и основанныхъ на законѣ, но въ которыя никто не вмѣшивается, и соглашеніями съ сложною регистраціею дней, часовъ урочной работы, слѣдующаго за нихъ вознагражденія, подъ контролемъ правительственныхъ агентовъ, удостовѣряющихъ правильность исчисленія записей и разсчетовъ. Поэтому нельзя не спросить себя: не окажется ли неудавшееся осуществленіе мечтательной справедливости хуже существующей несправедливости. съ которой ведутъ борьбу, и не всегда безуспѣшно, личныя и общественныя силы, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда оказывается надобность.

Въ довершеніе всего, для разсчетовъ съ рабочими, и для внутреннихъ оборотовъ, Родбертусъ предлагаетъ выпустить бумажныя деньги [1]), которыя, выражая собою рабочіе часы, выдавались бы въ ссуду нанимателямъ, между прочимъ подъ товары, принятые отъ нихъ на сохраненіе въ казенные магазины.

Мысль о деньгахъ, обозначающихъ число рабочихъ часовъ, не нова. Ее отвергъ Адамъ Смитъ, считая осу-

[1]) Rodbertus. T. 2. p. 349.

ществленіе ея практически невозможнымъ; затѣмъ ее высказалъ Робертъ Оуэнъ, потомъ Родбертусъ въ статьѣ — Zur Erkenntniss unserer staatswirthschaftlichen Zustände, еще въ 1841 г. и въ нѣсколько другой формѣ Прудонъ въ своемъ проектѣ Banque d'échange (съ переложеніемъ рабочихъ часовъ на франки). Главное заблужденіе Родбертуса состоитъ въ томъ, что онъ считаетъ средній рабочій часъ постоянною, возможно менѣе измѣняемою величиною или скорѣе цѣнностію; тогда какъ рабочій часъ — величина въ высшей степени непостоянная и разнообразная, которую нельзя выразить извѣстнымъ типомъ работы. Цѣнность разныхъ видовъ труда простого ручного, техническаго и умственнаго и пр. можетъ быть выражена только деньгами, но не тѣмъ или другимъ видомъ труда. Количественно можно сравнивать разные виды труда, только по обозначеніи ихъ цѣнности монетою, а не переложеніемъ числа часовъ одной работы на число часовъ другой, такъ какъ не только количество труда, необходимаго для производства или употребленнаго въ производствѣ — различно, но и самая потребность въ разныхъ видахъ труда непостоянна. По всѣмъ этимъ причинамъ опредѣленное количество работы, какъ единица цѣнности, совершенно не мыслима, и лицамъ, участвующимъ въ сдѣлкахъ, безъ переложенія на монету нельзя будетъ составить себѣ понятія, что они получаютъ и что отдаютъ, получая и отдавая въ уплату извѣстное число часовъ работы.

Понятно, что такія деньги не могли бы удержаться на рынкѣ и соперничать съ звонкою монетою; обезцѣненіе ихъ въ теченіе времени, по мѣрѣ ихъ выпуска, представляется неизбѣжнымъ, такъ какъ ничѣмъ не ограниченныя въ выпускѣ, онѣ лишены и размѣна на монету, и надлежащаго обезпеченія. Конечно Родбертусъ называетъ свои бумажные деньги товарными билетами, ссудными, кассовыми билетами, обезпеченными товарами; но

такой взглядъ доказываетъ, что понятія его о деньгахъ были очень смутны.

Родбертусъ не игралъ никакой роли въ соціальномъ движеніи, но его сочиненія заслуживаютъ вниманія, какъ мысли о переустройствѣ общества на соціальныхъ началахъ, сохраняя въ немъ то, что столь ненавистно соціалистамъ—собственность и наемный трудъ.

Гораздо глубже и даровитѣе Родбертуса былъ Прудонъ.

2. Прудонъ (P. J. Proudhon).

Прудонъ родился въ Безансонѣ въ 1809 году, умеръ въ 1865 г. Сынъ работника на пивоваренномъ заводѣ и крестьянки, въ дѣтствѣ пасъ скотъ на пастбищахъ Юры, потомъ поступилъ вмѣстѣ съ родителями на службу въ пивоваренный заводъ, но посѣщалъ среднее учебное заведеніе и обратилъ на себя вниманіе выдающимися способностями. Девятнадцати лѣтъ ему пришлось помогать семьѣ, и онъ получилъ мѣсто въ типографіи, сначала наборщика, а потомъ корректора. Здѣсь въ 1839 году онъ написалъ первое свое сочиненіе на тему, заданную Безансонскою академіею «О празднованіи воскреснаго дня» — «De la célébration du dimanche», и получилъ на два года стипендію въ 1,500 фр., которая позволила ему отдаться всецѣло любимымъ своимъ занятіямъ. Въ 1840 году появился первый его памфлетъ (mémoire) подъ заглавіемъ: «Что такое собственность?» На этотъ вопросъ Прудонъ отвѣтилъ: «собственность есть воровство» — «la propriéte c'est le vol», мотивируя это положеніе тѣми злоупотребленіями, которыя дѣлаются собственниками.

Памфлетъ Прудона надѣлалъ много шума [1]).

Съ этого времени слѣдуютъ сочиненія Прудона одно за

[1]) Въ сущности ту же мысль высказалъ Бриссо (Brissot) еще въ 1780 году.

другимъ. Къ наиболѣе выдающимся относятся: «Созданіе порядка въ человѣчествѣ» — «La création de l'ordre dans l'humanité» 1843 г. и «Экономическія противорѣчія или философія нищеты» — «Les contradictions économiques ou la philosophie de la misère». 1846 г. Въ обѣихъ этихъ книгахъ, судя по пріемамъ автора, замѣтно вліяніе философіи Гегеля. Въ 1848 г. февральская революція выдвинула Прудона съ проектами о налогѣ на наемную плату и объ устройствѣ кредитнаго учрежденія подъ названіемъ: «Банкъ народа» — (Banque du peuple). Проекты Прудона не встрѣтили, впрочемъ, большого сочувствія ни въ обществѣ, ни въ средѣ народныхъ представителей.

Послѣ испытанныхъ неудачъ, Прудонъ никакого участія въ общественномъ движеніи не принималъ, но зато его литературная дѣятельность сдѣлалась необыкновенно плодовитою и обратилась къ вопросамъ не только соціальнымъ и экономическимъ, но также философскимъ, богословскимъ и политическимъ. Всего, вмѣстѣ съ посмертными сочиненіями и перепискою, сочиненія Прудона наполнили 37 томовъ.

Для того, чтобы составить себѣ хоть нѣкоторое понятіе объ идеяхъ Прудона, необходимо изложить наиболѣе выдающіяся его мысли, заключающіяся въ «Экономическихъ противорѣчіяхъ», и объяснить сущность его проектовъ о налогѣ на доходы и Банкѣ народа.

Экономическія противорѣчія составляютъ безспорно капитальный политико-экономическій трудъ Прудона.

Они равно враждебны и либеральной экономической школѣ, и соціализму. Прудонъ ищетъ новыхъ началъ для экономической науки на пути діалектическомъ, стараясь примирить противоположности.

Наука экономическая, по словамъ Прудона, дѣйствительно существуетъ и имѣетъ прогрессивный характеръ. Но науку составляютъ не кодексъ, или незапамятная ру-

тина собственности, не соціализмъ, осужденный Томасомъ Морусомъ и Платономъ названіемъ утопіи, означающимъ химеру; наука стоитъ не за эгоизмъ, проповѣдываемый школою, и не за коммунизмъ, потому, что истина заключается не въ исключеніи одного начала другимъ, а въ соглашеніи ихъ въ началѣ высшемъ. Наука состоитъ не въ томъ, что было или что будетъ, а въ томъ что есть — послѣднее обнимаетъ и прошедшее, и будущее. Экономисты утверждали—трудъ организированъ, соціалисты говорили—надо организировать трудъ; я, говоритъ Прудонъ, утверждаю, что трудъ организируется. Политическая экономія, по словамъ автора, походитъ на необъятную равнину, усѣянную матеріалами для зданія,—рабочіе ждутъ, а между тѣмъ архитекторъ исчезъ, не оставивъ плана.

Послѣ этого введенія, приправленнаго соціалистическою теологіею, Прудонъ переходитъ къ главѣ de la valeur—о годности и цѣнности. Годность — valeur d'usage, или d'utilité—есть способность произведенія служить человѣку; цѣнность—valeur en échange—способность промѣниваться. Въ сущности это одно и то же (!), потому что къ идеѣ годности присоединяется идея замѣна (substitution). Но здѣсь и обнаруживается, по мнѣнію Прудона, противорѣчіе. Еслибы сумма годныхъ произведеній уменьшилась, то потерялъ бы производитель при мѣнѣ; еслибы увеличилась, или еслибы производство сдѣлалось дешевле, то онъ бы выигралъ. Мы тѣмъ богаче, продолжаетъ Прудонъ, чѣмъ болѣе мы производимъ и чѣмъ болѣе промѣниваемъ годныхъ вещей; но умноженіе произведеній роняетъ ихъ цѣнность. Чѣмъ болѣе произведеній, тѣмъ болѣе они теряютъ при мѣнѣ—вотъ въ чемъ противорѣчіе. Такимъ образомъ правда хромаетъ и становится невозможною. Хромота исправляется цѣнностію установившеюся - valeur constituée—закономъ, по которому опредѣляется пропорціональное отношеніе между произведеніями въ итогѣ народнаго богатства. Эта пропорціональность устано-

вляется трудомъ. Человѣкъ знаетъ, что такое-то произведеніе стоитъ часъ, другое — день, третье — недѣлю, годъ труда. Трудъ, измѣряемый временемъ, составляетъ основаніе закона цѣнности. Цѣнность установленная — valeur constituée, какъ пропорціональность произведеній, предполагаетъ въ равной степени и годность, и цѣнность, неразрывно и гармонически связанныя между собою. Годность есть основаніе цѣнности, трудъ устанавливаетъ ея отношенія, а цѣна (за исключеніемъ уклоненій) выражаетъ это отношеніе; но пока нѣтъ пропорціональности въ мнѣніе, до тѣхъ поръ нѣтъ равенства въ цѣнности. Изъ всѣхъ произведеній однако, по мнѣнію Прудона, только одна монета представляетъ установившуюся цѣнность.

Затѣмъ Прудонъ переходитъ къ раздѣленію труда, въ которомъ онъ видитъ простоту, монотонность, однообразіе и раздробленіе труда. Противоположность раздѣленію труда составляютъ машины — протестъ противъ раздробленія труда, конденсація послѣдняго, средство для уменьшенія усилій и для увеличенія благосостоянія, символъ свободы и господства надъ природою. Но машины, по словамъ Прудона, въ свою очередь, сокращаютъ трудъ, уменьшаютъ на него спросъ и увеличиваютъ нищету. Все предложенное для устраненія вреда машинъ—не дѣйствительно.

Въ соперничествѣ Прудонъ находитъ сильнѣйшее возбужденіе къ дѣятельности. «Дайте», говорилъ онъ, «гарантію труду или заработной платѣ, и невѣроятный упадокъ силъ (relâche) смѣнитъ напряженную дѣятельность промышленности». Уничтожить соперничество — то же, что уничтожить личность, свободу и частную отвѣтственность. Между тѣмъ, соперничество есть также господство силы съ безчеловѣчными инстинктами. Противоположность соперничеству составляетъ монополія. Монополія, какъ исключительное право, есть причина капитализаціи и источникъ благосостоянія. Безъ исключительнаго права на землю

никто не принялся бы за ея расчистку; безъ монополіи не было бы ни Аркрайта, ни Уатта, ни Жакара. Монополія необходима, безъ нея общество никогда бы не вышло изъ дѣтства — это вѣнецъ производителя. Но если соперничество есть междуусобная война, то монополія есть избіеніе плѣнныхъ.

Въ этомъ же духѣ Прудонъ толкуетъ о налогахъ, о торговомъ балансѣ, о кредитѣ, о собственности, о коммунизмѣ и о народонаселеніи, постоянно противопоставляя свѣтлой сторонѣ темную, превознося и проклиная хозяйственныя явленія и порядокъ экономическій. Придя къ концу, авторъ говоритъ, что у него столько идей, что онъ могъ бы написать новую книгу. Чтобы кончить, продолжаетъ онъ, я долженъ остановиться. Впрочемъ, замѣчаетъ онъ, общественная истина заключается не въ утопіи и не въ рутинѣ, а въ уравненіи ихъ противорѣчій (l'équation des contradictions). Формула заключается «въ уравненіи закона мѣны, въ системѣ гарантій, которая разрѣшаетъ (résolve) старинныя формы общества, удовлетворяетъ прогрессу, обращаетъ раздѣленіе труда въ орудіе науки, уничтожаетъ рабство, установляемое машинами, предупреждаетъ кризисы, обращаетъ конкурренцію въ благо, монополію въ залогъ безопасности и подчиняетъ труду капиталъ и государство. Все готовится къ этому». На этомъ обрывается книга, не давая ключа къ разгадкѣ таинственной «формулы».

Переходя къ разбору «Противорѣчій» Прудона, должно замѣтить прежде всего, что матеріалы для новаго зданія науки, послѣ построеннаго Адамомъ Смитомъ, далеко не собраны, и что не только необходимъ архитекторъ, но и собиратели матеріаловъ. Затѣмъ, вся книга Прудона состоитъ изъ ѣдкой, безпощадной критики и діалектической игры—примиренія противоположностей въ одномъ высшемъ понятіи.

Примиреніе это придумано Прудономъ только для одной цѣнности—и, притомъ, не совсѣмъ удачно.

Онъ пользуется очень ловко терминомъ *valeur*, которое обозначаетъ и годность (valeur d'utilité или valeur en usage) и цѣнность (valeur en échange или просто valeur) для того, чтобы и отождествить, и противопоставить годность цѣнности; но между обоими понятіями большое различіе: годность есть способность предмета удовлетворять потребностямъ, а цѣнность результатъ оцѣнки предмета и пріобрѣтателемъ, и продавцомъ. Это не одно и то же. Есть годные предметы, которые не имѣютъ цѣнности, но конечно нѣтъ цѣнности, которая не имѣла бы годности. При установленіи цѣнности, къ понятію о годности присоединяется понятіе не о замѣнѣ, но объ оцѣнкѣ.

Далѣе Прудонъ находитъ противорѣчіе въ томъ, что мы тѣмъ богаче, чѣмъ болѣе имѣемъ годныхъ произведеній и чѣмъ болѣе промѣниваемъ ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ что мы тѣмъ болѣе теряемъ при мѣнѣ, чѣмъ болѣе увеличивается количество произведеній и чѣмъ болѣе это количество роняетъ ихъ цѣнность. Оба эти положенія составляютъ искусную игру словъ, но не болѣе. Отдѣльное лицо тѣмъ богаче, чѣмъ болѣе оно производитъ, но подъ условіемъ чтобы произведенія его имѣли цѣнность и позволяли пріобрѣтать необходимое отъ другихъ лицъ. Равнымъ образомъ, увеличеніе количества произведеній роняетъ ихъ цѣнность только тогда, когда оно превышаетъ потребность и средства покупателей, и производитель бѣднѣе тогда, когда пониженіе цѣнности производимыхъ имъ предметовъ не совпадаетъ съ уменьшеніемъ издержекъ его производства. Вообще колебанія цѣнности и причины этихъ колебаній не анализируются Прудономъ, и это приводитъ его къ отысканію противорѣчія, котораго нѣтъ въ природѣ. При данномъ спросѣ, чѣмъ выше цѣнность, т. е. чѣмъ нужнѣе вещь и чѣмъ ограниченнѣе ея

предложеніе, тѣмъ сильнѣе привлекаются трудъ и капиталъ къ производству, тѣмъ скорѣе дѣлаются сбереженія въ послѣднемъ, и тѣмъ вѣроятнѣе удешевленіе произведеній. Такимъ образомъ, чѣмъ необходимѣе и дороже вещь, тѣмъ болѣе причинъ, чтобы она сдѣлалась дешевле. Очевидно, что противорѣчія здѣсь нѣтъ никакого. Мнимое противорѣчіе заставляетъ Прудона искать установившейся цѣнности (valeur constituée), т. е. пропорціональности между произведеніями, образующими итогъ производства. Прудонъ полагаетъ, что эта пропорціональность опредѣляется продолжительностію труда. Но не должно упускать изъ виду, что трудъ разнообразенъ до безконечности, и если то, что можетъ быть пріобрѣтено на заработную плату поденщика, даетъ вѣрное понятіе объ уровнѣ, достигнутомъ благосостояніемъ народа, то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы самая цѣнность произведеній могла опредѣляться продолжительностію труда, независимо отъ качества и интенсивности послѣдняго и отъ нашихъ потребностей. Пока хозяйственный порядокъ, созданный дѣйствительною жизнью, будетъ существовать, до тѣхъ поръ цѣнность будетъ опредѣляться спросомъ и предложеніемъ. Соціалисты и Прудонъ утверждали, что соперничество относится къ порядку извращенному, ненормальному. Допустивъ это, надо объяснить, какимъ образомъ цѣна, выражающая цѣнность, можетъ установиться внѣ спроса и предложенія. Прудонъ говоритъ: пока нѣтъ пропорціональности въ массѣ произведеній, до тѣхъ поръ нѣтъ равенства въ мѣновой цѣнности, но чѣмъ установляется эта пропорціональность. какъ не спросомъ и предложеніемъ и условіями ихъ развитія? Отыскивая противорѣчія, Прудонъ не избѣгъ ихъ въ свою очередь. Онъ говоритъ: цѣнность рождается отъ труда, и далѣе—цѣнность капризна какъ свобода, она не обращаетъ вниманія ни на годность, ни на трудъ. Онъ называетъ монету первою установив-

шеюся цѣнностію и придумываетъ средство для того, чтобы упразднить эту цѣнность — свой Банкъ народа или промѣна. Указывая на темныя и свѣтлыя стороны раздѣленія труда, введеніе и распространеніе машинъ, соперничество въ спросѣ и предложеніи, образованіе и установленіе монополій и т. д., Прудонъ отыскиваетъ постоянно ненормальныя явленія, вызванныя безнравственностію, и приписываетъ ихъ не людямъ, а учрежденіямъ; придаетъ словамъ невѣрный смыслъ, смѣшивая въ понятіи о монополіи право съ привилегіею, нарущающею право, и выводитъ противорѣчія несуществующія.

Наконецъ, дойдя до конца, вмѣсто обѣщаннаго разрѣшенія противорѣчій, онъ ограничивается провозглашеніемъ ихъ уравненія и начала взаимности, но нисколько не объясняетъ, какимъ образомъ это совершается, и въ чемъ именно состоитъ означенное уравненіе, а равно и осуществленіе начала взаимности. Пророча всеобщее примиреніе, онъ умалчиваетъ о средствахъ для его осуществленія.

Считать ли такими средствами подать въ размѣрѣ $^1/_3$ съ доходовъ или Банкъ народа? Налогъ, равный $^1/_3$ доходовъ, приносимыхъ всѣми недвижимыми и движимыми имуществами, былъ предложенъ Прудономъ въ Національномъ Собраніи для устраненія финансоваго и экономическаго кризиса, постигшаго Францію послѣ февральской революціи 1848 года. Половина этого налога подлежала обращенію въ пользу лицъ, пользующихся капиталами (должниковъ), а половина въ пользу государства въ замѣнъ другихъ финансовыхъ источниковъ. Предложеніе это признано было неосуществимымъ и было почти единогласно отвергнуто національнымъ собраніемъ. Владѣльцы недвижимыхъ имуществъ находились безъ того въ стѣсненномъ положеніи, а потому требованіе отъ нихъ $^1/_3$ наемной платы, или точнѣе $^1/_6$ скидки этой платы въ пользу нанимателей и уплаты $^1/_6$ въ пользу казны, повело бы ко множеству

принудительныхъ взысканій и къ раззоренію плательщиковъ.

Банкъ Народа долженъ былъ выпускать неразмѣнные билеты (bons d'échange) подъ учетъ и подъ обезпеченія, состоящія изъ товаровъ и недвижимыхъ имуществъ, взимая не процентъ за пользованіе капиталомъ, а небольшую коммиссіонную плату. Прудонъ надѣялся такимъ образомъ осуществить даровой кредитъ, упразднить монету и господство капитала. Подписка, открытая для учрежденія Банка, остановилась въ іюнѣ 1849 г. вслѣдствіе того, что Прудонъ, въ качествѣ редактора газеты Le Peuple, былъ присужденъ къ трехлѣтнему тюремному заключенію. «Какъ жаль», воскликнулъ Прудонъ, «я только что схватилъ капиталъ за горло и задушилъ бы его такъ, что никто бы этого не замѣтилъ!» Замѣчательное самообольщеніе: промѣнные билеты (bons d'échange) и самый Банкъ, напоминающіе предположенія Родбертуса о способѣ осуществленія нормальнаго рабочаго дня, должны были неизбѣжно потерпѣть полнѣйшую неудачу, потому что бумажныя деньги, еслибы даже и проникли въ обращеніе, то вскорѣ утратили бы всякую цѣнность, и оказались бы *задушенными* не капиталисты, а лица, увѣровавшія въ даровой кредитъ.

Прудонъ былъ одаренъ могучимъ умомъ, его языкъ отличается силою и блескомъ, его анализъ безпощаденъ, его логическіе доводы кажутся неотразимыми; но, какъ замѣтила К. Ройэ (C. Royer), онъ имѣлъ одинъ крупный недостатокъ: онъ всегда видѣлъ только одну сторону предмета, и когда переходилъ къ другой, то первая для него какъ бы не существовала. Невѣдѣніе общественныхъ условій при уединенной, замкнутой жизни и самообразованіи, которое было его удѣломъ, объясняютъ ту наивную вѣру, которую онъ имѣлъ въ осуществленіе своихъ несбыточныхъ предположеній. Зато никто не отзывался съ такимъ пренебреже-

ніемъ и съ такою ироніею о соціализмѣ и его представителяхъ, какъ Прудонъ. Онъ болѣе чѣмъ кто-либо разобличилъ С. Симона, Фурье и Оуэна. Онъ громилъ собственность и промышленную свободу и возвеличивалъ ихъ. онъ проповѣдывалъ «мирную» анархію въ смыслѣ отсутствія всякой власти и признавалъ ее мечтою. Какъ политическій писатель, онъ говорилъ полякамъ: спите спокойно «dormez en paix», и порицалъ объединеніе Италіи. Онъ былъ даже своеобразенъ въ женскомъ вопросѣ: въ женщинѣ онъ видѣлъ или служанку, или куртизанку, между тѣмъ самъ боготворилъ свою мать, гордился ею, былъ хорошимъ семьяниномъ и добрымъ мужемъ. Нѣкоторыя мѣста въ сочиненіяхъ Прудона отличаются яснымъ пониманіемъ и свѣтлымъ взглядомъ на дѣйствительность, а другія кажутся какимъ-то бредомъ раздраженнаго человѣка. Вотъ почему у него можно найти страницы, которыя охотно призналъ бы своими любой консерваторъ, но можно найти и такія, надъ которыми призадумался бы иной соціалистъ.

3. Карлъ Марксъ.

Родился въ Трирѣ въ 1818 г., умеръ въ Лондонѣ въ 1883 г. Сынъ совѣтника юстиціи, еврея, принявшаго христіанство въ 1824 году. Изучалъ въ Берлинѣ сначала право, потомъ философію (въ 1841 г.). Въ 1842 г. выступилъ на поприще журналистики, но вслѣдствіе крайнихъ своихъ мнѣній долженъ былъ уйти въ Бельгію, а потомъ пріѣхалъ въ Парижъ, гдѣ появилось первое болѣе значительное его сочиненіе—Misère de la Philosophie—отвѣтъ на Contradictions économiques ou philosophie de la misère Прудона; наконецъ, въ 1848 г. Марксъ окончательно поселился въ Лондонѣ. Здѣсь, не покидая своей агитаторской дѣятельности, о которой даютъ понятіе его манифесты, его обращеніе къ рабочимъ и участіе въ дѣятельности интернаціонали (международнаго соціа-

листическаго общества рабочихъ), Марксъ занялся учеными изслѣдованіями. Въ 1867 г. вышло въ свѣтъ начало самаго крупнаго изъ его произведеній, подъ названіемъ: «Капиталъ. Критика Политической Экономіи. Производство капитала».—«Das Kapital. Kritik der polit. Oeconomie. Der Productionsprocess des Kapitals». Въ 1885 г., уже послѣ смерти Маркса, его сотрудникъ и близкій другъ Ф. Энгельсъ напечаталъ, по оставшимся рукописямъ и замѣткамъ, вторую книгу—«Процессъ образованія капитала».—«Der Productionsprocess des Capitals». Въ 1894 г. появилась третья книга въ двухъ частяхъ—«Совокупность процесса капиталистическаго производства»—«Der Gesammtprocess der kapitalistischen Production». Содержаніе «Капитала» Маркса почти исчерпано въ первомъ томѣ и представляетъ развитіе мыслей, находящихся уже въ зародышѣ въ его книгѣ Misère de la Philosophie, вышедшей въ 1847 году.

А. Сущность ученія Маркса, изложеннаго въ первой книгѣ его сочиненія и истолкованнаго его учениками.

Сущность ученія Маркса можетъ быть передана немногими словами.

По Марксу, человѣческія общества прошли нѣсколько ступеней экономическаго развитія—во-первыхъ, патріархальной семьи и общины съ коммунистическимъ хозяйствомъ, во-вторыхъ, мелкой земельной собственности, ремеслъ, а позднѣе и мануфактуръ, съ механизмами, еще не замѣняющими ручной работы человѣка, и наконецъ, въ третьихъ, крупныхъ земельныхъ, фабричныхъ и заводскихъ предпріятій, въ которыхъ господствуетъ капиталистическое производство. Въ ранній періодъ экономическаго развитія, люди производили необходимые для нихъ предметы сами для себя и обмѣнивали только излишекъ, ненужный для семьи и общины. Въ послѣдующихъ періодахъ начинается

производство для сбыта: товары обмѣниваются при помощи денегъ, частная собственность становится преобладающею, и капиталъ начинаетъ накопляться. Въ крупномъ земельномъ производствѣ, въ особенности же на фабрикахъ и заводахъ, работающихъ при помощи машинъ, исполнительные механизмы замѣняютъ рабочихъ (напр. механическія веретена), причемъ раздѣленіе и соединеніе труда проводятся очень далеко, а вмѣстѣ съ этимъ сильные и способные работники замѣняются женщинами и дѣтьми, такъ какъ отъ работника уже не требуется знанія, искусства и силы. Такъ образуется армія рабочаго пролетаріата, и возникаетъ господство капиталиста, который пріобрѣтаетъ трудъ пролетаріевъ за плату, едва достаточную для ихъ существованія, а остальное обращаетъ въ свою пользу.

Происхожденіе и господство капитала Марксъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ. Всѣ произведенія, служащія для удовлетворенія потребностей человѣка, представляются намъ какъ годности (Gebrauchswerthe), и таковыми дѣлаютъ ихъ присущія имъ свойства, а не большее или меньшее количество труда, употребляемаго на ихъ пріобрѣтеніе. Годность [1]) ихъ проявляется въ употребленіи или въ потребленіи. Годности составляютъ вещественное содержаніе богатства, въ какой бы общественной формѣ оно ни проявлялось. Разсматривая годности (т. е. предметы, годные для потребленія), какъ носителей цѣнности (des Tauschwerthes) въ мѣнѣ, Марксъ замѣчаетъ, что цѣнность представляется количественнымъ отношеніемъ, пропорціею, въ которой обмѣниваются годности; пропорція эта бываетъ различна по мѣсту и времени; напримѣръ, одна мѣра пшеницы обмѣнивается на *a* центнеровъ желѣза, или иначе равняется *a* центнерамъ желѣза. Очевидно, что между пшеницею и желѣзомъ есть нѣчто третье, имъ общее и равное въ обоихъ. Но это нѣчто не есть естествен-

[1]) Словомъ годность переводятся ради большей правильности слова Gebrauchswerth и Nützlichkeit.

ное свойство товаровъ, которое дѣлаетъ ихъ годностями. Какъ годности, товары различны по качеству; какъ цѣнности, они различны только по количеству—и слѣдовательно не заключаютъ въ себѣ ни одного атома годности (?!). Если оставить годность товаровъ въ сторонѣ, то они представляются только, какъ произведенія человѣческаго труда, какъ безразличная (unterschiedslose), застывшая, створожившаяся, кристаллизовавшаяся человѣческая работа. Она-то и есть цѣнность, нѣчто совершенно независимое отъ годности. Годный предметъ потому только и имѣетъ цѣнность, что воплощаетъ въ себѣ абстрактную человѣческую работу. «Цѣнность товара представляетъ попросту человѣческую работу, расходъ человѣческаго труда вообще. Подобно тому, какъ въ гражданскомъ обществѣ генералъ или банкиръ играютъ крупную, а простой человѣкъ паршивую (schäbige) роль, такъ въ настоящемъ случаѣ бываетъ съ человѣческою работою. Послѣдняя составляетъ расходъ простого труда, которымъ обладаетъ каждый, не имѣющій особаго развитія, человѣкъ въ своемъ физическомъ организмѣ. Хотя средняя, простая работа въ разныхъ странахъ и въ разные періоды культуры имѣетъ неодинаковый характеръ, но въ извѣстномъ обществѣ она составляетъ нѣчто данное. Сложный (complicirte) трудъ является, какъ трудъ высшей степени, или помноженный простой трудъ, такъ что меньшее количество сложной работы равняется большему количеству простой. Опытъ показываетъ, что это перечисленіе сложной работы въ простую происходитъ непрерывно. Товаръ можетъ быть произведеніемъ самаго сложнаго труда, а цѣнность такого товара представляется, какъ произведеніе труда, какъ опредѣленное количество простой работы. Различныя пропорціи, въ которыхъ разные виды работъ, перечисляются въ простую работу, какъ ихъ мѣрило (единицу), установляются общественнымъ процессомъ за спиною производителей и представляются чѣмъ-то, основаннымъ на преданіи. Ради

упрощенія, въ дальнѣйшемъ изложеніи, каждый видъ труда будетъ разсматриваться, какъ простой трудъ, чѣмъ устраняется только забота о перечисленіи [1])».

Принимая всѣ виды труда за простой трудъ, Марксъ, какъ онъ самъ сознается, обходитъ одно затрудненіе — приведеніе разныхъ видовъ труда къ простому труду. Есть еще другое неменьшее затрудненіе: простой трудъ не только различенъ въ разныхъ странахъ и въ разные періоды культуры, но онъ и въ одной и той же странѣ въ данное время не одинаково производителенъ по напряженію, по содѣйствію, оказываемому человѣку знаніемъ, силами природы, *машинами*. Марксъ устраняетъ и это затрудненіе, заявляя, что цѣнность *есть среднее общественно-необходимое количество работы простого труда или времени, заключающагося въ произведеніяхъ*.

Чѣмъ значительнѣе производительная сила труда, тѣмъ менѣе требуется времени для производства какого-либо предмета, тѣмъ менѣе кристаллизовавшейся въ немъ работы, тѣмъ менѣе, по ученію Маркса, должна быть его цѣнность, и, наоборотъ, чѣмъ слабѣе производительная сила труда, тѣмъ значительнѣе должна быть цѣнность послѣдняго. Такимъ образомъ цѣнность товара измѣняется прямо пропорціонально количеству заключенной въ немъ работы, и обратно пропорціонально производительной силѣ труда.

Понятія о годности, цѣнности и товарѣ Марксъ уясняетъ слѣд. образомъ.

Предметъ можетъ быть годностью, не будучи цѣнностью; именно, когда онъ годенъ, хотя и не требуетъ

---

[1]) «Die verschiedenen Proportionen, worin verschiedene Arbeitsarten auf einfache Arbeit als ihre Maaseinheit reducirt sind, werden durch einen gesellschaftlichen Process hinter dem Rücken der Producenten festgesetzt und scheinen ihnen daher durch das Herkommen gegeben. Der Vereinfachung halber gilt uns im folgenden jede Art Arbeitskraft unmittelbar für einfache Arbeitskraft, wodurch nur die Mühe der Reduction erspart wird». (Das Kapital, Buch I p. 11).

труда—воздухъ, лугъ, дикорастущее дерево. Предметъ можетъ быть годенъ и составлять произведеніе труда, не будучи товаромъ. Кто что-либо производитъ для своего потребленія или для уплаты десятины зерномъ, тотъ не производитъ товара. Для того, чтобы предметъ былъ товаромъ, надо, чтобы онъ былъ годностію для другого, предметомъ обмѣна. Наконецъ никакой предметъ не можетъ быть цѣнностію, если онъ не имѣетъ годности.

Затѣмъ, Марксъ говоритъ о назначеніи денегъ, какъ средства для опредѣленія цѣнности—или равноцѣнности товаровъ, и для выраженія цѣнности *цѣною*, и переходитъ къ выясненію происхожденія капиталистическаго производства и его послѣдствій.

Мѣна товаровъ начинается тамъ, гдѣ веденіе хозяйства сообща (Gemeinwesen) оканчивается, и начинается при соприкосновеніи однѣхъ общинъ съ другими общинами или ихъ членами.

Обмѣнъ товаровъ и есть начало происхожденія капитала. Капиталъ возникаетъ при производствѣ товаровъ для сбыта, и возрастаетъ съ развитіемъ ихъ обращенія и съ торговлей. Міровою торговлею и міровымъ рынкомъ знаменуется исторія капитала съ 16 вѣка.

Вначалѣ мѣна является въ простой формѣ обмѣна товара Т на товаръ Т′ или товара Т на деньги Д, и денегъ на товаръ Т′. Какъ въ первомъ случаѣ Т—Т′, такъ и во второмъ при Т—Д—Т′ каждая изъ мѣняющихся сторонъ получаетъ равноцѣнность Т=Т′. Впослѣдствіи, когда возникаетъ производство для сбыта, когда являются предприниматели и мало по малу образуется капиталъ перемѣнный (variables), предназначенный для содержанія рабочихъ, и постоянный (konstantes), состоящій изъ машинъ, орудій, сырья и др. матеріаловъ, необходимыхъ для производства, тогда самая роль денегъ измѣняется: деньги на-

чинаютъ служить для покупки товаровъ, ради выручки за эти товары денегъ, въ видахъ новой покупки товаровъ.

Вмѣсто Т—Д—Т явилась формула Д — Т — Д + *д*. Происхожденіе этого *д* Марксъ объясняетъ слѣд. образомъ: при перепродажѣ купленнаго на деньги товара выручается сверхъ затраченныхъ денегъ Д еще прибавка *д*, составляющая результатъ не мѣновой сдѣлки, а капиталистическаго производства, прибавочную цѣнность, которая бываетъ или абсолютной, или относительной.

Именно: фабрикантъ, работая для сбыта, нанимаетъ рабочую силу, покупаетъ трудъ какъ товаръ. — Нанятый фабрикантомъ работникъ, за 1 р. 50 к.[1]) въ день, производитъ то, что нужно для уплаты этихъ денегъ въ 6 часовъ. Заставляя работника трудиться 12 часовъ, фабрикантъ пріобрѣтаетъ въ свою пользу все, что будетъ произведено трудомъ въ 6 добавочныхъ часовъ. Это и есть абсолютная прибавочная цѣнность. Но кромѣ того фабрикантъ, вслѣдствіе введенія болѣе могущественныхъ машинъ и вообще техническихъ улучшеній, можетъ увеличить производительность труда и удешевить предметы, идущіе на содержаніе рабочихъ, такъ что работникъ не въ 6 часовъ, а въ 3 часа произведетъ все необходимое для своего содержанія. Такимъ образомъ, не удлиняя даже рабочаго дня, фабрикантъ получитъ въ свою пользу также прибавочную цѣнность, которую Марксъ называетъ относительною.

Прибавочная цѣнность, какъ абсолютная, такъ и относительная, создаваемая капиталистическимъ производствомъ, только реализируется въ мѣнѣ при помощи денегъ, и служитъ, за исключеніемъ обращаемаго на непосредственное потребленіе предпринимателя, для увеличенія или перемѣннаго, или постояннаго капитала, а послѣдній уменьшаетъ потребность въ живой рабочей силѣ, пріобрѣтаемой

[1]) Въ примѣрѣ рубли взяты вм. шиллинговъ.

какъ товаръ, — при чемъ отъ рабочаго уже не требуется, какъ это требовалось прежде въ ремеслахъ, ни особой физической силы, ни обученія, а только болѣе продолжительная и болѣе интенсивная работа, имѣющая послѣдствіемъ пониженіе физическаго, умственнаго и нравственнаго уровня рабочаго класса. Такимъ образомъ непрерывно увеличивается резервная армія пролетаріата (какъ выражается Марксъ), а на счетъ ея обогащаются капиталисты-предприниматели. — И однако не всѣ капиталисты отъ этого выигрываютъ: чѣмъ болѣе крупныя предпріятія поглощаютъ мелкія, чѣмъ болѣе бѣднѣетъ рабочій классъ, тѣмъ значительнѣе становится несоотвѣтствіе между производствомъ, которое растетъ, и потребленіемъ, которое сокращается по недостатку средствъ у покупщиковъ, тѣмъ сильнѣе бываютъ переполненіе рынковъ товарами, а также коммерческіе и промышленные кризисы, сопровождаемые разореніемъ крупныхъ предпріятій. При этомъ положеніе рабочихъ еще болѣе ухудшается, — предприниматели сокращаютъ число рабочихъ часовъ и уменьшаютъ соотвѣтственно заработную плату.

Изъ этого положенія необходимъ выходъ. Полагая ограниченіе продолжительности рабочаго дня, а также облегченіе работъ женщинъ и дѣтей желательными, Марксъ считаетъ недостаточнымъ какъ это, такъ и все прочее, предпринимаемое для улучшенія положенія рабочихъ классовъ и для устраненія бѣдствій, происходящихъ отъ капиталистическаго хозяйства. Для разрѣшенія противорѣчія между порядкомъ производства (Productionsweise) и присвоенія прибавочной цѣнности существуютъ два пути: или возвратъ къ простому товарному производству — замѣнѣ крупнаго производства ремесленною обработкою и мелкимъ землевладѣніемъ, или обращеніе въ общественную собственность орудій производства и самыхъ произведеній. Многіе предпочитаютъ первый путь, и полагаютъ, что на

него можно вступить при помощи законодательства: но эта мысль ошибочная, осуждаемая даже адвокатомъ капитализма—*буржуазною, вульгарною* экономіею—тамъ, гдѣ она не дошла до крайняго упадка. Затѣмъ остается единственный путь для дальнѣйшаго развитія общества—принаровленіе формы присвоенія (собственности) къ производительной дѣятельности, съ передачею въ собственность общества орудій производства, т. е. полное безъ колебаній (rückhaltslose) завладѣніе капиталомъ и обращеніе производства отдѣльныхъ предпринимателей въ общественное производство, на половину уже осуществившееся въ крупныхъ предпріятіяхъ, а также и національзація земли. Съ этого времени начнется новая эпоха. Мѣсто анархическаго производства товаровъ займетъ стройное производство общественное, по сознательному плану. Господству произведеній надъ производителями наступитъ конецъ. Человѣкъ, власть котораго надъ силами природы постепенно возрастаетъ, сдѣлается господиномъ общественнаго развитія. Съ этой только поры, говоритъ Энгельсъ, другъ Маркса, его комментаторъ и издатель 2 и 3 книгъ его «Капитала», люди будутъ съ полнымъ сознаніемъ творить свою исторію, съ этой только поры приводимыя ими въ движеніе общественныя причины главнымъ образомъ и въ возрастающей степени будутъ вести къ послѣдствіямъ, которыхъ они хотѣли достичь. *Это будетъ скачекъ человѣчества изъ царства необходимости въ царство свободы.*

Марксъ не предложилъ въ своемъ сочиненіи плана коммунистическаго общественнаго устройства—это быть можетъ не входило въ его разсчеты—однако на способъ перестройки существующаго онъ сдѣлалъ довольно опредѣленное указаніе въ 1847 г., на первой интернаціональной сходкѣ въ Лондонѣ. «Надо сдѣлать общимъ (universaliser) богатство, захваченное немногими; *надо завоевывать. Чтобы завоевывать надо быть сильнѣйшимъ. Сила рождаетъ на свѣтѣ*

человѣческія общества». Die Gewalt, говоритъ Марксъ, ist der Geburshelfer jeder alten Gesellschaft, die mit einer neuen schwanger geht. Sie selbst ist eine ökonomische Potenz. Популяризаторъ Маркса Каутски замѣчаетъ, что въ настоящемъ случаѣ дѣло идетъ не о государственной власти вообще, а о государственной власти, какъ орудіи стремящагося къ возобладанію сословія: allerdings nicht die Macht des «Staates an sich», der ueber der Klassengegensätzen in den Wolken thront, sondern die Macht des Staates, als Werkzeug einer mächtig anstrebenden Klasse [1]).

Б. Разборъ ученія Маркса, содержащагося въ первой книгѣ «Капитала».

Такова въ краткихъ чертахъ сущность ученія, изложеннаго Марксомъ въ его «Капиталѣ». При этомъ естественно рождается вопросъ: чѣмъ наполнены 739 страницъ первой книги? Отвѣтъ не труденъ: авторъ вдается въ большія подробности при объясненіи каждаго изъ своихъ положеній, онъ повторяетъ ихъ много разъ, онъ любитъ играть понятіями и словами, олицетворяетъ невещественные предметы (сюртукъ, полотно и пр.), заставляетъ ихъ разговаривать между собою, дѣлаетъ тонкія различія и противопоставленія и пр., находитъ въ цѣнности нѣчто таинственное, фетишъ, которому поклоняются *«вульгарные»* экономисты, но главное, онъ приводитъ множество фактовъ, рисующихъ бѣдственное положеніе рабочихъ классовъ, злоупотребле-

[1]) Ср. Marx. Das Kapital. Buch. I. p. 1. о товарѣ; p. 2—3 о годности и цѣнности; p. 4. о связи между цѣнностію и трудомъ; p. 37, Sq. о характерѣ фетишизма въ товарѣ; p. 54. о патріархальной семьѣ, индійской общинѣ и пр.; p. 74. о процессѣ обращенія товара въ деньги для пріобрѣтенія товара; p. 109 объ образованіи капитала p. 113. о покупкѣ товара для перепродажи; p. 117. о прибавочной цѣнѣ; p. 139. о производствѣ абсолютной прибавочной цѣнности; p. 266. о производствѣ прибавочной относительной цѣнности и т. д. Ср. также Kautzky, Karl.—Karl Marx oeconomische Lehren, разныя мѣста книги и въ особенности стр. 240.

нія предпринимателей-капиталистовъ, преимущественно въ Англіи. Нельзя однако сказать, чтобы эти факты, свидѣтельствующіе о большой начитанности, могли служить матеріаломъ для выводовъ; они скорѣе представляютъ картину безсердечности и эгоизма части предпринимателей-капиталистовъ, которой конечно можно противопоставить изображеніе темной стороны нравовъ части рабочаго класса (пьянство, распутство, варварское обращеніе съ семьею), чѣмъ въ свою очередь такъ усердно занимались противники хозяйственныхъ улучшеній. Наконецъ, Марксъ сообщаетъ мнѣнія писателей, съ нимъ согласныхъ, что впрочемъ еще не служитъ доказательствомъ. Какъ бы то ни было, почитатели Маркса находятъ, что онъ освѣтилъ путь, пройденный человѣчествомъ, и предстоящее послѣднему будущее, что онъ первый указалъ на различіе между капиталистическимъ и общественнымъ производствомъ, что онъ первый выяснилъ удовлетворительно понятія о товарѣ, годности и цѣнности, первый установилъ правильный взглядъ на образованіе капитала изъ прибавочной цѣнности, точнѣе отграничилъ капиталъ постоянный отъ перемѣннаго и выяснилъ ихъ значеніе, наконецъ указалъ на различіе между рабочею силою и работою (собственно между трудомъ и работою). Насколько правы почитатели Маркса, окажется изъ дальнѣйшаго разбора главныхъ положеній его книги. Только тогда можно будетъ высказать заключеніе: дѣйствительно ли Марксъ «*глубокій мыслитель*», какъ выразился Адлеръ [1]), оспаривающій впрочемъ его доктрины, и какъ высказывались многіе экономисты, признававшіе Маркса крупною величиною, не въ качествѣ общественнаго дѣятеля-революціонера, чего отрицать нельзя, а ученаго.

Обращаясь прежде всего къ историческимъ взглядамъ марксистовъ, должно замѣтить, что хозяйство и въ патріар-

[1]) Ср. Handwörterbuch der Staaswissenschaften, статья – «Socialismus» стр. 778.

хальномъ семейномъ быту, и въ селеніяхъ съ общиннымъ землевладѣніемъ не исчерпываетъ формъ экономическаго устройства первобытныхъ народовъ, и что даже картина благоденствія населенія, живущаго въ этихъ будто бы коммунистическихъ обществахъ, нарисованная маркситами, не вѣрна. Они находятъ, что въ патріархальной семьѣ назначеніе членовъ ея на работы, производство всѣхъ для всѣхъ, не для сбыта, а для собственнаго потребленія, распредѣленіе произведеннаго по усмотрѣнію главы семейства и пр. не заключаютъ въ себѣ гнета, а, напротивъ, обезпечиваютъ бо́льшую личную свободу, чѣмъ та, которую представляютъ современныя общества. — Между тѣмъ чѣмъ далѣе простирается ограниченіе права собственности на личный трудъ и на произведенія личнаго труда, чѣмъ значительнѣе несоотвѣтствіе между возлагаемою работою и получаемымъ за нее вознагражденіемъ, тѣмъ скорѣе возникаютъ вмѣсто мнимой семейной идилліи жестокіе внутренніе раздоры, а въ случаѣ смерти отца борьба между братьями за главенство — однимъ словомъ, въ частномъ быту происходитъ нѣчто, подобное тому, что въ удѣльномъ періодѣ русской исторіи господствовало въ быту государственномъ. Въ селѣ съ общиннымъ землевладѣніемъ, вмѣщающемъ въ себѣ иногда и патріархальныя семьи, необезпеченное обладаніе земельными надѣлами, отобраніе участковъ у семейства, лишившагося работниковъ, способныхъ вести хозяйство, господство то міроѣдовъ, то кулаковъ, смотря по обстоятельствамъ, все это создаетъ ту нищету, которая проявляется во время неурожаевъ, и неоднократно сопровождалось моромъ въ Европѣ во времена, не столь отдаленныя, и не разъ въ настоящемъ столѣтіи въ Индіи. Все это факты, столь же извѣстные, какъ и то, что въ Россіи въ неурожайный 1891 г. правительство было вынуждено израсходовать на продовольствіе населенія около 130 милліоновъ рублей, тогда какъ въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ право земельной соб-

ственности основано на наполеоновскомъ гражданскомъ кодексѣ, населеніе, не смотря на несоотвѣтствіе его числа съ обрабатываемою землею, при бывшихъ недородахъ, обходилось безъ помощи государства и даже исправно уплачивало налоги! Наконецъ, въ Западной Европѣ давно забыты запасные хлѣбные магазины, требующіе отъ народа громадныхъ жертвъ на поставку и обновленіе хлѣба и соединенные съ крупными потерями при храненіи хлѣба.

Такимъ образомъ свобода, которую видятъ маркситы въ первобытныхъ формахъ общежитія, состоитъ нерѣдко, даже при отсутствіи рабства и закрѣпощенія, въ безусловномъ порабощеніи личности, въ лишеніи человѣка самодѣятельности и въ отсутствіи права на свой трудъ, при перспективѣ голодовки. Переходъ къ ремесламъ и мелкой земельной собственности былъ шагомъ на пути улучшеній; затѣмъ крупныя предпріятія, которыя относительно положенія рабочаго класса и распредѣленія результатовъ производства заставляютъ желать очень многаго, вовсе не представляютъ того гнета, который преобладалъ въ мелкихъ ремесленныхъ заведеніяхъ и на мелкихъ землевладѣльческихъ участкахъ. Появленіе въ настоящее время притязаній со стороны рабочаго класса служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что онъ сознаетъ неудовлетворительныя стороны своего положенія и ищетъ лучшаго, тогда какъ въ первобытныхъ формахъ общежитія гнетъ часто не замѣчается лишь потому, что рабочіе переносятъ его безсознательно, до поры наступленія взрыва, сопровождающаго внезапное сознаніе своего положенія. Скачекъ, подготовляемый, по мнѣнію маркситовъ, крупнымъ производствомъ, и на который они разсчитываютъ, — скачокъ изъ царства необходимости въ царство свободы путемъ обобранія владѣющихъ классовъ, привелъ бы къ положенію худшему, чѣмъ то, которое было въ патріархальныя времена, потому что тамъ господствовала необходи-

мость, такъ сказать естественная, а здѣсь будетъ господствовать необходимость, налагаемая сознательнымъ произволомъ бѣднѣйшихъ классовъ, правомъ сильнаго, будетъ ли это право въ рукахъ «стремящагося къ возобладанію сословія», или того диктатора, который выйдетъ изъ его среды и присвоитъ себѣ надъ собственностію, свободою и жизнію частныхъ лицъ безпредѣльную, не опирающуюся на законы, власть.

Насколько историческія свѣдѣнія Маркса въ области хозяйственной глубоки и вѣрны, объ этомъ можно заключить изъ того, что, по мнѣнію его и его послѣдователей, капиталистическое производство становится преобладающимъ, начиная съ XVI вѣка, и достигаетъ полнаго расцвѣта со времени появленія фабрикъ и заводовъ. Между тѣмъ извѣстно, что производство не для собственныхъ нуждъ семьи и общины, а для сбыта, производство капиталистическое, какъ его называетъ Марксъ, существовало въ самыя отдаленныя времена, что торговля, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, т. е. закупка товара для перепродажи, была знакома народамъ, находящимся на низшихъ ступеняхъ культуры. Изслѣдователи бронзоваго вѣка пришли къ заключенію, что обороты орудіями изъ бронзы были довольно значительны, и что существовали даже склады товаровъ этого рода.

Здѣсь представляется не лишнимъ коснуться предмета, весьма существеннаго въ ученіи Маркса — вопроса: что такое капиталистическое производство?

Терминъ этотъ, какъ уже замѣчено было выше (стр. 60), сдѣлался общеупотребительнымъ, чуть не офиціальнымъ. Однако, если разумѣть подъ капиталистическимъ производствомъ такое, которое нуждается въ капиталѣ, то конечно нѣтъ ни одного производства, которое не было бы капиталистическимъ. Первыя орудія дикихъ — стрѣлы, лодки изъ древесной коры или выдолбленнаго дерева, были

уже капиталомъ. Возставать противъ накопленія капиталовъ и противъ капиталистическаго производства значитъ возставать противъ всякаго экономическаго успѣха. Могутъ сказать: нѣтъ, капиталистическое производство есть не то, которое работаетъ при содѣйствіи капитала, а то, въ которомъ покупается живая рабочая сила, т. е. трудъ на средства, доставляемыя капиталомъ. Марксъ и его послѣдователи видятъ въ этомъ порабощеніе худшее, нежели рабство, и крайне унизительное. Но спрашивается: что унизительнаго въ покупкѣ, т. е. въ наймѣ труда, если она соединена съ обоюдной выгодою, если услуга оказывается за услугу, если сдѣлки совершаются по совершенно свободному соглашенію? Маркситы говорятъ: такія соглашенія въ современныхъ обществахъ не существуютъ. Но если это справедливо, то только отчасти, и отсюда можно лишь придти къ заключенію о необходимости изыскать средства для установленія свободныхъ соглашеній тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, а не къ тому, чтобы и существующую свободу соглашеній замѣнить всеобщимъ, принудительнымъ трудомъ коммунистическаго хозяйства. Во всякомъ случаѣ наемъ или покупка труда имѣетъ неоспоримыя преимущества предъ обязательностію патріархальнаго, крѣпостного и даже цехового труда учениковъ и подмастерьевъ въ ремеслахъ, а тѣмъ болѣе передъ трудовою повинностію, которую, на подобіе воинской, предлагаетъ установить Беллами.

Правда, по Беллами, кратковременнымъ принудительнымъ трудомъ человѣкъ пріобрѣтаетъ богатство, благосостояніе и свободу на всю жизнь, тогда какъ теперь огромное большинство людей вынуждено работать до глубокой старости; но кто поручится, что кратковременная повинность Беллами не обратится въ пожизненную и не дастъ ничего, кромѣ необходимаго для пропитанія населенія, не говоря уже о предметахъ, относящихся къ роскоши. Между тѣмъ это очень вѣроятно, потому что личныя по-

бужденія къ дѣятельности въ коммунистическомъ строѣ совершенно упраздняются.

Отъ краткихъ замѣчаній, касающихся исторіи философіи Маркса, необходимо обратиться къ той части его ученія, которая разъясняетъ развитіе капиталистическаго хозяйства. Указавъ на различія между годностію и цѣнностію товаровъ, Марксъ говоритъ: «какъ годности, товары различны по качеству, какъ цѣнности, они различны только по количеству, а слѣдовательно не заключаютъ въ себѣ ни одного атома годности». Такимъ образомъ, связь между годностію и цѣнностію совершенно разрывается, вопреки тому, что представляетъ дѣйствительность: еслибы осина и береза росли въ одинаковомъ обиліи въ лѣсу, то все таки березовыя дрова будутъ цѣниться дороже, потому что даютъ болѣе тепла, чѣмъ осиновыя. Годность вліяетъ на цѣнность, насколько въ спросѣ на нее выражаются потребности и настоятельность ихъ удовлетворенія, при существующихъ запасахъ и вѣроятности предложенія извѣстныхъ товаровъ. Но главную путаницу представляютъ разсужденія Маркса о цѣнности. Цѣнность, говоритъ онъ, есть безразличная, абстрактная человѣческая работа, застывшая или кристаллизовавшаяся, или створожившаяся въ товарахъ. Изъ приведеннаго опредѣленія явствуетъ, что Марксъ даетъ цѣнности совершенно особый смыслъ, независимый отъ этимологическаго значенія этого слова. Слова: цѣнить, цѣна, оцѣнивать выражаютъ обыкновенно понятіе о разнообразныхъ обстоятельствахъ, которыя побуждаютъ или отдавать предпочтеніе однимъ предметамъ предъ другими, или дорожить одними болѣе, другими менѣе, и установлять между ними извѣстную постепенность, служащую основою для опредѣленія ихъ равноцѣнности по количеству. Да, говоритъ Марксъ, но можно сравнивать только однородное, а однородное и есть створожившаяся въ произведеніяхъ человѣческая работа. Такъ ли это?

Доселѣ полагали, что цѣнность зависитъ отъ условій спроса и предложенія, т. е., во-первыхъ, отъ потребности, отъ суммы средствъ или денегъ, которыми располагаютъ для удовлетворенія своимъ разнообразнымъ потребностямъ покупатели, отъ соперничества между ними, отъ сужденія относительно удобствъ или неудобствъ поспѣшить или повременить закупкою товара и пр., и, во-вторыхъ, отъ количества товаровъ, поставленныхъ на рынокъ, отъ настоятельности сбыта, смотря по экономическому положенію продавцовъ, позволяющему выжидать лучшее время, отъ свойства предметовъ, допускающихъ болѣе или менѣе продолжительное храненіе, отъ издержекъ производства, отъ возможности его расширить и удешевить, отъ соперничества между продавцами—или продающими независимо другъ отъ друга, или вошедшими въ соглашеніе между собою, и т. д. На рынкѣ всѣ эти разнообразныя условія взвѣшиваются, соображаются, и устанавливается какъ относительная мѣновая цѣнность произведеній и услугъ, такъ и цѣна ихъ, т. е. цѣнность, выраженная деньгами. Марксъ этого не принимаетъ въ разсчетъ и утверждаетъ, что экономисты видятъ въ цѣнности нѣчто таинственное, что-то въ родѣ фетиша, которому они и поклоняются.

Спрашивается: что хотѣлъ сказать Марксъ, назвавъ цѣнность кристаллизовавшеюся, абстрактною работою, что выражаетъ собою это положеніе?

Мысль, что цѣнность зависитъ отъ труда, очень стара. Ее можно найти у Локка, физіократовъ, Смита, Мальтуса, Рикардо, Кэри, Бастіа, въ особенности у соціалистовъ; полнѣе всего она развита у послѣднихъ Родбертусомъ и Прудономъ.

Одни изъ экономистовъ опредѣляли цѣнность количествомъ труда, употребляемаго на производство (Рикардо), другіе—количествомъ труда, потребнаго для покупки вещи (Мальтусъ), третьи—тѣмъ и другимъ (Смитъ), четвертые—

количествомъ труда, необходимаго для воспроизведенія вещи (Кэри). Мысль о зависимости цѣнности отъ труда, вѣрная по существу, была вызвана первоначально желаніемъ возстановить право физическаго труда, не пользовавшагося уваженіемъ, на почетъ и на справедливое вознагражденіе. Отсюда возникло признаніе труда единственною производительною силою, что очень часто не было согласовано съ содержаніемъ цѣлаго сочиненія, какъ это можно замѣтить у Смита. Бастіа и Кэри видѣли въ капиталѣ и землѣ накопленный трудъ, а потому не затруднялись признавать трудъ единственной производительной силой, ибо доходъ землевладѣльца и капиталиста, по ихъ мнѣнію, есть доходъ, доставляемый также трудомъ. Но дѣйствительно ли трудъ составляетъ единственную производительную силу?

Самъ Марксъ не отрицаетъ того, что природа и капиталъ производятъ наравнѣ съ трудомъ годные предметы, но, по его мнѣнію, природа и капиталъ не сообщаютъ товарамъ цѣнности. Такъ ли это? Человѣкъ овладѣваетъ естественными силами — упругостію пара, паденіемъ воды при помощи орудій и машинъ, которыя дѣйствуютъ съ бо́льшимъ могуществомъ, и выполняютъ съ бо́льшимъ успѣхомъ такую же работу, какъ и наши мышцы; между тѣмъ, по Марксу, только работа мышцъ имѣетъ вліяніе на цѣнность, а работа машинъ никакой. Чѣмъ это доказывается? Ничѣмъ. Мастеровой, который придумалъ орудіе, уменьшающее его трудъ, необходимый въ производствѣ,—будетъ ли онъ производить товаръ меньшей цѣнности? Конечно цѣнность его товара можетъ понизиться, если онъ увеличитъ производство и предложеніе, или если его изобрѣтеніе сдѣлается общимъ достояніемъ, когда условія спроса и предложенія, а равно соперничество между производителями и между продавцами, обратятъ изобрѣтеніе, осуществляющее экономію труда въ производствѣ, въ

общее достояніе человѣчества. Если же допустить, что удержаніе товаромъ, въ теченіе нѣкотораго времени, болѣе высокой цѣнности послѣ сокращенія труда, употребляемаго на производство (вслѣдствіе сдѣланнаго изобрѣтенія), происходитъ отъ включенія въ цѣнность произведеній труда изобрѣтателя, то это толкованіе будетъ лишь переиначеніемъ ученія Бастіа!

Марксъ говоритъ, что при опредѣленіи цѣнности товаровъ въ мѣнѣ можно сравнивать только то, что въ нихъ однородно, а это однородное и есть кристаллизованная, абстрактная работа, заключающаяся въ товарахъ. Дѣйствительно ли то, что Марксъ нашелъ въ товарахъ однороднаго, на столько однородно, какъ онъ утверждаетъ? Виды труда, по его собственному сознанію, разнообразны; поэтому онъ былъ вынужденъ принять абстрактную человѣческую работу, къ которой приводятся всѣ виды работъ. Этого мало—работа бываетъ различной интенсивности—поэтому онъ беретъ среднюю, т. е. среднее общественное, необходимое время простого абстрактнаго труда, необходимаго для производства!!

Но что такое абстрактная, простая, безразличная работа? Повидимому, это работа поденщика; слѣдовательно не абстрактная, а реальная, конкретная работа, нисколько не однородная съ работами закройщика, портного, рѣзчика, машиниста, учителя, художника, писателя и т. д. Всѣ виды работы и требуемое ими *напряженіе* столь же качественно различны, какъ различна годность произведеній и услугъ, служащихъ къ удовлетворенію нашихъ потребностей, и однако всѣ эти произведенія имѣютъ нѣчто общее, всѣ они удовлетворяютъ нашимъ потребностямъ! Перелагать всѣ виды работъ въ какую-то абстрактную работу совершенно невозможно. Можно сравнивать цѣнность разнаго рода работъ, на деньги, но не съ вымышленною абстрактною работою. Самъ Марксъ сознавалъ это. Что мѣшало ему

выразить цѣнность, хотя бы одного какого-либо произведенія, среднимъ общественно необходимымъ количествомъ работы, простого абстрактнаго труда? Онъ, однако, отъ этого воздержался. Почему его сюртукъ, который такъ остроуменъ и разговорчивъ, не сдѣлалъ опыта надъ собою и не заявилъ недоумѣвающему читателю о числѣ заключающихся въ немъ часовъ абстрактной или створожившейся простой работы? Чтобы опредѣлить свою цѣнность, сюртукъ Маркса обращается къ пріемамъ вульгарной экономіи, сравниваетъ себя количественно съ другими товарами и наконецъ переводитъ свою цѣнность на деньги! Далѣе Марксъ говоритъ, что *ради простоты* онъ принимаетъ вездѣ въ своихъ разсчетахъ простой абстрактный трудъ, предполагая, что переложеніе искусственнаго, сложнаго или интенсивнаго труда на простой уже сдѣлано (!!). Конечно, этотъ пріемъ очень удобенъ, но именно онъ не даетъ того, что авторъ долженъ былъ дать! Можетъ показаться даже, что Марксъ смѣется надъ своими читателями, говоря, что переложеніе работы сложнаго труда на работу простого абстрактнаго труда происходитъ, *такъ сказать, за спиною производителя, посредствомъ общественнаго процесса, и кажется установившимся по «преданію»*. Что это за общественный процессъ, происходящій за спиною производителя, и переложеніе, кажущееся установившимся по преданію? Не вправѣ ли непредубѣжденный читатель сказать, что, по Марксу, въ товарахъ сидитъ своего рода фетишъ, таинственнаго мистическаго свойства, абстрактная работа, установляющая цѣнность, и превратившаяся за спиною производителей изъ сложной работы въ простую?

Затѣмъ, если такъ трудно, слѣдовало бы сказать невозможно, приводить къ простому труду разнообразныя виды сложнаго труда, то что же сказать о выводѣ *средняго общественно-необходимаго* рабочаго времени простого труда? Это невозможно не только потому, что разные виды

труда нельзя привести къ простому труду, но и потому, что среднее число имѣетъ смыслъ, когда оно выводится изъ извѣстнаго ряда однородныхъ данныхъ. Изъ Маркса же можно заключить, что его среднія цифры, которыхъ онъ не даетъ и не можетъ дать, лишены значенія, потому что выводъ ихъ для данной мѣстности и для отдѣльныхъ отраслей промышленности, при существованіи всемірнаго рынка, не ведетъ къ уясненію цѣнности.

Спрашивается: можетъ ли теорія цѣнности Маркса дать практическіе результаты, если не въ настоящемъ, то въ будущемъ? Что касается настоящаго, то она не проливаетъ свѣта на сложныя явленія существующаго хозяйственнаго порядка, потому что не даетъ даже понятія объ отношеніяхъ между цѣнностію разныхъ видовъ труда и о затратѣ послѣднихъ въ разнообразныхъ предметахъ потребленія; другими словами, не даетъ того, что Марксъ обѣщалъ и чего онъ даже не могъ дать. Историко-статистическій методъ не найдетъ у Маркса ни матеріаловъ для научныхъ выводовъ, ни указаній для опредѣленія категорій, по которымъ необходимо собирать данныя. Авторъ приводитъ множество фактовъ, служащихъ къ обвиненію предпринимателей-капиталистовъ въ злоупотребленіи силою капитала; но кромѣ того, что эти факты односторонни (потому что и рабочіе, въ свою очередь, не безгрѣшны), они также мало могутъ служить къ обвиненію общественнаго устройства, какъ и переполненная больными лечебница не можетъ еще свидѣтельствовать о негодности человѣческаго организма. Затѣмъ, описывая экономическія бѣдствія, испытываемыя частію населенія, Марксъ ограничивается однимъ придуманнымъ имъ объясненіемъ — теоріею прибавочной цѣнности, и ничего другого знать не хочетъ.

Но можетъ быть теорія цѣнности Маркса обѣщаетъ много для будущаго, для того времени, когда цивилизованныя общества сдѣлаютъ «скачокъ изъ царства необхо-

димости въ царство свободы», когда имущества и орудія производства будутъ обобщены — *универсализованы*, а самое производство перестанетъ быть безпорядочнымъ и подчинится извѣстному плану. Быть можетъ скажутъ, что администрація общественнаго коммунистическаго хозяйства, сдѣлавшись судьею того, что́ и въ какомъ количествѣ должно быть произведено, найдетъ въ теоріи цѣнности Маркса указанія, сколько нужно будетъ створожить абстрактной работы въ тѣхъ или другихъ предметахъ и сколько кому слѣдуетъ отпустить этого творога, если не представится возможности предоставить всѣмъ кушать его вволю?

Облеченная властію опредѣлять потребности населенія матеріальныя и духовныя, количество труда, необходимаго для ихъ удовлетворенія, совладаетъ ли администрація со всѣми трудностями, на которыя было указано въ отдѣлѣ «Общія основанія коммунистическаго устройства и критическая ихъ оцѣнка», или она успокоится, объявивъ, что все совершится «само собою, по преданію или обычаю за спиною производителей»? Родбертусъ думалъ, что для расцѣнки и учета нормальнаго рабочаго дня требуется тяжелая государственная работа; маркситы никакихъ трудностей не предвидятъ.

Объяснивъ, что такое годность, цѣнность, цѣна и товаръ, Марксъ обращается къ изслѣдованію происхожденія прибавочной цѣнности, изъ которой, по его словамъ, образуется капиталъ. По мнѣнію Маркса, въ первобытномъ или коммунистическомъ хозяйствѣ нѣтъ производства для сбыта, а обмѣниваются излишки произведеній между патріархальными семьями или общинами. Тамъ одинъ товаръ (Т) отдается за другой равноцѣнный товаръ (Т′), мѣняются ли эти товары непосредственно (Т на Т′) или при помощи денегъ (Д) Т—Д—Т′. Оба товара Т и Т′ [1]) равноцѣнны,

[1]) Для того, чтобы отличить одинъ промѣнивающійся товаръ отъ другого на одномъ Т поставленъ знакъ ′.

и, по Марксу, прибавочная цѣнность не будетъ имѣть мѣста. Прибавочная цѣнность является тогда, когда производство разсчитано будетъ на сбытъ, когда обмѣнъ произойдетъ по формулѣ Д — Т — Д + ∂, другими словами, когда деньги послужатъ для закупки товара, продаваемаго тоже на деньги (Д) съ нѣкоторою добавкою (∂).

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что Марксъ ничѣмъ не объясняетъ, почему на первобытныхъ ступеняхъ общежитія, относимыхъ имъ къ формамъ коммунистическаго хозяйства, товары, обмѣниваемые между патріархальными семьями или общинами, равноцѣнны и перестаютъ быть таковыми, когда закупаются на деньги для перепродажи. Если понимать слово равноцѣнность въ томъ смыслѣ, что при передачѣ въ мѣнѣ одного товара на другой оба товара всегда равноцѣнны, то это нисколько еще не выражаетъ, что обѣ мѣняющіяся стороны извлекаютъ изъ сдѣлки одинаковыя выгоды. Напротивъ, каждая изъ сторонъ можетъ находить, что сдѣлка для нея или выгодна, или обременительна, но тѣмъ не менѣе необходима. Въ первобытныхъ обществахъ, гдѣ нѣтъ производства для сбыта, сторона, нуждающаяся въ предметѣ необходимости, отдаетъ за него иногда большее, а иногда меньшее количество товаровъ или денегъ, несоотвѣтствующее ни издержкамъ производства, сдѣланнымъ на пріобрѣтаемый товаръ, ни въ частности затраченному въ немъ труду, абстрактному или дѣйствительному. Можно съ полнымъ правомъ сказать, что при мѣнѣ Т на Т′, товаръ означенный Т′ представляетъ собою иногда нѣчто большее, а иногда гораздо меньшее, чѣмъ Т. Напр., послѣ падежа скота въ общинѣ А, послѣдняя отдаетъ общинѣ Б большее количество своихъ произведеній за пріобрѣтаемыхъ у Б лошадей или овецъ, чѣмъ отдало бы въ другое время, въ особенности, когда нельзя купить скота у другихъ сосѣднихъ общинъ. Равнымъ образомъ и въ формулѣ, въ которой, по Марксу, является прибавочная цѣнность,—когда деньги

Д употребляются на пріобрѣтеніе товара Т, съ цѣлію дальнѣйшей выручки денегъ за купленный товаръ, никакъ нельзя сказать, чтобы эти вырученныя деньги всегда и непремѣнно были болѣе Д—т. е. равнялись Д+*д*. Конечно, по общему правилу это такъ, потому что купецъ, пріобрѣтающій за деньги товаръ, для продажи его снова на деньги, принимаетъ на себя посредничество между продавцомъ и покупателемъ, а это посредничество требуетъ употребленія труда, знанія, затратъ на храненіе товара, риска и пр., такъ что появленіе *д* и съ точки зрѣнія Маркса должно бы представиться совершенно законною величиною. Но Марксъ это отрицаетъ. Впрочемъ онъ относитъ формулу Д — Т — Д + *д* не къ торговлѣ, а къ производству, въ которомъ покупается рабочая сила, для продажи исполненной ею работы за большую сумму денегъ противу употребленной при покупкѣ труда. Какъ было объяснено выше, эта бо́льшая сумма получается, по мнѣнію Маркса, вслѣдствіе того, что предприниматель-капиталистъ заставляетъ работниковъ или трудиться большее число часовъ, чѣмъ нужно для оплаты ихъ работы, и извлекаетъ такимъ образомъ выгоду или, вводя усовершенствованныя машины, дѣлаетъ трудъ болѣе производительнымъ и это возрастаніе производительности труда обращаетъ въ свою пользу. Ясно однако, что предприниматель-капиталистъ не можетъ отдать рабочимъ сработанное при ихъ участіи сполна. Онъ долженъ выручить все, необходимое для возстановленія капитала, чего не отрицаетъ и Марксъ, а сверхъ того кое-что для дальнѣйшихъ улучшеній, — иначе надо предположить, что успѣхи промышленности должны остановиться; затѣмъ онъ долженъ удержать изъ выработаннаго все, необходимое для взноса государственныхъ и общественныхъ налоговъ и повинностей; наконецъ онъ долженъ кое-что отложить для покрытія риска и потерь, неизбѣжныхъ въ каждомъ производствѣ. Сами маркситы

(напр. Кауцки) не отвергаютъ необходимости удержанія у рабочихъ части *д* при коммунистическомъ хозяйствѣ.

Принимая за общій фактъ присвоеніе предпринимателемъ-капиталистомъ всѣхъ результатовъ производства, за исключеніемъ необходимаго для существованія рабочихъ. Марксъ не входитъ даже въ разсмотрѣніе условій спроса и предложенія и самаго соперничества для того, чтобы выяснить, когда и при какихъ обстоятельствахъ спросъ и предложеніе, а равно происходящее въ томъ или другомъ соперничество склоняютъ вѣсы на сторону предпринимателя-капиталиста и когда именно на сторону работника [1]). Вообще теорія прибавочной цѣнности, при кажущейся ясности, грѣшитъ тѣмъ, что сложные процессы въ народномъ хозяйствѣ представляетъ чѣмъ-то простымъ, механическимъ. Подобно тому, какъ въ половинѣ XIX вѣка нѣкоторые естествоиспытатели довольствовались физикою и химіею, для объясненія процессовъ, совершающихся въ организмѣ человѣка, не подозрѣвая той роли, которая принадлежитъ въ нихъ микроорганизмамъ, также точно и маркситы ставятъ все образованіе капитала въ зависимости отъ присвоенія произведеній чужого труда. Ихъ не смущаютъ факты, удостовѣряющіе, что милліарды, хранящіеся въ сберегательныхъ кассахъ, накоплены народомъ, и что большинство предпринимателей-капиталистовъ вышло изъ среды рабочихъ, умомъ, трудолюбіемъ и бережливостію достигшихъ общественнаго положенія и богатства. Обратить пріобрѣтенное этими тружениками имущество въ общественное достояніе, не есть ли вопіющая несправедливость, ограбленіе лучшихъ людей изъ трудящагося класса?

А затѣмъ дальнѣйшее обогащеніе предпринимателей,

---

[1]) Объ этомъ говорится въ послѣдней части 3-й книги «Капитала», изданной Энгельсомъ, причемъ соперничеству приписывается только вліяніе на нѣкоторое уравненіе цѣнъ и доходовъ.

всегда ли оно происходитъ на счетъ рабочихъ? Развѣ Оуэнъ сдѣлался милліонеромъ, благодаря выжиманію изъ рабочихъ прибавочной цѣнности? Развѣ нѣтъ капиталистовъ-предпринимателей, которые не злоупотребляютъ властію, предоставляемою имъ богатствомъ? Развѣ уровень благосостоянія рабочаго класса не возвысился противъ прежняго времени?

Въ дополненіе къ предыдущему необходимо сказать нѣсколько словъ о второй и третьей книгѣ «Капитала».

В. Критическія замѣтки по поводу второй и третьей книги подъ заглавіемъ «Капиталъ».

Послѣ смерти Маркса, Энгельсъ издалъ еще двѣ книги «Капитала», заключающія въ себѣ XLVIII и 1370 страницъ; именно, вторую—«Процессъ обращенія капитала» въ 1885 г., и третью въ двухъ частяхъ, подъ заглавіемъ «Совокупный процессъ капиталистическаго производства» въ 1894 г. Насколько этотъ обширный трудъ принадлежитъ самому Марксу, это видно изъ предисловія къ первой части 3-й книги, въ которомъ Энгельсъ объясняетъ причины почти 9-лѣтняго промежутка между изданіемъ послѣднихъ двухъ книгъ какъ своими занятіями, такъ и тѣмъ, что «у того, кто перешагнулъ за 70 лѣтъ, мозговыя Мейнертовскія волокна работаютъ съ нѣкоторымъ бѣдовымъ раздумьемъ: перерывы въ теоретической работѣ не удается преодолѣвать такъ легко и быстро, какъ прежде» (Th. II, VI). Какъ изъ этого мѣста, такъ и изъ другихъ ясно, что Энгельсъ, пользуясь рукописями Маркса, не ограничился простою перепискою приведеннаго въ порядокъ рукописнаго матеріала, а дополнялъ недостающее. Издателю нельзя впрочемъ поставить въ упрекъ, что онъ уклонился отъ идей Маркса: онъ вѣренъ и имъ, и принятому методу, который состоитъ не въ собираніи и разработкѣ статистическихъ и историческихъ данныхъ, а въ безконечномъ

рядѣ комбинацій и логическихъ изъ нихъ выводовъ, имѣющихъ однако одинъ кульминаціонный пунктъ—теорію прибавочной цѣнности. Въ сущности три тома, изданныхъ Энгельсомъ, едва ли прибавляютъ что-либо новое къ доктринамъ Маркса, хотя нельзя не признать, что мозгъ вступившаго въ 8-й десятокъ жизни Энгельса сильно работалъ.

Отношеніе первой книги «Капитала» ко второй и третьей — Энгельсъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: процессъ капиталистическаго непосредственнаго производства, изложенный въ первой книгѣ, не охватываетъ всей жизни капитала (erschöpft nicht den Lebenslauf des Kapitals); онъ пополняется процессомъ обращенія (Circulationsprocess), составляющимъ предметъ изслѣдованій второй книги.

Отысканіе и изображеніе конкретныхъ формъ, возникающихъ изъ движенія капитала какъ цѣлаго, излагается въ двухъ частяхъ третьей книги [1]). Здѣсь дѣло идетъ о доходахъ и главнымъ образомъ о превращеніи прибавочной цѣнности въ прибыль и ренту.

Этотъ перечень даетъ довольно вѣрное понятіе о планѣ сочиненія, повидимому составленномъ лишь послѣ смерти Маркса и притомъ тогда, когда Энгельсъ приступилъ къ редакціи первой части третьей книги. Но нельзя не замѣтить, что планъ не вполнѣ выдержанъ, потому что первая книга содержитъ многое, о чемъ говорится въ послѣдующихъ, и что самый перечень не даетъ яснаго понятія о подробностяхъ, которыя вошли въ составъ трехъ, въ особенности двухъ послѣднихъ книгъ.

Такъ, напр., въ отдѣлѣ о процессѣ обращенія капитала идетъ рѣчь объ обращеніи капитала денежнаго, товарнаго, о видахъ обращенія натуральнаго, денежнаго и кредитнаго, о продолжительности и издержкахъ обращенія, объ оборотѣ капитала — именно: о времени и числѣ оборотовъ, о ка-

[1]) Buch III, Th. 1, p. 1.

питалѣ консолидированномъ (fixes Kapital) и обращающемся (circulierendes), объ оборотѣ (Umschlag) затраченнаго капитала по ученіямъ физіократовъ, Смита и Рикардо, о періодѣ работъ, о продолжительности производства и обращенія, о вліяніи оборота на величину затраченнаго капитала. На первый взглядъ это содержаніе кажется очень богатымъ и разнообразнымъ, но при ближайшемъ съ нимъ ознакомленіи оказывается, что все оно вытекаетъ не изъ наблюденія надъ жизнію, а составляетъ произведеніе отвлеченнаго, нерѣдко произвольнаго мышленія. Все направлено къ тому, чтобы доказать примѣрами, подобранными отрывками изъ экономистовъ или изъ парламентскихъ изслѣдованій, въ сущности ничего не доказывающими, выводами изъ придуманныхъ гипотезъ, что прибавочная цѣнность состоитъ только изъ отнятой у работника доли произведеній его труда, что всѣ доходы, кромѣ заработной платы, имѣютъ одинъ источникъ — прибавочную цѣнность.

Во время обращенія, говоритъ Марксъ, капиталъ не «дѣйствуетъ какъ производительный капиталъ, и поэтому не производитъ ни товара, ни цѣнности [1])»... «Покупка и продажа не создаютъ цѣнности [2])». «Издержки обращенія, которыя возникаютъ изъ простого измѣненія формъ цѣнности, не входятъ въ составъ цѣнности товаровъ». «Затраченныя въ нихъ доли капитала суть простые вычеты изъ производительно затраченнаго капитала. Другую природу имѣютъ издержки обращенія. Онѣ могутъ возникать изъ процессовъ производства, продолжающихся во время обращенія, и производительный ихъ характеръ скрывается только подъ формою обращенія. Съ другой стороны, разсматриваемыя съ общественной точки зрѣнія, онѣ могутъ быть простыми издержками, непроизводительною

[1]) Buch II. p. 96.
[2]) Ib. p. 102.

тратою или живого, или общественнаго труда, продолжая тѣмъ не менѣе дѣйствовать для единичнаго капиталиста, какъ производящія цѣнность, и составлять прибавку къ продажной цѣнѣ его товара»... «Всякій трудъ, который придаетъ цѣнность, можетъ на капиталистическомъ основаніи придать и добавочную цѣнность,—поэтому издержки, которыя удорожаютъ товаръ, не возвышая его годности, составляютъ faux frais производства, которые могутъ обогащать отдѣльныхъ лицъ, составляя однако потерю для общественнаго капитала [1])».

Приведенныя выдержки указываютъ на безпрестанное смѣшеніе истиннаго и ошибочнаго. Марксъ сознаетъ, что процессъ производства продолжается во время обращенія, но это не мѣшаетъ ему въ то же время отрицать въ процессѣ обращенія образованіе цѣнности, вслѣдствіе затратъ труда, и даже horribile dictu—признавать дѣйствительное возрастаніе цѣнности только тогда, когда увеличиваются годности (Gebrauchswerthe), а не тогда, когда увеличиваются только накладные расходы — faux frais!

Введеніе годности, какъ условія происхожденія цѣнности, составляетъ совершенную неожиданность. Столь же странно отнесеніе faux frais къ потерямъ общества и къ выигрышу отдѣльныхъ производителей, какъ будто faux frais не составляютъ также потери и для потребителей, и для производителей.

Далѣе Марксъ говоритъ: всѣ расходы, которые «возникаютъ изъ измѣненія формы товара, упаковка, сортировка», не придаютъ послѣднему цѣнности (!?) [2]). Что же касается храненія, то продолжительность его, по Марксу, не создаетъ цѣнности. «Продавцу, хранившему долго свой товаръ,—tant pis pour vous скажетъ покупатель [3]).

---

[1]) Ib. p. 107—108.
[2]) Ib. p. 120.
[3]) Ib. p. 116.

Здѣсь опять рядъ недоразумѣній, или попросту путаница. Такъ, по Марксу, надо допустить, что приготовленіе сигаръ создаетъ цѣнность, а сортировка и упаковка ихъ цѣнности не создаютъ. Нѣкоторые товары не могутъ быть обращены въ продажу до извѣстнаго срока, другіе по свойству оборотовъ остаются извѣстное время на храненіи; то и другое имѣетъ вліяніе на возвышеніе цѣнности. Все это Марксъ смѣшиваетъ съ храненіемъ товара, вслѣдствіе недостатка сбыта или упрямства продавца, что можетъ сопровождаться пониженіемъ цѣнности, конечно не въ смыслѣ уменьшенія количества створоженнаго труда, а въ смыслѣ, придаваемомъ цѣнности вульгарною экономіею, говорящею общеупотребительнымъ языкомъ.

Къ числу особенностей второй книги относится между прочимъ появленіе на сцену капитала консолидированнаго (fixes), а оборотнаго (circulierendes, flüssiges) въ томъ смыслѣ, какъ понимали эти термины экономисты. Оказалось, что словами konstantes и variables Kapital всего объяснить нельзя!

Образчикомъ разбора ученій другихъ писателей можетъ служить слѣдующая оцѣнка мыслей Смита о капиталѣ [1]): «въ перечнѣ составныхъ частей обращающагося капитала Смитъ забываетъ различіе (имѣющее только отношеніе къ производительному капиталу) между капиталомъ консолидированнымъ (fixes) и текучимъ (flüssiges). Онъ только противопоставляетъ товарный и денежный капиталъ—двѣ формы капитала, присущія процессу обращенія—капиталу производительному, и дѣлаетъ это безсознательно.

«Замѣчательно наконецъ, что въ перечнѣ составныхъ частей оборотнаго капитала Смитъ забываетъ о рабочей силѣ (т. е. трудѣ), и это по двумъ причинамъ.

---

[1]) Ib. p. 177—178.

«Выше было сказано, что если оставить въ сторонѣ денежный капиталъ, то обращающійся капиталъ есть только другое названіе товарнаго капитала. Но поскольку рабочая сила (Arbeitskraft, т. е. трудъ) обращается на рынкѣ,— она не есть капиталъ, она не есть форма товарнаго капитала, она вообще не есть капиталъ: работникъ не есть капиталистъ, хотя онъ приноситъ на рынокъ товаръ— себя самого.

«Лишь по продажѣ рабочей силы (труда), по включеніи ея въ процессъ производства, когда она перестаетъ обращаться, какъ товаръ, она становится частію производительнаго капитала, перемѣннымъ капиталомъ (variables capital), источникомъ прибавочной цѣнности, текучею частію производительнаго капитала, по отношенію къ обороту (Umschlag) заключенной въ немъ капитальной цѣнности. Такъ какъ Смитъ смѣшалъ текучій капиталъ съ товарнымъ (!!), то онъ не знаетъ подъ какую рубрику обращающагося капитала помѣститъ рабочую силу (трудъ)».

Этотъ дословный переводъ показываетъ, какая путаница понятій происходила въ головѣ автора, когда онъ искалъ въ перечнѣ предметовъ, отнесенныхъ Смитомъ къ капиталу, тотъ самый трудъ, который у Смита составлялъ самостоятельную производительную силу, отличную отъ капитала!

Въ двухъ частяхъ (томахъ) третьей книги Марксъ разсматриваетъ *конкретныя формы*, возникающія изъ процесса движенія капитала какъ цѣлаго. Подъ этимъ общимъ обозначеніемъ Марксъ разумѣетъ превращеніе добавочной цѣнности въ прибыль, раздвоеніе прибыли на доходъ предпринимателя и процентъ съ капитала; при этомъ авторъ уясняетъ роль купеческаго и банковаго капитала въ частности и наконецъ излагаетъ теорію ренты, и представляетъ общій обзоръ доходовъ.

Характеризуя это содержаніе словами: «конкретныя

формы, возникающія изъ процесса движенія капитала», Марксъ повидимому выражаетъ ту мысль, что во всѣхъ анализируемыхъ явленіяхъ цѣнность возникаетъ только изъ труда, употребляемаго на производство, а не изъ оборота [1]) товарныхъ или денежныхъ капиталовъ, что прибыль, доходъ предпринимателя, проценты, ренты суть ничто иное, какъ прибавочная цѣнность [2]).

«Купеческій капиталъ, говоритъ Марксъ, есть ничто иное, какъ въ предѣлахъ области обращенія дѣйствующій капиталъ. Процессъ обращенія есть часть всего процесса воспроизведенія (Reproduction); но цѣнность, а слѣдовательно и прибавочная цѣнность въ обращеніи не производится. Масса цѣнности измѣняется только со стороны формы. Происходитъ только метаморфоза товаровъ, которая не имѣетъ ничего общаго съ созданіемъ или измѣненіемъ цѣнности».

«Прибавочная цѣнность реализуется при продажѣ товара, потому что она въ немъ заключается; поэтому во второмъ актѣ, при обмѣнѣ денегъ на товаръ (на элементы производства), прибавочная цѣнность не реализуется покупщикомъ; но установляется производство прибавочной цѣнности обмѣномъ денегъ на предметы, служащіе для производства, и на рабочую силу (трудъ). Купеческій капиталъ не производитъ непосредственно ни цѣнности, ни прибавочной цѣнности. Производителю-капиталисту (dem industriellen Kapitalisten) онъ можетъ косвенно помочь сократить время, необходимое для обращенія (Circulationszeit), и слѣдовательно увеличить производство добавочной цѣнности. Расширяя рынокъ и способствуя раздѣленію труда, онъ способствуетъ производительности и накопленію промышленнаго капитала».

«Сокращая время обращенія, онъ возвышаетъ отношеніе

[1]) Buch III. Th. 1 p. 263.
[2]) Ib. p. 115.

прибавочной цѣнности къ затраченному (vorgeschossenen) капиталу, слѣдовательно размѣръ прибыли. Требуя меньшаго денежнаго капитала для обращенія, онъ увеличиваетъ капиталъ, непосредственно употребленный въ производствѣ» [1]).

Такимъ образомъ, по Марксу, купеческій капиталъ, способствуя производительности, самъ по себѣ непроизводителенъ! Надѣляя прибавочною цѣнностію, онъ ее не производитъ и даже ее не извлекаетъ! Извлекаетъ ее производитель. Мало этого, самый трудъ купеческій непроизводителенъ, и продолжительность его не создаетъ ни цѣнности, ни прибавочной цѣнности! Не впадаетъ ли Марксъ въ «фетишизмъ», когда онъ говоритъ: «чисто купеческіе расходы обращенія относятся къ превращенію денегъ въ товаръ и обратно (какъ будто купеческіе расходы не направлены къ тому, чтобы поставить товаръ въ распоряженіе производителя или потребителя!) и къ относящимся сюда занятіямъ — содержанію конторы, веденію бухгалтеріи, корреспонденціи и т. п. Рабочее время, которое расходуется на эти операціи, не прибавляетъ никакой цѣнности».

«Отношеніе купеческаго капитала къ прибавочной цѣнности иное, чѣмъ промышленнаго капитала. Послѣдній производитъ ее простымъ присвоеніемъ чужой работы (!!), первый присваиваетъ себѣ часть этой цѣнности, переводя ее со счета производительнаго капитала на свой счетъ. Рабочее время и работа купца не есть работа, производящая цѣнность».

«Работникъ въ торговлѣ не производитъ непосредственно прибавочной цѣнности, но цѣна его работы опредѣляется цѣнностію его рабочей силы (труда), слѣдовательно издержками на производство этой силы, между тѣмъ какъ работа этого

---

[1]) Ib. 1 pp. 263, 264.

труда, его напряженіе, обнаруженіе его силы, его трата, нисколько не опредѣляется цѣнностію его рабочей силы» [1]).

Такимъ образомъ Марксъ дошелъ до идеи непроизводительнаго труда, хотя бы послѣдній способствовалъ удовлетворенію потребности, и даже отрицаетъ значеніе продолжительности труда, на которой основана теорія абсолютной прибавочной цѣнности.

Приведенныя мѣста напоминаютъ слова, сказанныя Листомъ объ экономистахъ, которые считали только извѣстные виды труда производительными: «по ихъ мнѣнію, человѣкъ, воспитывающій людей, не производителенъ, а откармливающій свиней производителенъ». Матеріальный взглядъ на характеръ производства цѣнности Марксъ называетъ фетишизмомъ, и самъ поклонился фетишу.

Выводы, къ которымъ Марксъ пришелъ относительно непроизводительности капитала и нѣкоторыхъ видовъ труда, онъ объясняетъ очень просто. «Капиталистическій процессъ производства, говоритъ онъ, дѣло очень запутанное. Задача науки—кажущееся движеніе привести къ дѣйствительному. Представленія купца, биржевого спекулянта, банкира неизбѣжно извращены (sind nothwendig ganz verkehrt), а фабриканта фальшивы (verfälscht), вслѣдствіе актовъ обращенія, которымъ подчиненъ ихъ капиталъ, и вслѣдствіе происходящаго уравненія размѣра прибыли. Конкурренція въ этихъ головахъ получаетъ совершенно извращенное значеніе».

«Если даны границы для цѣнности и для прибавочной цѣнности, то легко понять, какъ конкурренція капиталовъ обращаетъ цѣнности въ цѣны производства и еще болѣе въ рыночныя цѣны, а прибавочную цѣнность въ среднюю прибыль. Но безъ этихъ границъ нельзя понять, зачѣмъ конкурренція низводитъ общій размѣръ прибыли до того или другого предѣла—до 15% вмѣсто 1500%.— Конкурренція

[1]) Ib. pp. 372, 373, 377, 378, 284.

можетъ только низвести прибыль до извѣстнаго уровня, но въ ней безусловно нѣтъ никакого элемента для опредѣленія этого уровня» [1]).

Значеніе конкурренціи спроса и предложенія разъясняется во 2-ой части третьяго тома въ 50-й главѣ, озаглавленной: «Призракъ конкурренціи» — «Schein der Konkurrenz». Здѣсь по поводу заработной платы Марксъ говоритъ слѣдующее: «конкурренція ничего не разъясняетъ (nützt uns nichts). Конкурренція повышаетъ или понижаетъ рыночныя цѣны труда; но предположимъ, что спросъ на трудъ и предложеніе труда покрываютъ другъ друга, чѣмъ опредѣлится тогда заработная плата? Конкурренціею. Но конкурренція перестаетъ опредѣлять цѣны, коль скоро ея дѣйствіе упраздняется равновѣсіемъ борящихся въ ней силъ. Дѣло въ томъ, что надо отыскать естественную цѣну заработной платы, т. е. цѣну труда, которая не регулируется конкурренціею, но ее регулируетъ» [2]).

Марксъ обезоруживаетъ своихъ противниковъ, утверждая, что наблюдаемое ими только такъ имъ кажется, а въ дѣйствительности наука видитъ нѣчто иное. Конечно, видитъ это только наука Маркса, руководствующаяся одною догматикою, выдаваемою за непогрѣшимыя истины, а не наблюденіемъ. — Кому неизвѣстно — для этого нѣтъ надобности обращаться къ ученіямъ вульгарныхъ экономистовъ, — что спросъ и предложеніе никогда не бываютъ въ состояніи покоя, что соперничество, какъ между спрашивающими, такъ и между предлагающими, непрерывно измѣняетъ размѣры цѣнъ и доходовъ; кому неизвѣстно, что спросъ и предложеніе уравниваютъ не только цѣны, но и доходы лишь тогда, когда совокупность условій экономическихъ благопріятна для установленія цѣнности произведеній и услугъ соразмѣрной съ трудомъ и съ издержками производства и

[1]) Ib. pp. 297 — 298.
[2]) Buch. III. Th. 2 p. 400.

наконецъ, что во время неурожая прибыль торговца хлѣбомъ можетъ подняться на сотни процентовъ.

Очевидно, что Марксу надо было отвергнуть значеніе спроса и предложенія, значеніе конкурренціи, потому что безъ этого должна была бы рушиться его теорія и прибавочной цѣнности, и цѣнности вообще, и самая фикція капиталистическаго производства.

Для того, чтобы прослѣдить всѣ курьезы послѣднихъ двухъ книгъ «Капитала», пришлось бы написать также цѣлую книгу; но нельзя не отмѣтить еще нѣсколькихъ мѣстъ, касающихся ренты, накопленія капиталовъ и способовъ, которые употребляетъ Марксъ для выводовъ. Разбирая разные виды земельнаго дохода, его образованіе, измѣненія и пр., Марксъ встрѣтился съ рентою, доставляемою мелкою крестьянскою собственностію, обрабатываемою трудомъ не наемнымъ, но самого владѣльца. Въ такомъ случаѣ очевидно, что рента является не какъ прибавочная цѣнность, отбираемая капиталистомъ у крестьянина, а какъ часть дохода поступающаго въ карманъ крестьянина. Не имѣя возможности пропустить это досадное явленіе, расходящееся съ теоріею прибавочной цѣнности, Марксъ относитъ мелкое землевладѣніе къ необходимой переходной ступени въ земледѣліи и предсказываетъ ему конецъ. Причины уничтоженія мелкой собственности, столь непріятной Марксу, заключаются «въ развитіи крупныхъ предпріятій, въ истощеніи мелкою обработкою почвы, въ присвоеніи крупными землевладѣльцами общественнаго имущества, въ невозможности содержать скотъ, въ конкурренціи крупной обработки. Мелкая собственность исключаетъ развитіе общественныхъ, производительныхъ силъ труда, общественныхъ формъ труда, общественнаго сосредоточенія капиталовъ, скотоводство въ большомъ размѣрѣ, прогрессивное примѣненіе науки» [1]).

[1]) Ib. pp. 339, 341.

И однако, не смотря на этотъ приговоръ, мелкая собственность процвѣтаетъ въ странахъ съ плодоперемѣнной системою, кормитъ такія массы населенія и даетъ такія ренты, на которыя при крупной земельной собственности трудно разсчитывать. Конечно, рента, получаемая крестьяниномъ, съ точки зрѣнія соціализма и Маркса въ особенности, является очень некстати, потому что не мѣшаетъ богатѣть крестьянамъ Франціи, Бельгіи и отчасти Западной Германіи. Но на дѣлѣ это такъ.

На вопросъ: что такое капиталъ? Марксъ отвѣчаетъ: «Капиталъ не есть вещь, а общественное историческое въ производствѣ отношеніе (!!), которое даетъ предметамъ спеціальный общественный характеръ» [1]).

На вопросъ: какъ накопляется капиталъ? Марксъ даетъ слѣдующіе два отвѣта:

Во 1-хъ) «капитализаціею называется образованіе фиктивнаго капитала» (!?) [2]).

Во 2-хъ) «въ приносящемъ проценты денежномъ капиталѣ капиталистическія отношенія получаютъ свою внѣшнюю фетишеобразную форму. Деньги производятъ деньги безъ посредства товара.—Т, въ формулѣ Д—Т—Д′ опускается. Доходъ отъ денегъ, какъ отъ вина, долго лежащаго въ погребѣ, тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе капиталъ лежитъ» [3]).

А затѣмъ, сказавъ, что «накопленіе отдаваемаго въ заемъ капитала можетъ происходить безъ всякаго дѣйствительнаго накопленія техническими способами—развитіемъ и сосредоточеніемъ банковыхъ оборотовъ (Bankwesen), сбереженіемъ запаса орудій обращенія (der Circulationsreserve)», Марксъ ставитъ другое общее положеніе: «Накопленіе отдаваемаго въ заемъ капитала состоитъ просто въ томъ, что деньги, какъ отдаваемый въ заемъ

[1]) Ib. p. 350.
[2]) Ib. p. 4.
[3]) Buch III Th. 1, pp. 377, 379.

капиталъ, образуютъ осадки—sich als verleihbares Kapital niederschlägt»[1]),

Едва ли есть надобность доказывать, что капиталъ есть главнымъ образомъ результатъ предшествующаго производства, въ которомъ труду принадлежитъ выдающееся значеніе, что это не миѳъ, не общественное отношеніе, а реальная сила, что деньги не накопляются сами собою, не осаждаются, а пріобрѣтаются и пр.

Конечно маркситамъ не трудно все это опровергнуть такого рода доводами: «надо отрѣшиться отъ *кажущагося* вульгарнымъ экономистамъ, биржевикамъ и капиталистамъ для того, чтобы постичь дѣйствительную суть»—или даже проще—«это пошло—das ist abgeschmakt», какъ часто выражается Марксъ, изданный Энгельсомъ. Больше вѣдь ничего не требуется для убѣжденія вѣрующихъ.

Въ заключеніе быть можетъ будетъ не лишнимъ представить хотя одинъ примѣръ того точнаго метода, которымъ Марксъ вырабатывалъ свои истины. Говоря о размѣрѣ прибыли, Марксъ считаетъ важнымъ — сравненіе международнаго размѣра прибылей.

«Пусть въ европейской странѣ, замѣчаетъ онъ, размѣръ прибавочной цѣнности (m) будетъ 100%, т. е. работникъ полдня работаетъ для себя, а полдня для нанимателя; пусть въ азіатской странѣ она будетъ 25%, т. е. работникъ $^4/_5$ дня работаетъ для себя, а $^1/_5$ для нанимателя, пусть въ европейской странѣ составъ національнаго капитала будетъ 84 c (c—капиталъ постоянный—konstantes), и 16v (v—капиталъ перемѣнный (variables).

«Въ азіатской странѣ, гдѣ мало машинъ и мало сырого матеріала потребляется производительно, составъ капитала будетъ: 16 c. и 84 v. Тогда окажется слѣдующее:

---

[1]) Buch III. Th. 2 pp. 33 и 45.

европейское производство выразится такъ:

$$84c + 16v + 16m = 116. —$$

а размѣръ прибыли будетъ:

$$\frac{16}{100} = 16\%.$$

азіатское производство выразится такъ:

$$16c + 84v + 21m = 121.$$

а размѣръ прибыли будетъ:

$$\frac{21}{100} = 21\%.»$$ (Buch III, Th. I p. 129).

Спрашивается: причемъ здѣсь Европа и Азія?

Не говоря уже о томъ, что приведенный разсчетъ чисто фиктивный, ни на чемъ не основанный, должно замѣтить, что самыя данныя подлежатъ еще сомнѣнію. Дѣйствительно ли работникъ получаетъ въ Европѣ половину выработаннаго, а въ Азіи $\frac{4}{5}$? Дѣйствительно ли въ Азіи мало сырого матеріала употребляется производительно?

Конечно, для Маркса все это праздные вопросы, разрѣшенія которыхъ надо искать ни въ чемъ иномъ, какъ въ недомыслiи несподобившихся увѣровать въ догму прибавочной цѣнности.

Оканчивая этимъ разборъ ученія Маркса, нельзя не замѣтить, что ни одинъ изъ коммунистовъ не пользовался такимъ сильнымъ и продолжительнымъ вліяніемъ, какъ Марксъ. Хотя вожаки коммунизма на происходившихъ конгрессахъ враждовали другъ съ другомъ, и даже съ Марксомъ, но дѣло шло не о доктринахъ, а о томъ, кому стоять во главѣ движенія, и какія средства слѣдуетъ употребить для ниспроверженія существующаго порядка. Выступивъ сначала публично агитаторомъ, Марксъ впослѣдствіи ограничился закулисной дѣятельностію, которая продолжала быть могущественною.

Въ виду вышеизложеннаго слѣдовало бы предполагать, что вліяніе Маркса не могло быть долговѣчнымъ,—между тѣмъ онъ владычествуетъ доселѣ среди соціалистовъ, и даже люди серьезные, не принадлежащіе къ послѣднимъ, видятъ въ «Капиталѣ» Маркса произведеніе глубокаго мыслителя.

Это объясняется отчасти формою и содержаніемъ книги, отчасти пріемами, употребленными авторомъ, отчасти терминологіею, которая измѣняетъ общепринятый смыслъ нѣкоторыхъ основныхъ понятій.

По формѣ сочиненіе Маркса не имѣетъ ничего общаго съ соціалистическими романами, въ родѣ Икаріи—Кабэ, или Look-Backward — Беллами, — а также съ фантастическими системами и построеніями — каковыми представляется фаланстера—Фурье, или «новый міръ» —Оуэна. Соціальные романы и системы быстро отживаютъ свой вѣкъ, послѣ первыхъ минутъ увлеченія, а тѣмъ болѣе, послѣ неудачнаго опыта. Иное дѣло книга, въ которой подвергаются подробному изученію существующія экономическія явленія, — развиваются теоретическія положенія, совершенно своеобразныя, и все это подкрѣпляется множествомъ свѣдѣній и выписокъ изъ классической и журнальной литературы, свидѣтельствующихъ о большой начитанности автора. Сочиненіе, служащее не для легкаго чтенія (эта особенность будетъ объяснена ниже), этимъ самымъ только выигрываетъ. Тѣмъ, которые высказываютъ сомнѣнія въ вѣрности положеній Маркса, его адепты отвѣчаютъ: «все это доказано фактами, все это опирается на изученіе политико-экономической литературы».

Между тѣмъ, такъ называемые факты свидѣтельствуютъ лишь о существованіи болѣзненныхъ явленій въ общественномъ организмѣ, а не о негодности самого организма и о необходимости его переустройства, подобно тому, какъ болѣзни человѣка свидѣтельствуютъ о существованіи вѣдомыхъ и невѣдомыхъ причинъ нашихъ страданій,

но не указываютъ на то, что организмъ человѣка никуда не годенъ и долженъ быть «переработанъ». Свѣдѣнія и выписки, приведенныя изъ книгъ и газетъ, имѣли бы дѣйствительную цѣну, еслибы они позволяли дѣлать какіе либо выводы. На дѣлѣ это не болѣе, какъ экономическій ворохъ матеріаловъ, подобранныхъ для того, чтобы произвести желаемое впечатлѣніе на людей, не привыкшихъ пользоваться научными данными—другими словами, разсчитанныхъ на то, чтобы поселить убѣжденіе въ негодности существующаго общественнаго строя, въ которомъ работники обираются предпринимателями, капиталы накопляются на счетъ чужого труда или сами собою и становятся орудіемъ дальнѣйшаго, еще большаго порабощенія бѣднѣйшихъ классовъ населенія.

Для того, чтобы доказать, что заработная плата во многихъ случаяхъ очень низка, что въ соперничествѣ сильные или богатые берутъ верхъ надъ бѣдняками, что крупное производство, какъ болѣе дешевое, разоряетъ мелкихъ предпринимателей — для этого не было никакой надобности изобрѣтать новую теорію цѣнности, въ сущности ничего не разъясняющую,— потому что она не основана на фактическомъ изученіи дѣйствительности, а на положеніяхъ, выдаваемыхъ за аксіомы, тогда какъ эти положенія не болѣе какъ утвержденія, не выдерживающія критики.

Какъ самая теорія Маркса, такъ и практическія заключенія, къ которымъ она приводитъ, ничего не даютъ.

Осуждая существующій порядокъ, Марксъ не предлагаетъ новой организаціи, а указываетъ на задачу, очень понятную для пролетаріата — *на обобщеніе орудій производства* — что, по его мнѣнію, подготовляется преобладаніемъ крупнаго производства надъ мелкимъ и обращеніемъ нѣкоторыхъ отраслей хозяйства въ государственныя предпріятія. Въ одно и то же время Марксъ и обращается

къ хищническимъ инстинктамъ обездоленнаго человѣчества, и взываетъ къ сочувствію желающихъ улучшить положеніе рабочихъ классовъ, и успокаиваетъ капиталистовъ перспективою порядка, соблюдаемаго при превращеніи частнаго хозяйства въ соціальное. Онъ и революціонеръ, и филантропъ, и приверженецъ мирнаго государственнаго соціализма.

Наконецъ, не мало тумана напускаетъ Марксъ условною терминологіею: слова означаютъ у него часто не то, что принято подъ ними понимать. Въ этомъ отношеніи ему сослужило нѣкоторую службу и отсутствіе въ языкѣ словъ для точной передачи понятій [1]). Слово цѣнность — Werth означаетъ у Маркса совсѣмъ не то, что привыкли подъ нимъ разумѣть, не *оцѣнку*, а работу, и притомъ не такую, какая существуетъ, а такую, какая никому невѣдома — среднюю, абстрактную, общественно-необходимую. Цѣна по ходячимъ понятіямъ есть цѣнность, выраженная деньгами, и изъ нѣкоторыхъ мѣстъ книги Маркса можно думать, что и онъ съ этимъ согласенъ, а между тѣмъ иногда цѣна у него нѣчто отличное отъ цѣнности, выраженной деньгами!

Слова Arbeit — работа и Arbeitskraft — трудъ служатъ поводомъ къ сужденіямъ, ни на чемъ не основаннымъ. Различіе между этими терминами выставляется, какъ великое открытіе, между тѣмъ дѣло очень просто. Слово Arbeit

---

[1]) Термины - Gebrauchswerth, Nützlichkeitswerth, потребительная цѣнность — народному языку не свойственны, они сочинены. Терминъ потребительная цѣнность употребленный русскимъ переводчикомъ Маркса безсмыслица уже потому, что нѣкоторыя потребительныя цѣнности—цѣнности вовсе не имѣютъ, напр., воздухъ, вода.

Затѣмъ термины Tauschwerth, или просто Werth, болѣе опредѣленны и общеупотребительны. Но въ русской терминологіи оказывается цѣлое столпотвореніе, ничѣмъ не оправдываемое: слова цѣнность, мѣновая цѣнность, совершенно ясныя и опредѣленныя, замѣняются словомъ стоимость, которое означаетъ издержки производства — Kostenpreis, то что стоилъ предметъ производителю.

имѣетъ въ нѣмецкомъ языкѣ два значенія: труда и работы. Оба термина и въ русскомъ языкѣ смѣшиваются, но трудъ есть сила, а работа нѣчто выполненное этой силой. При наймѣ труда договаривающіяся стороны условливаются чаще всего о продолжительности труда, а иногда просто о выполняемой трудомъ работѣ. Удлиненіе рабочаго дня предпринимателемъ, безъ согласія добровольнаго или вынужденнаго, не имѣетъ мѣста.

Даже такіе термины, какъ капиталъ постоянный и капиталъ оборотный, повидимому установившіеся и въ наукѣ, и въ языкѣ, у Маркса затемняются изобрѣтеніемъ новыхъ — konstantes наравнѣ съ fixes и variables наравнѣ съ circulierendes Kapital, не означающихъ однако одного и того же.

Излишне повторять сказанное о неясномъ смыслѣ слова капиталистическое производство, противополагаемаго общественному, какъ будто бы есть какое-либо производство, которое можетъ быть не капиталистическимъ? Объясненія въ родѣ того, что Gebrauchswerth — годность указываетъ на свойство вещей, а Werth или цѣнность на ихъ отношеніе къ человѣку, а равно мнимое открытіе фетишизма у экономистовъ, которые будто бы предполагали какое-то мистическое отношеніе между вещами, независимое отъ отношенія ихъ къ человѣку — чистый вымыселъ, потому что въ хозяйствѣ все исходитъ отъ человѣка и относится къ нему. Предыдущаго достаточно для того, чтобы объяснить источникъ мнимаго глубокомыслія Маркса. Онъ угождалъ «мыслителямъ», которые недоумѣвали, не умѣя справиться съ его терминологіею; онъ очаровывалъ тѣшившихся говорящими сюртуками, онъ подкупалъ искренне желавшихъ только улучшенія быта рабочаго класса преспективою мирнаго рѣшенія соціальнаго вопроса, наконецъ онъ болѣе всего угождалъ тѣмъ, которые мечтали о переворотѣ и объ обращеніи частной собственности въ общественную при помощи силы.

Есть однако признаки, что теорія цѣнности Маркса не всѣхъ уже удовлетворяетъ, а если вынуть этотъ краеугольный камень изъ зданія, воздвигнутаго Марксомъ, то устоитъ ли оно? Едва ли. — Для объясненія происхожденія нищеты и страданія не было надобности въ построеніи цѣлой теоріи, и притомъ такой, которая не принимала въ разсчетъ неизбѣжнаго несовершенства, какъ человѣческихъ обществъ, такъ и самого человѣка. Скачокъ изъ царства необходимости въ царство свободы, возвѣщенный маркситами, былъ бы скачкомъ изъ царства признанія права, труда, долга, совѣсти, законности — или въ царство деспотизма большинства и всеобщаго рабства, или въ царство анархіи, гдѣ ничто не сдерживаетъ личнаго индивидуальнаго произвола, гдѣ человѣку все позволено, чего онъ ни пожелаетъ.—Никогда, ни одно цивилизованное общество при такихъ условіяхъ существовать не можетъ. Въ теченіе времени и самый образъ «учителя» въ глазахъ маркситовъ долженъ будетъ утратить свое обаяніе. Человѣкъ съ сердцемъ и съ совѣстію призадумается надъ мыслію обратить частную собственность въ общественную при помощи захваченной силы, на томъ только основаніи, что сила играла роль въ рожденіи человѣческихъ обществъ. Еще большаго можно ожидать современемъ, когда разоблачится подпольная исторія соціализма, когда сдѣлается извѣстнымъ изъ-за чего происходила борьба между самыми коммунистами. Конечно, не изъ за принциповъ боролся Марксъ съ Бакунинымъ, выставляя послѣдняго шпіономъ русскаго правительства (!)—дѣло шло не о нищетѣ рабочаго класса и какъ пособить ему, а о томъ, кому надъ нимъ господствовать до наступленія мнимаго царства свободы, и въ самомъ этомъ царствѣ свободы.

Глава XIII.

Замѣтка о современномъ состояніи соціальныхъ ученій.

Въ послѣднее двадцатипятилѣтіе соціализмъ получилъ широкое распространеніе и въ общественной жизни, и въ европейской литературѣ. Въ общественной жизни, по крайней мѣрѣ въ Германіи и отчасти во Франціи, соціалисты являются не мечтателями-сектаторами, а политическою партіею. При всей разноголосицѣ, господствующей между соціалистами, отчасти вслѣдствіе личныхъ раздоровъ вожаковъ, стремящихся къ господству, отчасти вслѣдствіе различія соціальныхъ программъ, то исключающихъ, то допускающихъ частную собственность и частное хозяйство, то возлагающихъ весь соціальный переворотъ на государство, то требующихъ уничтоженія самаго государства и даже всякихъ общественныхъ связей (анархизмъ)—несомнѣнно одно, что всѣ соціалисты согласны относительно негодности стараго и необходимости новаго общественнаго порядка. Различіе въ мнѣніяхъ между разными партіями,—такъ называемыми *коллективистами*, вѣрными ученію Маркса, поссибилистами (къ которымъ слѣдуетъ отнести южно-германскую народную партію—Volkspartei), готовыми идти на сдѣлки съ правительствомъ по поводу частныхъ вопросовъ, и наконецъ анархистами—нѣтъ того разъединенія, которое указывало бы на распаденіе, или на коренной разладъ, предвѣщающій упадокъ соціализма. Это скорѣе ростъ и развѣтвленіе его въ разнообразныхъ формахъ.

Въ литературѣ, конечно, соціализмъ послѣ Маркса, кромѣ ученія о націонализаціи земли, ничего не произвелъ; но зато онъ занялъ мѣсто въ журналистикѣ и успѣшно ве-

детъ пропаганду, выставляя на видъ всѣ темныя явленія общественной жизни и стушевывая по возможности продѣлки и преступленія своихъ сторонниковъ. Такъ берлинская газета «Vorwärts» — «Впередъ» постоянно приписываетъ заговоры, динамитные взрывы и убійства агентамъ-подстрекателямъ, и выставляетъ соціалистовъ жертвами коварной буржуазіи.

Что касается націонализаціи земли, напоминающей основныя начала землевладѣнія въ Египтѣ, во время фараоновъ, и на мусульманскомъ востокѣ, то вперные она была развита въ сочиненіи американца Генри Джоджа [1]) «Прогрессъ и нищета» — «Progress and Poverty», вышедшемъ въ 1879 г. Сочиненіе это встрѣтило большое сочувствіе въ Германіи и въ Англіи, и вызвало цѣлую литературу. Къ болѣе замѣчательнымъ произведеніямъ этого направленія слѣдуетъ отнести книгу Флюршейма «Единственный путь спасенія» — Michael Flürscheim. «Der einzige Rettungsweg». 1890.

По мысли послѣдователей націонализаціи земли—обѣднѣніе народа происходитъ вслѣдствіе возрастанія земельной ренты, поэтому вся земля должна быть обращена въ государственную собственность съ тѣмъ, чтобы частныя лица пользовались ею на арендномъ правѣ, а поступающая за землю рента обращалась въ государственный доходъ. Въ сущности это не нѣчто противоположное мобилизаціи земли, т. е. свободному распоряженію земельною собственностью, а мобилизація земледѣльцевъ, выдворяемыхъ въ случаѣ неисправнаго платежа ренты. Трудно сказать что-нибудь опредѣленное о будущей судьбѣ этого ученія. Оно явилось въ такую пору, когда земельной рентѣ, вслѣдствіе развитія сѣтей желѣзныхъ дорогъ и пароходства, грозитъ дальнѣйшее пониженіе.

[1]) Родился въ 1839 г., началъ свое поприще типографщикомъ, а потомъ былъ сотрудникомъ и редакторомъ многихъ газетъ.

Затѣмъ націонализація земли не нашла сочувствія въ мѣстахъ, гдѣ распространена мелкая земельная собственность, какъ, напр., во Франціи. Поэтому здѣсь пропаганда аграрнаго соціализма приняла другую форму — вопроса о надѣленіи безземельныхъ или малоземельныхъ крестьянъ на счетъ крупной земельной собственности.

Заканчивая этимъ обозрѣніе ученій соціализма и коммунизма, очевидно нельзя считать ихъ явленіями случайными, призрачными и завершившими свое развитіе. Задача, которую соціалисты провозгласили своею — улучшить нравственное и матеріальное положеніе населенія, была задачею науки и практической жизни. Въ наукѣ эта задача заставила отказаться отъ теоріи laissez faire, отъ мысли что въ обществѣ все устраивается само собою, независимо отъ вліянія государственной власти. Въ практической жизни пришлось признать существованіе рабочаго вопроса и считаться съ нимъ. Вездѣ, гдѣ возрастало число фабричныхъ рабочихъ или безземельныхъ и безхозяйныхъ сельскихъ пролетаріевъ, лишенныхъ обезпеченнаго существованія, возникала необходимость въ мѣрахъ, которыя доставили бы обездоленному населенію болѣе прочное экономическое положеніе. Если послѣднее, съ одной стороны, не можетъ быть достигнуто ниспроверженіемъ существующаго строя государственной жизни и его основъ или попыткою осуществить фантастическія системы соціализма, то, съ другой, невниманіе къ дѣйствительнымъ интересамъ болѣе или менѣе многочисленной части населенія, совершенно необходимой для удовлетворенія потребностямъ частнымъ и государственнымъ, а тѣмъ болѣе попытка остановить духовный и матеріальный ростъ народа была бы совершеннымъ безуміемъ. Невниманіе къ интересамъ бѣднаго трудящагося населенія лишило бы государство той силы, которую оно черпаетъ въ народѣ въ пору тяжелыхъ испытаній, а попытка обратить

рабочій классъ въ то патріархальное положеніе, въ какомъ онъ находился до XVIII столѣтія — другими словами, повоpотить исторію назадъ, лишило бы государство могущества и заставило бы его отречься отъ своего назначенія. Вся сила соціализма заключается въ томъ, что онъ задумалъ рѣшить важнѣйшую изъ задачъ, предложенныхъ исторіею человѣчеству—направить силы общественныя и частныя къ достиженію всеобщаго благосостоянія. Но несомнѣнно, что ученія соціалистовъ не только не способствовали достиженію этой высокой цѣли, но отодвигали ее въ туманную даль утопіи. Они навязывали общественному устройству фантастическія формы и пытались создать связи между людьми на началахъ противоположныхъ существующимъ въ дѣйствительности — именно на равенствѣ вознагражденія за неравный трудъ. Опытъ, повидимому, отрезвилъ немногихъ, но достаточно пока и того, что старые авторитеты, въ томъ числѣ и Марксъ, не имѣютъ уже прежняго блеска. Опытъ покажетъ, что возложеніе всѣхъ заботъ на государство, что превращеніе частной дѣятельности въ государственную или превращеніе всей промышленной дѣятельности, съ устраненіемъ личной иниціативы, въ товарищескіе союзы не обѣщаютъ еще установленія наилучшей формы хозяйственнаго порядка.

Глава XIV.

Ученіе свободы промышленности, начиная съ конца 40-хъ годовъ настоящаго столѣтія.

Послѣдователи ученія свободы промышленности отчасти пытались найти новыя начала для доктрины laissez faire въ теоріи гармоніи или согласіи частныхъ интересовъ, отчасти же, оставаясь вѣрными (хотя и не вполнѣ) идеямъ Адама

Смита, поставляли своею задачею отстаивать частную инициативу и частную собственность, строго отграничивая хозяйство народное отъ хозяйства государственнаго.

Къ экономистамъ первой категоріи можно отнести Кэри, Бастіа и ихъ послѣдователей, къ экономистамъ второй—слѣдуетъ причислить многихъ новѣйшихъ французскихъ писателей, въ особенности Поля Леруа Болье и его сотрудниковъ по изданію еженедѣльной газеты «Economiste Français», а также сотрудниковъ «Journal des économistes», редактируемаго Гюставомъ Молинари.

I. Теорія согласія интересовъ. [1]).

Адамъ Смитъ находилъ, что экономическими успѣхами общества заинтересованы землевладѣльцы и работники, а не капиталисты, прибыль которыхъ при возрастаніи богатства уменьшается. Вообще, по его мнѣнію, интересы торговаго класса не совпадаютъ съ благомъ общества. Рикардо полагалъ, что возвышеніе земельной ренты есть слѣдствіе возрастающаго требованія на бо́льшее количество хлѣба, заставляющаго обращаться къ воздѣлыванію земель менѣе плодородныхъ, при чемъ рента съ земель, болѣе плодородныхъ, сама собою возрастаетъ. Мальтусъ, въ законѣ населенія, т. е. въ возрастаніи населенія болѣе быстромъ, чѣмъ увеличеніе средствъ существованія, усматривалъ причину, препятствующую улучшенію положенія общества, если только человѣкъ, какъ дѣятель нравственный, не подчинитъ инстинктъ размноженія другимъ высшимъ побужденіямъ.

Отсюда слѣдовало, что при безусловномъ laissez faire

---

[1]) Изъ сочиненій этого направленія наиболѣе замѣчательны: 1) Carey. Principles of political economy. Phil. 1837—1840. 2) Bastiat Oeuvres, 1855 г. 6 vol. Въ одномъ изъ томовъ помѣщены «Harmonies économiques», вышедшія въ 1850 году. 3) Wirth. Grundzüge der Nationaloeconomie. 1856—1859.

не осуществляется всеобщее благосостояніе, и что частные интересы цѣлыхъ классовъ населенія могутъ находиться въ противорѣчіи между собою.

Этотъ роковой антагонизмъ, ощутительный въ Западной Европѣ, въ странахъ новыхъ съ учрежденіями, дававшими полный просторъ частной дѣятельности, былъ совершенно незамѣтенъ, а потому общественныя отношенія въ Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ штатахъ представляли готовый матеріалъ для первой политико-экономической системы Кэри—для такъ называемой «Harmony of interests». Послѣ 1837 года, въ Америкѣ многое начало измѣняться, и возникла болѣе оживленная борьба между частными интересами, чѣмъ и объясняется отчасти уклоненіе Кэри отъ прежней доктрины.

Перенося идеи Кэри 30-хъ годовъ въ Европу, Бастіа признавалъ согласіе только между *законными интересами* (interêts légitimes). Это привело его къ мысли физіократовъ, что общественный порядокъ есть установленіе природы, и какъ таковое противоположно порядку искусственному—устройству, изобрѣтаемому людьми.

1. Кэри.

Кэри, сынъ ирландскаго книгопродавца, переселившагося въ Америку, родился въ концѣ 1793 г. въ Филадельфіи и умеръ тамъ же въ 1879 г. Въ 1835 г. Кэри оставилъ торговое дѣло и занялся учено-литературными трудами. Первое наиболѣе выдающееся его сочиненіе «Начала политической экономіи» появилось въ 1837—40 годахъ и сдѣлалось извѣстнымъ европейскимъ ученымъ въ концѣ 40-хъ годовъ, когда имъ воспользовался Бастіа (Frédéric Bastiat), полемизируя съ соціалистами. Въ «Началахъ политической экономіи» Кэри проводитъ мысль о гармоніи интересовъ, установляющейся при предоставленіи имъ полной свободы. Въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ, въ осо-

бенности въ «Началахъ соціальной науки» 1858—1869 гг.— «Principles of Social Science». Кэри является сторонникомъ покровительственной системы, а послѣ междоусобной войны между Сѣверными и Южными штатами онъ возстаетъ даже противъ погашенія бумажныхъ денегъ и высказываетъ взгляды, напоминающіе ученія меркантилистовъ. Конечно, и въ этихъ изслѣдованіяхъ, Кэри говоритъ также о *согласіи интересовъ*, но ищетъ его въ сочетаніи разныхъ отраслей промышленности, и въ децентрализаціи населенія и производства путемъ образованія мѣстныхъ центровъ. Для противодѣйствія сосредоточенію населенія, капиталовъ и производства, ведущихъ, по Кэри, къ истощенію почвы и къ подавленію свободы, онъ не знаетъ другого средства кромѣ покровительственнаго таможеннаго тарифа.

Въ научномъ отношеніи бо́льшее значеніе имѣетъ первое сочиненіе Кэри — «Начала политической экономіи». Въ немъ онъ выступаетъ противникомъ фаталистическихъ ученій послѣдователей Смита въ Англіи, въ особенности Рикардо. Признавая цѣнность произведеніемъ труда, сущностію собственности, основою для распредѣленія доходовъ, Кэри доказываетъ, что съ накопленіемъ капитала улучшается качество, а слѣдовательно уменьшается количество труда, необходимаго въ производствѣ и отдаваемаго въ обмѣнъ за произведенія. Отсюда слѣдуетъ, что цѣнность накопленнаго капитала всегда бываетъ менѣе его первоначальной стоимости и опредѣляется издержками, необходимыми для его воспроизведенія.

Работникъ удѣляетъ капиталисту часть произведеній, добытыхъ при содѣйствіи капитала, и удерживаетъ въ свою пользу заработную плату. Пока трудъ бываетъ низшаго качества, производство слабо, капиталъ накопляется медленно, и капиталистъ требуетъ бо́льшей доли произведеній за оказываемое содѣйствіе. Такимъ образомъ, вначалѣ доля капитала велика, а доля труда незначительна. Эта бо́ль-

шая прибыль даетъ однако не много, потому что итогъ произведеній не великъ. Съ возрастаніемъ капитала уменьшаются проценты; но такъ какъ капиталъ значительнѣе, то и при меньшей прибыли капиталистъ получаетъ бо́льшій доходъ. Доля работника возрастаетъ и абсолютно, и относительно - отсюда возникаютъ въ развитомъ обществѣ сильнѣйшее побужденіе къ труду и совершенное согласіе интересовъ капиталиста и работника. Земельный доходъ или ренту Кэри разсматриваетъ какъ процентъ съ накопленнаго капитала, и вопреки Рикардо доказываетъ, что обработка земли вездѣ начиналась съ менѣе плодородныхъ легкихъ земель и переходила постепенно къ болѣе плодороднымъ, но представлявшимъ большія трудности относительно расчистки. Этимъ опровергаетъ Кэри теорію ренты и вообще теорію доходовъ смитовой школы (Смита, Рикардо и Мальтуса).

Согласіе свойственно интересамъ не только частныхъ лицъ, но и отдѣльныхъ народовъ, потому что все то, что уменьшаетъ производство въ одной странѣ, уменьшаетъ вознагражденіе работника и капиталиста въ другой. Поэтому интересы всѣхъ и каждаго требуютъ всеобщаго мира, предохраняющаго капиталъ отъ истребленія. Въ началѣ общественности, при недостаткѣ капитала, населеніе пользуется тѣмъ, что даетъ природа; оно скитается по обширнымъ пустынямъ, на огромномъ пространствѣ, не можетъ ни сбывать, ни накоплять произведеній и разсчитываетъ на непосредственное потребленіе—жизнь его безпрерывная смѣна расточительности и нищеты (starvation). Съ накопленіемъ капитала населенность возрастаетъ, люди начинаютъ пользоваться содѣйствіемъ своихъ сосѣдей, капиталъ накопляется, а вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаетъ вознагражденіе труда. Трудъ становится менѣе тяжкимъ, количество работы, необходимой для того, чтобы пріобрѣсти средства существованія, уменьшается, нравственное совершенство-

ваніе человѣка идетъ рука объ руку съ улучшеніемъ матеріальнымъ, и добродѣтели цивилизованнаго общества замѣняютъ пороки дикой жизни. Наравнѣ съ согласіемъ интересовъ, Кэри указываетъ на экономическія пертурбаціи (возмущенія), производимыя нарушеніемъ естественныхъ законовъ и установляемой ими гармоніи. Изложенію этихъ *возмущеній* посвященъ весь второй томъ «Началъ политической экономіи».

Разбирая ученіе американскаго экономиста, одинъ изъ современныхъ критиковъ (Ланге), принимая во вниманіе сочиненія Кэри, явившіяся послѣ «Principles of political economy», справедливо замѣтилъ: во 1-хъ, что Кэри не объяснилъ, какимъ образомъ за прогрессивнымъ развитіемъ человѣчества начинается упадокъ; во 2-хъ, что Кэри ошибочно изложилъ ученіе Мальтуса, и, отвергая начало населенія, какъ несовмѣстное съ благостію Творца, самъ допустилъ возможность чрезмѣрнаго населенія; въ 3-хъ, что гипотеза Кэри относительно болѣе быстраго возрастанія заработной платы, сравнительно съ прибылью и рентою, несостоятельна, потому что капиталистъ можетъ заставить рабочаго или довольствоваться необходимымъ, или же предоставить его своей судьбѣ; наконецъ, въ 4-хъ, что охранительная система не мѣшаетъ централизаціи, а скорѣе создаетъ ее. При всемъ томъ, критикъ призналъ за Кэри слѣдующія заслуги: 1) принявъ во вниманіе условія американской экономической жизни, Кэри расширилъ кругъ наблюденій экономистовъ; 2) теорія ренты Кэри заставила сознаться, что всѣ предыдущія изслѣдованія относились къ отдѣльному изолированному государству и что повѣрка ихъ необходима; 3) Кэри противопоставилъ торговымъ интересамъ земледѣльческіе, которыми мало интересовалась наука; 4) полемика Кэри противъ централизаціи, противъ политическаго индифферентизма и за признаніе кромѣ эгоизма другихъ нравственныхъ движителей,

оставляя многіе вопросы неразрѣшенными и даже неразъясненными, сообщила наукѣ новую жизнь; 5) Кэри принялъ сторону рабочихъ классовъ, хотя теорія о гармоніи интересовъ и дѣлала его противникомъ соціальныхъ преобразованій.

Къ этому слѣдуетъ присовокупить, что множество статистическихъ данныхъ и историческихъ фактовъ, приводимыхъ Кэри въ подтвержденіе своихъ положеній, могутъ быть приняты только послѣ строгой критической повѣрки не потому, чтобы они были недостовѣрны, но потому, что они приводятся для подтвержденія заранѣе установившихся мыслей, и что кромѣ нихъ могутъ быть другія данныя и другіе факты, которые даютъ матеріалъ для выводовъ, не вполнѣ согласныхъ съ идеями Кэри, вѣрными лишь для даннаго времени, и при данныхъ обстоятельствахъ и то не всегда. Шмоллеръ называетъ Кэри агитаторомъ. Это едва ли справедливо — онъ былъ болѣе кабинетный ученый, чѣмъ общественный дѣятель.

2. Бастіа.

Бастіа—Frédéric-Bastiat родился въ 1801, умеръ въ 1850 г. Сынъ купца. Послѣ неудачныхъ попытокъ заняться торговлею и сельскимъ хозяйствомъ, Бастіа обратился къ литературной дѣятельности и принялъ живое участіе въ движеніи сороковыхъ годовъ въ пользу свободы торговли, охватившемъ Англію и коснувшемся Франціи.

Кромѣ ряда блестящихъ остроумѣмъ памфлетовъ, написанныхъ противъ протекціонистовъ и соціалистовъ, Бастіа изложилъ свои мысли въ болѣе систематическомъ сочиненіи «Harmonies économiques», въ которомъ авторъ слегка коснулся причинъ, возмущающихъ гармонію хозяйственнаго порядка. Вообще эта книга написана незадолго до смерти (Бастіа умеръ отъ чахотки), и нѣкоторыя главы носятъ отпечатокъ отрывочной работы.

Вся наука политической экономіи заключается, по Бастіа, въ трехъ понятіяхъ — потребностяхъ, усиліяхъ и удовлетвореніи потребностей (bésoins, éfforts, satisfactions). Первое и третье совпадаютъ въ одномъ лицѣ; усилія однихъ служатъ для удовлетворенія потребностей другихъ; отсюда явствуетъ, что политическая экономія есть наука общественная, теорія мѣны. То, что служитъ для удовлетворенія потребности—годность (utilité), бываетъ или даровою (gratuite), какъ воздухъ, вода, и составляетъ результатъ даровой дѣятельности природы, или трудовою (onéreuse), требующею отъ человѣка усилій и составляющею источникъ цѣнности. Чаще всего оба вида годности смѣшиваются въ произведеніяхъ, и отъ отношенія между тою и другою годностію въ произведеніи зависитъ степень дешевизны и общедоступности послѣдняго.

Произведенія силъ природы и труда обмѣниваются. Какъ предметъ мѣны, они служатъ людямъ для оказанія другъ другу взаимныхъ услугъ, и оцѣниваются мѣняющимися сторонами. Поэтому цѣнность есть отношеніе промѣниваемыхъ услугъ. Такъ какъ цѣнность зависитъ отъ усилій, то очевидно, что интересъ каждаго лица направленъ къ тому, чтобы уменьшить усилія, употребленныя въ производствѣ и замѣнить трудъ человѣка даровою дѣятельностію природы. Но сбереженіе усилій въ производствѣ, въ силу закона соперничества, обращается въ общее достояніе, и даровое содѣйствіе природы служитъ не одному производителю, а всѣмъ потребителямъ.

Существенныя мысли Бастіа можно выразить слѣдующими положеніями: 1) Богатство пропорціонально годности; цѣнность опредѣляетъ мѣру участія частныхъ лицъ въ обладаніи богатствомъ. 2) Цѣнность зависитъ отъ усилій, необходимыхъ для преодолѣнія препятствій; поэтому все, что увеличиваетъ цѣнность, не увеличиваетъ богатства, а составляетъ признакъ возрастанія препятствій для удо-

влетворенія потребностямъ. 3) Даровые матеріалы и силы природы, при свободномъ соперничествѣ, не подлежатъ усвоенію; предметъ собственности составляетъ только то, что имѣетъ цѣнность и произведено трудомъ. 4) Земельная собственность есть цѣнность затраченнаго въ землѣ труда; рента есть плата за пользованіе цѣнностію, заключенною въ землѣ. 5) Капиталъ есть совокупность орудій, машинъ и произведеній. Процентъ есть плата за пользованіе цѣнностію капитала, за услугу. При возрастаніи капитала, абсолютная доля, получаемая капиталистомъ, возрастаетъ, относительная — уменьшается. Доля работника увеличивается и абсолютно, и относительно. Напр.

Эпохи.	Итогъ произведеній.	Доля капитала.	Доля труда.
1.	1,000	500	500
2.	2,000	800	1,200
3.	3,000	1,050	1,950
4.	4,000	1,200	2,800

По этому краткому перечню главныхъ положеній Бастіа, нельзя конечно составить себѣ понятіе о блестящемъ литературномъ талантѣ автора, а равно объ искусствѣ, съ которымъ онъ обходитъ трудные практическіе вопросы, относя тѣ или другія явленія къ *возмущающимъ*, ненормальнымъ, тогда какъ очень часто они принадлежатъ къ числу господствующихъ.

Въ заключеніе нельзя не провести параллели между Кэри и Бастіа.

Если у Кэри приводятся цифры въ родѣ помѣщеннаго выше распредѣленія произведеній между капиталистами и работниками, то это не болѣе, какъ примѣръ, кромѣ примѣровъ у Кэри есть факты. У Бастіа факты составляютъ исключеніе, — онъ старается убѣдить читателя силою своей логики.

Затѣмъ они оба восполняютъ другъ друга. Бастіа,

подобно Кэри, выводитъ природу цѣнности, собственности и доходовъ изъ труда, но у Кэри эти понятія проще и яснѣе. Въ осуществленіи прогресса экономическаго у Кэри главную роль играетъ капиталъ, у Бастіа — даровой элементъ — природа. Поэтому у Кэри схвачено вліяніе человѣка, у Бастіа — вліяніе природы на удешевленіе производства. Теорія ренты и процентовъ у Кэри и у Бастіа во многомъ сходны между собою. Кэри не даетъ соперничеству значенія, которое оно имѣетъ у Бастіа—движителя человѣческой дѣятельности и причины соразмѣрнаго распредѣленія доходовъ.

Достоинство ученія согласія интересовъ состоитъ въ томъ, что оно проводитъ, во всей чистотѣ, начало промышленной свободы; недостатокъ – въ томъ, что оно ставитъ свой идеалъ на мѣсто дѣйствительности и выдаетъ его за послѣднюю. Ставить это въ вину однимъ «гармонистамъ», какъ Бастіа иронически называли Лассаль и Марксъ, несправедливо, потому что соціалисты проповѣдывали своего рода гармонію интересовъ съ тѣмъ только различіемъ, что Бастіа искалъ согласія интересовъ тамъ, гдѣ оно зависитъ отъ условій, встрѣчающихся очень рѣдко, а соціалисты искали его въ будущемъ, предполагаемомъ ими устройствѣ общества, гдѣ оно оказывается невозможнымъ.

II. Послѣдователи старой школы свободы промышленности Леруа Болье (Paul Leroy Beaulieu).

Родился въ 1843 г., учился въ Парижѣ, Берлинѣ и Боннѣ; нынѣ состоитъ профессоромъ политической экономіи въ Collège de France. Литературная его дѣятельность очень обширна. Изъ книгъ его наиболѣе замѣчательны: во 1-ыхъ, «Трактатъ финансовой науки» — «Traité de la science des finances», первое изданіе 1873 г., и, во 2-хъ, «Коллективизмъ» — «Collectivisme, examen critique du nouveau socialisme». 1883

года. Съ 1873 г. Леруа Болье издаетъ еженедѣльную газету—«Economiste français», въ которой почти каждый номеръ начинается его передовою статьею.

Во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ Леруа Болье проводитъ начала свободы промышленности и невмѣшательства государства въ народное хозяйство. Противодѣйствія экономическимъ бѣдствіямъ народа, онъ ищетъ не въ правительствѣ, а въ общественной средѣ, въ частной иниціативѣ.

Въ Traité des finances—Леруа Болье, вооружаясь противъ налоговъ прогрессивныхъ и отстаивая начало пропорціональности, не дѣлаетъ даже различія между налогами прогрессивными и дегресивными, установляющими высшую норму налога съ облегченіями или для бѣднѣйшихъ классовъ, или для доходовъ, едва достаточныхъ для удовлетворенія насущнымъ потребностямъ въ частномъ хозяйствѣ. Очевидно, что прямолинейность доктринъ внушена автору опасеніемъ, что всякое уклоненіе отъ нихъ повлечетъ за собою появленіе притязаній соціализма.

Это опасеніе препятствуетъ Леруа Болье принимать въ разсчетъ индивидуальныя особенности народовъ и невозможность разсчитывать всегда и при всѣхъ условіяхъ на частную иниціативу и на промышленную свободу, для осуществленія хозяйственныхъ цѣлей. Несомнѣнно, что государственное хозяйство становится пригоднымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда потребность утрачиваетъ частный характеръ, т. е. перестаетъ быть потребностію того или другого лица, а становится потребностію всѣхъ и каждаго, и можетъ быть удовлетворена дѣятельностію, слагающеюся изъ простыхъ, такъ сказать механическихъ операцій, не требующихъ примѣненія къ разнообразнымъ, измѣнчивымъ обстоятельствамъ и условіямъ.

Впрочемъ односторонность Леруа Болье имѣетъ свою цѣну: она даетъ его ученымъ трудамъ цѣльность, которая

часто утрачивается, когда писатель жертвуетъ основными началами, ради практическаго осуществленія своихъ завѣтныхъ мыслей.

«Коллективизмъ» Леруа Болье принадлежитъ къ числу лучшихъ критическихъ оцѣнокъ «Капитала» Маркса, а также брошюры Шеффле «Квинтэссенція соціализма» — «Die Quintessenz des Socialismus».

Огромная начитанность, умѣніе связывать съ теоретическими вопросами историческія и фактическія свѣдѣнія обезпечили за Леруа Болье уваженіе не только его сторонниковъ, но вообще огромнаго большинства серьезныхъ ученыхъ разныхъ направленій.

Глава XV.

Соціализмъ государственный и соціализмъ каѳедръ. (Staats- und Katheder-socialismus).

Не смотря на общепризнанный авторитетъ ученія Адама Смита, въ Германіи идеи свободы промышленности и невмѣшательства государства въ дѣла частной промышленности не только въ дѣйствительной жизни проводились съ ограниченіями, но и въ наукѣ принимались не безъ оговоровъ.

Этому способствовало такъ называемое камералистическое направленіе. Въ Германіи участіе правительства въ разныхъ отрасляхъ хозяйства всегда было велико, а потому и бюрократическій элементъ, впрочемъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, всегда былъ силенъ. Его дѣятельность требовала не однихъ общихъ началъ, а также и правилъ, которыми можно было бы руководствоваться въ отношеніяхъ администраціи и государства къ разнымъ отраслямъ промышленности — добывающей земледѣльческой, обрабатывающей, торговой и т. д. Вслѣдствіе этого и политическая

экономія въ Германіи приняла своеобразную форму. Нѣмецкіе экономисты подраздѣлили ее на три части: а) теоретическую—науку народнаго хозяйства; б) практическую—экономическую политику или благоустройство, и в) науку хозяйства государственнаго — финансы (Volkswirthschaftslehre, Volkswirthschaftspflege или Volkswirtschaftspolitik и Finanzwissenschaft). Во второй части — въ благоустройствѣ или въ экономической политикѣ нашли себѣ мѣсто примѣненія общихъ научныхъ основаній къ практической жизни—правила для руководства въ земледѣліи, ремеслахъ, мануфактурахъ, торговлѣ.—Въ третьей части о финансахъ есть явные слѣды камералистики XVII и XVIII столѣтій въ отдѣлахъ, относящихся къ государственнымъ имуществамъ и регаліямъ.

Въ учебникѣ Рау (C. H. Rau.—Lehrbuch der politischen Oeconomie), появившемся въ 1826—1837 годахъ [1]), камералистическое, государственно-экономическое направленіе отразилось вполнѣ. Основательно знакомый съ литературой, съ хозяйственнымъ и финансовымъ устройствомъ европейскихъ государствъ, въ особенности Германіи, авторъ заботился не столько о научной системѣ, о строго выдержанныхъ принципахъ, сколько о наиболѣе согласномъ съ данными условіями разрѣшеніи каждаго частнаго случая, или вопроса. Поэтому Рау едва ли могъ удовлетворить теоретиковъ, но зато практики находили въ его книгѣ очень полезныя указанія, тѣмъ болѣе что она отличается разносторонностію, точностію и основательностію сообщаемыхъ свѣдѣній. Все это въ совокупности сдѣлало учебникъ Рау книгою классическою.

Государственно-экономическое направленіе Рау получило дальнѣйшее развитіе въ выработавшемся въ Германіи государственномъ соціализмѣ, или соціализмѣ каѳедръ.

[1]) Кромѣ учебника, Рау написалъ много небольшихъ изслѣдованій и журнальныхъ статей.

Эти названія присваиваютъ обыкновенно экономической школѣ, во главѣ которой стоятъ нѣкоторые изъ нѣмецкихъ профессоровъ. Она возлагаетъ на государство заботу о благосостояніи народномъ, и для достиженія этой цѣли считаетъ необходимымъ болѣе или менѣе непосредственное участіе правительственной власти въ дѣлахъ народнаго хозяйства. Очевидно, что между настоящимъ соціализмомъ и соціализмомъ государственнымъ различіе огромное: первый имѣетъ въ виду подорвать существованіе государства или превратить все народное хозяйство въ государственное; второй хочетъ усилить хозяйственную дѣятельность государства на столько, на сколько это необходимо для устраненія гибельныхъ послѣдствій неограниченной свободы интересовъ, начала laissez faire.

Изъ представителей государственнаго соціализма къ наиболѣе выдающимся относятся Вагнеръ и Шеффле.

1. *Вагнеръ, Адольфъ* (род. 1835 г.), нынѣ профессоръ политической экономіи въ Берлинѣ, сынъ естествоиспытателя Рудольфа Вагнера, началъ свое литературное поприще изслѣдованіями о кредитѣ, о банкахъ, въ особенности о Пилевскомъ законѣ 1844 года, объ австрійскихъ финансахъ, и о бумажныхъ деньгахъ Россіи (Das russische Papiergeld—Русскія бумажныя деньги, переводъ Н. Х. Бунге). Въ этихъ блестящихъ ученыхъ трудахъ, Вагнеръ держался идей свободы промышленности и обнаружилъ замѣчательную способность въ умѣніи пользоваться статистическими данными и историческими фактами. Позднѣе Вагнеръ предпринялъ переработку учебника Рау; но переработка эта обратилась въ книгу вполнѣ оригинальную. Въ ней Вагнеръ впервые высказался за Verstaatlichung—обращеніе въ государственную собственность желѣзныхъ дорогъ, и вообще за государственное желѣзнодорожное хозяйство; затѣмъ онъ явился сторонникомъ политики Бисмарка относительно обезпеченія рабочаго класса.

Три тома «Финансовой науки» Вагнера—первые два съ ссылкою на учебникъ Рау, а послѣдній безъ этой ссылки, составляютъ совершенно самостоятельное сочиненіе. Первые два тома содержатъ догматическую часть съ рядомъ положеній, выраженныхъ очень категорически; третій—мастерскіе очерки «Исторіи законодательства и статистики налоговъ въ отдѣльныхъ государствахъ».

Въ настоящемъ краткомъ обзорѣ невозможно дать и приблизительное понятіе объ обширномъ трудѣ Вагнера; слѣдуетъ однако замѣтить, что главная мысль автора заключается не въ ограниченіи, а въ развитіи финансоваго хозяйства вмѣстѣ съ успѣхами общественной жизни. Равнымъ образомъ Вагнеръ, требуя участія всего населенія въ платежѣ податей, идетъ нѣсколько далѣе ариѳметической пропорціональности между доходами и налогами и указываетъ на необходимость, какъ соотвѣтствія налоговъ съ платежными средствами населенія, такъ и на привлеченіе къ участію въ государственныхъ расходахъ такихъ имуществъ или доходовъ, которые образуются вслѣдствіе того, что Вагнеръ называетъ «конъюктурами»—т. е. стеченія обстоятельствъ. Сюда относятся: возвышеніе цѣнности имуществъ вслѣдствіе проведенія желѣзныхъ дорогъ, возникновенія городовъ, прилива населенія въ извѣстныя мѣстности и пр. Такимъ образомъ камералистическое направленіе переходитъ у Вагнера въ государственно-соціалистическое, еще рѣзче проявляющееся въ сочиненіяхъ Шеффлэ.

2. Шеффлэ, Альбертъ родился въ 1831 г., занималъ каѳедру національной экономіи, сначала въ 1860 г. въ Тюбингенѣ, а потомъ въ 1868 г. въ Вѣнѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ 1871 г. былъ австрійскимъ министромъ торговли, а затѣмъ посвятилъ себя исключительно ученымъ работамъ.

Изъ множества написанныхъ сочиненій въ объемѣ книгъ наиболѣе замѣчательны: «Учебникъ національной экономіи»

(1861 и 1867 г.); «Строеніе и жизнь общественнаго тѣла» — «Bau und Leben des socialen Körpers» 1875—78 г., и «Основанія податной политики» — «Die Grundsätze der Steuerpolitik». 1880. Эта послѣдняя книга относится къ лучшимъ произведеніямъ Шеффлэ. Она не страдаетъ обычнымъ автору многословіемъ и содержитъ въ высшей степени назидательныя параллели между системами налоговъ. Изъ мелкихъ сочиненій Шеффлэ обратили на себя особое вниманіе «Сущность соціализма» — «Die Quintessenz des Socialismus» 1875 и «Безнадежность соціальной демократіи» — «Die Aussichtslosigkeit der Socialdemocratie» 1885. Первое признано было нѣкоторыми писателями за соціалистическую исповѣдь автора, а второе за опроверженіе соціалистическихъ доктринъ. Собственно, въ брошюрѣ «Сущность соціализма» авторъ излагалъ доктрину безъ критики, а въ «Безнадежности соціальной демократіи» — критику соціализма. Соціалистическій оттѣнокъ у Шеффлэ несомнѣненъ. Авторъ идетъ гораздо далѣе Вагнера и многихъ другихъ государственныхъ соціалистовъ, но къ соціалистамъ его причислить нельзя, потому что онъ строитъ свои положенія на почвѣ дѣйствительности, а не на ея отрицаніи.

Къ соціалистамъ каѳедръ относятъ также и Шмоллера; правильнѣе причислить его къ современному прогрессивному направленію въ политической экономіи.

Глава XVI.

Историческое направленіе въ политической экономіи.

Попытка связать политико-экономическія изслѣдованія съ историческими является довольно рано. Уже въ XVII столѣтіи Гаррингтонъ усматривалъ зависимость образа правленія отъ распредѣленія земельной собствен-

ности, и видѣлъ причину политическихъ переворотовъ въ несоотвѣтствіи землевладѣнія съ политическимъ устройствомъ государства. Гдѣ, говоритъ онъ, вся земля принадлежитъ государству, какъ на Востокѣ и въ Египтѣ, тамъ существуетъ деспотія; гдѣ земля достояніе немногихъ, тамъ господствуетъ аристократія; а гдѣ земельная собственность раздроблена, тамъ царство демократіи.

Въ своихъ «Изслѣдованіяхъ о существѣ и причинахъ богатства народовъ» Адамъ Смитъ отводилъ также много мѣста историческимъ изысканіямъ. Къ блестящимъ страницамъ его книги относится изображеніе той роли, которую играла промышленность въ паденіи феодализма, когда феодальные владѣльцы начали тратить свои доходы не на содержаніе своихъ вассаловъ и свиты, составлявшей ихъ войско, а на предметы роскоши для личнаго потребленія, и такимъ образомъ, какъ замѣчаетъ Смитъ, поступились съ своимъ правомъ, не какъ Исавъ въ минуту голода за блюдо чечевицы, а промѣняли свою власть на предметы суетнаго тщеславія, на бездѣлки и побрякушки, которыя могли скорѣе всего тѣшить дѣтское суетное тщеславіе. Не меньшій интересъ представляетъ у Смита историческое обозрѣніе разныхъ способовъ удовлетворенія государственныхъ потребностей, именно образованія военныхъ силъ, отправленія правосудія, устройства школъ и т. д.

Послѣдователи Смита по большей части не только не связывали теоріи съ историческими фактами, но нерѣдко строили цѣлую систему науки на отвлеченныхъ положеніяхъ, или даже на гипотезахъ. Соціалисты, а тѣмъ болѣе проповѣдники согласія интересовъ, если и принимали въ разсчетъ историческое развитіе народовъ, то лишь на столько, на сколько имъ удавалось приладить его къ своимъ ученіямъ. Иногда и сама исторія получала у нихъ фантастическій характеръ (Фурье). Періоды въ исторіи человѣчества или отдѣльныхъ народовъ, принятые Сенъ-Симономъ,

Фурье, Родбертусомъ, Марксомъ и др., не требовали тщательнаго изученія послѣдовательнаго хода событій, потому что послѣдній опредѣлялся самъ собою, или a priori по принятой экономической теоріи.

Какъ бы то ни было, но нельзя сказать, чтобы историческій элементъ въ сочиненіяхъ политико-экономистовъ занималъ надлежащее мѣсто, и даже чтобы попытки изложенія экономической исторіи древнихъ народовъ Ренье, или «Исторія рабства въ древности» Валлона — «Histoire de l'esclavage dans l'antiquité», а также сочиненія П. Клемана, Бека—Böckh Statshaushaltung der Athener и многія др. оказали вліяніе на разработку политической экономіи, хотя нѣкоторыя хозяйственныя явленія разсматривались въ нихъ въ связи съ политическою жизнію. Собственно историческое направленіе ведетъ свое начало отъ Рошера. Главными представителями исторической школы считаютъ Штейна, Гильдебранда, Книса и Шмоллера.

1. Рошеръ.

Рошеръ родился въ 1817 г., умеръ въ 1893 г. Съ 1848 г. до конца жизни занималъ профессуру въ Лейпцигскомъ университетѣ. Изъ многочисленныхъ его сочиненій заслуживаетъ особаго вниманія, кромѣ «Очерка лекцій о государственномъ хозяйствѣ по историческому методу» — «Grundriss zu Vorlesungen ueber Staatswirthschaft nach geschichtlicher Methode», 1843, обширный и капитальный трудъ знаменитаго экономиста, подъ заглавіемъ: «Система народнаго хозяйства» — «System der Volkswirthschaft», въ 4-хъ томахъ, 1854—1886. Первый томъ содержитъ въ себѣ Основанія національной экономіи — Grundlagen der Nationaloeconomie, второй и третій — политику народнаго хозяйства — Nationaloeconomie des Ackerbaues и Nationaloeconomie des Handels- und des Gewerbfleisses, четвертый — систему финансовой науки—System der Finanzwissenschaft,

Рошеръ, по собственнымъ его словамъ, хотѣлъ въ наукѣ о государственномъ хозяйствѣ сдѣлать то, что Савиньи и Эйхгорнъ сдѣлали въ наукѣ права.

Отдавая должное послѣдователямъ отвлеченнаго метода, Рошеръ справедливо замѣчаетъ слѣдующее:

«Сила великихъ теоретиковъ состоитъ въ томъ, что они заявляютъ о потребностяхъ времени съ ясностію и основательностію, свойственною наукѣ. Потребности эти постепенно проникаютъ въ жизнь; но должно съ недовѣріемъ относиться къ мысли, что цѣлые народы получили неестественное направленіе. Каждый народъ самъ вырабатываетъ свою исторію. Юридическія формы, хотя бы онѣ не удовлетворяли безусловнымъ требованіямъ разума и справедливости, имѣютъ право на существованіе. Какъ ни далеки онѣ отъ идеала, но онѣ имѣютъ или, по крайней мѣрѣ, имѣли причину бытія и соотвѣтствовали потребностямъ времени. Мнѣнія, говоритъ Рошеръ, которыя раздѣлялись цѣлыми массами людей и цѣлыми народами въ теченіе цѣлыхъ поколѣній, не могли основываться только на глупости или на зломъ умыслѣ. Заблужденіе состоитъ въ томъ, что мѣры, которыя при извѣстныхъ условіяхъ были благодѣтельны, даже необходимы, приводились въ исполненіе при иныхъ обстоятельствахъ и совершенно некстати. Когда законы экономическіе будутъ надлежащимъ образомъ изучены, тогда достаточно будетъ имѣть статистическія данныя для того, чтобы рѣшать споры, касающіеся экономической политики, и примирять враждующія партіи. Нельзя сказать, будетъ-ли достигнута эта цѣль, но въ настоящее тревожное время желательно найти твердую опору въ истинахъ науки». Возставая противъ презрѣнія, съ которымъ смотритъ болѣе развитая цивилизація на низшія пройденныя ступени, Рошеръ старается пріискать историческое объясненіе для всѣхъ экономическихъ явленій. Онъ пытается опредѣлить истори-

ческое значеніе каждой производительной силы, постепеннаго развитія раздѣленія труда, мѣны, доходовъ, роскоши и возрастанія населенія. Тотъ же методъ прилагаетъ онъ къ оцѣнкѣ юридическихъ отношеній въ земледѣліи, обрабатывающей промышленности, торговлѣ и финансахъ.

Сочиненіе Рошера «Система народнаго хозяйства» представляетъ образецъ необыкновенно обширной и разносторонней начитанности; но едва ли автору удалось осуществить предположенную задачу: историческій элементъ подчиняется у него, если можно такъ выразиться, схематическому построенію.

Вмѣсто изложенія или исторической преемственности формъ хозяйственной жизни вообще, или историческихъ очерковъ экономическаго быта отдѣльныхъ народовъ, Рошеръ беретъ извѣстныя экономическія темы или явленія, напр., производительныя силы—трудъ, капиталъ и природу, раздѣленіе труда, доходы—заработную плату, прибыль, ренту, и разсматриваетъ ихъ въ установленныхъ имъ заранѣе типическихъ моментахъ историческаго развитія—состоянія первобытнаго, средневѣковаго (das Mittelalter jedes Volkes), процвѣтанія и упадка.

Въ эти рамки, напоминающія нѣсколько дѣленія, иногда встрѣчающіяся у Смита, Рошеръ укладываетъ все историческое содержаніе. «Мы», говоритъ Рошеръ, «совершенно отказываемся въ теоріи отъ построенія идеаловъ... Мы пытаемся вмѣсто того представить, во-первыхъ, простое изображеніе хозяйственной природы и потребностей народа; во-вторыхъ, законовъ и учрежденій, предназначенныхъ къ удовлетворенію потребностей, и, наконецъ, большаго или меньшаго ихъ успѣха. Такимъ образомъ, мы имѣемъ въ виду и *анатомію*, и физіологію народнаго хозяйства!» По поводу этого слѣдуетъ замѣтить, что приведенное Рошеромъ разъясненіе его основной мысли или цѣли оставляетъ нѣкоторую неясность. Конечно, ошибка великихъ теоретиковъ со-

стояла въ томъ, что идеалы, построенные на основаніи шаткихъ гипотезъ, не всегда заключаютъ въ себѣ абсолютную истину; но также точно анатомія и физіологія народнаго хозяйства есть нѣчто отличное отъ его историческаго изученія, которое только тогда плодотворно, когда оно обнимаетъ совокупность наблюдаемыхъ явленій, а не ограничивается подборомъ историческихъ фактовъ по установленнымъ подраздѣленіямъ или рубрикамъ, принятымъ въ политической экономіи.

Затѣмъ, если идеалы безплодны, въ смыслѣ отвлеченныхъ построеній, въ которыя пытаются втиснуть дѣйствительную жизнь, то идеалы для ученаго и для государственнаго дѣятеля столь же необходимы, какъ и исканіе твердой опоры въ истинахъ науки.—При этомъ необходимо отличать отъ истины исторической истину безусловную. Если нельзя сказать, что всѣ законы и учрежденія, оказавшіеся хорошими у даннаго народа и въ извѣстную эпоху его развитія, могутъ дать одинаковые результаты у любого народа и въ любомъ періодѣ его историческаго существованія, то несомнѣнно, что въ экономической наукѣ есть извѣстныя положенія, столь же неопровержимыя, какъ и математическія истины. Но между тѣмъ какъ въ математическихъ наукахъ берется для выводовъ небольшое число извѣстныхъ данныхъ и по нимъ опредѣляется искомое, въ наукахъ общественныхъ приходится имѣть дѣло съ большимъ числомъ неизвѣстныхъ, а потому точный выводъ и опредѣленіе вліянія данной причины представляются иногда крайне трудными.

Наконецъ, въ заключеніе должно замѣтить, что историческое направленіе представляетъ опасность своего рода: оно можетъ ввести въ науку и въ практическую жизнь безпринципный «оппортунизмъ». Если опасна прямолинейность доктринеровъ, то опасно также отсутствіе какихъ бы то ни было началъ, основаній, правилъ и принятіе въ

руководство историческихъ примѣровъ, съ попыткою слѣдовать имъ въ случаяхъ, ошибочно признаваемыхъ однородными съ уже прожитыми человѣчествомъ. Исторія полезна лишь подъ условіемъ, что ею пользуются для назиданія, а не для рабскаго списыванія съ образцовъ.

2. Штейнъ.

Штейнъ Лоренцъ (Lorenz Stein) род. 1815 г., умеръ въ 1890 г. Состоялъ профессоромъ сначала въ Кильскомъ университетѣ, а потомъ съ 1855 г. въ Вѣнскомъ. Штейнъ хотя и во многомъ отличается отъ Рошера, но его историческое направленіе имѣетъ отчасти одинаковые недостатки. Первое сочиненіе, доставившее Штейну громкую извѣстность «Соціализмъ и коммунизмъ современной Франціи» — «Der Socialismus und Kommunismus des heutigen Frankreichs» 1842 г., значительно дополненное въ послѣдующихъ изданіяхъ, представило впервые соціализмъ, какъ цѣльное ученіе, и пролило свѣтъ на стремленія соціалистовъ. Эта книга и доселѣ сохраняетъ свое значеніе. Затѣмъ, изъ множества написанныхъ Штейномъ сочиненій наиболѣе замѣчательны: «Наука внутренняго управленія» въ 7 томахъ (Die Verwaltungslehre) 1865—68 и «Учебникъ финансовой науки» въ 4 томахъ—«Lehrbuch der Finanzwissenschaft» 1860 (имѣлъ нѣсколько изданій). Штейнъ, по обширности и разносторонности изслѣдованій, стоитъ во главѣ ученыхъ, занимавшихся государственными науками.

Его сочиненія обнимаютъ всѣ виды *союзовъ*, какъ со стороны экономической, такъ и внутренней ихъ жизни: государство, заключенные въ послѣднемъ территоріальные союзы—земство, городскіе и сельскіе общины, наконецъ союзы чисто личные—товарищества, общества и пр.

Стремясь къ обобщеніямъ, Штейнъ проводитъ въ своихъ сочиненіяхъ сравненія между учрежденіями евро-

пейскихъ народовъ, и характеризуетъ историческое развитіе этихъ учрежденій. Слабая его сторона, независимо отъ фактическихъ погрѣшностей, на которыя указывалъ Вагнеръ, заключается въ опредѣленіяхъ и отвлеченныхъ понятіяхъ, не всегда выдерживающихъ критику, и въ искусственныхъ историческихъ построеніяхъ или классификаціяхъ. Конечно, эти построенія не столь шаблонны, какъ принятыя Рошеромъ, но они не всегда могутъ удовлетворить историка и экономиста.

3. Бруно Гильдебрандъ и Книсъ.

Бруно Гильдебрандъ родился въ 1812 и умеръ профессоромъ въ Іенѣ въ 1878 г. Его «Національная Экономія настоящаго и будущаго» — «Politische Oeconomie der Gegenwart und Zukunft», 1848 г., принадлежитъ къ выдающимся произведеніямъ по исторіи литературы политической экономіи. Его критика соціализма, съ примѣненіемъ историческаго метода, признается образцовою. Большая часть сочиненій Гильдебранда состоитъ изъ журнальныхъ статей, перечисленныхъ при его біографіи, помѣщенной въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften.

Книсъ, род. 1821 г., профессоръ Тюбингенскаго университета, считается въ Германіи представителемъ исторической школы; но его сочиненіе «Политическая экономія съ исторической точки зрѣнія» скорѣе методо-философскій трактатъ, чѣмъ изложеніе самой науки, а его труды «О деньгахъ» и «О кредитѣ» при всѣхъ своихъ достоинствахъ не могутъ служить образцомъ разработки экономическихъ вопросовъ по историческому методу.

О Шмоллерѣ будетъ сказано въ слѣдующей главѣ.

Глава XVII.

Современное прогрессивное историко-статистическое направленіе въ политической экономіи.

Не только смѣна экономическихъ ученій, но и самая историческая школа, какъ ни велики ея заслуги, въ извѣстной мѣрѣ давали поводъ къ заключенію, что нѣтъ твердо установленныхъ политико-экономическихъ началъ, что истинное для одного времени оказывается ложнымъ для другого. Идя далѣе по этому пути, оставалось признать, что ученія экономическія столь же измѣнчивы, какъ моды, и что при рѣшеніи экономическихъ вопросовъ слѣдуетъ руководствоваться не то здравымъ смысломъ, какъ говорили нѣкоторые наши публицисты, не то обстоятельствами — vom Fall, zum Fall, какъ полагали нѣкоторые австрійскіе финансисты.

Конечно, здравый смыслъ никогда не бываетъ излишнимъ, а равно обстоятельствами пренебрегать не слѣдуетъ, но должно замѣтить, что то и другое не замѣняетъ знанія. Что же касается господства моды, то несомнѣнно, что новыя теоріи (впрочемъ не въ одной политической экономіи), при первомъ своемъ появленіи, нерѣдко овладѣваютъ умами и возбуждаютъ преувеличенныя ожиданія, а потомъ, подъ вліяніемъ анализа и критики, сперва утрачиваютъ свой авторитетъ, и наконецъ уступаютъ мѣсто другимъ воззрѣніямъ. Однако изъ опровергнутаго ученія всегда остается нѣкоторая доля прочно пріобрѣтеннаго наукою и жизнію, и эта доля тѣмъ значительнѣе, чѣмъ правильнѣе были пріемы, употребленные при изысканіяхъ. Такимъ образомъ причинъ заблужденій экономистовъ разныхъ школъ надо искать отчасти въ недостаточности нашихъ свѣдѣній, отчасти въ несовершенствѣ методовъ и неумѣніи пользоваться ими.

Есть два способа для познанія истины—выводъ и наведеніе (deductio и inductio), равно необходимые и восполняющіе другъ друга. — Выводной методъ даетъ точные результаты только тогда, когда основное положеніе, изъ котораго дѣлаютъ выводы, составляетъ безспорную истину (выводы могутъ считаться только вѣроятными, или болѣе или менѣе достовѣрными, если они дѣлаются изъ предположеній или гипотезъ), и когда выводы строго вытекая изъ установленныхъ положеній, не заключаютъ въ себѣ ничего придаточнаго и посторонняго, другими словами не выдаютъ вводныхъ мыслей за логическіе выводы изъ несомнѣнныхъ истинъ.

Наведеніе вырабатываетъ положенія, которыя иногда сами по себѣ составляютъ истину, а главное служатъ для выводовъ.

Наведеніе представляется въ двухъ главныхъ видахъ: во 1-хъ, въ видѣ опыта и, во 2-хъ, въ видѣ наблюденія. Въ опытѣ изслѣдователь воспроизводитъ явленіе и тѣмъ удостовѣряется, что оно составляетъ результатъ извѣстной причины, или извѣстныхъ причинъ съ устраненіемъ всѣхъ прочихъ вліяній, кромѣ тѣхъ, которыя онъ изучалъ. Убѣдительность опыта зависитъ не столько отъ его повтореній по однимъ и тѣмъ же пріемамъ, сколько отъ тщательности этихъ пріемовъ или правильности производства опыта.

Въ наблюденіи изслѣдователь не воспроизводитъ, а описываетъ и распредѣляетъ разсматриваемыя явленія по разрядамъ на основаніи ихъ однородности или тождественности и подводитъ итоги сдѣланныхъ наблюденій — другими словами, изучаетъ ихъ въ качественномъ и количественномъ отношеніяхъ. При семъ онъ старается открыть связь между явленіями, или зависимость ихъ отъ тѣхъ или другихъ причинъ. Такимъ образомъ получаются также общія положенія, достовѣрность которыхъ зависитъ отъ правиль-

ности описанія или разгруппировки и отъ числа наблюденій, сдѣланныхъ въ разныхъ мѣстахъ и при разныхъ условіяхъ. Очевидно, что единичныя явленія не всегда даютъ право на установленіе основныхъ положеній, въ особенности въ видѣ гипотезъ.

При производствѣ какъ опытовъ, такъ и наблюденій, необходимо имѣть въ виду опредѣленныя задачи и руководствоваться извѣстными соображеніями. Опыты въ родѣ тѣхъ, которые были производимы алхимиками, по большей части, ни къ чему не приводили. Равнымъ образомъ наблюденія, состоящія изъ груды безпорядочнаго, необработаннаго матеріала, не могутъ вести ни къ пониманію наблюдаемыхъ явленій, ни къ установленію опредѣленныхъ общихъ положеній.

Изъ предыдущаго не трудно понять, почему выводъ и наведеніе равно необходимы въ наукѣ. Заключенія, къ которымъ приводитъ выводъ, находятъ для себя подтвержденіе въ опытѣ и наблюденіи; опытъ и наблюденіе вырабатываютъ положенія, которыя служатъ посылками для выводовъ. Въ томъ и другомъ случаѣ изслѣдователь наталкивается на вопросы и задачи, которые въ свою очередь требуютъ новыхъ опытовъ или наблюденій, и ведутъ къ новымъ гипотезамъ, служащимъ для выводовъ, провѣряемыхъ снова эмпирическимъ путемъ.

Все сказанное относится и къ наукамъ общественнымъ, въ частности къ политической экономіи. Примѣненіе въ ней выводного метода требуетъ большой осторожности, во-первыхъ потому, что хозяйственныя явленія составляютъ послѣдствіе разнообразныхъ и сложныхъ причинъ и на разныхъ ступеняхъ общественнаго развитія представляютъ существенныя особенности. Матеріалъ для выводовъ даютъ наблюденія — историческія и статистическія изслѣдованія. Но для того чтобы наблюденіе было полнымъ, необходимо, чтобы оно обнимало хозяйствен-

ныя явленія, происходящія подъ вліяніемъ совокупности дѣйствующихъ въ нихъ причинъ, чтобы въ историческомъ изученіи была подмѣчена преемственность и связь между разнообразными явленіями, какъ хозяйственными, такъ состоящими съ ними въ связи, и чтобы въ статистическомъ изслѣдованіи было разработано и изучено достаточное количество матеріала, собраннаго по родовымъ и видовымъ признакамъ, съ указаніемъ на причины явленій, на степень интенсивности этихъ причинъ и на результаты, къ которымъ приводитъ совмѣстное ихъ дѣйствіе. Только тщательно сдѣланныя наблюденія, и въ достаточномъ числѣ, могутъ дать положенія для выводовъ.

Затѣмъ должно помнить, что въ общественной жизни воспроизведеніе явленій путемъ опыта почти невозможно уже потому, что при производствѣ опыта трудно устранить вліяніе разныхъ, быть можетъ непредугаданныхъ причинъ. А кромѣ того и самый опытъ, какъ experimentum in anima vili, представляется чѣмъ-то чудовищнымъ. Однимъ словомъ, въ наукахъ экономическихъ опытъ не можетъ служить ни для повѣрки того, что получено какъ выводъ изъ принятыхъ основныхъ положеній, ни какъ средство для уясненія факта и открытія истины.

Производство опыта замѣняется однако наблюденіемъ—ретроспективнымъ историческимъ и статистическимъ опытомъ. Наблюденія, сдѣланныя историками и статистиками, этотъ, такъ сказать, наглядный, непрерывно находящійся передъ нашими глазами опытъ, при надлежащей разработкѣ исторіи и статистики, можетъ снабдить изслѣдователя достаточнымъ запасомъ твердыхъ положеній, годныхъ для выводовъ, и служитъ матеріаломъ для обсужденія правильности послѣднихъ.

Политическая экономія съ самаго своего появленія погрѣшала тѣмъ, что она если не пренебрегала наблюденіями, то иногда пользовалась ими поверхностно, и не-

полно, а также дѣлала невѣрные выводы изъ шаткихъ положеній и гипотезъ.

Крайнее примѣненіе выводного метода можно указать у писателей абстрактной школы въ Англіи и Франціи и въ попыткахъ перевести политическую экономію на языкъ математики. Детю де Траси выводилъ все содержаніе политической экономіи изъ понятія о волѣ (Destut de Tracy «Traité de la volonté»), Дове изъ уравненія man is equal to man или просто man=man, человѣкъ равенъ человѣку. Математики Курно, Казо и Госсенъ пробовали изложить политическую экономію въ видѣ формулъ, и это удавалось имъ тѣмъ легче, чѣмъ меньшее число причинъ, дѣйствующихъ въ народномъ и государственномъ хозяйствѣ, принималось ими въ разсчетъ. Между тѣмъ причинъ, производящихъ экономическія явленія очень много, а потому математическое, апріорическое построеніе науки на основаніи немногихъ положеній (безъ чего вычисленія были бы невозможны), оказывалось очень послѣдовательнымъ и логическимъ, но не соотвѣтствующимъ дѣйствительной жизни.

Рикардо построилъ теорію земельной ренты, а съ нею и всю теорію доходовъ на отвлеченіи отъ нѣкоторыхъ фактовъ, которые были у него передъ глазами, именно на гипотезѣ о переходѣ при обработкѣ земель отъ почвы болѣе плодородной къ менѣе плодородной,—на гипотезѣ, навѣянной нѣкоторыми условіями политическими и промышленными конца XVIII и начала XIX вѣка, свойственными главнымъ образомъ Англіи [1]).

Не одно господство выводного метода вело къ погрѣшностямъ; кругъ явленій, подлежавшихъ изученію, не былъ достаточно опредѣленъ; сверхъ того самое понятіе о

[1]) Шторхъ, въ виду совершенно другого состоянія земледѣлія и хлѣбныхъ цѣнъ въ Россіи, полагалъ въ противоположность Рикардо, что рента регулируется издержками не на худшихъ, а на лучшихъ земляхъ.

томъ, что могутъ дать политической экономіи исторія и статистика было очень смутно.

Мысль, что частный интересъ составляетъ единственную причину хозяйственныхъ явленій, сдѣлалась господствующею между послѣдователями Смита, а Менгеръ (профессоръ Вѣнскаго университета) полагаетъ и теперь еще возможнымъ изучать эту причину въ политической экономіи отдѣльно отъ другихъ побужденій, подъ вліяніемъ которыхъ дѣйствуетъ человѣкъ. Очевидно здѣсь заключается нѣкоторая погрѣшность, потому что не одни своекорыстныя побужденія руководятъ человѣкомъ въ его хозяйственной дѣятельности.

Далѣе, нѣкоторые экономисты полагали возможнымъ разсматривать хозяйственныя отношенія между частными лицами, какъ нѣчто совершенно независимое отъ государства, и хозяйственную связь между частными лицами и государствомъ выставляли даже, какъ нѣчто препятствующее преуспѣянію народнаго благосостоянія. Ставя на первомъ планѣ своихъ изслѣдованій отношенія частно-экономическія внутри страны и за ея предѣлами, многіе ученые пытались даже низвести отношенія, въ которыхъ являются стороною союзы общественные — община, земство и государство,—на частно-экономическую ступень. Согласно съ этимъ между прочимъ указывали на необходимость установить соотвѣтствіе налоговъ съ тѣмъ, что получаютъ плательщики податей отъ государства, а Ж. Б. Сэ (J. B. Say) въ своемъ Cours complet d'économie politique pratique считалъ многія государственныя издержки невознаградимою потерею для частныхъ лицъ.

Можно конечно указать на противоположные взгляды послѣдователей крайнихъ ученій соціализма и коммунизма, полагавшихъ, что поглощеніе частной дѣятельности общественною, или государственною составляетъ дѣло легкое, обезпечивающее народу равенство, довольство и свободу.

Въ общей характеристикѣ коммунизма объ этомъ было сказано подробно.

Недостатки, представляемые невѣрными положеніями или шаткими гипотезами, принятыми за основаніе для выводовъ, а также признаніе необходимости правильныхъ наблюденій, пригодныхъ для извлеченія изъ нихъ положеній, служащихъ для дальнѣйшихъ выводовъ, наконецъ неразрывная связь между обоими научными пріемами приводятъ къ убѣжденію, что защита выводного метода, какъ единственно истиннаго, Джономъ Стюартомъ Миллемъ и Менгеромъ не выдерживаетъ критики.

Знаменитый нѣкогда Джонъ Стюартъ Милль, послѣдователь англійской умозрительной школы, оправдывалъ употребленіе выводного метода въ политической экономіи тѣмъ, что наведеніе неприменимо къ общественнымъ явленіямъ, которыя не могутъ быть воспроизведены опытомъ и никогда не бываютъ совершенно похожи другъ на друга. Выводы изъ гипотезъ, или изъ эмпирическихъ законовъ явленій допускаютъ по Миллю повѣрку научныхъ истинъ или самими явленіями, или поставленіемъ апріорныхъ выводовъ въ связи съ общими началами человѣческой природы.

Но противъ этого должно замѣтить, что если нельзя воспроизводить общественныя явленія по произволу, то запасъ статистическихъ данныхъ можетъ быть достаточенъ для того, чтобы экономистъ не нуждался въ этомъ воспроизведеніи, и если два явленія не совершенно тождественны, то однородные ихъ элементы даютъ матеріалъ, иногда годный для наведенія. Такимъ образомъ наукѣ предстоитъ усвоить себѣ методъ положительныхъ знаній, т. е. пользоваться не подборомъ данныхъ и наблюденій для осужденія заранѣе осужденнаго на основаніи предвзятыхъ гипотезъ, или апріорическихъ мнѣній, не искать подтвержденія уже принятыхъ за непререкаемыя истины

недостаточно обоснованныхъ положеній, а дѣлать наблюденія для извлеченія изъ нихъ основныхъ положеній и пользоваться послѣдними для выводовъ, и т. д. То, чего требуетъ самъ Милль, именно, чтобы выводы изъ гипотезъ, или эмпирическихъ законовъ явленій были повѣрены или самими явленіями, или поставленіемъ апріорныхъ выводовъ въ связи съ общими началами человѣческой природы, нигдѣ не встрѣчается въ его «Началахъ политической экономіи». Самыя блестящія страницы логики Милля ничего не имѣютъ общаго съ тѣми частями его «Началъ политической экономіи», въ которыхъ онъ излагаетъ свои наблюденія (напр., въ области земледѣлія) или гдѣ онъ дѣлаетъ выводы изъ общихъ положеній относительно заработной платы и прибыли. Въ этихъ отдѣлахъ его политико-экономическаго труда нѣтъ ничего напоминающаго сопоставленіе апріорическихъ выводовъ съ общими началами человѣческой природы. Все, что говоритъ Милль о выводномъ методѣ въ общественныхъ наукахъ, очень красиво въ философскомъ смыслѣ, но фантастично и трудно осуществимо. Нѣкоторыя подробности читатель найдетъ ниже, въ статьѣ «Д. С. Милль, какъ экономистъ».

Одно лишь историко-статистическое изученіе хозяйственныхъ явленій можетъ подвинуть впередъ политическую экономію; но, должно сознаться, что исторія и статистика не давали доселѣ для этого достаточнаго матеріала, отчасти потому, что экономисты не сознавали значенія историческихъ и статистическихъ изслѣдованій, отчасти же потому, что кругъ предметовъ, входившихъ въ область исторіи и статистики, былъ довольно ограниченъ.

Что касается исторіи, то серьезное, но далеко неполное изученіе такъ называемой внутренней жизни народовъ только въ XIX вѣкѣ получило нѣкоторое значеніе. Еще у всѣхъ въ памяти тѣ классическія сочиненія, въ

которыхъ излагалась почти исключительно исторія политическая, т. е. исторія правителей-государей и ихъ министровъ, исторія войнъ и дипломатическихъ сношеній. Все прочее — религія, наука, искусство, нравы, обычаи, юридическій бытъ, являлись чѣмъ-то придаточнымъ, второстепеннымъ. Затѣмъ развитіе потребностей, разнообразныя формы хозяйственной дѣятельности, перемѣны, происшедшія въ земельной собственности, въ обрабатывающей промышленности и торговлѣ, въ отношеніяхъ между хозяевами-предпринимателями и рабочими, имѣли для историковъ еще меньшее значеніе.

Что же касается экономистовъ, то историческіе факты служили имъ лишь для рѣшенія вопроса: соотвѣтствуетъ ли то или другое общественное устройство свободному проявленію частныхъ интересовъ или нѣтъ. Исторія разсматривалась часто какъ собраніе примѣровъ въ подтвержденіе положеній и безъ того признанныхъ несомнѣнными относительно заработной платы, прибыли, ренты и т. п. Этическая сторона народной жизни почти совсѣмъ ускользала отъ наблюденій, хотя историки очень часто разсуждали о порчѣ нравовъ, а статистики собирали данныя о числѣ совершаемыхъ преступленій и о строгости судовъ.

Если исторія не давала всего, что было нужно, если экономисты черпали въ ней не все, что можно было изъ нея извлечь (какъ это было выяснено въ главѣ объ исторической школѣ), то о статистикѣ можно сказать то же самое, быть можетъ только съ бо́льшимъ правомъ. Самъ Адамъ Смитъ придавалъ особую цѣну статистическимъ наблюденіямъ; но его послѣдователи, и въ особенности экономисты апріорическаго, абстрактнаго направленія, относились долгое время къ статистикѣ съ пренебрежительнымъ высокомѣріемъ. Замѣчательно впрочемъ, что и камералисты не были чужды довольно распространенному

предубѣжденію противъ начавшейся въ XIX вѣкѣ регистраціи фактовъ общественной жизни.

Въ 20-хъ годахъ Ж. Б. Сэ разсуждалъ такимъ образомъ: «Политическая экономія излагаетъ общія истины, статистика свидѣтельствуетъ о совершившихся явленіяхъ въ данномъ мѣстѣ и въ данное время. Нельзя сказать, что такое-то сочиненіе служитъ къ изученію статистики, потому что статистика завтрашняго дня или слѣдующаго года еще не существуетъ (!). Статистика приводитъ факты, но не можетъ объяснить ихъ—объясненіе заключается въ другихъ наукахъ; поэтому можно сказать, что политическая экономія есть основаніе статистики. Обѣ науки основываются на фактахъ различнаго порядка... Кровь обращается въ нашихъ жилахъ; произведенія покупаются произведеніями, а не деньгами—вотъ факты, которые узнаются безъ помощи статистики; послѣдняя можетъ только заявить объ ихъ существованіи, но въ собираніи данныхъ нѣтъ надобности, потому что во всѣхъ случаяхъ причины и результаты одни и тѣ же». Впрочемъ Сэ замѣчаетъ, что статистика можетъ оказать помощь политической экономіи. «Постоянное сопоставленіе статистическихъ фактовъ», говоритъ онъ, «можетъ уяснить ихъ причину и пролить свѣтъ на цѣль, которая ихъ соединяетъ. Статистика подтверждаетъ извѣстныя истины, напр., что перевѣсъ привоза надъ отпускомъ обогащаетъ страну. Изслѣдованія статистики при помощи выводовъ (raisonnement) убѣждаютъ насъ, что нищета въ Англіи увеличилась, вмѣстѣ съ увеличеніемъ оказанныхъ пособій» (!). Ограничивая этимъ пользу и примѣненіе статистики, Сэ настаиваетъ на недостовѣрности большей части ея данныхъ, на ошибочности заключеній отъ частнаго къ общему и на необходимости періодическаго собиранія существенныхъ и необходимыхъ свѣдѣній. Этотъ взглядъ, не смотря на значительные успѣхи, сдѣланные статистикою, удержался отчасти въ первой половинѣ XIX вѣка. Статистическія данныя о производствѣ, рас-

предѣленіи, принадлежности и потребленіи имущества и о финансахъ, по замѣчанію Рау, въ высшей степени полезны въ политической экономіи, потому что онѣ служатъ для подтвержденія, пополненія и повѣрки экономическихъ ученій, или же для примѣненія послѣднихъ къ частнымъ случаямъ. Равнымъ образомъ и политическая экономія оказываетъ большую помощь въ статистическихъ изслѣдованіяхъ, потому что она указываетъ на точку зрѣнія при собираніи изслѣдованій и при приведеніи въ порядокъ собранныхъ данныхъ.

Рошеръ, повторяя Шлецера, называетъ статистику остановившеюся исторіею, и полагаетъ, что хозяйственная статистика, нуждаясь въ руководствѣ политической экономіи, снабжаетъ послѣднюю богатымъ матеріаломъ для дальнѣйшаго построенія науки, для упроченія настоящихъ ея основаній и для примѣненія ея положеній на практикѣ.

Отъ этихъ взглядовъ еще далеко до правильнаго примѣненія статистическаго метода къ политической экономіи. Хотя Рошеръ относится къ статистическимъ работамъ не такъ легко, какъ Сэ, который ищетъ въ цифрахъ подтвержденія своихъ парадоксовъ, какъ напр., что перевѣсъ привоза товаровъ надъ отпускомъ обогащаетъ государство, или что оказываемыя бѣднымъ пособія увеличиваютъ нищету [1]), но и онъ также видитъ въ статистическихъ изслѣдованіяхъ нѣчто второстепенное. Истины политической экономіи представляются ему существующими самостоятельно, а стати-

[1]) Извѣстно, что Англія привозитъ изъ-за границы товаровъ на бо́льшую сумму, чѣмъ отпускаетъ, но разность оплачивается заработками англичанъ, ведущими активную торговлю, фрахтами и процентами съ капиталовъ, помѣщенныхъ англійскими капиталистами за границею. Что же касается благотворительности, то она можетъ и увеличить, и уменьшить число бѣдныхъ, смотря потому, распространяетъ ли она даровое кормленіе нуждающихся, не заботясь о томъ, чтобы поставить ихъ на ноги, или поставляетъ ли она своею задачею поднять уровень общественнаго благосостоянія.

стика служитъ лишь для повѣрки и практическаго примѣненія началъ, добытыхъ инымъ путемъ.

Дѣйствительно, для разработки науки по статистическому методу, необходимо, чтобы были предложены задачи, требующія разрѣшенія, но эти задачи, иногда въ формѣ смѣлой гипотезы, не составляютъ всей науки... То, что добыто поверхностнымъ наблюденіемъ или путемъ умозрѣнія — понятія о производительныхъ силахъ, о раздѣленіи труда, о мѣнѣ, цѣнности, цѣнѣ, соперничествѣ и расходахъ, служатъ часто лишь для постановки вопросовъ, еще ожидающихъ разрѣшенія, и притомъ не частныхъ въ отдѣльныхъ отрасляхъ народной дѣятельности, но также и общихъ. Обобщенія возможны лишь тогда, когда изучены отдѣльные виды явленій одного рода. Конечно и статистическій методъ не устраняетъ ошибокъ и заблужденій, можно сказать болѣе: цифры служатъ иногда очень удобнымъ орудіемъ для искаженія истины, придавая выводамъ изъ ложныхъ посылокъ кажущуюся неопровержимость. Но ошибки и искаженія возможны какъ въ умозрительныхъ, такъ и въ опытныхъ изслѣдованіяхъ. Это вина не употребляемаго метода, а слѣдствіе или неумѣнія, или нежеланія при умозрѣніяхъ обдумывать, допустимы ли посылки, правильны ли выводы, а при наблюденіяхъ и опытахъ — были ли годны употребленные въ дѣло орудія и матеріалы, а равно соблюдена ли та осторожность, которая требуется для точности наблюденія и для успѣшности опыта.

Среди разныхъ теченій въ политической экономіи мало по малу устанавливается новое. Оно опирается на исторію и на статистику съ одной стороны, а съ другой — не пренебрегаетъ выводами изъ положеній и гипотезъ, на которыя наводятъ исторія и статистическія наблюденія. Въ настоящемъ случаѣ дѣло идетъ о предметѣ первостепенной важности — о надлежащемъ методѣ въ политической экономіи и объ успѣшномъ его примѣненіи не

только къ частнымъ случаямъ, къ отдѣльнымъ предметамъ, но и къ построенію цѣлой науки. Правильный взглядъ на эти предметы высказанъ и фактически проведенъ въ многочисленныхъ изслѣдованіяхъ Шмоллера.

Во главѣ современнаго историко-статистическаго направленія слѣдуетъ поставить Тука, автора «Исторіи цѣнъ» — «Tooke History of prices from 1793—1856». Сочиненіе это, дополненное Ньюмарчемъ (Newmarch) за 1848—56 г., состоитъ изъ шести томовъ. (Есть нѣмецкій, нѣсколько сокращенный переводъ Ашера—Die Geschichte und Bestimmung der Preise. 2 Bde. 1858—59).

Тукъ родился въ Петербургѣ въ 1774 г., умеръ въ 1858 г. Принималъ дѣятельное участіе въ операціяхъ одного изъ главныхъ англійскихъ домовъ по торговлѣ съ Россіею. Съ 1824 г. Тукъ посвящаетъ себя споспѣшествованію разныхъ общеполезныхъ и промышленныхъ предпріятій, а главное ученымъ трудамъ, въ ряду которыхъ *Исторія цѣнъ* занимаетъ первое мѣсто. Въ этомъ монументальномъ произведеніи авторъ разсматриваетъ движеніе цѣнъ въ связи съ урожаями, съ развитіемъ промышленности, съ экономической политикой, съ дѣятельностію кредитныхъ учрежденій, съ выпусками банковыхъ билетовъ и пр. Громадная масса собраннаго историко-статистическаго матеріала, рѣдкій талантъ анализировать данныя и обобщать сдѣланныя наблюденія, способность обнять совокупность множества хозяйственныхъ явленій какъ односвязное цѣлое—все это ставитъ книгу Тука на степень классическихъ твореній. Тѣмъ не менѣе вліяніе автора было довольно слабо. Книга его не могла создать новой школы—она написана не для образованной публики, а для серьезныхъ спеціалистовъ-мыслителей; она не ставитъ соціальныхъ проблеммъ, и не предлагаетъ ихъ разрѣшенія; она касается множества частныхъ вопросовъ, разбиваетъ массу предвзятыхъ мнѣній и предразсудковъ, даетъ образцы,

какъ слѣдуетъ работать, но не увлекаетъ шириною соціальныхъ обобщеній.

Дѣйствительнымъ основателемъ новой историко-статистической школы является Шмоллеръ.

Шмоллеръ родился въ 1838 г. Въ настоящее время профессоръ Берлинскаго университета. Онъ самъ охарактеризовалъ свою задачу слѣдующими словами: «я пытался въ одно и то же время быть и экономистомъ (National-ökonom), и историкомъ. Я видѣлъ всегда передъ собою цѣль совершить и закончить то, что Гильдебрандъ (Bruno Hildebrandt), Книсъ и Рошеръ *пытались* осуществить въ Германской національной экономіи: именно, освободить совершенно эту науку отъ догматики или отъ англо-французской утилитарной философіи и поставить ее физіологически и исторически глубже на твердой почвѣ».

Шмоллеръ не написалъ ни одного учебника; но во множествѣ сочиненій и статей, помѣщенныхъ въ періодическихъ изданіяхъ (перечень ихъ въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften занимаетъ $3^1/_2$ столбца in 8^0 убористой печати) и написанныхъ съ замѣчательнымъ талантомъ, далеко подвинулъ разрѣшеніе задачи, на которую онъ самъ указалъ. Уже его первое сочиненіе—«Къ исторіи германской мелкой обрабатывающей промышленности»—«Zur Geschichte der deutschen Kleingewerbe im 19. Jahrhundert. Statistische und Nationaloeconomische Untersuchungen» 1870), не смотря на свой спеціальный предметъ, можетъ служить образцомъ, какъ слѣдуетъ пользоваться историко-статистическимъ матеріаломъ, и показываетъ, къ какимъ выводамъ приводитъ правильная его разработка. Затрогивая разнообразные общественные (соціальные) вопросы, Шмоллеръ не спѣшитъ предложеніемъ рецептовъ для водворенія общественнаго благосостоянія, но анализируетъ экономическія явленія въ связи со всѣми другими, съ которыми они соприкасаются въ жизни народа. Исторія и

статистика служатъ Шмоллеру не для того, чтобы уложить сдѣланныя наблюденія въ извѣстные рамки, а для того, чтобы этими наблюденіями выяснить дѣйствительныя причины совершающагося и указать на способы содѣйствія тому, что требуетъ поддержки, и борьбы съ тѣмъ, чему слѣдуетъ оказать противодѣйствіе. Въ этомъ заключается нѣкоторое отличіе Шмоллера и отъ соціалистовъ каѳедры, и отъ послѣдователей историческаго направленія. У Шмоллера нѣтъ предвзятой задачи расширить государственное хозяйство на счетъ народнаго, но онъ не отрицаетъ этой задачи тамъ, гдѣ ожидаетъ отъ ея осуществленія полезныхъ результатовъ.

Въ краткомъ историческомъ очеркѣ политико-экономическихъ ученій невозможно останавливаться на изложеніи мыслей, высказанныхъ Шмоллеромъ по поводу отдѣльныхъ предметовъ его изслѣдованій, для этого потребовалась бы цѣлая книга. Шмоллеръ не принадлежитъ къ числу доктринеровъ, у которыхъ изъ несомнѣнныхъ положеній (въ сущности изъ слишкомъ смѣлыхъ гипотезъ) развиваются цѣлыя системы. Вмѣсто того, чтобы строить послѣднія, онъ при помощи извѣстныхъ общепризнанныхъ истинъ показываетъ, какъ создается матеріалъ для науки и въ какомъ смыслѣ разрѣшаются текущіе экономическіе вопросы.

Небольшое извлеченіе изъ написаннаго Шмоллеромъ разбора сочиненія профессора Менгера: Untersuchungen über die Methode der Socialwissenschaften und der politischen Oeconomie insbesondere. 1883, помѣщенное ниже подъ заглавіемъ: «Шмоллеръ о Менгерѣ», можетъ послужить къ выясненію сказаннаго въ настоящей главѣ о дальнѣйшей разработкѣ политической экономіи.

Хотя самъ Шмоллеръ и многіе изъ послѣдователей современнаго историко-статистическаго направленія не написали курсовъ и систематическихъ сочиненій по политической экономіи, но зато подъ вліяніемъ ихъ возникла

въ Германіи обширная литература, состоящая изъ множества монографій, помѣщенныхъ въ спеціальныхъ періодическихъ изданіяхъ, въ сборникахъ, энциклопедіяхъ и словаряхъ, изданныхъ и издаваемыхъ при участіи лучшихъ ученыхъ силъ. Къ числу журналовъ относятся: Conrad'a—Jahrbücher für Nationaloeconomie etc.; Schäffle и др. — Zeitschrift für die gesammten Staatswissenschaften; Braun'a — Archiv für sociale Gesetzgebung und Statistik; Schanz'a—Finanzarchiv и др. Сборниковъ вышло въ Германіи очень много, отчасти въ видѣ собранія монографій, отчасти въ формѣ систематическихъ сочиненій. Къ первымъ относится: Schmoller'a — Staats- und socialwissenschaftliche Forschungen; Schriften des Vereins für Socialpolitik и т. д. Ко вторымъ, т. е. къ систематическимъ сборникамъ, изданнымъ при участіи многихъ ученыхъ, можно причислить: Schönberg'a—Handbuch der politischen Oeconomie—въ 3-хъ большихъ томахъ. Книга эта имѣла уже три изданія. Wagner'a, A. — Lehr- und Handbuch der politischen Oeconomie—вышли только нѣкоторые томы. Все сочиненіе должно состоять изъ пяти отдѣловъ, которые подраздѣляются на части, а части на томы. Frankenstein'a—Hand- und Lehrbuch der Staatswissenschaften. Это изданіе предположено въ 35 томахъ, значительная часть которыхъ относится къ экономическимъ наукамъ. Наконецъ къ наиболѣе выдающимся сборникамъ слѣдуетъ отнести изданный Конрадомъ, вмѣстѣ съ другими учеными—Handwörterbuch der Staatswissenschaften (оконченъ въ 1894 г.).

Хотя названные систематическіе сборники претендуютъ на названіе руководствъ и учебниковъ — Hand- und Lehrbücher, но въ сущности это не систематическая наука, а собраніе по извѣстному установленному плану изслѣдованій разныхъ писателей, принадлежащихъ болѣе или менѣе къ одному общему направленію, не всегда впрочемъ во всемъ согласныхъ между собою. Равнымъ образомъ нельзя

сказать, чтобы всѣ отдѣлы такихъ сборниковъ были обработаны по историко-статистическому методу.

Франція и Англія приняли также, но въ меньшей степени, участіе въ историко-статистической обработкѣ политической экономіи. Отсталость Франціи объясняется тѣмъ, что лучшіе изъ современныхъ французскихъ экономистовъ придерживаются строго старо-либеральнаго направленія.

Если современная политическая экономія представляется въ настоящее время, на первый взглядъ чѣмъ-то нестройнымъ, то лишь потому, что пора для новыхъ обобщеній еще не наступила, а слѣдовательно такая нестройность составляетъ скорѣе достоинство, чѣмъ недостатокъ. Мотивы человѣческой дѣятельности въ области хозяйства, кромѣ частнаго интереса, еще не выяснены; связь между частными хозяйствами и различными видами хозяйства общественнаго еще недостаточно изучены; затѣмъ хозяйство общественное—общинъ, земствъ и государства—не разматривается, какъ единое связное цѣлое; нѣтъ даже общаго бюджета общественнаго хозяйства, хотя на разныхъ ступеняхъ оно удовлетворяетъ часто однимъ и тѣмъ же потребностямъ.

И однако лучше довольствоваться, не мудрствуя лукаво, старыми добытыми истинами и умѣть разобраться въ накопленномъ матеріалѣ, въ видахъ, какъ правильнаго рѣшенія возникающихъ вопросовъ въ настоящемъ, такъ и подготовленія собранныхъ свѣдѣній для построеній въ будущемъ, чѣмъ строить на пескѣ новое зданіе мнимой новой науки.

Въ настоящемъ очеркѣ исторіи экономическихъ ученій ничего не было сказано о русской экономической литературѣ по той же причинѣ, по которой не было сказано объ итальянскихъ и испанскихъ экономистахъ—но-

выхъ экономическихъ ученій наша литература не дала, но если нельзя сказать, что русскія экономическія сочиненія и статьи внесли что-либо новое и оригинальное въ сокровищницу человѣческихъ знаній, то можно назвать не мало довольно объемистыхъ сочиненій [1]), по разнымъ отдѣламъ политической экономіи. Между этими трудами есть очень почтенные, имѣющіе свою цѣну, и есть изслѣдованія, за которыми можно признать высоконаучное значеніе. Таковы историко-статистическіе матеріалы, заключающіеся въ оффиціальныхъ изданіяхъ, въ трудахъ Податной Коммиссіи, въ запискахъ, составленныхъ къ проектамъ новыхъ экономическихъ и финансовыхъ законовъ, наконецъ въ статистическихъ работахъ по крестьянскому землевладѣнію и хозяйству, выполненныхъ Центральнымъ статистическимъ Комитетомъ, земствами и частными лицами. Перечень этихъ изданій не входитъ въ планъ «Историческаго очерка экономическихъ ученій», но для примѣра можно указать на книгу Орлова «Формы крестьянскаго землевладѣнія въ Московской губерніи (1879) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губерніи Т. IV»; или на трудъ В. В. «Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи»—Крестьянская Община. 1892 и мн. др. [2]).

---

[1]) «Библіографія финансовъ, промышленности и торговли» Каратаева, вышедшая въ 1880 г., содержитъ перечень 6391 оригинальныхъ сочиненій и статей, не считая 126 переводныхъ.

[2]) Очеркъ русской экономической литературы составитъ быть можетъ предметъ особой статьи въ слѣдующемъ томѣ «Очерковъ».

II. Теорія согласія частныхъ интересовъ.

Первое политико-экономическое ученіе Кэри. Principles of political economy by H. C. Carey. Philadelphia. 1837—40. Vol. 3.

Подъ заглавіемъ «Гармонія хозяйственныхъ отношеній, первая политико-экономическая система Кэри», была напечатана въ «Отечественныхъ Запискахъ» въ 1859 г. статья, помѣщаемая нынѣ подъ заглавіемъ немного измѣненнымъ, и съ текстомъ, нѣсколько переработаннымъ.

Названное выше сочиненіе Кэри (какъ уже было замѣчено на стр. 162) сдѣлалось извѣстнымъ въ Европѣ послѣ того, какъ выяснилось, что французскій экономистъ Бастіа (Frédéric Bastiat) широко пользовался имъ въ своей полемикѣ съ соціалистами въ концѣ 40-хъ и въ началѣ 50-хъ годовъ.

Первое политико-экономическое ученіе Кэри навѣяно было строемъ хозяйственныхъ отношеній въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, въ началѣ настоящаго вѣка, и провозглашало гармонію частныхъ интересовъ при свободномъ ихъ обнаруженіи. Но, начиная съ 40-хъ годовъ настоящаго столѣтія, многое въ экономической жизни Соединенныхъ Штатовъ измѣнилось, и Кэри, пораженный зрѣлищемъ сосредоточенія населенія въ большихъ городахъ, накопленіемъ капиталовъ въ рукахъ немногихъ лицъ и возникновеніемъ громадныхъ промышленныхъ предпріятій, склонился къ протекціонизму, въ которомъ увидѣлъ

(конечно, совершенно ошибочно) средство для осуществленія децентрализаціи и согласія интересовъ. Эти мысли развиты были авторомъ въ его Principles of Social science (1858—59) и въ его Elements of Social science, составляющихъ сокращенное изложеніе «Началъ соціальной науки». Статья, излагающая первое политико-экономическое ученіе Кэри, появилась въ «Отечественныхъ Запискахъ» въ пору реакціи противъ крайностей государственно-экономическаго направленія, господствовавшаго въ Россіи въ царствованіе Императора Николая I-го.

Въ настоящее время, когда это направленіе снова возобладало не только у насъ, но и въ Германіи, и притомъ въ формахъ болѣе рѣзкихъ чѣмъ прежде, изложеніе первой теоріи американскаго экономиста, быть можетъ, будетъ нелишнимъ. Простая перепечатка оказалась, однако, невозможною: понятія о хозяйственныхъ задачахъ государства въ теченіе послѣднихъ 50 лѣтъ значительно измѣнились, а въ странахъ, гдѣ частная иниціатива довольно слаба, и теоретики, и практики пришли къ убѣжденію, что нельзя разсчитывать на энергическое, плодотворное проявленіе частныхъ интересовъ и на возможность установленія между ними гармоніи при одномъ лишь предоставленіи имъ свободы. Согласно съ этимъ, въ настоящей статьѣ сдѣланы поправки, которыя, измѣняя общій ея тонъ, не касаются однако началъ промышленной свободы и частной собственности, составляющихъ основаніе всякаго разумнаго экономическаго порядка. Главный недостатокъ настоящаго очерка заключается въ томъ, что онъ не выясняетъ достаточно односторонности направленія, которое полагаетъ возможнымъ ограничить экономическія изслѣдованія областію проявленія частныхъ интересовъ.

Глава I.

Введеніе.

Сочиненіе Кэри «Начала Политической Экономіи» проводитъ мысль, которая такъ же стара, какъ и самая наука. Ее можно найти у французскихъ и англійскихъ писателей XVII и XVIII вѣковъ—у Буагильбера, Норса (North), Кэнэ и Смита; изъ нея возникло ученіе о естественномъ ходѣ, или естественномъ порядкѣ вещей—cours naturel des choses или ordre naturel, понятіе о selfgovernement въ сферѣ экономической, формула laissez faire, laissez passer.

Для выясненія естественнаго порядка, создаваемаго свободнымъ проявленіемъ частныхъ интересовъ, необходимо разсмотрѣть, какимъ образомъ, по понятіямъ школы свободы промышленности и частнаго интереса, установляется этотъ порядокъ, что въ немъ происходитъ и на чемъ онъ основанъ.

На эти вопросы упомянутая школа даетъ слѣдующій отвѣтъ.

Въ большомъ городѣ, съ дѣятельнымъ и промышленнымъ населеніемъ, всѣ потребности вещественныя и духовныя легко могутъ быть удовлетворены, хотя бы общественная власть и ея органы не принимали почти никакого участія въ доставленіи жителямъ достаточнаго числа квартиръ, въ снабженіи рынка припасами, въ образованіи средствъ, служащихъ для умственнаго, эстетическаго и нравственнаго развитія. Тысячи людей работаютъ для частнаго потребителя, добываютъ, перерабатываютъ и поставляютъ въ его распоряженіе произведенія отдаленныхъ странъ и самой разнообразной дѣятельности. Рѣдкій изъ матеріальныхъ предметовъ не проходитъ чрезъ десятки,

сотни рукъ прежде, чѣмъ онъ получитъ окончательное назначеніе. То же можно сказать и о средствахъ нематеріальныхъ. Концертъ артиста, рецептъ медика, лекція преподавателя подготовлены трудами множества лицъ, которыя выработали искусство и науку, довели ихъ до послѣдняго момента развитія и поставили средства въ соотвѣтствіе съ ощущаемыми потребностями. Конечно, ничто не дается даромъ: за все надо платить деньгами, пріобрѣтенными въ извѣстной отрасли спеціальной дѣятельности; но было бы напрасно искать распорядителя, который, слѣдя за нуждами населенія, заботился бы о поставкѣ всего необходимаго для частныхъ лицъ. Наконецъ, еслибы явился администраторъ, который въ видахъ общаго блага задумалъ бы строить дома, или побуждать къ этому частныхъ лицъ для того, чтобы жители города не терпѣли недостатка въ квартирахъ; если бы правительство или администрація взяли на себя все продовольствованіе населенія, все снабженіе одеждою, приглашеніе медиковъ къ больнымъ, изданіе книгъ, журналовъ и пр., то оно вскорѣ испугалось бы огромности своей задачи и, вмѣсто благословенія, услышало бы около себя всеобщій ропотъ, возбужденный несоразмѣрностію между потребностями съ одной, количествомъ, качествомъ и стоимостію средствъ съ другой стороны.

Не смотря на отсутствіе видимаго распорядителя, заботящагося о частномъ благѣ отдѣльныхъ лицъ, изъ которыхъ сложилось общество, дѣятельность ихъ, руководимая личными цѣлями, при охраненіи правительствомъ неприкосновенности правъ личныхъ и по имуществу, приходитъ въ правильное сочетаніе и образуетъ *естественный* хозяйственный порядокъ, въ которомъ частныя цѣли всѣхъ и каждаго достигаются легко и свободно. Все это приводитъ къ убѣжденію, что экономическое устройство общества основано на *законахъ*, не изобрѣтенныхъ чело-

вѣкомъ, но существующихъ, какъ установленіе природы. и водворяющихъ гармонію.

Здѣсь рождается рядъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ не составляетъ дѣла одной любознательности, но находится въ самой тѣсной связи съ практическою жизнію. Къ этимъ вопросамъ относятся: какая причина даетъ бытіе порядку хозяйственному и изъ какихъ элементовъ онъ слагается? въ какомъ сочетаніи находятся стихійныя части этого порядка? какія силы дѣйствуютъ въ немъ и по какимъ законамъ? наконецъ, чѣмъ нарушается природная гармонія установившихся отношеній?

На это могутъ быть даны слѣдующіе отвѣты:

1) Основная причина хозяйственнаго порядка заключается въ потребностяхъ, свойственныхъ природѣ человѣка и требующихъ разнообразныхъ *средствъ* вещественныхъ и невещественныхъ для своего удовлетворенія.

2) Для образованія этихъ средствъ необходимы три элемента: a) природа, доставляющая намъ даровые матеріалы и даровыя силы; b) трудъ человѣка, требующій вознагражденія, который перерабатываетъ матеріалы, пользуется силами природы, въ значительной степени сообщаетъ средствамъ (для удовлетворенія потребностей) цѣнность и включаетъ ихъ въ составъ собственности; наконецъ c) накопленныя произведенія природы и труда, или капиталъ, позволяющій человѣку извлечь наибольшія выгоды изъ природы и избрать лучшее, болѣе плодотворное употребленіе труда.

3) Стихіи, входящія въ составъ каждаго хозяйственнаго порядка, представляются въ органической связи, упрочиваемой мѣною. Путемъ мѣны производитель получаетъ отъ другихъ лицъ за свои произведенія, или услуги, соотвѣтствующія цѣнности. Цѣнность эта устанавливается подъ вліяніемъ условій спроса и предложенія при соперничествѣ между спрашивающими и предлагающими товары или услуги. Цѣнность, выраженная въ видѣ извѣстнаго товара

(по преимуществу благородныхъ металловъ)—денегъ, называется цѣною. Окончательный результатъ обмѣна есть выдѣлъ доходовъ, которыми располагаютъ частныя лица для капитализаціи, производства и потребленія.

Разнообразныя произведенія природы, труда и капитала, разнообразныя условія спроса и предложенія, а также отношеній въ соперничествѣ, наконецъ разнообразные способы выдѣла вознагражденія образуютъ то богатство явленій и формъ хозяйственной жизни, которое часто не позволяетъ наблюдателю подмѣтить однородность строенія и физіологическихъ отправленій экономіи общественнаго тѣла, а слѣдовательно и основные законы науки.

Между тѣмъ, нѣкоторые политико-экономическіе законы очень просты.

Во-первыхъ, изъ свойства составныхъ элементовъ хозяйственнаго порядка слѣдуетъ: чѣмъ болѣе въ образованіи средствъ (служащихъ для удовлетворенія потребностей) участвуетъ природа и чѣмъ менѣе человѣкъ, тѣмъ общедоступнѣе и легче удовлетвореніе потребностей, потому что средства приближаются къ свойству естественныхъ даровъ природы, какъ напр., воздухъ, вода и пр., если только матеріалы и силы природы не монополизированы.

Во-вторыхъ, изъ свойства отправленій самого хозяйственнаго порядка мы заключаемъ:

а) что человѣкъ, стремясь къ достиженію своихъ законныхъ личныхъ цѣлей, направляетъ свою дѣятельность къ благу общему, потому что трудъ тогда только получаетъ наибольшее вознагражденіе въ мѣнѣ, когда онъ производитъ средства, на которыя существуетъ самое сильное требованіе, слѣдовательно самыя необходимыя и наилучшимъ образомъ оплачиваемыя.

b) что побужденія къ этой дѣятельности, стремящейся къ осуществленію своихъ личныхъ цѣлей и въ то же время столь плодотворной для общества, соразмѣряются съ

тѣмъ, въ какой степени обезпечиваются человѣку результаты его труда.

Такимъ образомъ можно выразить основные экономическіе законы слѣдующимъ образомъ:

Назначеніе экономическаго порядка — *понизить цѣнность* отдѣльныхъ средствъ, удовлетворяющихъ потребностямъ, при умноженіи количества этихъ средствъ и возрастанія цѣнности ихъ итога.

Основаніе хозяйственнаго устройства — *промышленная свобода и собственность*.

Все, что препятствуетъ пониженію цѣнности средствъ, служащихъ для удовлетворенія потребностямъ, всякое монопольное обладаніе матеріалами, или силами природы, всякое стѣсненіе свободы въ выборѣ дѣятельности, въ употребленіи труда и капитала, наконецъ, всякое покушеніе на право собственности, будетъ ли оно относиться къ труду, или къ имуществу—все это ведетъ къ потрясеніямъ, которыя не измѣняютъ сущности экономическихъ законовъ, не уничтожаютъ ихъ вліянія, а только измѣняютъ ихъ обнаруженіе въ видимыхъ нами явленіяхъ. Законъ природы сохраняетъ всю свою силу, но изъ творческаго, развивающаго онъ обращается въ начало разлагающее, которое невсегда подготовляетъ элементы для другой, лучшей общественной жизни.

Изъ сказаннаго не трудно замѣтить, что нарушеніе хозяйственной гармоніи заключаетъ въ себѣ *неправду* и что начало *правды* составляетъ въ то же время принципъ и юридическихъ, и экономическихъ отношеній. Иначе и быть не можетъ, потому что тѣ и другія суть только видовыя проявленія общественности или союзности, а правда есть условіе всякой союзности между людьми.

Такимъ образомъ связь между политическою экономіею и правомъ состоитъ не только въ томъ, что законъ юридическій установляетъ нормы для хозяйственнаго порядка, но

и въ томъ, что идея науки, въ той и другой области, одна и та же, а также и въ томъ, что юридическое устройство вообще и экономическія отношенія, обнимаемыя правомъ въ частности, имѣютъ одну и ту же конечную цѣль—*осуществленіе правды*.

Въ обоихъ *правда* стремится къ водворенію союзности, къ установленію гармоніи личныхъ стремленій, единства общественнаго, внутренняго, нравственнаго авторитета между людьми. Но порядокъ, въ которомъ властвуетъ правда, составляетъ идеалъ, болѣе или менѣе далекій отъ дѣйствительности. Гармонія личныхъ стремленій можетъ быть только въ извѣстной мѣрѣ принадлежностію высокаго развитія общества въ умственномъ, нравственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ. Законы природы предустановили гармонію, но не сдѣлали ея осуществленія механическою необходимостію. Конечно, нравственная сила влечетъ человѣка къ выполненію своей высшей задачи; но такъ какъ она составляетъ дѣло просвѣщенной и сознательной дѣятельности индивидуумовъ, то нельзя признать общественнаго успѣха застрахованнымъ противъ всякихъ нарушеній и неизбѣжнымъ, какъ судьба.

При ограниченности нашихъ познаній, пользованіе силами природы, лучшій выборъ дѣятельности, торжество надъ естественными монополіями встрѣчаютъ преграды, ниспровергаемыя человѣкомъ непрерывно, но требующія отъ него нескончаемой, вѣчной борьбы. Такая же борьба возникаетъ вслѣдствіе нашего нравственнаго несовершенства. Подобно тому, какъ нельзя отрицать существованія физическихъ недостатковъ въ человѣкѣ, его немощей въ дѣтствѣ и старости, когда онъ не пользуется всею полнотою силъ, такъ же точно нельзя отрицать болѣзней духа, несовершеннолѣтнихъ и старчески-безсильныхъ въ мірѣ нравственномъ. Итакъ *несовершенство* составляетъ принадлежность человѣческаго бытія, столь же необходимую, какъ

прогрессъ, а пертурбаціи входятъ въ планъ Провидѣнія наравнѣ съ законами гармоніи экономическихъ отношеній.

Если послѣдніе бываютъ нарушены вслѣдствіе человѣческихъ несовершенствъ, вслѣдствіе недостатка образованія и неразвитости индивидуумовъ; если внутреннія связи въ обществѣ потрясаются *неправдою,* то что же возстановляетъ союзность, нарушенную отсутствіемъ въ человѣкѣ внутренняго, нравственнаго авторитета?

При столкновеніи личныхъ интересовъ, частныя лица и общество обращаются къ принудительной силѣ, которая могла бы, если не дать справедливость, то по крайней мѣрѣ уничтожить часть неправды и произвола. Вотъ въ чемъ состоитъ великое назначеніе правительственной власти! Вотъ источникъ того благороднаго честолюбія, которое овладѣваетъ душою истинно-государственнаго человѣка! Но здѣсь-то представляется намъ во всей своей громадности и вся трудность выполненія задачи правительственной власти. Опираясь на принудительную силу закона, просвѣщенный дѣятель сознается, что основа его могущества заключается въ водвореніи гармоніи и внутренняго единства въ общежитіи, въ упроченіи авторитета нравственнаго, и что посильное достиженіе этихъ цѣлей возможно только тогда, когда человѣкъ не обращается въ мертвое орудіе, когда онъ принимаетъ участіе въ дѣлѣ общемъ, не какъ машина, но какъ свободный сотрудникъ, который не отдѣляетъ своихъ личныхъ стремленій отъ цѣлей общественныхъ. *Гармонія* экономическаго порядка, *правда, союзность* опираются на признаніи законности нравственныхъ личныхъ стремленій; поэтому и общественная власть, ради своего достоинства и своей силы, не можетъ не признать этого могущественнаго двигателя: она не можетъ не знать, что человѣкъ постоянно стоитъ на стражѣ своей личности и у домашняго очага, и въ сферѣ общественной. Несораз-

мѣрность между потребностями умственными, нравственными, матеріальными и силами, потраченными на ихъ удовлетвореніе, рождаетъ неудовлетворенное чувство и заставляетъ искать бо́льшаго образованія, лучшихъ обезпеченій для своихъ личныхъ и вещественныхъ правъ. Эти мотивы къ обнаруженію дѣятельности существуютъ въ отдѣльныхъ лицахъ и цѣлыхъ сословіяхъ, и вызываютъ между людьми союзность въ ихъ частной дѣятельности.

Такимъ образомъ правительственная власть дѣйствуетъ съ наибольшимъ успѣхомъ тогда, когда она устраняетъ причины, нарушающія гармонію общественныхъ отношеній, когда она раздвигаетъ предѣлы частной иниціативы и облегчаетъ образованіе союзности, возникающей изъ нравственныхъ стремленій людей. Тогда авторитетъ власти дѣйствительно получаетъ незыблемость: въ рукахъ его не одна внѣшняя, но и нравственная сила, потому что онъ представляется не въ борьбѣ съ законами природы, въ борьбѣ, оканчивающейся разложеніемъ общества или переворотомъ, надолго истребляющими силу всякаго авторитета, а въ главѣ преобразованій, упрочивающихъ правильное развитіе общественной жизни.

Выполненіе задачи, о которой было говорено доселѣ, зависитъ отъ того, въ какой мѣрѣ историческое развитіе народа допускаетъ взаимодѣйствіе между общественною властью и самымъ обществомъ. Здѣсь рѣчь идетъ не о правахъ частныхъ лицъ (подданныхъ) въ сферѣ политической, но объ отношеніи ихъ дѣятельности къ внутреннему управленію, о степени самостоятельности, предоставленной каждому въ его частныхъ дѣлахъ.

Обращаясь къ рѣшенію второго вопроса: къ оцѣнкѣ вліянія общественной власти на гражданскій порядокъ, къ характеристикѣ тѣхъ условій, которыя установили взглядъ Кэри на природу экономическаго устройства, должно замѣтить слѣдующее:

Власть общественная представляетъ двѣ стороны: *политическую* и *гражданскую*; обѣ онѣ соединяются или въ однѣхъ рукахъ или существуютъ раздѣльно. Въ древне-европейскихъ обществахъ, греческомъ и римскомъ, вся власть общественная была нераздѣльною; даже въ позднѣйшія времена существованія Рима, замѣчаетъ Блунтшли, политическая власть завѣдываетъ гражданскими дѣлами города. Разграниченіе обозначилось точнѣе у народовъ новаго времени, у которыхъ государство и община сдѣлались отдѣльными цѣлыми; но и здѣсь встрѣчаются двѣ совершенно отличныя формы: въ одной, гражданскія отношенія всецѣло вѣдаются государствомъ; въ другой, они развиваются только подъ его защитою, и въ зависимости отъ него. Въ первомъ случаѣ община есть органъ политическаго государственнаго устройства; во второмъ, община сохраняетъ свою самобытность, но только какъ союзъ чисто-гражданскій, частный. Типическое сліяніе государства съ общиною представляетъ Франція; типическое разграниченіе—Соединенные Штаты. Оба порядка можно охарактеризовать нѣсколькими словами, назвавъ французское устройство *административно-политическою централизаціею*, американское—*административно-гражданскою децентрализаціею*.

Для того, чтобы предметъ получилъ бо́льшую ясность, стоитъ сопоставить устройство общинъ во Франціи конца пятидесятыхъ годовъ и въ Новой Англіи [1]). Для примѣра взятъ сѣверъ Соединенныхъ Штатовъ, потому что здѣсь децентрализація доведена до крайнихъ предѣловъ.

Во Франціи управленіе общиною, лишенною самостоятельности, имѣло скорѣе значеніе государственнаго органа, чѣмъ органа частнаго, подчиненнаго союза. Государственная власть охватывала общину цѣлымъ рядомъ

[1]) Во Франціи послѣ Наполеона III избирательныя права общинъ нѣсколько расширены, но централизація сохранена.

концентрическихъ круговъ — центральною властью министерства и подчиненныхъ ему управленій, департаментскихъ и окружныхъ (des arrondissements). Одинъ только кантонъ (подраздѣленіе округа) не имѣлъ вліянія на дѣла общины. Глава общины—мэръ, не выбирался, но назначался главою государства или префектомъ; послѣдній могъ сдѣлать постановленіе объ устраненіи мэра отъ должности (suspension), но не объ увольненіи его вовсе отъ службы—это право принадлежало государю. Мэръ представлялъ общину, но онъ представлялъ также *власть* государя и закона, слѣдовательно, онъ по преимуществу былъ чиновникомъ правительства. Онъ имѣлъ право назначать на нѣкоторыя должности. Единственный признакъ самостоятельности общины заключался въ муниципальномъ совѣтѣ (Conseil municipal), состоявшемъ изъ мэра, его помощниковъ и извѣстнаго числа выборныхъ. Совѣтъ разсуждалъ о бюджетѣ общины, о пріобрѣтеніи и отчужденіи собственности, о средствахъ сообщенія (voirie) и публичныхъ работахъ. Но постановленія его обращались въ ничто по волѣ центральной власти или префекта.

Совершенно иною была и остается доселѣ община Новой Англіи. Управленіе ею, основанное на избирательномъ началѣ, не сосредоточено, а въ высшей степени подраздѣлено. Въ Массачусетскомъ Штатѣ общины имѣютъ по 19 должностныхъ лицъ, такъ называемыхъ selectmen—это раскладчики и сборщики податей, полицейскіе констебли, актуаріусы (greffiers), кассиры, инспекторы бѣдныхъ, смотрители дорогъ, коммиссары по дѣламъ церковнымъ, инспекторы по части пожарной, земледѣльческой, по измѣренію лѣсовъ, по части мѣръ и вѣсовъ. Всѣ эти лица исполняютъ свои должности не безвозмездно, какъ мэръ, но получаютъ жалованье и обязаны служить. Сложное общинное управленіе не остается отдѣленнымъ отъ интересовъ мѣстныхъ жителей. Связь между обѣими

сторонами поддерживается строгимъ проведеніемъ избирательнаго начала и призваніемъ общины къ участію въ общественныхъ дѣлахъ. Въ случаѣ надобности, selectmen созываютъ сходку, но послѣдняя собирается также и по требованію десяти владѣльцевъ, желающихъ что-либо предоставить на ея усмотрѣніе.

Какое же отношеніе къ общинѣ имѣютъ высшія территоріальныя подраздѣленія—графство и штатъ? Графство Новой Англіи составляетъ только первую судебную инстанцію и единицу провинціальную, правительственную. Здѣсь администраторы назначаются губернаторомъ штата, съ согласія состоящаго при немъ совѣта изъ выборныхъ, и занимаются только составленіемъ общаго бюджета графствъ, который утверждается законодательнымъ собраніемъ.

Читатель можетъ спросить: что же охраняетъ въ Америкѣ единство общественной жизни? что поддерживаетъ силу закона?

Единство общественное, осуществляемое во Франціи административною централизаціею, достигается въ Америкѣ подробными юридическими предписаніями и отчетностью. Законность поддерживается не административнымъ надзоромъ и смѣною служащихъ, но судомъ.

Тамъ, гдѣ должности замѣщаются по выборамъ, надзоръ и смѣна были бы, по мнѣнію американцевъ, противорѣчіемъ избирательному началу; поэтому логическая послѣдовательность, иначе понимаемая въ этомъ дѣлѣ Западною Европою, заставила ихъ прибѣгнуть къ суду. Администрація графства, назначенная губернаторомъ, образуетъ изъ трехъ мировыхъ судей—court of session—судъ, который принуждаетъ къ повиновенію общину, назначая исполнителемъ своего приговора особое лицо или налагая пеню на жителей. Здѣсь же частный человѣкъ является въ качествѣ истца или обвинителя общиннаго должност-

ного лица, только не по обыкновеннымъ преступленіямъ, а по служебнымъ проступкамъ.

Эта краткая характеристика показываетъ, какъ удачно примѣнено общинное устройство Союза къ тому, чтобы сохранить за частнымъ лицомъ его иниціативу, не лишая въ то же время правительственной власти силы, необходимой для возстановленія нарушеннаго права; какъ облегчено развитіе начала союзности въ кругу частныхъ интересовъ, не отнимая у государства политическаго его значенія. Основной догмъ американской общественности, по словамъ одного знаменитаго писателя, состоитъ въ томъ, что частное лицо есть лучшій судья въ *своемъ* дѣлѣ. Общество подчиняетъ себѣ частное лицо только тогда, когда этого требуетъ или общій интересъ, или нарушеніе чьего-либо права, или нужда въ помощи. Въ дѣлахъ, касающихся блага цѣлаго, община не можетъ сопротивляться; она не можетъ отказать въ податяхъ, въ исполненіи полицейскаго регламента, плана, принятаго для народнаго образованія, и т. п.

Во Франціи, наоборотъ, частная иниціатива замѣняется государственною, или же подчиняется вліянію правительственной администраціи, которая является судьею въ дѣлахъ частныхъ, потому что послѣднія разсматриваются какъ дѣла государственныя! Не имѣя самостоятельности, община не входитъ, какъ дѣятельный элементъ, въ составъ политическаго цѣлаго. Во Франціи центральное правительство даетъ своихъ служащихъ общинѣ; въ Америкѣ община даетъ своихъ должностныхъ лицъ государству; во Франціи сборщикъ, назначенный правительствомъ, собираетъ подати съ общины; въ Новой Англіи община собираетъ подати для государства. Легко понять, какую силу пріобрѣтаетъ государственная жизнь въ Новой Англіи отъ органической связи между народомъ и правительствомъ и отъ самодѣятельности частей; механическое устройство централи-

заціи во Франціи не обладаетъ и десятою долею этой силы. Мало того, авторитетъ власти въ Америкѣ несравненно болѣе упроченъ. Между нимъ и частными интересами не можетъ быть ни столкновеній, ни борьбы; поэтому общество не думаетъ о томъ, какъ ослабить его силу. Американцы отняли всякій поводъ къ этому, подраздѣливъ власть между множествомъ общинныхъ должностныхъ лицъ и подчинивъ ее не административному надзору, а судебной отвѣтственности.

Токвилль изобразилъ поразительными чертами общественное самоубійство, которое бываетъ обыкновенно слѣдствіемъ примѣненія политической централизаціи къ гражданскимъ отношеніямъ. Политическая централизація создаетъ народъ; она даетъ бытіе общимъ интересамъ и упрочиваетъ за государствомъ мѣсто въ исторіи человѣчества; распространеніе ея на гражданскія отношенія ослабляетъ индивидуальную энергію и приготовляетъ разложеніе общества.

Административная централизація, распространяемая на гражданскую жизнь, пріучаетъ человѣка къ полному и непрерывному отреченію отъ выраженія своей воли, властвуетъ силою утвердившейся привычки и, изолируя людей, господствуетъ надъ ними. Хотя административная централизація позволяетъ сосредоточить много силъ, но она вредитъ ихъ обновленію; она доставляетъ побѣду въ день борьбы, но въ теченіе времени ослабляетъ могущество государства. Поэтому она можетъ содѣйствовать преходящему величію человѣка, но не долговѣчному благоденствію народа. Слабость феодальныхъ обществъ и страдательная роль Германіи происходили не отъ отсутствія централизаціи административной (сильно развитой на твердой землѣ), но отъ недостаточности политическаго единства.

Поглощенія частной дѣятельности государствомъ нѣтъ ни въ Англіи, ни въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ; одна-

коже государственная жизнь въ этихъ странахъ имѣетъ огромную силу, вслѣдствіе политической централизаціи.

Конечно, во всемъ могутъ быть крайности, и американцы, отдѣляя гражданскую администрацію отъ правительственной, какъ справедливо замѣчаетъ Токвилль, переступили предѣлы благоразумія, потому что порядокъ въ дѣлахъ второстепенныхъ всетаки имѣетъ цѣну. Предоставляя слишкомъ много частной самодѣятельности, они лишаютъ человѣка спокойнаго существованія, которое такъ дорого жителю старой Европы. Но эти невыгоды вознаграждаются въ другомъ отношеніи, и для устраненія ихъ было бы достаточно назначенія должностныхъ лицъ отъ правительства съ правомъ вносить на судебное разсмотрѣніе дѣла о проступкахъ, совершенныхъ въ графствѣ или въ общинѣ, да изданіе нѣсколькихъ общихъ полицейскихъ регламентовъ.

Приверженцы гражданской централизаціи въ Европѣ утверждаютъ, что правительственная власть гораздо лучше завѣдываетъ мѣстными дѣлами, чѣмъ жители. Быть можетъ это и справедливо, если жители потеряли привычку дѣйствовать и если привычку эту пріобрѣло государственное управленіе. Многіе любятъ однообразіе въ частной дѣятельности и чувствуютъ привязанность къ формѣ, независимо отъ предмета, къ которому относится заведенный порядокъ.

Правда, гражданская централизація успѣваетъ сообщить правильный ходъ текущимъ дѣламъ, править общественною полиціею, прекращать незначительные безпорядки, наказывать легкіе проступки, поддерживать то, что называется добрымъ порядкомъ и общественнымъ спокойствіемъ; но она успѣваетъ также болѣе *мѣшать*, чѣмъ *дѣлать*. Когда же этой администраціи приходится подвинуть общество, тогда сила ее оставляетъ; когда мѣра нуждается въ частномъ содѣйствіи индивидуумовъ, тогда удивляешься слабости колоссальной машины.

Есть страны, гдѣ житель разсматриваетъ себя какъ поселенца, равнодушнаго къ судьбѣ своей страны. Великія перемѣны совершаются безъ его участія; онъ узнаетъ о нихъ по слуху; достояніе села, порядокъ на улицѣ, постройка церкви его не занимаютъ: онъ думаетъ, что все это дѣло могущественнаго чужеземца, котораго называютъ государствомъ. Онъ пользуется дарованными ему благами, неоживленный идеею о собственности и мыслью объ усовершимости. Это равнодушіе простирается такъ далеко, что въ минуту опасности онъ ждетъ, сложа руки, чтобъ всѣ пришли къ нему на помощь. Онъ повинуется, какъ побѣжденный, и, при первой возможности, готовъ попирать законъ. Для такихъ народовъ нѣтъ выхода, кромѣ перерожденія или смерти.

Эта характеристика частнаго гражданскаго быта уясняетъ условія борьбы человѣка съ причинами, нарушающими гармонію экономическихъ отношеній, и опредѣляетъ точку зрѣнія, съ которой американскій писатель могъ смотрѣть на хозяйственный порядокъ. Положеніе Кэри было особенно выгодно, потому что окружавшая его среда представляла несравненно простѣйшія формы, въ которыхъ иниціатива частная не была стѣснена вліяніемъ бюрократіи на гражданскія дѣла; онъ видѣлъ передъ собою администрацію, которая стояла не за идею государственнаго интереса, но за насущныя мѣстныя потребности и цѣли: онъ не имѣлъ дѣла съ сложнымъ устройствомъ, образовавшимся подъ вліяніемъ стародавнихъ монополій и привилегій, которыя легли цѣлыми слоями на европейскую общественную почву, въ отдаленныя времена завоеваній и борьбы враждебныхъ племенъ. Въ Европѣ привилегіи и монополіи, сознавая несостоятельность своихъ притязаній, предъявленныхъ во имя грубой матеріальной силы, окружили себя ореоломъ блага общаго, и въ самомъ дѣлѣ дѣйствовали иногда въ интересѣ цѣлаго.

Поэтому экономистамъ Стараго Свѣта предстояла задача необыкновенно трудная: имъ слѣдовало опредѣлить значеніе всѣхъ историческихъ и случайныхъ вліяній, для изученія нормальнаго экономическаго организма и законовъ его отправленій. Въ болѣзненныхъ явленіяхъ, въ патологическихъ субъектахъ имъ приходилось искать строенія и физіологіи здороваго общественнаго тѣла. Но зато какая богатая перспектива открылась для нихъ съ тѣхъ поръ, какъ пониманіе жизни, болѣе нормальной, позволило имъ уразумѣть свое, богатое опытомъ *прошедшее*, и разгадать смыслъ цѣлыхъ историческихъ эпохъ!

Въ предыдущемъ дѣло шло не о земельной общинѣ, а о порядкѣ общественныхъ отношеній, который не исключаетъ разнообразія въ способахъ владѣнія и пользованія землею и упрочиваетъ самодѣятельность человѣка. Этотъ порядокъ служитъ залогомъ гражданскаго развитія, основою авторитета власти, не только стремящейся къ водворенію правды и добра, но и черпающей въ немъ свою внутреннюю и нравственную силу. Было бы однако непростительною близорукостью приписать эти результаты одной автономіи общинъ. Общества гернгутеровъ, квакеровъ заключаютъ въ себѣ столь же роковыя тенета для человѣческой свободы, какъ и всепоглощающая администрація соціализма. Община тогда только исполняетъ свое великое назначеніе, когда она не выходитъ изъ предѣловъ предначертанной для нея дѣятельности, и когда въ этихъ предѣлахъ самоуправленіе вполнѣ обезпечено, т. е. когда частныя лица, входящія въ ея составъ и пользующіяся надлежащею самодѣятельностью ограждены отъ посягательствъ на ихъ личность и собственность прочно созданными учрежденіями, и когда въ области чисто мѣстныхъ интересовъ развивается тотъ общественный духъ, который въ минуту опасности воплощаетъ въ себѣ народное чувство.

Само собою разумѣется, что общины Новой Англіи, въ которыхъ самодѣятельность частныхъ лицъ и самоуправленіе достигли высшаго развитія, не составляютъ еще идеала. Они имѣютъ свои темныя стороны, но въ то время, когда Кэри писалъ свои «Начала политической экономіи», эти темныя стороны не выступали съ такою яркостію наружу какъ теперь: существующій строй общественной, въ частности экономической, жизни давали матеріалъ для идеализаціи, для признанія въ дѣйствительности согласія или гармоніи интересовъ.

Излагая ученіе Кэри, содержащееся въ «Началахъ политической экономіи», необходимо прежде всего остановиться на мысляхъ, которыя высказываетъ авторъ о политической экономіи вообще, ея методѣ и отношеніи къ жизни, а затѣмъ слѣдуетъ перейти къ его основнымъ теоретическимъ положеніямъ о производствѣ, о капиталѣ, о доходахъ, о цѣнности и о рентѣ, которыя Кэри подтверждаетъ рядомъ историческихъ и статистическихъ изслѣдованій о вліяніи распространенія обработки земли на заработную плату, на доходы отъ капиталовъ, или проценты, на цѣнность земельнаго капитала и на колебанія цѣнъ. Въ заключеніе предстоитъ привести положенія, составляющія, по убѣжденію автора, окончательный выводъ изъ умозрѣнія и опыта.

Все это составитъ предметъ слѣдующихъ 9 главъ (II—X).

Глава II.

Взглядъ Кэри на политическую экономію, ея методъ и отношеніе къ жизни.

Усовершимость составляетъ коренное начало политико-экономическаго ученія Кэри. Въ человѣкѣ, говоритъ онъ, преобладаетъ желаніе сохранить и улучшить свое положеніе. Это желаніе побуждаетъ его къ основанію семейства и къ пріобрѣтенію власти надъ средствами, называемыми богатствомъ. Доля этихъ средствъ образуетъ капиталъ, который обусловливаетъ собою улучшеніе качества и уменьшеніе количества труда, необходимаго въ производствѣ, и составляетъ главное орудіе нашего матеріальнаго и нравственнаго развитія.

«Поставляя задачею политической экономіи изученіе законовъ для явленій, происходящихъ изъ желанія людей удержать и улучшить свое положеніе, мы», говоритъ Кэри, «даемъ ей опредѣленіе, которое обнимаетъ всѣ виды дѣятельности, подлежащей изслѣдованію нашей науки. Но изложенія этихъ законовъ недостаточно; надо указать также и на причины, возмущающія, которыя мѣшаютъ нашему совершенствованію, иначе трактатъ политико-экономическій будетъ столь же не полонъ, какъ и астрономія, умалчивающая о пертурбаціяхъ, или гидравлика, не говорящая о треніи».

Такимъ образомъ наука наша, продолжаетъ Кэри, излагаетъ, во-первыхъ, законы, которые установляютъ гармонію между личными стремленіями и осуществляютъ прогрессъ; а во-вторыхъ, причины, которыя нарушая эту гармонію останавливаютъ какъ развитіе общества, такъ и преуспѣяніе частныхъ лицъ. Отсюда вытекаютъ сами собою—практическое значеніе, методъ и нравственный характеръ политической экономіи.

Зная законы гармоническаго порядка и возмущающія ихъ причины, человѣкъ можетъ выбрать для себя лучшій путь. Трудъ экономиста подобенъ труду гидрографа, который, составляя карту, обозначаетъ на ней всѣ скалы, всѣ опасности и трудности пути. Если затѣмъ кормчій выбираетъ опасную дорогу, то вина падаетъ на него. Какъ подобная карта не можетъ быть составлена безъ тщательнаго разсмотрѣнія навигаціонныхъ журналовъ торговыхъ кораблей, такъ и политическая экономія не можетъ обойтись безъ тщательнаго изученія судебъ различныхъ націй для того, чтобы узнать, на сколько наблюденія подтверждаютъ или опровергаютъ то, что теорія сочла за истину. Эти изслѣдованія должны доказать, что изложенные законы природы имѣютъ характеръ всеобщей истины, что мѣры, согласованныя съ ними, вездѣ сопровождались возрастаніемъ нравственности, благоденствія и долговѣчности человѣка, между тѣмъ какъ противоположный путь всегда приводилъ къ бѣдности, нищетѣ и пороку, препятствовалъ умноженію населенія, улучшенію его положенія и долговѣчности.

Съ осторожностью, свойственною практику, Кэри требуетъ для каждой истины повѣрки эмпирической. Механическія усовершенствованія, говоритъ онъ, должны имѣть всегда въ свою пользу свидѣтельство опыта, и мнѣнія, которыя въ теоріи кажутся совершенными, оказываются иногда негодными въ примѣненіи.

То же слѣдуетъ сказать и о началахъ политико-экономическихъ. Они должны быть сличены съ результатами, засвидѣтельствованными тщательнымъ изслѣдованіемъ фактовъ, и отвергнуты, если окажутся неудовлетворительными; они должны заключать въ себѣ всеобщую истину. Если политико-экономистъ поставленъ втупикъ какимъ-нибудь современнымъ промышленнымъ явленіемъ, если есть для него какая-нибудь тайна въ бывшемъ или

настоящемъ состояніи производства, которую извѣстныя ему начала не позволяютъ отгадать, то онъ можетъ быть увѣренъ въ томъ, что системѣ его чего-то недостаетъ, что она не можетъ быть вѣрнымъ руководителемъ въ существующихъ обстоятельствахъ — словомъ, теорія должна быть повѣрена фактами.

Уэкфильдъ жалуется на недостатокъ установившейся терминологіи и на невозможность объяснить положеніями, принятыми въ наукѣ, нѣкоторыхъ изъ важнѣйшихъ явленій; но это происходитъ оттого, что теорія не доказана фактами. Еслибы подобный методъ былъ принятъ, то нашли бы, что многія изъ явленій остаются не только необъясняемыми господствующими ученіями, но и прямо противорѣчатъ имъ.

Ниже будетъ объяснено, почему нѣкоторыя изъ положеній Кэри не могутъ быть признаны вѣрными; но нельзя не отдать ему справедливости въ томъ, что, послѣ Смита, онъ одинъ изъ первыхъ снова употребилъ въ дѣло историческія и статистическія данныя для рѣшенія экономическихъ вопросовъ. Подобно Рикардо, онъ беретъ положеніе и развиваетъ его апріорически. Но, между тѣмъ какъ Рикардо не идетъ далѣе, Кэри оживляетъ гипотезу цѣлымъ рядомъ фактовъ, долженствующихъ придать ей достовѣрность. Даже и тогда, когда мысль его представляется черезчуръ обобщенною, или когда въ приводимыхъ имъ фактахъ есть нѣкоторый подборъ для ея подтвержденія, и тогда трудъ его сохраняетъ всю свою цѣну; читатель какъ бы присутствуетъ при физическомъ опытѣ, и всегда имѣетъ возможность отличить истину отъ преувеличенія. Это дѣлаетъ книгу Кэри выдающимся произведеніемъ въ политико-экономической литературѣ.

Изучая экономическіе законы и пертурбаціи, изучая явленія, представляющія намъ и гармоническое развитіе общества, и нарушеніе этой гармоніи, Кэри хочетъ стать

на точку зрѣнія естествоиспытателя, который не имѣетъ дѣла съ нравственною оцѣнкою причинъ, нарушающихъ прогрессъ.

«Нѣкоторые писатели», говоритъ онъ, «сообщали наукѣ нѣчто отталкивающее, противное великодушному человѣческому чувству. Экономистъ, по мнѣнію Синьйора, занимаясь предметомъ, въ которомъ ошибка или даже невѣдѣніе могутъ произвести столь глубокое и всеобщее зло, обязанъ, какъ присяжный, высказать справедливый приговоръ, согласно съ очевидностью; онъ не долженъ допускать, чтобъ симпатія къ нищетѣ, отвращеніе къ расточительности или скупости, чтобъ поклоненіе существующимъ учрежденіямъ или ненависть къ настоящимъ злоупотребленіямъ, чтобъ любовь къ популярности, парадоксу или системѣ, удержали его отъ признанія факта или отъ вывода заключеній, которыя онъ считаетъ справедливыми».

«Слова Синьйора», говоритъ Кэри, «выставляютъ науку въ невыгодномъ свѣтѣ, и могутъ отклонить отъ занятій ею. При изложеніи законовъ, управляющихъ дѣйствіями людей, не можетъ быть рѣчи объ отвращеніи, симпатіи или поклоненіи. Естествоиспытатель, который изучаетъ явленія природы, представляемыя намъ изверженіями Этны и Везувія, не обязанъ ощущать или выражать сочувствія къ страдальцамъ Катанеи и Геркуланума. Ученый, излагающій теорію вѣтра, не призванъ къ тому, чтобы высказывать сожалѣніе о многочисленныхъ кораблекрушеніяхъ, производимыхъ бурями. Онъ изучаетъ общіе законы природы и, изложивъ ихъ для блага мореходца, считаетъ свое дѣло оконченнымъ, предоставляя кормчему управленіе кораблемъ. Таково положеніе и экономиста. Стараясь постичь законы природы, онъ указываетъ на путь, который ведетъ къ обладанію богатствомъ и къ улучшенію положенія человѣка; онъ обнаруживаетъ заблужденія, которыя заставляли тщетно искать того или

другого въ прошедшія времена, и затѣмъ предоставляетъ каждому поступать по своему усмотрѣнію. Дѣло другое, еслибы ученому пришлось составлять юридическій кодексъ: въ такомъ случаѣ онъ могъ бы задуматься надъ тѣмъ, должна ли симпатія помѣшать ему въ исполненіи его задачи? можетъ ли поклоненіе существующему оправдать его за сохраненіе учрежденій, которыя препятствуютъ ему достичь своей цѣли? Но здѣсь ему пришлось бы дѣйствовать въ качествѣ законодателя.

Кэри сожалѣетъ, что подобныя чувства были возбуждены. По его мнѣнію, нѣтъ ни одной науки, которая могла бы сильнѣе поразить умъ; нѣтъ ни одной, которая представляла бы болѣе прекрасное изображеніе совершенной гармоніи законовъ природы и оставляла бы чувство менѣе удовлетвореннымъ. Онъ думаетъ, что еслибъ эти законы были надлежащимъ образомъ изложены, то они убѣдили бы насъ въ томъ, что «God had made mon uprigth»; онъ полагаетъ достаточно очевиднымъ, что благоденствіе народовъ и счастіе индивидуумовъ существуютъ въ той мѣрѣ, въ какой законамъ природы позволено управлять дѣйствіями людей; что бѣдность и нищета должны быть приписаны нарушенію этихъ законовъ человѣкомъ и существуютъ въ соотвѣтствіи съ такимъ нарушеніемъ. Еслибъ это было доказано, то истины политико-экономическія сдѣлались бы главными, быть можетъ единственными, руководителями въ нашей дѣятельности.

Такъ рѣшаетъ Кэри вопросъ о томъ, составляетъ ли нравственный судъ принадлежность политико-экономическихъ изслѣдованій? Экономистъ имѣетъ безпрерывно дѣло съ условіями, отъ которыхъ зависитъ внутреннее и внѣшнее счастіе человѣка; онъ встрѣчается на каждомъ шагу съ причинами нищеты и благосостоянія, умственной неразвитости и нравственнаго паденія; но касаются ли его физическія и нравственныя страданія?

Англійская экономическая школа въ принципѣ, а часто и на дѣлѣ, отрицала это, поставляя своею задачею изученіе неумолимой логики фактовъ. Кэри ставитъ науку на степень естествознанія. По его мнѣнію, отъ ученаго, занятаго изслѣдованіемъ общественныхъ урагановъ и законовъ ихъ появленія, нельзя требовать, чтобъ онъ обращалъ вниманіе на людей, которые дѣлаются ихъ жертвами.

Очевидно, что Синьйоръ и Кэри равно не правы. Экономистъ имѣетъ дѣло съ человѣческою природою, съ дѣятельностью людей, съ обстоятельствами, составляющими слѣдствіе нашего развитія, нашего сознанія и нашей воли, съ которой нельзя снять всей отвѣтственности. Потому экономистъ не можетъ остаться простымъ свидѣтелемъ человѣческихъ страданій и заниматься только логическими выводами, — ему приходится быть безпристрастнымъ судьею дѣйствій, въ которыхъ нарушается не законъ, но божественная и человѣческая справедливость. Ученый, когда рѣчь идетъ о благѣ и о счастіи человѣка, невольно вспоминаетъ о невинно-гибнущихъ. Каково бы ни было обаяніе, производимое въ умѣ нашемъ теоріей согласія хозяйственныхъ отношеній, но въ дѣйствительности черты ея представляются только въ смутномъ обликѣ цѣлаго роя пертурбаціонныхъ явленій. Зная, что произвело послѣднія, ученый невольно произноситъ судъ. Самъ Кэри, пытавшійся стать на точку зрѣнія естествоиспытателя, былъ проникнутъ глубокимъ сочувствіемъ къ индійскому райоту и неумолимою ироніею къ славолюбію французской націи.

Глава III.

Характеристика производства, капитала и доходовъ.

Изложивъ законы производства и распредѣленія богатствъ въ первой части своихъ «Началъ», Кэри разсматриваетъ во второй причины, замедляющія какъ возрастаніе производства, такъ и развитіе человѣка въ физическомъ и нравственномъ отношеніяхъ; въ третьей—причины, препятствующія размноженію рода человѣческаго, а въ четвертой—причины, задерживающія общественное развитіе.

Обращаясь къ первой части труда Кэри, можно было полагать, судя по заглавію его книги и по мыслямъ, высказаннымъ авторомъ въ введеніи къ ней, что онъ, излагая законы, установляющіе гармонію въ экономическихъ отношеніяхъ, представитъ изображеніе хозяйственнаго порядка, не возмущеннаго пертурбаціонными причинами. Но на дѣлѣ этого нѣтъ и теоретическая часть имѣетъ много пробѣловъ. Логическая послѣдовательность требовала разсмотрѣнія, во первыхъ, причинъ хозяйственныхъ явленій и элементовъ, изъ которыхъ слагается экономическій порядокъ, т. е. потребностей, силъ и средствъ, служащихъ для удовлетворенія нашихъ нуждъ; во-вторыхъ, устройства экономическаго, раздѣленія труда, мѣны, соперничества и выдѣла доходовъ.

Не имѣя ни малѣйшаго притязанія навязывать собственнаго плана, нельзя, однако, не замѣтить, что многія изъ названныхъ частей совершенно опущены у Кэри. Въ его сочиненіи по преимуществу господствуетъ духъ критическій; о нѣкоторыхъ предметахъ онъ умалчиваетъ вовсе, въ поясненіе другихъ онъ приводитъ длинныя выписки изъ Синьйора. Такимъ образомъ у него нѣтъ ни указанія на значеніе потребностей, ни полной характеристики средствъ (предназначенныхъ для удовлетворенія потребностямъ), ни

изслѣдованій о спросѣ и предложеніи и о соперничествѣ, которыя могли бы раскрыть отношеніе между производительными силами и объяснить постепенное возрастаніе производительности труда и удешевленія произведеній подъ вліяніемъ безпрерывнаго развитія производительныхъ силъ. Затѣмъ у Кэри общественному, въ особенности государственному хозяйству, не придано въ хозяйствѣ народномъ надлежащаго значенія.—Наконецъ, какъ и у многихъ выдающихся писателей, у Кэри есть и слабая сторона: именно неполнота системы.

Излагая свой взглядъ на производство, на результаты послѣдняго и на распредѣленіе доходовъ, Кэри разсматриваетъ эти предметы независимо отъ устройства хозяйственныхъ отношеній.

Производство, по его мнѣнію, заключается въ *дѣятельности труда*. Человѣкъ ничего не можетъ прибавить къ количеству существующаго вещества и ограничивается измѣненіемъ формы, или перемѣщеніемъ матеріи. Лица, которыя принимаютъ участіе въ томъ или другомъ дѣлѣ—*производители*. Слѣдуя Синьйору, Кэри отрицаетъ существенное различіе между производительностью вещественною и невещественною и, приводя слова англійскаго экономиста, указываетъ на зависимость этого дѣленія отъ прежде существовавшихъ понятій о трудѣ. «Вниманіе наше», говоритъ Синьйоръ, «останавливается или на *дѣятельности*, преобразующей вещество, или же на самомъ *измѣняемомъ веществѣ*; мы покупаемъ иногда самый трудъ, иногда — произведеніе труда. Въ первомъ случаѣ мы говоримъ о производствѣ нематеріальномъ, о дѣятельности непроизводительной, или о пріобрѣтеніи услугъ; во второмъ—о производствѣ вещественномъ, о дѣятельности производительной, о пріобрѣтеніи произведеній или цѣнностей. Въ экономическомъ смыслѣ оба вида дѣятельности одинаковы».

Весь итогъ средствъ, произведенныхъ въ теченіе из-

вѣстнаго періода времени частнымъ лицомъ, образуетъ доходъ этого лица; произведенное семействомъ — доходъ семейства, обществомъ—доходъ общества. Всѣ эти произведенія имѣютъ цѣнность, и потому мы говоримъ, что сумма произведенныхъ мѣновыхъ цѣнностей образуетъ доходъ общества. Такимъ образомъ у Кэри исчезаютъ тонкія подраздѣленія и различіе между приходомъ и доходомъ (revenue and income). Часть дохода издерживается, остатокъ накопляется и образуетъ капиталъ, который состоитъ изъ всѣхъ произведеній, имѣющихъ цѣнность и составляющихъ накопленный результатъ производства прошедшаго времени. Не приступая къ анализу доходовъ, получаемыхъ изъ одного и того же источника, — изъ труда или непосредственнаго, или накопленнаго, Кэри старается прежде всего установить болѣе вѣрныя понятія о капиталѣ, и отвергаетъ всякое различіе между *землею* (т. е. земельною собственностью, приносящею ренту), *капиталомъ* въ обыкновенномъ смыслѣ слова (т. е. цѣнностями, предназначенными для дальнѣйшаго производства и дающими проценты) и запасами потребленія, предназначенными для удовлетворенія потребностей. Съ замѣчательнымъ искусствомъ пытается онъ обличить всю несостоятельность теоретическихъ тонкостей и доказываетъ, что весь накопленный итогъ имущества образуетъ одно цѣлое—капиталъ.

Синьйоръ, слѣдуя въ настоящемъ случаѣ другимъ экономистамъ, назвалъ капиталомъ *только тѣ результаты промышленности, которые служатъ для дальнѣйшаго производства или для обращенія богатствъ.* Поэтому земли, въ которыхъ дѣйствуютъ естественныя силы, не составляютъ капитала; онѣ даютъ не прибыль, а ренту. Кэри оспариваетъ это, говоря, что земли получаютъ цѣнность и входятъ въ составъ собственности только тогда, когда въ нихъ будетъ затраченъ трудъ, когда онѣ составятъ капиталъ. То же самое замѣчаетъ онъ о предметахъ потреб-

ленія, не предназначенныхъ для образованія новыхъ богатствъ. По мнѣнію многихъ писателей, хижина, необходимая для существованія работника, слѣдовательно для его производительной дѣятельности—капиталъ, дворецъ маркиза Уэстминстерскаго не составляетъ капитала. Алмазъ для владѣльца копей или купца—капиталъ; для человѣка, который пользуется имъ—предметъ потребленія. Мало того, телескопъ Гершеля или приборъ Берцеліуса, какъ предметы, недоставляющіе прибыли, по Синьйору, не принадлежатъ къ капиталамъ!

Но, замѣчаетъ Кэри, могутъ ли кирпичъ и известка въ одно и то же время быть и не быть капиталомъ, смотря по тому, идутъ ли они на постройку хижины, или богатаго дома? Это привело бы насъ къ проведенію границы между предметами необходимости и роскоши, и мы увидѣли бы, что книжныя лавки и школы для однихъ классовъ народа, или даже для жителей цѣлыхъ странъ, будутъ предметомъ роскоши; для другихъ—средствомъ къ удовлетворенію насущныхъ потребностей и условіемъ производства. Конечно, орудія, употребляемыя химикомъ, часто не даютъ ему никакой прибыли, но зато они нерѣдко увеличиваютъ производительность милліоновъ. *Все, что клонится къ улучшенію качества труда, а слѣдовательно и образованіе народа, заслуживаетъ названіе капитала.*

Не входя въ разборъ этого спора и оставивъ въ сторонѣ любопытную полемику Кэри съ Рамсэ и Синьйоромъ, изъ которыхъ первый (Рамсэ) доказывалъ, что предметы земледѣлія дорожаютъ отъ употребленія капитала (!), а второй утверждалъ, что домъ, кѣмъ-либо построенный, приноситъ первому владѣльцу прибыль съ *капитала* затраченнаго, а наслѣднику даетъ *ренту*, потому что доходъ послѣдняго есть даръ счастія и не составляетъ результата сдѣланнаго имъ пожертвованія,

нельзя не остановиться на доктринѣ о капиталѣ постоянномъ и оборотномъ, изложенной у Смита, и на высказанной Сэ мысли о капиталахъ *свободныхъ* и *затраченныхъ*. Ни то, ни другое подраздѣленіе не находятъ пощады у Кэри. Первое, по его мнѣнію, не допускаетъ точнаго разграниченія: одинъ и тотъ же предметъ бываетъ капиталомъ и постояннымъ, и оборотнымъ. Второе не имѣетъ достаточнаго основанія. Всякій капиталъ — капиталъ свободный. Человѣкъ, который желаетъ обратиться къ какому-нибудь промыслу, старается занять капиталъ свободный. Процентъ будетъ высокъ или низокъ для каждаго спеціальнаго вида капитала, смотря по тому, въ какомъ отношеніи находится существующее на него требованіе къ предложенію. Если дома даютъ 12 проц., тогда какъ золото приноситъ 6 проц., то владѣльцы золота дадутъ относительно большее количество послѣдняго за дома, для того, чтобъ имѣть бо́льшій процентъ, и наоборотъ.

Если мысль о тождествѣ земельной собственности, капитала и запасовъ потребленія въ смыслѣ накопленной цѣнности была высказана прежде, то всетаки Кэри едва ли не первый изъ современныхъ экономистовъ (послѣ физіократовъ) доказывалъ, что цѣнность земли не имѣетъ монопольнаго характера. Но отрицаніе различій между капиталомъ постояннымъ и оборотнымъ, затраченнымъ и свободнымъ представляетъ обобщеніе, которое ни мало не исключаетъ дѣленія, принятаго въ практикѣ. Нельзя сказать, чтобъ одинъ и тотъ же предметъ сохранялъ постоянно одно и то же значеніе для человѣка, и чтобы паровая машина въ лавкѣ купца и въ мастерской фабриканта имѣла одинаковое отношеніе къ производительной дѣятельности; точно такъ же, какъ и кусокъ льда въ странахъ полярныхъ и тропическихъ имѣетъ различную годность. Самъ Смитъ очень хорошо понималъ, что одинъ и тотъ же капиталъ

можетъ быть и постояннымъ и оборотнымъ, и замѣтилъ даже, что монета совмѣщаетъ въ себѣ оба свойства въ одно и то же время, будучи капиталомъ постояннымъ въ народномъ хозяйствѣ и оборотнымъ въ хозяйствѣ отдѣльныхъ лицъ.

Равнымъ образомъ обращаясь къ ученію Кэри о капиталѣ *свободномъ* и соглашаясь съ тѣмъ, что часть непотребленнаго дохода составляетъ капиталъ, нельзя не признать, что эта часть можетъ или получить производительное назначеніе, или же оставаться нѣкоторое время свободной, ищущей затраты. Въ послѣднемъ случаѣ накопленіе обращается по преимуществу въ деньги, какъ въ такую форму капитала, которая легче всего можетъ быть употреблена въ дѣло. Очевидно, что при этомъ процентъ денежный долженъ быть ниже не вслѣдствіе изобилія денегъ, а прилива капиталовъ, представляемыхъ деньгами.

Дѣленіе доходовъ на двѣ отрасли составляетъ у Кэри простой и естественный выводъ изъ его теоріи производства и изъ понятій о тождествѣ капитала и земельной собственности. Итогъ народнаго дохода, или сумма произведенныхъ цѣнностей составляетъ, по замѣчанію автора, слѣдствіе дѣятельности настоящаго труда, вспомоществуемаго капиталомъ — трудомъ прошедшихъ временъ, и дѣлится между ними. Вознагражденіе перваго называется *заработною платою*, вознагражденіе второго —*прибылью*; то и другое сливается въ *торговомъ барышѣ*, который обыкновенно смѣшивается съ прибылью отъ капитала. Различіе между ними состоитъ въ слѣдующемъ.

Человѣкъ, который имѣетъ 100,000 долларовъ въ государственныхъ облигаціяхъ, получаетъ на нихъ 5 проц.; банковыя акціи могли бы дать ему 6 проц., корабли — 9 или 10 проц., торговля — 12 проц. Отчего же онъ оставляетъ свой капиталъ въ облигаціяхъ и довольствуется

5,000, тогда какъ онъ могъ бы имѣть 12,000? Оттого, что онъ хочетъ избѣжать труда, опасеній или риска, неизбѣжныхъ при другихъ затратахъ. Дѣйствительная прибыль, приносимая капиталомъ, составляетъ 5 на сто, остальное идетъ на вознагражденіе труда, или на составленіе страхового фонда. Обѣ части въ совокупности образуютъ торговый барышъ. Кэри настаиваетъ на необходимости отличать заработокъ отъ прибыли. По принятому словоупотребленію, торговецъ, получающій доходъ отъ употребленія въ дѣло своего, или чужого капитала, пользуется не заработною платою, а прибылью, между тѣмъ, какъ въ первомъ случаѣ онъ получаетъ и плату за свой трудъ, и проценты съ капитала, а во второмъ—одну заработную плату. *Прибыль платится за пользованіе капиталомъ, за услуги вещей, заработная плата — за услуги людей.*

Такова у Кэри характеристика производства, капитала и доходовъ. Основныя понятія объ этихъ предметахъ, за исключеніемъ перваго, изложены въ концѣ 1-го тома, частью какъ поясненіе терминологіи, частью же какъ собраніе критическихъ замѣтокъ объ ученіяхъ прежнихъ экономистовъ. Такимъ образомъ изслѣдованія о природѣ капитала и доходовъ составляютъ у Кэри что-то придаточное; все ученіе его заключается въ теоріи цѣнности и въ сдѣланныхъ изъ нея выводахъ.

Глава IV.

О цѣнности.

Большая часть политико-экономистовъ съ теоріею цѣнности связываютъ *рядъ опредѣленій* съ болѣе или менѣе произвольнымъ характеромъ, причемъ цѣль писателя ограничивается по преимуществу установленіемъ терминологіи, объясненіемъ того, что въ учебникахъ называется сущ-

ностью или природою предмета. Напротивъ, Кэри въ отдѣлѣ, названномъ имъ «*On value*» (слѣдовало бы перевести «по поводу цѣнности»), пытается объяснить *образованіе* цѣнности и перемѣны, въ ней происходящія, въ связи съ развитіемъ экономическихъ отношеній; на нѣсколькихъ страницахъ рукою мастера онъ начертываетъ нѣсколько фантастическій очеркъ исторіи хозяйственнаго прогресса и цѣлой науки.

Изложеніе это состоитъ изъ ряда гипотезъ, связанныхъ съ фактами и получающихъ особое значеніе въ статьяхъ о рентѣ. Затѣмъ, установивъ основныя положенія, Кэри пытается сообщить имъ очевидность длиннымъ рядомъ историческихъ и статистическихъ изслѣдованій. Форма, въ которую авторъ облекаетъ вначалѣ свою мысль, можетъ показаться сказкою, не имѣющею прямого отношенія къ жизни. Въ сущности это гипотеза, безъ которой многіе ученые не умѣли обойтись; къ сожалѣнію, гипотезѣ въ настоящемъ случаѣ придана форма наблюденія.

Теорію цѣнности Кэри начинаетъ слѣдующимъ образомъ: человѣкъ взрослый, брошенный на пустынный островъ или въ обширную страну средняго плодородія, видитъ себя надѣленнымъ землею и плодами въ неограниченномъ количествѣ; ихъ болѣе, чѣмъ онъ въ состояніи занять или потребить: ихъ столько же, сколько свѣта, воздуха и воды. Первая забота поселенца будетъ о пищѣ. Сначала онъ утолитъ свой голодъ плодами, собранными съ деревьевъ; но вскорѣ онъ замѣтитъ, что ему необходимо нѣчто болѣе существенное, и если вблизи водится дичь, то онъ постарается завладѣть тѣмъ, что требуетъ меньшаго труда. Если зайца можно поймать въ одинъ день, серну въ недѣлю, то онъ тогда только рѣшится употребить болѣе труда, когда сильное желаніе заставитъ его принести эту жертву. Ему предстоитъ выборъ между собираніемъ плодовъ, почти не стоющимъ труда, между ловлей зайца или серны, требующей дневного или недѣльнаго труда.

Второю ближайшею заботою его будетъ устройство жилища, въ которомъ онъ могъ бы укрыться отъ лѣтняго зноя и зимняго холода. Не имѣя орудій для постройки, онъ долженъ преодолѣть серьозныя препятствія. Наконецъ, замѣчая какъ трудно добывать пищу зимою, онъ позаботится о составленіи запаса на то время, когда ему нельзя продолжать своихъ занятій внѣ дома.

Такимъ образомъ поселенецъ пріобрѣтетъ собственность разныхъ видовъ и свяжетъ съ ней понятіе о *цѣнности*, опредѣляя послѣднюю издержками производства, количествомъ труда, которое приходится ему отдать за эти произведенія. Земля находится у него въ неограниченномъ количествѣ и не можетъ имѣть цѣнности.

«Положимъ», говоритъ Кэри, «что поселенецъ нашъ, подвигаясь впередъ, встрѣтится въ разстояніи нѣсколькихъ миль съ другимъ человѣкомъ, находящимся въ такомъ же положеніи, но съ тѣмъ различіемъ, что участокъ послѣдняго изобилуетъ не яблоками и зайцами, а картофелемъ и дикими индѣйками. Между поселенцами установится *мѣна*; оцѣнка промѣниваемаго будетъ соразмѣряться съ трудомъ, употребленнымъ на производство или присвоеніе каждаго предмета; потому что еслибъ одна изъ сторонъ требовала за свое произведеніе болѣе труда, чѣмъ оно стоитъ, то другая могла бы сама добыть желаемый продуктъ. Такъ мы найдемъ и *природу* и *мѣрило* цѣнности. Представимъ себѣ, что вмѣсто сосѣда, поселенецъ нашъ имѣетъ семейство. Здѣсь установится система мѣны столь же полная, какъ въ Корнгиллѣ или Бродвэ, съ тѣмъ только различіемъ, что цѣнность не будетъ выражаться цѣною. Мужъ займется ловлею сернъ, воздѣлываніемъ льна, жена — приготовленіемъ одежды, пищи и пр. Въ болѣе обширныхъ обществахъ, въ которыхъ нѣтъ отдѣльной собственности, цѣнность произведеній труда опредѣляется такъ же хорошо, какъ въ Парижѣ или Лондонѣ.

Пчела не станетъ трудиться для шершней, если послѣдніе не довольно сильны для того, чтобъ заставить ее работать для нихъ. Такимъ образомъ понятіе о мѣнѣ неразрывно связано съ понятіемъ о цѣнности, и въ мѣнѣ дается трудъ за трудъ. Поселенцы, вступивъ въ мѣновыя сдѣлки, замѣтятъ вскорѣ, что большая часть работъ значительно облегчается обладаніемъ топора, или другого какого-нибудь рѣжущаго орудія. Не имѣя желѣза, они, быть можетъ, отыщутъ кремень или другой твердый камень, который, будучи грубымъ орудіемъ, всетаки облегчитъ трудъ на столько, что постройка дома потребуетъ половину времени противъ прежняго.

Такимъ образомъ они получатъ содѣйствіе *капитала* — произведенія предшествующаго труда. Вслѣдствіе появленія топора, цѣнность всѣхъ предметовъ, въ производствѣ которыхъ онъ могъ быть полезенъ, измѣнится. Если домъ, требовавшій прежде годичнаго труда, можетъ быть построенъ теперь въ шесть мѣсяцевъ; если рубка дровъ, стоившая прежде двухнедѣльной работы, оканчивается въ недѣлю, то цѣнность этихъ произведеній упадетъ на половину, между тѣмъ, какъ всѣ остальные предметы, на производство которыхъ капиталъ не имѣлъ вліянія, удержатъ прежнюю цѣнность относительно труда. Такъ, со времени появленія капитала, цѣнность будетъ опредѣляться издержками, необходимыми не для производства, а для *воспроизведенія* предметовъ потребленія въ данный моментъ времени. Предположимъ, что къ острову пристанетъ корабль, который доставитъ поселенцамъ ружья, топоры и другія орудія: въ такомъ случаѣ цѣнность всѣхъ произведеній, накопленныхъ предъ прибытіемъ корабля, упадетъ. Трудъ, при помощи капитала, *улучшится въ качествѣ, и меньшее количество* его будетъ необходимо для производства. Отъ этого происходитъ то, что народы, отставшіе въ цивилизаціи, отдаютъ обладающимъ большими капиталами бо́ль-

шее количество труда за меньшее. Индіецъ обмѣниваетъ годъ труда за одежду и припасы, которые производятся жителями Соединенныхъ Штатовъ въ одинъ мѣсяцъ; французъ отдаетъ годъ труда за произведенія, которыя могутъ быть пріобрѣтены англичаниномъ въ полгода. Съ возрастаніемъ легкости производства вознагражденіе *труда*, вспомоществуемаго капиталомъ, выраженное произведеніями, увеличивается. Теперь земледѣлецъ зарабатываетъ въ одинъ день гораздо болѣе хлѣба, чѣмъ прежде, а одежды столько, сколько онъ могъ пріобрѣсть, трудясь цѣлую недѣлю. Пятьдесятъ лѣтъ назадъ, простой работникъ въ Соединенныхъ Штатахъ могъ пріобрѣсть паровую машину трудомъ цѣлой жизни, теперь работою нѣсколькихъ лѣтъ.

Итакъ улучшеніе въ качествѣ и уменьшеніе количества труда, потребнаго для производства какого бы то ни было произведенія, *уменьшаетъ* цѣнность послѣдняго, выраженную трудомъ, и *увеличиваетъ* цѣнность труда, выраженную произведеніями.

Пониженіе цѣнности капиталовъ сопровождается также уменьшеніемъ платы за пользованіе ими. Когда первый единственный топоръ былъ исключительною собственностью одного изъ поселенцевъ, тогда владѣлецъ могъ требовать за пользованіе орудіемъ половину срубленнаго имъ лѣса. Топоръ стоилъ полугодового труда и не могъ быть произведенъ въ мéньшее время; но когда корабль привезъ новыя, лучшія орудія, тогда цѣнность ихъ понизилась отъ шести мѣсяцевъ до одного, двухъ или трехъ дней труда. Человѣкъ, который готовъ былъ, 50 лѣтъ назадъ, отдать за годовое пользованіе топоромъ свой шестимѣсячный трудъ, не согласится теперь на эту сдѣлку, если трудъ одного дня можетъ сдѣлать его собственникомъ. Равнымъ образомъ первый изъ поселенцевъ, выстроившій домъ, можетъ требовать мéньшее вознагражде-

ніе за пользованіе помѣщеніемъ, съ тѣхъ поръ, какъ домъ, при помощи топора, отстраивается меньшимъ количествомъ труда; и наоборотъ, въ то время, какъ недѣльный трудъ повелѣвалъ (то-есть зарабатывалъ) $7^1/_2$ пенсовъ серебра, владѣлецъ фунта этого металла могъ требовать бо́льшее количество въ вознагражденіе за пользованіе имъ, чѣмъ теперь, когда работникъ пріобрѣтаетъ фунтъ серебра двухнедѣльнымъ трудомъ. Отсюда слѣдуетъ, что улучшеніе орудій, споспѣшествующихъ производству, сопровождается не только уменьшеніемъ цѣнности прежде существовавшаго капитала, выраженнаго трудомъ, но и уменьшеніемъ той доли произведеній (труда), которую можно требовать въ вознагражденіе за право пользованія капиталомъ.

По мѣрѣ размноженія семействъ нашихъ поселенцевъ и разселенія жителей, число мѣновыхъ сдѣлокъ увеличится и трудно будетъ совершать ихъ безъ помощи какого-нибудь общаго *мѣрила*, служащаго для сравненія и посредничества въ мѣнѣ. Цѣнность произведеній, выраженная такимъ предметомъ, называется *цѣною*. Такимъ мѣриломъ могутъ служить: пшеница, табакъ (какъ это было нѣкогда въ Виргиніи), раковины (на Малдивскихъ Островахъ), золото и серебро. Товары эти, какъ и всякіе другіе, подлежатъ измѣненіямъ въ цѣнности, смотря по бо́льшему или ме́ньшему труду, необходимому для ихъ пріобрѣтенія. При обильной жатвѣ тотъ же трудъ повелѣваетъ бо́льшимъ количествомъ пшеницы, и цѣны, выраженныя послѣднею, возрастаютъ. Наоборотъ, при скудной жатвѣ, цѣны произведеній, означенныя пшеницею, падаютъ. Тоже самое должно сказать о золотѣ и серебрѣ; если издержки на добываніе ихъ уменьшаются, цѣны на монету падаютъ.

Кромѣ того, на возвышеніе или пониженіе цѣнъ дѣйствуютъ и другія причины. Уменьшеніе требованія на извѣстный товаръ уменьшаетъ его цѣнность, а слѣдова-

тельно возвышаетъ цѣны произведеній, выраженныя этимъ товаромъ. Это могло случиться при употребленіи въ качествѣ орудій мѣны табака или раковинъ, еслибъ спросъ на нихъ уменьшился. Размноженіе бумажныхъ денегъ (paper money), замѣняющихъ монету, сопровождается такимъ же возвышеніемъ цѣнъ произведеній труда. За этимъ обыкновенно слѣдуетъ ограниченіе выпуска банковыхъ билетовъ, векселей и пр., слѣдовательно, и пониженіе цѣнъ. Подобное явленіе имѣло бы мѣсто въ томъ случаѣ, еслибъ хлопчатая бумага замѣнила въ значительной степени шерсть: цѣнность послѣдней упала бы и стояла низко до тѣхъ поръ, пока новый способъ употребленія не создалъ бы новаго спроса, равнаго прежде существовавшему — словомъ, нѣтъ произведенія, которое стоило бы одинаковыхъ издержекъ, а потому могло бы быть принято за неизмѣнное мѣрило цѣнности въ мѣнѣ.

Изслѣдованія свои о цѣнности Кэри заключаетъ рѣшеніемъ слѣдующаго вопроса: что составляетъ причину цѣнности? Домъ, серна, плоды доставляютъ намъ выгоды и удобства, подобно воздуху и свѣту, которые не имѣютъ цѣнности. Послѣдніе для насъ необходимы; но такъ какъ они находятся въ неограниченномъ количествѣ, то мы связываемъ понятіе о цѣнности съ ихъ обладаніемъ только тогда, когда былъ необходимъ трудъ для того, чтобы пользоваться ими въ данномъ мѣстѣ и въ наиболѣе удобномъ видѣ. Если мы имѣемъ комнату, не довольно освѣщенную, то мы прорубаемъ окно для того, чтобы получить болѣе свѣта. Когда солнце заходитъ, то мы зажигаемъ свѣчи, лампы, газовые рожки. Если мы желаемъ имѣть болѣе тепла, то строимъ дома съ печами и пр. Пріобрѣтенные такимъ образомъ свѣтъ и теплота получаютъ цѣнность отъ труда, употребленнаго на присвоеніе или на производство ихъ, точно такъ же, какъ и рыбы, пойманныя рыболовами, или птицы, застрѣленныя охотниками. Итакъ, чтобы предметъ имѣлъ

цѣнность, онъ долженъ быть полезенъ; но свойство это, хотя и составляетъ необходимую принадлежность цѣнности, однако не можетъ быть названо причиною ея, потому что нѣтъ ничего полезнѣе воздуха, а цѣнность свою онъ получаетъ только тогда, когда нужно употреблять трудъ для пользованія имъ. Отсюда слѣдуетъ, что *трудъ составляетъ единственную причину цѣнности.*

Въ заключеніе этой главы Кэри дѣлаетъ XII выводовъ. которые могутъ быть переданы вкратцѣ слѣдующими словами:

I. Причина цѣнности, приписываемой произведеніямъ, заключается въ необходимости обмѣнивать ихъ на трудъ.

II. Цѣнность одного произведенія опредѣляется цѣнностью другого, слѣдовательно, цѣнность по природѣ своей есть мѣновая.

III—VI. Производитель, желая уменьшить количество труда, необходимаго для производства, употребляетъ часть своего труда на приготовленіе орудій, которыя образуютъ капиталъ, улучшающій качество и уменьшающій количество труда, потребнаго для производства какой бы то ни было годности (value of use).

VII—VIII. Цѣнность произведеній измѣряется качествомъ и количествомъ труда, необходимаго для ихъ производства, и не можетъ превышать труда, необходимаго для ихъ воспроизведенія.

IX—X. Каждое улучшеніе въ способѣ производства какой бы то ни было годности клонится къ уменьшенію цѣнности уже существующихъ произведеній, выраженной трудомъ, слѣдовательно и къ пониженію цѣнности капитала.

XI. При пониженіи цѣнности капитала, выраженной трудомъ, уменьшается и доля произведеній труда, платимая за пользованіе капиталомъ.

XII. Цѣнность труда постоянно стремится къ возраста-

нію, сравнительно съ капиталомъ, и доля работника въ итогѣ производства постепенно увеличивается.

Очевидно, что здѣсь не мѣсто для изложенія теоріи цѣнности во всемъ ея объемѣ; а предстоитъ лишь выяснить слабыя стороны въ ученіи Кэри.

Признавая *трудъ* единственною причиною цѣнности и нормою для опредѣленія вознагражденія работнику, во всѣ эпохи экономическаго развитія общества, Кэри выходитъ на новый путь. То же начало было принято Смитомъ, но съ ограниченіями, которыя упразднили значеніе общаго правила. Трудъ разсматривался Смитомъ, какъ причина и мѣрило цѣнности, а произведенное трудомъ—какъ вознагражденіе трудящагося; но только до тѣхъ поръ, пока не образуется поземельная собственность и не накопятся капиталы. Когда наступитъ эта пора, тогда трудъ остается только причиною цѣнности, ея отвлеченнымъ представителемъ; вознагражденіе же труда терпитъ вычетъ въ пользу земельнаго владѣльца и капиталиста, что представляется естественною необходимостью. Не смотря на строгую, логическую послѣдовательность, Рикардо приходитъ также къ подобнымъ заключеніямъ. По его мнѣнію, цѣнность образуется трудомъ, какъ непосредственнымъ, такъ и накопленнымъ въ видѣ капитала; но вмѣстѣ съ этимъ онъ признаетъ ея зависимость отъ *рѣдкости* матеріаловъ и силъ природы, неизбѣжно создающей монополію. У Сэ, среди противорѣчащихъ объясненій, встрѣчается мысль, что трудъ придаетъ произведенію природы на столько цѣнности, на сколько имъ же, то есть трудомъ, придается веществу полезности—мысль неясная и вовсе не имѣющая связи съ общимъ содержаніемъ его сочиненій. Словомъ, всѣ представители смитовой школы въ Англіи, Франціи и Германіи полагаютъ, что цѣнность совмѣщаетъ въ себѣ два элемента: во-первыхъ, созданный трудомъ, во-вторыхъ, составляющій результатъ монополіи,

(разумѣя это слово въ переносномъ смыслѣ—исключительнаго обладанія), установленной не закономъ юридическимъ, но природою вещей. Кэри отвергаетъ монополію не только какъ принципъ цѣнности, но и какъ стихію, относя ее къ пертурбаціямъ гармоническаго порядка.

Принципъ цѣнности дѣйствительно заключается главнымъ образомъ въ работѣ, но слѣдовало бы показать, при какихъ условіяхъ произведенія и услуги равноцѣнны (эквивалентны), или правильнѣе соразмѣрны съ работою. Такъ, при извѣстныхъ формахъ гражданственности, юридическія отношенія установляютъ систему привилегій, придающихъ произведеніямъ и услугамъ цѣнность, не соразмѣрную съ потраченною на нихъ работою. Далѣе, на низшихъ ступеняхъ научнаго образованія и распространенія техническихъ знаній, нѣкоторые разряды произведеній и работъ, благодаря запретительному таможенному тарифу, имѣютъ несоразмѣрно высокую, а другіе крайне низкую цѣнность (произведенія простого физическаго труда и работа, выполненная этимъ трудомъ). Кромѣ того при отсталости науки и техники приходится часто имѣть дѣло съ рѣдкостію матеріаловъ и силъ природы, съ рѣдкостію, которая исчезаетъ тогда, когда люди научаются замѣнять одни матеріалы другими, когда для топлива начинаютъ служить кромѣ дровъ каменный уголь, нефть, газъ и т. д., или когда входятъ въ употребленіе въ качествѣ двигателей, сверхъ вѣтра и паденія воды, паръ и электричество.

Поэтому, при однихъ условіяхъ, рѣдкость имѣетъ большое вліяніе на высокую цѣнность, а при другихъ это вліяніе вмѣстѣ съ рѣдкостію исчезаетъ. Наконецъ весь строй экономической жизни, основанный главнымъ образомъ или на индивидуалистическомъ, или на общественномъ началѣ (товариществъ, ассоціацій, общиннаго, областного и государственнаго хозяйства), или на комбинаціи

того и другого, имѣетъ огромное вліяніе и на производство, и на цѣнность тѣхъ или другихъ предметовъ, служащихъ къ удовлетворенію нашихъ потребностей, создавая особыя условія для спроса и предложенія, а равно для соперничества въ томъ и другомъ.

Такимъ образомъ на цѣнность произведеній и труда имѣютъ сильное вліяніе: во 1-хъ) рабство, крѣпостное состояніе, исключительныя права на обладаніе землею, на занятіе ремеслами, промыслами, на нѣкоторые роды службы, на даровое воспитаніе, на льготы отъ податей и повинностей, и пр.; во 2-хъ) успѣхи народнаго образованія и техники, дѣлающіе для каждаго производителя матеріалы и силы природы болѣе обильными и доступными, и въ 3-хъ) широкій просторъ, предоставленный частной дѣятельности, опирающейся на хозяйство союзовъ, образующихся между людьми—союзовъ личныхъ и территоріальныхъ, какъ мѣстныхъ, такъ и политическихъ. Все это могущественнымъ образомъ дѣйствуетъ на расширеніе спроса и предложенія, на соперничество въ томъ и другомъ, на уравновѣшеніе борящихся силъ, на большее или меньшее соотвѣтствіе между выполненною работою и ея цѣнностію, выраженною въ произведеніяхъ. Изученіе этихъ условій еще недостаточно подвинулось впередъ, потому что до настоящей поры сдѣлано слишкомъ мало наблюденій, и историко-статистическія изслѣдованія слишкомъ не полны для того, чтобы можно было получить вполнѣ достовѣрные выводы.

У Кэри многія изъ приведенныхъ условій разсматриваются, какъ причины пертурбаціонныя; ихъ вліяніе, какъ причинъ, дѣйствующихъ на образованіе и установленіе цѣнности, иногда вовсе не принимается въ разсчетъ. Только въ первомъ томѣ «Началъ политической экономіи» есть намекъ, что цѣнность не всегда равняется количеству работы, употребленной на воспроизведеніе даннаго предмета,

именно въ главѣ «О вліяніи распространенія обработки на прибыль капиталиста», гдѣ Кэри очень вѣрно замѣчаетъ, что механическія усовершенствованія увеличиваютъ доходы капиталиста (но не получаемые имъ проценты), и въ особенности работника, только тогда, когда *улучшенія составляютъ общее достояніе, и когда изобрѣтатель не пользуется своимъ открытіемъ исключительно*, какъ правомъ, гарантированнымъ ему закономъ».

Свою теорію цѣнности авторъ основываетъ на предположеніи о возникновеніи человѣческихъ обществъ, имѣющемъ мало общаго съ указаніями исторіи. Робинзоніада Кэри, какъ иронически именовали его гипотезу, напоминаетъ въ нѣсколько искаженномъ видѣ нѣкоторыя черты первоначальнаго заселенія Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, ту пору, когда начало индивидуализма и частнаго интереса мало нарушало гармонію въ общественныхъ отношеніяхъ, когда еще не успѣло возникнуть преобладаніе однихъ личныхъ стремленій надъ другими, когда было очень много простора для всякаго рода дѣятельности, и сравнительно высокая культура переселенцевъ обезпечивала частнымъ интересамъ достиженіе ими высокой степени довольства и благосостоянія. Во второй половинѣ XIX вѣка эта картина быстро измѣнилась, и позднѣйшее произведеніе Кэри, его «Начала соціальной (общественной) науки», служитъ яснымъ тому доказательствомъ, хотя повидимому нѣкоторыя основныя черты прежняго его ученія (именно исканіе согласія интересовъ) сохранились и въ позднѣйшемъ.

Глава V.

Теорія ренты, или чистаго земельнаго дохода.

Вопросы, относящіеся къ рентѣ, или чистому земельному доходу, выдвинуты впередъ во второй половинѣ XIX вѣка, на Западѣ—соціализмомъ, въ Россіи—осво-

божденіемъ крестьянъ. Теорія ренты даетъ ключъ къ объясненію происхожденія и сущности земельной собственности, къ уразумѣнію свойства доставляемыхъ ею доходовъ, слѣдовательно къ правильному пониманію юридическихъ отношеній. Она обличаетъ несостоятельность соціализма, осмысляетъ великое преобразованіе, совершившееся въ нашемъ отечествѣ, и, наконецъ, указываетъ на ходъ естественнаго экономическаго развитія. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ теорія ренты, изложенная Кэри, даетъ ему право на имя представителя доктрины совершенствованія и развитія, столь противоположной ученію англійской экономической школы. Кэри доказываетъ, что съ накопленіемъ капитала, возрастаніемъ населенія и распространеніемъ обработки земель увеличивается производительность труда, слѣдовательно, и вознагражденіе работника. Смитъ, Рикардо, Шторхъ, Джонъ Стюартъ Милль и многіе другіе находили напротивъ, что, при тѣхъ же условіяхъ, заработная плата неизбѣжно приближается къ границѣ, опредѣляемой итогомъ крайне необходимаго для существованія человѣка. Ихъ ученіе представляется доктриною прогрессивнаго увеличенія народной нищеты и поражаетъ своимъ безотраднымъ взглядомъ на будущее.

Для того, чтобы уяснить себѣ мысли Кэри и различіе между его теоріею ренты и теоріею англійскихъ экономистовъ, необходимо хотя вкратцѣ изложить знаменитое ученіе Рикардо о доходахъ. Главныя основанія это ученіе заключаются въ слѣдующемъ.

Когда люди населяютъ страну, обилующую плодородною почвою, и когда, для удовлетворенія потребностямъ населенія, достаточно обработать небольшое пространство одинаковаго плодородія земли, тогда земля не будетъ давать ренты, т. е. за пользованіе ею не будутъ платить, точно такъ же, какъ не платятъ за воздухъ, за воду и пр. Еслибы владѣлецъ потребовалъ ренту, то каждый могъ бы самъ за-

нять новый участокъ и пользоваться имъ безвозмездно. Но когда вся плодородная земля войдетъ въ составъ частной собственности и народонаселеніе увеличится, такъ что нельзя будетъ удовлетворить спросу на хлѣбъ, воздѣлывая земли лучшаго качества, тогда прійдется обрабатывать почву худшую, которая будетъ требовать болѣе труда для пріобрѣтенія извѣстнаго количества хлѣба. Цѣны на хлѣбъ возрастутъ, а при этомъ владѣльцы лучшихъ земель, № 1-го, производя съ издержками меньшими и продавая хлѣбъ по высокой цѣнѣ, получатъ чистый земельный доходъ (ренту). Собственники участковъ № 2-го, т. е. худшаго качества, не будутъ имѣть ренты до тѣхъ поръ, пока всѣ земли этого разряда не войдутъ въ составъ частной собственности и пока не наступитъ необходимость обратиться къ воздѣлыванію земель еще худшихъ, № 3-го и т. д. Вмѣсто того, чтобъ обращаться къ воздѣлыванію почвы, менѣе плодородной, можно употреблять двойной или тройной капиталъ на обработку земли № 1-го. Каждая послѣдующая порція капитала будетъ давать меньшее количество произведеній, такъ что предыдущія доставятъ чистый доходъ, или ренту.

Эта особенность земли, говоритъ Рикардо (т. е. способность давать ренту), особенность, которою не обладаютъ другіе дѣятели природы, не подлежащіе присвоенію, по какому-то странному противорѣчію разсматривалась какъ ея преимущество; но еслибы то же самое было съ другими силами природы, то человѣку въ теченіе времени пришлось бы работать болѣе, а природѣ менѣе. Еслибы эта особенность земли признавалась выгодною, то надобно было бы желать уменьшенія дохода отъ новопостроенныхъ машинъ для того, чтобъ старыя приносили ренту.

Возвышеніе ренты — результатъ возрастанія народнаго богатства и трудности пріобрѣсть средства существованія для увеличивающагося населенія. Это признакъ, а не причина богатства.

Изъ этой теоріи земельнаго дохода Рикардо выводитъ законъ для измѣненій капитальной прибыли и заработной платы.

Весь итогъ производства, по его мнѣнію, дѣлится между земельнымъ владѣльцемъ, капиталистомъ и работникомъ. Если доля земельнаго владѣльца будетъ непрерывно возрастать, то очевидно, что доходы капиталиста и работника, взятые въ совокупности, должны уменьшаться, а между этими доходами должно установиться обратное отношеніе, т. е. все, что подѣйствуетъ на увеличеніе заработной платы, уменьшитъ капитальную прибыль, и наоборотъ.

Когда настанетъ необходимость употреблять большее количество труда для обработки худшихъ земель, то очевидно, что спросъ на трудъ усилится и заработная плата возвысится; но это возвышеніе будетъ только нарицательнымъ, потому что трудъ сдѣлается менѣе производительнымъ; другими словами, средства существованія возрастутъ въ цѣнѣ. Такимъ образомъ заработная плата увеличится, потому что потребуется болѣе рукъ и труда, но положеніе рабочаго класса не сдѣлается лучшимъ; зато капитальная прибыль понизится, потому что изъ общей массы произведеній придется отдѣлять постепенно большую часть на долю труда. Отсюда слѣдуетъ, что въ обществахъ, представляющихся намъ непрерывно развивающимися (если только это можно назвать развитіемъ), рента становится значительнѣе и значительнѣе, издержки на заработную плату возрастаютъ, проценты съ капиталовъ понижаются. Впрочемъ, Рикардо допускаетъ исключеніе, которое измѣнило бы изображенный порядокъ вещей, еслибъ авторъ далъ ему большее значеніе. Рикардо говоритъ, что богатство возрастаетъ иногда очень быстро въ то время, какъ рента не только не возвышается, но даже падаетъ. Подобнымъ явленіемъ сопровождаются значительныя улучшенія въ земледѣліи, которыя позволяютъ съ меньшаго пространства земли и меньшимъ трудомъ добы-

вать большее количество произведеній, а слѣдовательно, избавляютъ населеніе отъ необходимости обращаться къ воздѣлыванію худшей почвы.

Теорія ренты Кэри составляетъ противоположность ученію Рикардо.

Для объясненія перемѣнъ, происходящихъ въ доходахъ и въ цѣнности земель, Кэри разсматриваетъ три гипотезы:

во 1) обработку земель равнаго плодородія, при отсутствіи сбыта; послѣднимъ условіемъ онъ устраняетъ вліяніе разстояній отъ рынка на доходы и на цѣнность земель;

во 2) обработку земель равнаго плодородія, находящихся на разномъ разстояніи;

въ 3) обработку земель разнаго плодородія на разныхъ разстояніяхъ.

Во всѣхъ трехъ случаяхъ Кэри старается доказать, что въ каждую позднѣйшую эпоху, по мѣрѣ накопленія капитала и употребленія въ дѣло лучшихъ орудій и лучшихъ методовъ обработки, во 1) величина всѣхъ доходовъ возрастаетъ, въ особенности же заработной платы; во 2) цѣнность воздѣланныхъ участковъ земли, выраженная произведеніями, увеличивается, выраженная трудомъ, уменьшается, или, говоря точнѣе, старые участки земли, прежде воздѣланной, не стоютъ того труда, который на нихъ истраченъ.

По поводу первой гипотезы Кэри говоритъ:

Предположимъ, что небольшое число семействъ поселилось среди обширнаго пространства земли, равнаго плодородія, и что каждое производитъ все необходимое для своего потребленія, не вступая въ мѣновыя сдѣлки съ сосѣдями. Не имѣя земледѣльческихъ орудій, семейства эти едва воздѣлаютъ столько земли, сколько нужно для полученія необходимой пищи. Предположимъ, однако, что по истеченіи трехъ лѣтъ, каждое изъ нихъ успѣетъ обработать количество, достаточное для того, чтобъ собрать съ него 200 мѣръ хлѣба.

Въ позднѣйшую эпоху и младшіе изъ членовъ семейства захотятъ основать свои хозяйства. Безъ орудій новыя фермы потребовали бы столько же труда для расчистки и воздѣлыванія; но, при помощи лопатъ, фермеры 2-й эпохи, по всей вѣроятности, сдѣлаютъ въ 27 мѣсяцевъ то, что отцы ихъ выполнили въ три года, или 36 мѣсяцевъ, т. е. подготовятъ къ обработкѣ участокъ земли, дающій 200 мѣръ. Когда наступитъ третья эпоха, когда капиталъ снова возрастетъ и явится плугъ [1]), тогда новые поселенцы, употребляя это орудіе, найдутъ возможнымъ устроить въ 20 мѣсяцевъ ферму, дающую 200 мѣръ хлѣба. Такимъ образомъ, трудъ, вспомоществуемый усовершенствованными орудіями, будетъ постепенно улучшаться въ качествѣ, фермы станутъ возникать съ большею быстротою, чѣмъ прежде, и здѣсь повторится то, что было сказано о введеніи въ употребленіе топоровъ. Трудъ и капиталъ сдѣлаются производительнѣе, общая сумма дохода возрастетъ, труду достанется большая доля произведеній, потому что арендаторъ-работникъ не согласится дать за пользованіе участкомъ земли плату, которую могъ потребовать отъ него владѣлецъ въ прежнее время, когда машина, производящая хлѣбъ (т. е. расчищенный и подготовленный для обработки участокъ земли), требовала, вмѣсто 20-ти мѣсячной, 27 или даже 36-мѣсячную работу. Другими словами: рента, какъ процентъ изъ общаго итога произведеній, понизится, хотя количество хлѣба, получаемаго владѣльцемъ, будетъ болѣе, такъ напр., получая съ 200 мѣръ 1/4 долю, или 25 проц., онъ будетъ имѣть 50 мѣръ, а получая съ 300 мѣръ 1/5 долю, или 20 проц., онъ будетъ имѣть 60 мѣръ.

Цѣнность воздѣланныхъ участковъ въ теченіе времени будетъ подвергаться перемѣнамъ, точно такъ же, какъ и всякая цѣнность вообще. Цѣнность старыхъ фермъ, выра-

[1]) Лопату, плугъ и пр. должно понимать не въ буквальномъ смыслѣ, но какъ переходъ отъ простыхъ къ улучшеннымъ орудіямъ.

женная трудомъ, понизится до предѣла, обозначаемаго количествомъ труда, необходимаго для воспроизведенія *орудія*, дающаго извѣстное количество хлѣба. Цѣнность старыхъ фермъ, выраженная произведеніями, возрастетъ, потому что, при увеличеніи капиталовъ, можно будетъ имѣть съ тѣхъ же участковъ болѣе хлѣба. Наконецъ, цѣнность старыхъ фермъ, выраженная сложностью годового дохода владѣльца за нѣсколько лѣтъ, возвысится, потому что рента, какъ доля изъ общей массы произведеній, сдѣлается менѣе.

Разсматривая вторую гипотезу, т. е. вліяніе разстоянія земельныхъ участковъ отъ мѣстъ сбыта, какъ на доходы, такъ и на стоимость земель одинаковаго плодородія, Кэри полагаетъ, что, по мѣрѣ распространенія обработки на земли, болѣе удаленныя отъ мѣстъ сбыта, накопленіе капиталовъ и совершенствованіе методовъ воздѣлыванія позволятъ получать съ отдаленныхъ фермъ болѣе, вслѣдствіе усиленія производительности труда и капитала. Конечно, участки, лежащіе въ окружности, ближайшей къ мѣстамъ сбыта, потребуютъ на провозъ хлѣба менѣе расходовъ; но прибыль, доставляемая имъ этимъ обстоятельствомъ и зависящая, какъ обыкновенно говорятъ, отъ выгодъ мѣстоположенія, есть ничто иное, какъ слѣдствіе употребленія капиталовъ на устройство складовъ, на проведеніе дорогъ и пр.

Арендаторы обращаютъ на эти обстоятельства такое же вниманіе, какъ и на то: имѣетъ ли ферма хозяйственныя постройки, дома, овины или нѣтъ. Здѣсь то же самое, что при переходѣ къ улучшеннымъ орудіямъ, отъ каменнаго топора къ желѣзному или стальному. Каждый скорѣе согласится платить за послѣдній дорого, чѣмъ имѣть даромъ первый. Улучшеніе труда, при помощи болѣе совершенныхъ орудій, понижаетъ цѣнность накопленнаго капитала, выраженную трудомъ. Такимъ образомъ всѣ вы-

воды, сдѣланные въ первомъ случаѣ, относительно измѣненія доходовъ и цѣнности участковъ, сохраняютъ свою силу и для второго.

Разсматривая, наконецъ, третью гипотезу—обработки земель разнаго качества и на разныхъ разстояніяхъ отъ мѣста сбыта.—Кэри говоритъ: когда обработка распространится на всѣ земли высшаго плодородія, въ ближайшей окружности, тогда на лучшихъ земляхъ окружности, болѣе отдаленной, при помощи лучшихъ орудій, можно будетъ тѣмъ же трудомъ добыть большее количество произведеній; но надо будетъ сдѣлать вычетъ издержекъ на провозъ. Поэтому, быть можетъ, окажется безразличнымъ: обрабатывать ли худшія земли въ окружности ближайшей, или лучшія въ болѣе отдаленной. Если первыя могутъ дать большую выручку на рынкѣ, чѣмъ вторыя, то обработка худшей почвы будетъ выгоднѣе. Вопросъ не въ томъ, сколько можно получить произведеній, но какую цѣнность можно произвести даннымъ количествомъ труда.

Близость рынка замѣняетъ для худшихъ участковъ различіе почвы. По мѣрѣ распространенія обработки на болѣе отдаленныя земли лучшаго качества, будутъ воздѣлываться худшія, ближайшія. То, что сдѣлаютъ улучшенныя дороги и орудія для первыхъ, то сдѣлаютъ лучшія орудія и лучшіе способы обработки для вторыхъ. Владѣлецъ получитъ болѣе произведеній противъ того, что онъ получалъ нѣкогда съ земель перваго качества. Фермы станутъ устраиваться съ меньшимъ трудомъ; цѣнность прежде устроенныхъ упадетъ ниже стоимости употребляемаго на нихъ труда. Доля владѣльца уменьшится, доля продукта, достающагося арендатору, увеличится. Здѣсь, то-есть для земель разнаго плодородія, получатся тѣ же результаты, какіе оказались при обработкѣ земель одинаковаго качества на разныхъ разстояніяхъ. Съ улучшеніемъ труда и возрастаніемъ капитала придется перейти къ зе-

млямъ, худшимъ по природнымъ качествамъ; но вознагражденіе труда возрастетъ при лучшихъ методахъ хозяйства. «Впрочемъ, замѣчаетъ Кэри, не всегда обработка начинается съ лучшихъ: очень часто вначалѣ воздѣлываются худшія, но болѣе легкія земли—такъ было въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Эта мысль, высказанная въ разбираемомъ сочиненіи мимоходомъ, возведена авторомъ на степень теоріи въ его позднѣйшемъ трудѣ «The past, the present, and the future — Прошедшее, настоящее и будущее».

Извѣстно, говоритъ Кэри, что поселенцы предпочитали богатымъ низменнымъ странамъ Запада, покрытымъ лѣсомъ, земли низшаго качества, но не требовавшія расчистки. Когда были проведены дороги и былъ затраченъ значительный капиталъ, тогда лѣсныя мѣста начали получать цѣнность, пропорціональную количеству труда, употребленнаго на расчистку. Сначала рубили лѣсъ, сжигали его и обрабатывали землю между пнями; потомъ проведеніе дорогъ позволило сбывать лѣсъ, какъ топливо, въ сосѣдній городъ и покрывать этимъ издержки на расчистку; наконецъ, когда сдѣланы были новыя затраты капитала, когда дороги были проведены далѣе и устроились пильни, тогда дерево пошло на постройку домовъ. Подвигая дороги въ даль, можно было обрабатывать болѣе отдаленныя мѣста, и цѣнность ближайшихъ начала подниматься отъ увеличенія затратъ, хотя онѣ всетаки не стоили того, что на нихъ было издержано. Въ теченіе этого времени обширныя пространства, содержавшія фарфоровую глину, гранитъ, желѣзо и каменный уголь, по всей вѣроятности, не имѣли никакой цѣнности. Проходили годы, столѣтія, капиталы затрачивались въ путяхъ сообщенія, мануфактурахъ, желѣзо и уголь стали идти въ дѣло, и земли, нѣкогда считавшіяся худшими, начали приносить доходы, гораздо большіе, чѣмъ почвы перваго

и второго качества. Сначала цѣнность такихъ земель была низка, а потомъ возвысилась до сотенъ долларовъ, или фунтовъ.

Возрастаніе цѣнности начинается съ мѣстъ, ближайшихъ къ городу, гдѣ затраты капитала значительнѣе. Болѣе отдаленныя каменно-угольныя копи находятся въ такомъ же точно положеніи, какъ и болѣе глубокіе слои угля въ мѣстности, гдѣ производится добываніе минеральнаго топлива. Возрастаніе капитала въ видѣ паровыхъ машинъ сообщаетъ цѣнность первымъ, т. е. болѣе близкимъ, желѣзныя дороги—послѣднимъ, т. е. болѣе отдаленнымъ каменноугольнымъ копямъ.

Говорятъ, что рента платится за право добыванія; но въ горныхъ промыслахъ повторяется то же самое, что и въ земледѣльческой промышленности: увеличеніе затратъ и улучшеніе орудій производитъ такое же явленіе, какъ и въ земледѣліи, гдѣ почва, при такихъ же условіяхъ, даетъ большія и большія жатвы. Подобно тому, какъ въ земледѣліи пріостановка въ улучшеніяхъ, въ затратахъ на удобреніе и проч., влечетъ за собою разрушеніе производительныхъ силъ земли, упадокъ ея цѣнности и приносимой ею ренты, такъ же точно и въ каменно угольномъ производствѣ пріостановка затратъ для устройства шахтъ, для разработки болѣе глубокихъ слоевъ влечетъ за собою уменьшеніе добыванія, цѣнности рудниковъ и пониженіе ренты. Равнымъ образомъ и сила, заключающаяся въ паденіи воды, не имѣетъ цѣнности до тѣхъ поръ, пока не будутъ сдѣланы затраты на дороги, мануфактуры и проч.

Постройки перваго склада, или мѣнового пункта, стоятъ дорого вслѣдствіе дороговизны матеріаловъ, то-есть издержекъ на ихъ доставку, на обжиганіе кирпича, на обдѣлку дерева несовершенными орудіями и проч., постройка второго склада обойдется менѣе, потому что провозъ по-

требуетъ менѣе труда; вмѣстѣ съ тѣмъ цѣнность перваго склада упадетъ и онъ не будетъ стоить того труда, который на него издержанъ.

Тотъ же законъ опредѣляетъ цѣнность домовъ и городскихъ мѣстъ.

Цѣнность городской собственности находится въ сильной зависимости отъ затратъ капитала, производимыхъ въ другихъ мѣстахъ, вслѣдствіе чего городъ теряетъ такъ называемыя выгоды мѣстности. Если послѣ постройки перваго склада дѣятельный и богатый капиталомъ промышленникъ устроитъ другой складъ въ нѣкоторомъ разстояніи, то онъ можетъ привлечь къ себѣ торговлю. Земли въ сосѣдствѣ Тира, Рима, Венеціи и проч. пользовались нѣкогда выгодами мѣстности, которыя достались теперь на долю Лондона, Ливерпуля, Ньюйорка и Филадельфіи, вслѣдствіе большихъ затратъ капитала. Гранада и капиталы жившихъ въ ней купцовъ оживляли все королевство и давали цѣнность землямъ; теперь Гранада опустѣла, торговля исчезла, а вмѣстѣ съ тѣмъ упала и цѣнность земель.

Борнсъ описываетъ перемѣны, происшедшія въ положеніи Индіи въ теченіе одного вѣка. Татта, городъ столь населенный въ началѣ прошедшаго вѣка при Надиръ-Шахѣ, окруженъ теперь заброшенными землями, изъ которыхъ запахивается только небольшая часть; огромныя пространства богатѣйшей почвы остаются въ запустѣніи. Городъ Балкъ, описанный тѣмъ же путешественникомъ, представляетъ другой разительный примѣръ: здѣсь мы находимъ слѣды огромныхъ улучшеній, которыя давали цѣнность землѣ, въ настоящее время совершенно заброшенной и нецѣнной. Подумавъ немного, мы можемъ указать на множество примѣровъ въ этомъ родѣ, напримѣръ, на Багдадъ, Пальмиру, Александрію и пр. Силы природы остаются тѣ же самыя, но онѣ не имѣютъ цѣнности.

Говорятъ, что берега рѣкъ доставляютъ естественныя выгоды, приносящія ренту. Разсмотримъ, говоритъ Кэри, въ какой степени это справедливо. Пока разсѣянное населеніе само удовлетворяетъ своимъ потребностямъ, рѣка, какъ средство для сообщеній, не доставляетъ имъ выгодъ—таково значеніе Инда для обитателей Пенджаба. Когда жители, не имѣя еще общаго центра, начинаютъ торговать между собою, тогда рѣка становится для нихъ полезною. По прошествіи нѣкотораго времени оказывается удобнымъ имѣть общій центръ для размѣна.

Употребивъ капиталъ на образованіе этого центра, населеніе начинаетъ выигрывать, и находящееся по теченію рѣки болѣе, чѣмъ живущее отъ нея на нѣкоторомъ разстояніи. Получаемую прибыль приписываютъ выгодности положенія, между тѣмъ, какъ это только результатъ накопленія и употребленія въ дѣло капитала. Для того, чтобы нагляднѣе представить непостоянство выгодъ географическаго положенія, Кэри замѣчаетъ, что была пора, когда владѣлецъ земли по теченію Огейо отправлялъ свои товары въ Филадельфію и Балтимору, хотя естественный путь Миссисипи поставлялъ его въ соприкосновеніе съ Нью-Орлеономъ. Въ послѣдующую затѣмъ эпоху изобрѣтеніе пароходовъ и затраты капитала въ Нью-Орлеанѣ заставили его предпочесть сбытъ въ этотъ послѣдній городъ. Наконецъ, устройство каналовъ и желѣзныхъ дорогъ сдѣлало для него снова болѣе прибыльною доставку товаровъ въ Филадельфію, и онъ пренебрегъ путемъ, даннымъ природою.

Такъ называемыя естественныя выгоды, доставляемыя плодородіемъ земель, зависятъ отъ затратъ труда и капитала: черноземъ можетъ уступить свое первенство массамъ гранита, а эти, въ свою очередь, копямъ каменнаго угля, привлекшимъ капиталы. Трудъ, затраченный въ Южной Англіи, давалъ бо́льшую цѣнность городскимъ мѣстамъ, но они были обращены въ пашни съ тѣхъ поръ, какъ желѣзо

и уголь сосредоточили производительныя силы на сѣверѣ. Отличныя земли по берегамъ Красной Рѣки не имѣли цѣнности, пока русло не было сдѣлано судоходнымъ. Выгода положенія зависитъ отъ близости капитала, будетъ ли онъ принесенъ въ эту мѣстность, или будетъ ли мѣстность поставлена въ соприкосновеніе съ капиталомъ посредствомъ желѣзной дороги или канала. Въ сосѣдствѣ Лондона земли шестого разряда лучше вознаграждаютъ трудъ работника, чѣмъ земли перваго разряда по теченію Иллинойса. Человѣкъ, который присваиваетъ себѣ отдаленныя земли, издерживаетъ трудъ и долженъ что-нибудь пріобрѣсть за это, точно такъ же, какъ охотникъ или китоловъ. Колонисты, послѣдовавшіе за Уилліамомъ Пенномъ, издержали извѣстное количество времени и денегъ, за которое имъ слѣдовало получить вознагражденіе, какъ за употребленный трудъ. Еслибъ земля имѣла цѣнность, независимую отъ труда, истраченнаго на присвоеніе ея и на улучшеніе почвы, то Пеннъ могъ бы продать ее съ большою прибылью, между тѣмъ, какъ онъ былъ готовъ сбыть ее съ тяжкою потерею.

Продавецъ масла, цѣнитъ не естественныя качества товара, а трудъ, употребленный на добываніе. То же и съ землею: кто платитъ ренту, платитъ проценты за трудъ, употребленный на производство этого участка.

Если предыдущее справедливо, то земельная собственность управляется тѣми же самыми законами, какъ и накопленныя произведенія труда, состоящія въ топорахъ, плугахъ, или другихъ орудіяхъ. Если это такъ, то, при возрастаніи капитала и распространеніи обработки, положеніе земледѣльца *улучшается*, а *легкость* пріобрѣтенія земельныхъ участковъ или другихъ видовъ капитала *возрастаетъ вмѣстѣ съ увеличеніемъ количества добываемыхъ произведеній*. При этомъ цѣнность уже существующаго капитала, выраженная трудомъ, а равнымъ образомъ доля произведеній,

требуемыхъ какъ рента, или процентъ, становится менѣе. Если же, напротивъ, цѣнность земли происходитъ отъ ограниченнаго ея количества, которое заставляетъ, при увеличеніи населенія, употреблять болѣе труда и капитала для пріобрѣтенія даннаго количества произведеній, то распространеніе обработки сопровождается упадкомъ благосостоянія земледѣльца, уменьшеніемъ количества средствъ, получаемыхъ за отдачу въ пользованіе капитала, увеличеніемъ цѣнности земель, опережающимъ затраты въ нее труда, увеличеніемъ ренты, или платы за пользованіе ею. Въ первомъ случаѣ распространеніе обработки земли влечетъ за собою постоянное возрастаніе, а во второмъ — постоянное уменьшеніе вознагражденія труда. Къ этому заключенію приводятъ Кэри не только выводы, сдѣланные имъ изъ поставленныхъ трехъ гипотезъ, но и рядъ упомянутыхъ выше фактовъ.

Остается сличить оба ученія и разсмотрѣть связь ихъ съ соціализмомъ и съ крестьянскимъ вопросомъ.

Англійская экономическая школа, какъ можно было видѣть изъ представленнаго очерка теоріи ренты Рикардо, считаетъ земельную собственность монополіею, а земельный доходъ — платою за даръ природы, присвоенный человѣкомъ. Представляя подобный порядокъ вещей естественною необходимостью (на этомъ въ особенности настаивалъ Мальтусъ), экономисты не могли не видѣть въ немъ зла неизбѣжнаго, но всетаки зла, и потому искали средствъ для его облегченія. Джемсъ Милль, отецъ извѣстнаго экономиста Джона Стюарта Милля, сознавая, что рента съ характеромъ, приписаннымъ ей ученіемъ Рикардо, не могла быть оправдана предъ судомъ справедливости, хотѣлъ ослабить пагубное вліяніе монополіи фискальными постановленіями, и совѣтовалъ обложить высокими податями чистый земельный доходъ.

Становясь на точку зрѣнія англійской школы, соціалисты могли сказать: или рента составляетъ даръ природы, и въ такомъ случаѣ владѣльцы не имѣютъ исключительнаго права на земельный доходъ, или же рента составляетъ произведеніе труда и должна принадлежать земледѣльцу. Нужно было уяснить, что земельная собственность есть накопленный капиталъ, для того, чтобъ выйти изъ роковой дилеммы. Но послѣдователи Рикардо не нашли этого выхода. Джонъ Стюартъ Милль, Довъ и нѣкоторые другіе изъ современныхъ англійскихъ писателей сдѣлали бо̀льшія или ме́ньшія уступки соціализму. Нельзя, однако, не замѣтить, что Рикардо не давалъ имъ на это *полнаго* права. Допустивъ возможность возрастанія богатства и населенія при уменьшеніи ренты, проницательный экономистъ указалъ на обстоятельство, которое, при бо̀льшемъ развитіи, подрывало всю его систему. Что́, если улучшенія въ земледѣліи идутъ быстрѣе возрастанія населенія, и если можно, дѣйствительно въ каждый послѣдующій періодъ времени пріобрѣтать даннымъ количествомъ труда большее количество хлѣба? Что́, если нельзя указать на такую эпоху, когда земли было недостаточно для продовольствія населенія? Государства, нуждавшіяся въ подвозѣ хлѣба извнѣ, не всегда могутъ быть приведены какъ доказательство, что земли бываетъ слишкомъ мало. Италія при римскихъ императорахъ не могла продовольствовать себя, тогда какъ поля ея приходили въ запустѣніе. Англія дѣлаетъ постоянныя закупки хлѣба заграницею, но въ ней насчитываютъ болѣе трехъ милліоновъ акровъ нерасчищенной земли, кромѣ парковъ и пустырей, занимающихъ значительное пространство, благодаря вліянію закона и силѣ обычая упрочивающихъ майораты. Итакъ, если исключеніе Рикардо составляетъ общее правило, то, при экономической свободѣ, земля, какъ естественная сила, остается даровою, и сущность земельной собственности заключается не въ монопольномъ

обладаніи силами и матеріалами природы, а въ затраченномъ трудѣ, или въ капиталѣ, накопленномъ въ землѣ. Эту послѣднюю мысль развиваетъ Кэри. Слѣды ея можно найти у Локка и у физіократовъ—Кене, Дюпонъ де-Немура и аббата Бодо.

Всѣ они считаютъ трудъ первоначальнымъ, прирожденнымъ, неотчуждаемымъ достояніемъ человѣка, и объясняютъ происхожденіе земельной собственности затратами труда. Но въ прежнее время этотъ выводъ не касался жизненныхъ общественныхъ вопросовъ, и потому не удивительно, что Тюрго, въ своемъ «Разсужденіи объ образованіи и распредѣленіи богатствъ», не развиваетъ доктрины своихъ учителей и стоитъ только за свободу промышленности, за право собственности человѣка на трудъ. Взглядъ Тюрго перешелъ цѣликомъ въ знаменитое твореніе Смита, и мысль о томъ, что цѣнность земли зависитъ отъ накопленнаго труда, была забыта экономистами. Кэри возстановляетъ ее во всей силѣ и оправдываетъ ее фактами: въ его глазахъ земельная собственность вытекаетъ изъ естественнаго права человѣка на трудъ и составляетъ одну изъ формъ его накопленія. Поэтому ученіе Кэри, во-первыхъ, отнимаетъ оружіе у соціализма; рента не составляетъ ни произведенія даровой дѣятельности природы, ни непосредственнаго труда земледѣльца — это доходъ, вытекающій изъ предшествовавшей капитализаціи труда; во-вторыхъ, это ученіе поясняетъ кое что, чѣмъ было вызвано во всей Европѣ уничтоженіе крѣпостного состоянія и что дало этому преобразованію не только государственный и юридическій, но также экономическій смыслъ. Если земельная собственность составляетъ форму капитализаціи, въ которой участвовали и владѣлецъ и его крѣпостной, то очевидно, что есть основаніе для надѣла землею крѣпостного, и самая реформа предписывается не одними требованіями благоразумной политики, заботящейся объ удаленіи причины волненій въ

будущемъ, но необходимостью экономическою и нравственнымъ сознаніемъ нашего вѣка. Необходимость экономическая возникаетъ вслѣдствіе увеличивающихся затратъ капитала, состоящихъ въ осушеніяхъ и удобреніяхъ почвы, въ насажденіяхъ, въ орудіяхъ производства, и т. д.

Нравственное сознаніе растетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ христіанская идея проникаетъ въ общество и требуетъ водворенія правды въ общественныхъ отношеніяхъ. Поэтому многіе напрасно боялись нарушеній общественнаго порядка, разрыва патріархальныхъ узъ и потрясенія права собственности, какъ неизбѣжныхъ слѣдствій уничтоженія крѣпостного труда. Нѣтъ! это была мѣра общественной безопасности, которая спасала государство отъ возможности появленія Пугачевыхъ. Нѣтъ! дѣло шло не объ ослабленіи нравственныхъ узъ, которыхъ не бываетъ при тягостной зависимости, а о приготовленіи условій для ихъ образованія. Нѣтъ! преобразованіе вело не къ нарушенію права, не къ насильственной экспропріаціи прежняго владѣльца, но къ возстановленію собственности труда. Послѣднее требовало и надѣла крестьянъ землею и признанія факта существующихъ имущественныхъ отношеній, т. е. опредѣленія извѣстной нормы вознагражденія для землевладѣльца-капиталиста. Безъ этого, къ старинной несправедливости была бы присоединена новая и осуществилось бы на дѣлѣ то, что римляне такъ мѣтко выразили словами: «summum jus, summa injuria», былъ бы приготовленъ для общества рядъ смѣняющихся споліацій. Такъ конфискація имѣній французскаго дворянства повлекла за собою раздачу милліарда эмигрантамъ. Въ свою очередь, это нарушеніе права вызвало, въ 1848 году, требованіе контрибуціи въ 1,000 милл. франк. съ богачей въ пользу пролетаріата.

Вполнѣ ясный и опредѣленный взглядъ Кэри на происхожденіе цѣнности ренты затемняется однако дальнѣй-

шими соображеніями, въ которыхъ авторъ касается противныхъ мнѣній.

Намъ могутъ возразить, говоритъ онъ: чему приписать различіе въ цѣнности и въ рентѣ двухъ сосѣднихъ участковъ земли, какъ не плодородію почвы? Мы не утверждаемъ, что равныя количества труда даютъ равную цѣнность землѣ; но мы говоримъ только, что всякая цѣнность зависитъ отъ труда. Разница происходитъ отъ разныхъ свойствъ почвы и отъ величины требуемыхъ ею затратъ. Безплодная земля, состоящая изъ гранита, известняка и пр., становится цѣнною, когда начинаютъ строить дома, дороги и пр. Могутъ возразить также, что трудъ не всегда бываетъ причиною цѣнности, но трудъ всегда употребляется съ цѣлью придать цѣнность и получить вознагражденіе. Трудъ бываетъ часто дурно направленъ: онъ можетъ быть растраченъ, по недостатку надлежащихъ свѣдѣній; иногда, и при хорошемъ употребленіи, трудъ остается безъ результатовъ; напротивъ, при находкѣ, при добываніи рѣдкихъ винъ, напр., іоганнисбергскихъ, лафита и пр., цѣнность, повидимому, не производится трудомъ. Подобные случаи, говоритъ Кэри, указываютъ не на причину цѣнности, но на различіе вознагражденія (!). Всякій согласится съ тѣмъ, что праздность ведетъ къ нищетѣ, трудъ—къ богатству, и никто не станетъ оспаривать этой истины на основаніи того факта, что лѣнивецъ нашелъ кладъ въ своемъ погребѣ и разбогатѣлъ. Никто не станетъ оспаривать, что китовый жиръ, привезенный съ ловли, добытъ трудомъ; но корабль можетъ встрѣтиться однажды съ стадомъ китовъ очень скоро и возвратиться съ грузомъ чрезъ нѣсколько недѣль, между тѣмъ, въ дрргой разъ, на такой же ловъ приходится употребить 12 или 18 мѣсяцевъ. Кэри объясняетъ эти различія не вліяніемъ природы, а тѣмъ, что цѣнность труда, выраженная произведеніями, опредѣляется среднимъ ко-

личествомъ получаемаго продукта. Точно также работникъ выговариваетъ себѣ постоянную плату, отказываясь отъ шансовъ большой прибыли и освобождаясь отъ соединеннаго съ нею риска. Относительно же цѣнности и дороговизны рѣдкихъ винъ, авторъ замѣчаетъ, что цѣнность ихъ всетаки не вознаграждаетъ сдѣланныхъ затратъ труда.

Изъ предыдущаго явствуетъ съ очевидностію, что Кэри не совладалъ съ возраженіями, имъ самимъ выставленными противъ его теоріи. Оказывается и по его мнѣнію, что цѣнность произведеній въ извѣстныхъ случаяхъ перестаетъ опредѣляться количествомъ труда, употребленнаго на ихъ воспроизведеніе. Авторъ ищетъ выхода въ своеобразномъ толкованіи различія между цѣнностію и вознагражденіемъ, какъ будто бы цѣнность произведеній или услугъ не зависитъ отъ вознагражденія труда, на нихъ употребленнаго! Обходя вопросы о вліяніи на цѣнность спроса и предложенія, а также соперничества въ томъ и другомъ, зависящихъ отъ сложныхъ и разнообразныхъ условій, Кэри упускаетъ также изъ виду значеніе, которое имѣютъ при образованіи цѣнности и ренты матеріалы и силы природы, которые еще не составляютъ общаго достоянія или еще не сдѣлались болѣе общедоступными, благодаря успѣхамъ гражданственности и образованія. Мало этого, Кэри идетъ на встрѣчу теоріямъ, опредѣляющимъ цѣнность произведеній *среднимъ количествомъ* употребляемой на нихъ работы, выражая это уравненіе только въ обратномъ порядкѣ, именно не какъ цѣнность произведенія$=x$ средней работы; а цѣнность работы$=x$ средняго количества получаемыхъ произведеній, что въ сущности одно и то же и составляетъ своего рода фикцію.

Обращаясь собственно къ теоріи ренты, должно признать, что Кэри убѣдительно и наглядно доказалъ, что рента не есть слѣдствіе перехода отъ обработки лучшихъ земель

къ обработкѣ худшихъ, и что рента есть результатъ затратъ, сдѣланныхъ человѣкомъ землѣ; но въ обоихъ случаяхъ Кэри заходитъ слишкомъ далеко.

Нельзя сказать, чтобы обработка *всегда* начиналась съ менѣе плодородныхъ земель, точно такъ же какъ нельзя сказать, чтобы рента объяснялась однѣми затратами труда въ землѣ. Рикардо ошибался, говоря о рентѣ какъ о доходѣ, доставляемомъ неистощимыми и неразрушимыми силами земли.—Опытъ показалъ, что силы и матеріалы природы могутъ изсякнуть и что хотя безконечное и неразрушимое существуетъ въ природѣ, но не для человѣка на землѣ, и не въ извѣстныхъ, конкретныхъ формахъ, потому что произведенія органическаго міра равно какъ и неорганическаго на землѣ имѣютъ предѣлы и могутъ оказаться недостаточными для удовлетворенія потребностямъ человѣка. Конечно предѣлы, когда наступаетъ такое оскудѣніе, отодвигаются успѣхами знанія, техники, гражданственности и пр., причемъ одни матеріалы и силы замѣняются другими; но во-первыхъ, въ каждый данный моментъ силы и матеріалы ограничены, а во-вторыхъ, они требуютъ, такъ сказать, «ремонта», затратъ капитала и труда—то и другое не можетъ не вліять на ихъ цѣнность.

Теорія Рикардо была бы справедлива, еслибы уже наступила пора, когда населеніе всего земного шара оказалось вынужденнымъ прибѣгать къ чрезвычайнымъ усиліямъ для обезпеченія себя произведеніями земледѣлія и добывающей промышленности; но пока матеріалы и силы природы не истощены, пока человѣкъ, благодаря успѣхамъ науки и техники, находитъ новые, болѣе легкіе способы для удовлетворенія своихъ потребностей, — рента можетъ имѣть своимъ источникомъ рѣдкость матеріаловъ и силъ природы до той лишь поры, пока они не сдѣлаются болѣе распространенными или болѣе доступными, или, наконецъ,

не будутъ замѣнены другими, а также пока производители, обладающіе не заурядными способностями или талантами, не встрѣтятъ соперниковъ, подготовляемыхъ доступностію образованія и лучшимъ выборомъ дѣятельности.

Глава VI.

Вліяніе распространенія обработки земель на заработную плату.

Кэри старается доказать фактами, что состояніе поселенцевъ въ новыхъ странахъ, обилующихъ самыми лучшими землями, гораздо хуже, чѣмъ положеніе народа въ странахъ старыхъ, имѣющихъ значительный накопленный капиталъ, и гдѣ обрабатываются земли менѣе плодородныя. Пользуясь данными, собранными Иденомъ, онъ изображаетъ золотой вѣкъ стараго, добраго времени въ Англіи, со всѣми ужасами бѣдности, угнетенія и невѣжества.

Исторія первыхъ поселеній, говоритъ Кэри, была исторіею величайшей нищеты и страданія. Колонисты въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ, по Лебединой рѣкѣ и на Мысѣ Доброй Надежды представляютъ намъ зрѣлище бывшаго заселенія Америки. Они полагали, что земля составляетъ главный источникъ богатства и убѣдились печальнымъ опытомъ, что человѣкъ бываетъ бѣденъ и тогда, когда онъ окруженъ плодородными и незанятыми землями. Первоначальные поселенцы по Лебединой рѣкѣ уступаютъ теперь (въ 1836 году) земли по 1 шил. за акръ (по 81 коп. мет. за десятину), доказывая этимъ, какъ ничтожна цѣнность участковъ, не смотря на значительные, уже затраченные капиталы. Подобное же явленіе представляетъ колонизація на Мысѣ Доброй Надежды. По словамъ «Лондонскаго и Уэстминстерскаго обозрѣнія» (октябрь 1836 г.), поселенцы, обитая въ климатѣ, которому нѣтъ подобнаго, продолжая

получать отъ правительства продовольствіе, пособіе и защиту, не смотря на самые усиленные труды, на величайшія, долговременныя лишенія, дошли до крайности и, въ отчаяніи, хотѣли уже возвратиться. Такую же участь, если не худшую, испытали колонисты, отправленные одною компаніею въ Среднюю Америку, въ мѣста, которыя были описаны какъ страна, гдѣ текутъ рѣки молока и меда.

Правда, переселенцы, *снабженные орудіями* и *скотомъ*, въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, при обработкѣ самыхъ плодородныхъ земель, получаютъ доходъ равный или большій противу того, который они получали дома; но не должно забывать, что здѣсь имъ не приходится отдавать $^1/_4$, $^1/_3$ или даже $^1/_2$ своего заработка для содержанія государства, церкви или частныхъ лицъ.

По свидѣтельству, содержащемуся въ «Martin's Colonial Library» VII р. 198, заработная плата доставляла въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ, сверхъ пищи и жилища, пахарю отъ 10 до 12 ф. ст. въ годъ, а косарю и другимъ полевымъ работникамъ отъ 4 до 5 шил. въ недѣлю. Сравнивая эти цѣны съ англійскими, мы находимъ, что онѣ менѣе; кромѣ того, надо принять въ разсчетъ, что въ Англіи цѣны многихъ предметовъ потребленія гораздо ниже и что значительная часть произведеній труда идетъ на удовлетвореніе государственныхъ потребностей, въ видѣ податей.

Джонъ Гендерсонъ въ изданной имъ «Political economy of New South Wales» утверждаетъ, что привозъ свободныхъ работниковъ въ Новый Южный Уэльсъ не возможенъ, а между тѣмъ здѣсь обрабатывается самая лучшая почва. По свидѣтельству того же писателя, земли Вандименовой Земли продаются по 5 шил. за акръ (т. е. по 4 р. 24 к. мет. за десятину) съ условіемъ уплаты первыхъ 5 % по истеченіи семи лѣтъ, а между тѣмъ колонисты не въ состояніи сдѣлать и этого ничтожнаго платежа. Такимъ

образомъ англійскій фермеръ за сумму, которую онъ вноситъ ежегодно, въ качествѣ арендной платы, легко могъ бы переселиться и пріобрѣсть 1,000 акровъ въ наслѣдственное владѣніе; но онъ остается дома и предпочитаетъ платить ренту, потому что эта рента есть процентъ съ капитала, затраченнаго въ землѣ [1]).

Вознагражденіе труда въ новыхъ странахъ не только не уменьшается, но даже увеличивается, по мѣрѣ возрастанія капиталовъ и распространенія обработки на земли менѣе плодородныя, или болѣе отдаленныя. Такъ въ Филадельфіи можно было купить тонну, т. е. 62 пуда муки

въ	1699	году	137	-дневнымъ трудомъ
»	1790	»	125	» »
»	1834	»	78	» »

Если опредѣлить величину заработной платы количествомъ сахара, кофе, хлопчатой бумаги и пр., то получится отношеніе между трудомъ и произведеніями еще болѣе выгодное для перваго.

Такова заработная плата въ новыхъ странахъ. О величинѣ ея въ старое время въ Англіи, когда обрабатывались однѣ самыя плодородныя земли, въ «Исторіи среднихъ и рабочихъ классовъ» Бартона и Уэда имѣется слѣдующая таблица, въ которой недѣльная заработная плата земледѣльца и промысловаго работника выражена количествомъ пинтъ пшеницы [2]).

---

[1]) Многое измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ писалъ Кэри: разведеніе мериносовъ, открытіе золотоносныхъ розсыпей, успѣхи торговли и накопленіе капиталовъ сдѣлали переселеніе въ Новый Южный Уэльсъ болѣе выгоднымъ. Но это ни мало не опровергаетъ изложеннаго: до накопленія капиталовъ, успѣхи были очень медленны и трудны.

[2]) Пинта — собственно мѣра жидкости. 2,16 пинтъ = кружкѣ или $^1/_{10}$ ведра. Она примѣнена здѣсь къ сыпучимъ тѣламъ.

Недѣльная заработная плата.

Годы.	Земледѣльца.	Плотника, каменьщика.
Въ 1495	199 пинтъ	292 пинты
» 1593	82 »	123 »
» 1610	46 »	61 »
» 1651	48 »	55 »
» 1661	61 »	— »
» 1682	66 »	— »
» 1685	51 »	74 »
» 1725	79 »	89 »
» 1751	96 »	247 »
» 1770	79 »	169 »
» 1790	82 »	169 »
» 1795	— »	150 »
» 1796	70 »	— »
» 1800	— »	116 »
» 1803	63 »	— »
» 1805	— »	175 »
» 1811	76 »	167 »
» 1813	— »	150 »
» 1819	73 »	199 »
» 1824	89 »	295 »
» 1829	91 »	276 »
» 1832	90 »	265 »

Кэри полагаетъ, что таблица эта не можетъ быть принята безъ критической повѣрки.

Во-первыхъ, въ болѣе отдаленныя времена колебанія цѣнъ были огромны. Между тѣмъ какъ въ урожайный 1495 годъ недѣльная плата давала простому работнику 199 пинтъ, въ 1497 году, пропущенномъ въ таблицѣ, цѣны пшеницы были чрезвычайно высоки, и по самому умѣренному разсчету оказывается, что работникъ могъ получить,

вмѣсто 199 пинтъ, только 32, или $^1/_2$ бушеля, т. е. 0,69 четверика. Очевидно, что XV вѣкъ былъ эпохою глубокаго варварства, представляющаго намъ рѣзкіе переходы отъ изобилія къ нищетѣ.

Во-вторыхъ, зная поденную плату, трудно опредѣлить годичную, потому что остается неизвѣстнымъ, сколько времени въ году рабочіе бываютъ заняты; притомъ, самое измѣненіе въ спросѣ на трудъ производитъ значительныя колебанія въ заработной платѣ. Поэтому, говоритъ Кэри, еслибъ мы дѣлали заключеніе о доходахъ работника по платѣ, которую онъ получаетъ во время жатвы, то мы пришли бы къ самымъ ложнымъ выводамъ. Чтобъ узнать истину, стóитъ только взять настоящее народа отсталаго и сравнить съ прошедшимъ народа, заработки котораго мы хотимъ опредѣлить. За данную для сравненія Кэри беретъ Ирландію, и показываетъ, что, основываясь на лѣтнихъ цѣнахъ труда, мы сдѣлаемъ ошибку въ 40 или, по меньшей мѣрѣ, въ 25%. Средняя заработная плата составитъ 9 пенсовъ ($23^1/_2$ коп. мет.), если мы будемъ основывать наши соображенія на платѣ, выдаваемой жнецамъ, и 4 пенса ($10^1/_2$ коп.), если мы возьмемъ въ разсчетъ не лѣтнюю пору, а дѣйствительный средній заработокъ въ теченіе года. Чѣмъ болѣе мы приближаемся къ эпохѣ, намъ современной, тѣмъ менѣе причина эта имѣетъ вліянія на вѣроятность показаній, потому что постоянное занятіе рабочаго составляетъ отличительную черту высокой цивилизаціи.

Въ-третьихъ, таблицы Бартона и Уэда показываютъ *одну цѣны* пшеницы, выраженныя деньгами, и цѣны труда, выраженныя пшеницею. Опредѣленіе количества другихъ предметовъ, которые могутъ быть пріобрѣтены трудомъ, представляетъ большія трудности.

Въ-четвертыхъ, принимая пшеницу за основу сравненія, мы должны получить цифры, болѣе выгодныя для стараго

времени. Сначала хлѣбъ этотъ не составлялъ предмета вывоза, а потомъ, съ появленіемъ мануфактуръ и подъ вліяніемъ хлѣбныхъ законовъ, цѣны на пшеницу возрасли.

Какъ бы то ни было впрочемъ, но, разсматривая послѣдній 50-лѣтній періодъ по приведенной таблицѣ, нельзя не замѣтить, что за исключеніемъ періода наполеоновскихъ войнъ заработокъ возрастаетъ, особенно съ 20-хъ годовъ, и притомъ, какъ для простого, безъискуственнаго, такъ и для техническаго труда.

Но самое очевидное доказательство бывшей нищеты представляетъ картина экономическаго состоянія, которую Кэри изобразилъ по даннымъ, заключающимся въ сочиненіи Идена (Eden. The State of the poor), и по нѣкоторымъ другимъ источникамъ.

Въ концѣ XIII вѣка рабъ продавался въ Англіи за 13 шил. и 4 пенса. Рыба, кусокъ хлѣба и небольшое колпчество пива составляли пищу жнеца; въ другое время содержаніе работника было бѣднѣе. Оцѣнка имуществъ въ Кольчестерѣ, по населенію въ 10-мъ городѣ Англіи и притомъ наиболѣе развившемся, показываетъ, что домашняя утварь (household articles) рѣдко стопла дороже 20 шилл.; въ немногихъ домахъ были камины. Сапожная лавка имѣла на 7 шил. товара, а одна мясная на 1 ф. 18 шил., а другая—на 1 ф. солонины, что, по оцѣнкѣ хлѣбомъ=1 или 2 квартерамъ пшеницы. Постановленія о заработной платѣ показываютъ, какъ велико было угнетеніе народа. Въ 1351 году, въ царствованіе Эдуарда III, по статуту о заработной платѣ, жнецамъ и косарямъ назначенъ таксою 1 пенни въ день, причемъ отъ воли нанимателя зависѣло производить уплату деньгами или хлѣбомъ, полагая по 10 пенсовъ за бушель=1,38 четверика. Для того, чтобъ понять значеніе подобнаго права платить натурою или деньгами, стоитъ только припомнить, что цѣны на хлѣбъ колебались въ это время отъ 2 шил. до 4 фун.

за квартеръ, и что, за исключеніемъ немногихъ графствъ, народъ не могъ уходить на заработки.

Дважды въ годъ работники давали присягу въ соблюденіи статута. Ослушники, по закону 1340 года, подвергались тюремному заключенію и наложенію клейма горячимъ желѣзомъ на лбу. Отъ воли хозяина зависѣло нанимать поденно или погодно; работникъ же не имѣлъ права сдѣлать выборъ и принужденъ былъ работать по таксѣ. Въ 1488 г. постановлено было таксою давать пахарю 7 шил. и пищу, но безъ одежды и прочаго содержанія. При цѣнѣ простого деревенскаго сукна, по 1 шил. за ярдъ (1,28 арш.), годичнымъ заработкомъ можно было купить 7 ярдовъ сукна. Въ это время населеніе Англіи было не болѣе 2,350,000 чел., слѣдовательно, земель было много, а между тѣмъ жители находились въ состояніи крайней нищеты. Въ 1444 году закономъ парламента назначено работнику-земледѣльцу по 15 шил. въ годъ и, сверхъ того, 3 шил. 4 пенса на пищу. Въ 1496 году—16 шил. 8 пен. въ годъ и 4 шил. на одежду. Ослушнику, не соглашавшемуся работать, угрожало сѣченіе розгами до крови (Till his body was bloody by means of such whipping). Для прекращенія бродяжничества, законы Эдуарда VI угрожали клейменіемъ на груди и отдачею бѣглаго на два года въ работы тому, кто обличалъ праздношатавшагося. Хозяинъ обязанъ былъ давать такому рабу только хлѣбъ и воду и могъ принуждать его къ труду побоями и наложеніемъ оковъ. Отданный во временное рабство дѣлался за побѣгъ рабомъ на всю жизнь, подлежалъ клейменію лица и наложенію оковъ на шею, руки и ноги; за вторичный побѣгъ назначалась смертная казнь. Въ золотыя времена королевы Елизаветы, по свидѣтельству Моризона, народъ предпочиталъ ржаной хлѣбъ, потому что онъ долѣе остается въ желудкѣ и не такъ скоро переваривается. По Мак-Коллоху, одежда и жилище были очень дурны, постельное

бѣлье, дома съ оконными стеклами и каминами составляли достояніе однихъ только высшихъ классовъ.

Нищета Шотландіи въ началѣ второй половины XIII вѣка и Ирландіи въ настоящее время представляетъ много сходныхъ чертъ съ бѣдностію Англіи въ XVI столѣтіи.

По этимъ причинамъ Кэри рѣшительно возстаетъ противъ насильственной колонизаціи; онъ называетъ ее оптовымъ убійствомъ — wholesale murder. Изъ всѣхъ безсмыслицъ, говоритъ онъ, мы не знаемъ ни одной, которая превосходила бы настоящую англійскую систему переселенія. Вмѣсто того, чтобы предоставить жителямъ право ѣхать въ Америку, гдѣ они были бы полезнѣе для Англіи, ихъ переводятъ въ Новый Южный Уэльсъ съ огромною потерею капитала; вмѣсто того, чтобъ освободить промышленность отъ оковъ и облегчить бремя податей, предпочитаютъ выселеніе драгоцѣннѣйшей части рабочаго класса и капитала. Не лучше ли было бы доставить народу средства существованія дома, гдѣ заработки могутъ быть болѣе?

Въ Соединенныхъ Штатахъ переселеніе велико, но оно не имѣетъ насильственнаго характера. Высокая заработная плата даетъ средства для капитализаціи и перехода на новыя мѣста, а устроенныя желѣзныя дороги и каналы—для выгоднаго сбыта и дешевой закупки. Еслибы правительство вмѣшалось въ это дѣло и вздумало бы колонизировать страны у Скалистыхъ Горъ, то вмѣсто здороваго и естественнаго развитія въ результатѣ была бы нищета.

Могутъ спросить, почему же въ Соединенныхъ Штатахъ заработки высоки, не смотря на разсѣянное населеніе? Потому, что безопасность, миръ и малыя подати облегчаютъ накопленіе капитала.

Настоящая глава въ высшей степени назидательна, но Кэри не всегда успѣваетъ въ ней доказать или подтвердить цифрами то, что онъ желаетъ. Безъ сомнѣнія, безопасность, миръ и малыя подати творятъ чудеса въ дѣлѣ поднятія народнаго благосостоянія, но это не единственныя причины накопленія капиталовъ, возрастанія богатства и довольства населенія. Нѣкоторыя изъ поселеній въ Сибири (Амурскіе казаки) жили подъ вліяніемъ тѣхъ же условій, но кромѣ обилія произведеній первой необходимости ничѣмъ похвалиться не могли—ни высотою заработной платы, ни успѣхами культурной жизни.

Совершенно справедливо, что первые поселенцы въ новой необитаемой странѣ, даже и въ томъ случаѣ, когда они состоятъ изъ людей, способныхъ къ предстоящему имъ труду, и обладаютъ даже нѣкоторыми средствами, должны перенести многія невзгоды на новыхъ мѣстахъ, но зато будущее можетъ вознаградить ихъ сторицею (конечно при извѣстныхъ условіяхъ культуры), какъ это доказываетъ заселеніе Сѣвероамериканскихъ Штатовъ и Австраліи.

Параллельно съ картиною бѣдствій, переносимыхъ колонистами въ Америкѣ и Австраліи, Кэри рисуетъ также картину нищеты, господствовавшей въ Великобританіи въ XIII—XVI вѣкахъ, а въ Ирландіи даже въ XIX столѣтіи. Авторъ говоритъ: вмѣсто того, чтобы гнать бѣдствующее населеніе за океанъ, слѣдовало бы улучшить его положеніе на родинѣ. Но трудность разрѣшенія такой задачи состоитъ въ томъ, что для улучшенія положенія населенія на мѣстахъ необходимы формы собственности, дѣлающія послѣднюю болѣе доступною для народа, устраненіе административнаго произвола, распространеніе образованія, развитіе разныхъ отраслей промышленности, при законахъ, ограждающихъ и свободу труда, и пріобрѣтаемое трудомъ, хорошая система налоговъ государственныхъ и мѣстныхъ (земскихъ и общинныхъ), стройное общественное хозяйство на всѣхъ

ступеняхъ общежитія, живая личная инціатива и столь же могущественная сила ассоціаціи. Все это не создается вдругъ, а потому сознаніе безнадежнаго положенія населенія на родинѣ поощряло переселеніе, которое доставило англо-саксонской расѣ численный и культурный перевѣсъ на земномъ шарѣ.

Оканчивая соображенія, относящіяся къ этой главѣ, надо замѣтить, что Кэри говоритъ въ ней не о *количествѣ труда, необходимаго* для производства или для воспроизведенія тѣхъ или другихъ предметовъ, какъ обусловливающаго ихъ цѣнность, а о томъ мѣрилѣ цѣнности, на которое указывалъ Мальтусъ, — о количествѣ простого поденнаго физическаго труда, которое можетъ быть куплено вещью, или, наоборотъ, которымъ можно купить послѣднюю. Это собственно не сущность цѣнности по понятію современной школы трудовой теоріи, а мѣрило народнаго благосостоянія, или вознагражденія разныхъ видовъ труда болѣе правильное, не требующее ни исчисленія средней общественно-необходимой створожившейся въ произведеніяхъ работы, ни перечисленія разныхъ видовъ работы въ работу простого труда за спиною производителей. Это критеріумъ распредѣленія доходовъ, критеріумъ плодотворный, если дѣло идетъ объ улучшеніи участи простого народа, потому что указываетъ съ большою точностію на то, какія блага духовныя и матеріальныя и какая культура доступны для огромнаго большинства населенія.

Глава VII.

Вліяніе распространенія обработки на прибыль капиталиста.

При постепенныхъ успѣхахъ, сопровождавшихъ распространеніе обработки земли, и при возрастаніи производства, доля произведеній, получаемыхъ земельнымъ владѣльцемъ,

по мнѣнію Кэри, уменьшается. Изъ общей массы произведеній ему выдѣляется меньшая и меньшая доля, сначала 1/4, потомъ 1/6 часть, между тѣмъ какъ доля заработка увеличивается. Но обѣ стороны, при возрастающемъ производствѣ, получаютъ большее и большее количество произведеній.

При такомъ порядкѣ вещей, вначалѣ сбереженіе едва ли возможно для работника,—онъ издерживаетъ все, что получаетъ на пріобрѣтеніе средствъ существованія, и трудъ цѣлой жизни едва достаточенъ для покупки фермы; впослѣдствіи земледѣлецъ, отдавая за пользованіе послѣднею нѣсколько дней труда, можетъ въ теченіе какихъ-нибудь пяти лѣтъ сберечь столько, что бываетъ въ состояніи сдѣлаться ея собственникомъ. Въ данномъ случаѣ происходитъ то же самое, что и при улучшеніи качества топоровъ. Пока существовало одно подобное орудіе, пока надо было употребить трудъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ для пріобрѣтенія другого, до тѣхъ поръ приходилось отдавать за пользованіе имъ произведенія полугодового труда; но впослѣдствіи, когда можно было пріобрѣсть топоръ трудомъ одного дня, тогда за пользованіе имъ стали давать не болѣе 1/100 доли добытыхъ при помощи его произведеній.

Пусть читатель, говоритъ Кэри, обратитъ вниманіе на то, сколько нужно было употребить труда, два столѣтія назадъ, для полученія опредѣленной ренты: онъ найдетъ, что теперь можно пріобрѣсть въ одинъ годъ болѣе, чѣмъ прежде въ десять лѣтъ. Пусть читатель сравнитъ состояніе земледѣльца въ достославное царствованіе Эдуарда съ настоящимъ положеніемъ работника: онъ увидитъ, что въ то время самый тяжкій трудъ доставлялъ недостаточное количество пищи, между тѣмъ какъ теперь, при умѣренныхъ усиліяхъ, работникъ можетъ имѣть обильную пищу лучшаго качества, пользоваться удобствами, неизвѣстными его предшественникамъ, а трудясь и сберегая, сдѣлаться капиталистомъ и улучшить свое положеніе.

Законъ, который опредѣляетъ величину прибыли фермера, сохраняетъ свою силу для купца, для человѣка, раздающаго деньги въ ссуду, для мануфактуриста, корабельщика и пр.

Высокая прибыль, получаемая въ новыхъ странахъ, не составляетъ въ сущности ничего привлекательнаго для капиталиста. Банковыя акціи (принимая въ разсчетъ ихъ нарицательную цѣну) даютъ въ Соединенныхъ Штатахъ 5½ проц.; въ Англіи, въ Банкѣ Англіи—4%, въ Австраліи 10%; но эта бо́льшая доля, достающаяся капиталисту, не приноситъ ему соотвѣтствующихъ выгодъ. При дороговизнѣ всего, что доставляетъ удобства въ жизни, лицо, имѣющее 20,000 долларовъ, не выиграетъ отъ перехода изъ Нью-Йорка въ Нью-Орлеанъ, гдѣ можно имѣть 8%, или въ Австралію, гдѣ платятъ 10%. Тотъ, кто идетъ въ новую страну, если хочетъ имѣть выгоду отъ большихъ процентовъ, долженъ жить такъ, какъ другіе; если же онъ позволитъ себѣ роскошь, то онъ найдетъ свою прибыль малою, потому что въ Англіи можно имѣть за 700 ф. то, что стоитъ въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ 1000 фунтовъ. Это подтверждается фактами: капиталисты, получающіе въ Лондонѣ или Нью-Йоркѣ малые проценты, не переселяются въ страны новыя, гдѣ процентъ=10 и 15 со ста; наоборотъ, многіе переходятъ въ такія мѣста, гдѣ доля капиталиста мала, но гдѣ можно вести большіе обороты, гдѣ талантъ находитъ для себя обширнѣйшее поприще и гдѣ заработки значительнѣе. Купецъ въ малой деревнѣ получаетъ 25% и остается бѣднякомъ; маклеръ въ Лондонѣ беретъ ½ и ¼ проц. и становится богатымъ.

Вмѣстѣ съ экономическимъ развитіемъ побужденія къ переходу въ новыя страны уменьшаются. Земледѣлецъ рѣшается на переселеніе, если на новыхъ мѣстахъ капиталъ уже затраченъ на улучшеніе сообщеній и придалъ цѣнность землѣ. Башмачникъ, портной находятъ перемѣщеніе для

себя менѣе выгоднымъ; часовщикъ и типографщикъ могли бы отъ этого разориться. Милліонеръ предпочтетъ 5 проц., получаемыхъ въ Лондонѣ, 10 проц., платимымъ въ Австраліи.

По Синьйору, капиталъ во 100,000 ф. с. въ Англіи даетъ 10 проц. въ годъ; капиталъ въ 5 шил., обращающійся въ лавкѣ, торгующей фруктами и овощами, приноситъ 20 проц. въ день и быть можетъ даже болѣе, потому что 1 шил. въ день, съ употребляемаго капитала и труда, составляетъ слишкомъ незначительный доходъ.

Капиталъ, затраченный въ мануфактурахъ и въ корабляхъ, подлежитъ тѣмъ же самымъ законамъ. Въ Лі-онѣ, по словамъ Боуринга, владѣлецъ трехъ ткацкихъ станковъ требуетъ за пользованіе ½ заработка, въ Англіи, въ Манчестерѣ, мануфактуристъ получаетъ 10 проц. Г. Гагемейстеръ вычисляетъ, что въ Черномъ морѣ корабельщикъ-капиталистъ получаетъ 44 проц., между тѣмъ какъ въ Англіи и въ Америкѣ прибыль, доставляемая кораблями, несравненно менѣе.

Такимъ же результатомъ сопровождается появленіе желѣзныхъ дорогъ вмѣсто шоссе, жерновыхъ мельницъ вмѣсто ручныхъ, и пр. За провозъ по желѣзнымъ дорогамъ взимается меньшая доля произведеній, чѣмъ по шоссе, за молотье зеренъ на жерновыхъ мельницахъ берется менѣе, чѣмъ на ручныхъ.

Вообще, чѣмъ совершеннѣе механизмъ, тѣмъ значительнѣе капиталъ, тѣмъ менѣе доля, получаемая капиталистомъ и, слѣдовательно, тѣмъ значительнѣе вознагражденіе послѣдняго, *лишь бы только улучшенія были общимъ достояніемъ*. Если одинъ человѣкъ сдѣлаетъ въ кораблѣ усовершенствованіе, которое позволяетъ совершать путь въ половину времени противъ прежняго, то пока это усовершенствованіе ограничивается однимъ кораблемъ, до тѣхъ поръ владѣлецъ послѣдняго будетъ удерживать въ свою

пользу значительную часть выгоды; но коль скоро улучшеніе сдѣлается общимъ для всѣхъ кораблей, то владѣлецъ начнетъ получать меньшую прибыль, между тѣмъ какъ плата рабочимъ увеличится.

Это же самое правило примѣняется къ городскимъ земельнымъ участкамъ, фермамъ, домамъ и прочимъ видамъ капитала. Мѣра прибыли опредѣляется обыкновеннымъ устройствомъ машины: если кто имѣетъ лучшую машину, то онъ пріобрѣтаетъ нѣсколько болѣе; если имѣетъ худшую, то нѣсколько менѣе противъ общей нормы.

Владѣлецъ фермы вблизи города пользуется выгодами отъ легкой затраты капитала, которая поднимаетъ его прибыль выше общаго уровня, между тѣмъ какъ его сосѣдъ, владѣющій неулучшенною землею, не получаетъ никакой ренты отъ арендатора и разсчитываетъ только на заработную плату.

Человѣкъ, который открылъ улучшенный способъ обработки какого-нибудь матеріала и пользуется этимъ изобрѣтеніемъ исключительно, какъ правомъ, гарантированнымъ ему закономъ, получаетъ прибыль, превышающую общій уровень, между тѣмъ какъ человѣкъ, который пользуется старыми, обветшалыми механизмами, едва имѣетъ какой-либо барышъ. Когда, по прекращеніи срока для привилегіи, изобрѣтеніе сдѣлается общимъ достояніемъ, тогда трудъ, примѣненный къ обработкѣ, сдѣлается болѣе производительнымъ, доля, получаемая изобрѣтателемъ, уменьшится, а количество произведеній, подлежащихъ раздѣлу между капиталистами, занимающимися этою обработкою, возрастетъ.

Но, по мнѣнію Кэри, пониженіе и возвышеніе прибыли можетъ происходить независимо отъ вліянія общихъ экономическихъ законовъ. Въ Англіи, говоритъ онъ, прибыль вообще ниже, чѣмъ бы ей слѣдовало быть, потому что разнообразныя ограниченія, или препятствія, по за-

тратѣ капиталовъ, приводили къ пониженію процентовъ, не увеличивая заработной платы.

Положеніе вещей, существующее въ Великобританіи, походитъ на то, еслибъ послѣ занятія участка № 1 было запрещено устраивать дороги, позволяющія приступить къ обработкѣ земель № 2, болѣе отдаленныхъ отъ мѣстъ сбыта. Владѣльцы № 1 лишаются возможности употребить капиталъ для улучшенія сообщеній, а работники — средствъ для занятій. Капиталъ останется праздным, народъ — незанятымъ. Капиталистъ скорѣе согласится отдавать свои деньги въ ссуду за малый процентъ, чѣмъ искать для нихъ затраты за границею; онъ удовольствуется меньшею долею произведеній, а между тѣмъ работники получатъ большую; но количество, подлежащее раздѣлу между обѣими сторонами, будетъ менѣе, потому что итогъ производства упадетъ.

Отмѣны ограниченій въ обрабатывающей промышленности и во внѣшней торговлѣ, отмѣны формальностей, сопровождающихъ разрѣшеніе на постройку желѣзныхъ дорогъ, и пр., увеличивая долю капиталиста, уменьшили бы долю работника; но послѣдній получилъ бы большее количество произведеній, работные дома для бѣдныхъ были бы закрыты, исключая необходимыхъ для призрѣнія неспособныхъ къ труду.

То же самое мы находимъ на твердой землѣ. Въ Гамбургѣ деньги, розданныя подъ залогъ, даютъ только 2 и $2^1/_2$ проц., тогда какъ въ сосѣдней территоріи можно получать 5 и 6 процентовъ. Различіе происходитъ отъ степени безопасности имущества. (?) Гамбургскій капиталистъ, дѣлая затраты у себя дома, знаетъ, что онѣ безопасны; оказывая ссуды голштинскимъ земледѣльцамъ, онъ не увѣренъ въ точной уплатѣ капитала и процентовъ. Поприще для его дѣятельности очень ограниченно, между тѣмъ какъ при обезпеченіи мира и правъ собственности въ Гер-

маніи, гамбургскіе капиталы отправились бы по всѣмъ направленіямъ, отыскивая выгодное употребленіе; явились бы банки для доставленія фермерамъ и мануфактуристамъ пользованія капиталомъ, желѣзныя дороги и каналы для перевозки товаровъ. Отсюда мы можемъ заключить, что безопасность и ограниченное поприще для капитальныхъ затратъ сопровождаются возвышеніемъ цѣнъ и пониженіемъ процентовъ [1]).

Во Франціи курсъ фондовъ ниже, чѣмъ въ Англіи, а платимые по нимъ проценты выше. При волненіяхъ, испытанныхъ этою страною въ теченіе столь долгаго періода, одни раздавали деньги за высокіе проценты, между тѣмъ какъ другіе прятали ихъ въ окованныхъ ларцахъ. Деньги въ Гамбургѣ и въ Амстердамѣ часто отдавались въ ссуду за половину той цѣны, которую платило французское правительство, но голландскіе капиталисты предпочитали меньшій процентъ и бо́льшую безопасность. Еслибъ была опредѣлена средняя производительность капитала во Франціи, то нашли бы, что она гораздо ниже, чѣмъ въ Англіи.

Во Франціи предложеніе труда велико но мало капиталовъ и капиталистовъ. Послѣдніе получаютъ большую долю произведеній, чѣмъ въ Англіи и въ Гамбургѣ, но принуждены обстоятельствами, ограничивающими ихъ дѣятельность, довольствоваться меньшею долею произведеній противъ той, которую они могли бы получать въ другомъ мѣстѣ.

И въ настоящей главѣ, содержащей много вѣрныхъ наблюденій (не всѣ впрочемъ новы) есть обобщенія, не выдерживающія критики. Отождествляя прибыль капиталиста

[1]) Гамбургскіе негоціанты до послѣдняго кризиса пользовались репутаціею капиталистовъ предусмотрительныхъ и осторожныхъ. Но, ранѣе или позже, низкій процентъ, при искусственномъ сосредоточеніи торговли и при возможности большихъ барышей, долженъ былъ вызвать чрезмѣрныя спекуляціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и кризисъ, ознаменовавшій конецъ 1857 года. Н. Б.

съ земельною рентою, Кэри справедливо замѣчаетъ, что прибыль въ первобытныхъ обществахъ какъ доля произведеній велика, но приноситъ мало, и что работникъ бываетъ очень бѣденъ; затѣмъ онъ ошибается, полагая, что высокая прибыль въ странахъ новыхъ не составляетъ приманки для капиталиста, и смѣшиваетъ различныя затраты капиталовъ, приносящія не одинаковые проценты. Если капиталисты-предприниматели не легко оставляютъ родину, гдѣ они могутъ вести большія дѣла, и предпочитаютъ меньшую прибыль большей, то этого нельзя сказать о капиталистахъ, располагающихъ небольшими сбереженіями, которые охотно помѣщаютъ капиталы въ бумаги, представляющія сравнительно меньшее обезпеченіе, но приносящія бо́льшіе проценты. Нельзя при этомъ не припомнить подписки на займы египетскіе, туниссскіе, португальскіе, аргентинскіе, панамской компаніи и пр.

Затѣмъ, если капиталъ, обращающійся въ мелкой овощной лавкѣ, приноситъ 20% въ день, то это не потому, что онъ малъ, а потому, что при этомъ выручается не одна прибыль, и что въ прибыли заключаются также плата за трудъ торговца и плата за рискъ отъ гибели товаровъ. Если деньги въ Гамбургѣ приносили 2 и $2^1/_2$%, тогда какъ въ сосѣдней территоріи можно получать 5 и 6%, то это не потому что капиталъ въ Гамбургѣ болѣе безопасенъ, а скорѣе потому, что тамъ онъ болѣе подвиженъ и легче можетъ быть реализованъ. По краткосрочнымъ векселямъ, когда капиталы бываютъ обильны, платятъ въ половину менѣе того, что платятъ по государственнымъ долгосрочнымъ займамъ и по облигаціямъ компаній.

Признавая въ общемъ вѣрность сужденій Кэри о значеніи накопленія капиталовъ въ странѣ, должно помнить, что это накопленіе благотворно, когда оно не сосредоточивается въ немногихъ рукахъ. Съ другой стороны можно замѣтить, что, указывая на экономическое законодательство Англіи

и въ особенности на покровительственныя пошлины какъ на причину, устраняющую капиталъ отъ затратъ и лишающую работниковъ занятій, Кэри осуждалъ въ «Началахъ Политической Экономіи» то, что онъ проповѣдывалъ съ такою энергіею въ своихъ «Началахъ соціальной науки».

Глава VIII.

Сравненіе цѣнности существующаго земледѣльческаго капитала съ употребленными на него издержками.

Сравнивая цѣнность имуществъ въ странахъ новыхъ, старыхъ и въ городахъ, а также разсматривая отношенія между цѣною имуществъ, приносимыми ими доходами и заработною платою въ разныхъ государствахъ, Кэри приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

Еслибы рента, говоритъ онъ, зависѣла отъ необходимости воздѣлывать худшую почву, то земли, уже присвоенныя, имѣли бы цѣнность, превосходящую сдѣланныя въ нихъ затраты. Если же мы докажемъ, что присвоенная земля не только не стоитъ труда, употребленнаго на приведеніе ея въ настоящее положеніе, но что она не можетъ быть приведена въ это состояніе тѣмъ количествомъ труда, въ которое она нынче оцѣнивается, то для читателя будетъ очевидно, что вся цѣнность земли зависитъ отъ улучшеній.

Могутъ возразить, что земля приносила въ теченіе долгаго времени процентъ, который долженъ быть вычтенъ изъ ея стоимости; но фунтъ серебра, переходившій изъ рукъ въ руки въ теченіе 500 лѣтъ, располагаетъ теперь, при дешевизнѣ производства, гораздо меньшимъ количествомъ труда, чѣмъ въ прежнее время, хотя и остается такимъ же точно фунтомъ серебра. Устранивъ это возраженіе, какъ неосновательное, Кэри переходитъ къ фактамъ.

На основаніи статистическихъ изслѣдованій, недвижимыя имущества въ Англіи оцѣниваются въ 8000 милл. долларовъ, а доходъ отъ нихъ = около 1350 милл. долларовъ, слѣдовательно, цѣна того, что произведено въ теченіе столѣтій, стоитъ менѣе шестилѣтняго дохода. Но еслибы даже цѣнность существующей собственности равнялась цѣнности труда, необходимаго для ея воспроизведенія, т. е. достигала высшаго предѣла, то какъ велика будетъ разность между числомъ рабочихъ дней, которые придется теперь употребить, пользуясь содѣйствіемъ существующаго, накопленнаго капитала, и числомъ дней, потребныхъ въ то время, когда еще предстояло сдѣлать значительную часть улучшеній?

Въ Штатѣ Огейо недвижимая собственность оцѣнена, по отчету 1836 года, въ 172 милл. долларовъ, что равняется 172 милл. рабочихъ дней. Полагая взрослое населеніе мужского пола въ 300,000 душъ, мы находимъ, что цѣна имуществъ равняется двухлѣтнему труду, конечно недостаточному для производства всего существующаго. Оцѣнка земель, домовъ и пр. въ Нью-Іоркскомъ Штатѣ дала въ 1834 году цифру въ 600 милл. долларовъ, равную 600 милл. рабочихъ дней, или при рабочемъ населеніи въ 600,000 человѣкъ, не превышающую цѣны 3—4 лѣтняго труда. Все недвижимое имущество въ Соединенныхъ Штатахъ, въ 1834 году, можно оцѣнить въ 3600 милл. долларовъ и никакъ не выше 4000 милл. доллар., доходъ—въ 1500 милл. долларовъ; такъ что доходъ составляетъ $^3/_8$ цѣнности всей собственности, а послѣдняя не превышаетъ цѣнности $2^1/_2$ годового труда рабочаго населенія.

Не менѣе поразительно сравненіе данныхъ, опредѣляющихъ цѣны земель въ первыя эпохи колонизаціи съ сдѣланными на нихъ издержками. Уильяму Пенну были пожалованы земли, образующія нынѣшній Пенсильван-

скій Штатъ и все пространство къ западу до Тихаго Океана.

За пожалованіе уплачено Пенномъ	29,200	ф. ст.
Израсходовано имъ на земли	52,373	» »
Всего .	81,573	ф. ст.
Выручено Пенномъ	19,460	» »
Затѣмъ чистый убытокъ . . . . . =	62,113	ф. ст.

Пеннъ заложилъ эти земли за 6,600 ф. ст. и, незадолго передъ смертью, хотѣлъ продать ихъ государству за 12,000 ф. ст. Его американская собственность не стоила издержекъ производства.

Такія же ошибки въ разсчетѣ сдѣлали герцогъ Іоркскій и Робертъ Моррисъ, ловкій финансистъ временъ революціи, который покупалъ земли по 10 центовъ за акръ, т. е. около 35 коп. за десятину, и остался, однако, въ убыткѣ, подобно многимъ другимъ.

Въ Пенсильваніи обширныя пространства, содержащія въ себѣ каменный уголь и желѣзную руду, были оставлены владѣльцами, платившими въ теченіе 20, 30 или 40 лѣтъ по 1, 2, и по 3 цента податей отъ акра. По этимъ цѣнамъ были проданы многія земли по Большому Западному Каналу. Собственники платили долгое время подати; за эти подати были устроены дороги, штатъ соорудилъ каналъ, и, однако, цѣна земли не достигала и десятой части того, что на нихъ было издержано! Онѣ были оставлены владѣльцами тѣмъ, которые согласились платить за нихъ по нѣскольку центовъ на содержаніе проведенныхъ дорогъ и на другіе мѣстные расходы. Со временемъ, по всей вѣроятности, за нихъ будутъ давать въ два раза столько долларовъ, сколько теперь платится центовъ, и тогда цѣнность ихъ будетъ приписана огромной производительности почвы, за пользованіе которой будетъ вно-

ситься рента. Почему же теперь не платятъ ренты? Пути устроены, каналъ готовъ, желѣзная дорога близка къ окончанію, а цѣна земель, обилующихъ каменнымъ углемъ и желѣзомъ, едва равняется годичной подати, между тѣмъ какъ другія, менѣе хорошія, близъ Делавера или Шилькилля, имѣютъ огромную цѣнность и даютъ большіе доходы? Здѣсь нѣтъ необходимости обрабатывать худшую почву, тогда какъ несравненно лучшая можетъ быть получена въ пользованіе за издержку, немногимъ превышающую хлопоты, соединенныя съ занятіемъ земель. Разница происходитъ отъ величины сдѣланныхъ затратъ.

Соединенные Штаты заплатили Франціи, Испаніи и туземнымъ жителямъ Америки большія суммы за уступленныя земли. Благодаря миру и возрастанію капитала, спекуляція была выгодна, и однако, не смотря на все это, выручка отъ продажи къ концу 1835 года дала только 58 милл. долларовъ, т. е. столько, сколько было издержано. Еслибъ правительству пришлось платить подати, то расходы не могли бы окупиться. Подобные факты представляютъ городъ Вашингтонъ и Канада.

Доселѣ рѣчь шла о Европѣ и Соединенныхъ Штатахъ; Австралія подтверждаетъ все предыдущее.

Пользуясь отчетомъ Западно-австралійской компаніи, Кэри заключаетъ изъ цифръ привоза, вывоза и оцѣнки имуществъ, что издержкою въ 500,000 ф. ст. пріобрѣтено собственности всего на 138,041 ф. ст. Большой капиталъ былъ растраченъ на устройство нищенской колоніи, которая не имѣла средствъ для уплаты метрополіи за средства существованія и погибла бы, еслибы была предоставлена самой себѣ. Доходы отъ предпріятія въ 1834—1835 годахъ, за вычетомъ издержекъ на управленіе, въ итогѣ равнялись 0. Поселеніе каждаго семейства стоило 1,300 ф. ст. Этою суммою можно было бы обезпечить существованіе колонистовъ, направивъ ихъ въ Сѣверо-американскіе Штаты, или же

устроивъ ихъ положеніе на мѣстѣ, въ Англіи. Дома они, по крайней мѣрѣ, произвели бы то, что они потребили; въ Австраліи они потребили значительный капиталъ и ничего не произвели.

Новая южная австралійская компанія, руководствуясь идеями Уэкфильда, сдѣлала безуспѣшную попытку продавать земли, не имѣющія никакой цѣнности, по 12 шилл. за акръ (около 10 руб. за десятину). По теоріи Уэкфильда, возникшей нѣсколько лѣтъ назадъ, люди, при изобиліи земель, могутъ разсѣяться на слишкомъ обширномъ пространствѣ; поэтому слѣдуетъ высокою цѣною участковъ удержать ихъ другъ подлѣ друга для того, чтобъ обезпечить обществу выгоды совокупнаго труда. Говорятъ, что не слѣдуетъ позволять бѣдному поселенцу (т. е. не имѣющему капитала и надлежащаго приготовленія) сдѣлаться сразу земельнымъ владѣльцемъ; богатому — окружить себя пустынными землями, купленными по дешевой цѣнѣ, которыхъ онъ не можетъ обрабатывать. Ради выгодъ обѣихъ сторонъ необходимо нѣкоторое принужденіе извнѣ для того, чтобы удержать общеніе, не мѣшая, впрочемъ, распространенію дѣятельности труда, по мѣрѣ накопленія капиталовъ и увеличенія населенія. Странно, какъ теоретикамъ не пришло на мысль, что каждый человѣкъ, гораздо лучше завѣдываетъ собственными дѣлами, слѣдуя своему разумѣнію, а не правиламъ, предписаннымъ другими. Повидимому большинство экономистовъ думаетъ, что для производства необходимы три условія: во-первыхъ, руководство; во-вторыхъ, руководство и, въ-третьихъ, руководство! *Начало Уэкфильда справедливо*, какъ осужденіе системы колонизаціи, имѣющей цѣлью разсѣяніе населенія. Но въ колоніяхъ она ведетъ къ гибельнымъ результатамъ, потому что отнимаетъ у поселенцевъ капиталъ, необходимый для улучшеній почвы, для устройства дорогъ и пр., и пр. Безуспѣшность примѣненія системы доказывается наилучшимъ об-

разомъ примѣромъ Вандименовой земли, гдѣ назначена была цѣна 5 шилл. за акръ, и гдѣ въ теченіе трехъ лѣтъ явился только одинъ покупщикъ и то отставной офицеръ!

Затѣмъ Кэри переходитъ къ разсмотрѣнію цѣнности городскихъ имуществъ и сдѣланныхъ на нихъ издержекъ.

Доходъ, приносимый лондонскою собственностью, равняется 7 мил. фунт. ст., а недвижимая собственность въ Лондонѣ по 22-лѣтней сложности дохода оцѣнивается въ 154 мил. фун. ст. Если рабочее населеніе Лондона не болѣе $^1/_2$ милліона, а заработная плата на человѣка составляетъ 60 фунт. ст. въ годъ, то цѣнность всей городской собственности будетъ равняться цѣнности 5-лѣтняго труда. Но можно ли этимъ трудомъ выстроить такой городъ? Конечно, и вчетверо большимъ невозможно.

Цѣна имуществъ въ городѣ и графствѣ Филадельфіи равняется 117 мил. дол. = 117 мил. рабочихъ дней, или цѣнности 5-лѣтняго труда 80,000 человѣкъ, которые въ такой короткій періодъ ни въ какомъ случаѣ не могли бы расчистить почву и возвести всѣ существующія постройки. Нѣтъ собственности, которая доказывала бы болѣе неоспоримымъ образомъ, что цѣнность происходитъ отъ труда и капитала, какъ городскія мѣста. Участки въ окрестностяхъ Нью-Йорка, Филадельфіи, Лондона и Ливерпуля заплатили такую сумму въ видѣ податей, что, принимая въ разсчетъ причитающіеся на нее проценты, было бы выгоднѣе купить двухпроцентные фонды. Цѣна этихъ земель не достигаетъ того, что на нихъ издержано.

По принятому ученію, необходимость обращаться къ городскимъ мѣстамъ, болѣе отдаленнымъ отъ центра оборотовъ, создаетъ ренту. Съ этимъ нельзя было бы не согласиться, еслибы въ теченіе времени уменьшились вознагражденіе труда и таланта и торговая прибыль; но если, при заселеніи болѣе отдаленныхъ улицъ, цѣнность имуществъ, принадлежащихъ жителямъ, возрасла, то это про-

изошло отъ увеличенія производства, которое позволяетъ людямъ въ отдаленныхъ частяхъ города получать вознагражденіе большее противъ того, которое нѣкогда пріобрѣталось въ центрѣ города. Кэри не хочетъ сказать этимъ, что въ данный моментъ времени вознагражденіе сдѣлалось значительнѣе въ отдаленныхъ мѣстахъ, чѣмъ въ центрѣ оборотовъ, но что въ каждую послѣдующую эпоху, доходы въ мѣстахъ отдаленныхъ становятся значительнѣе, чѣмъ въ эпоху предшествовавшую въ центрѣ города, гдѣ, само-собою разумѣется, доходы будутъ расти процорціонально новымъ затратамъ капиталовъ.

Такимъ образомъ собственность, заключающаяся въ земляхъ, домахъ, и пр., подлежитъ тѣмъ же законамъ, какъ и накопленная въ формѣ топоровъ, кораблей или въ механизмахъ, предназначенныхъ для вспомоществованія труду. По мѣрѣ того, какъ населеніе возрастаетъ, капиталъ становится болѣе обильнымъ и обработка распространяется на другія земли, собственность можетъ располагать въ мѣнѣ меньшимъ и меньшимъ количествомъ труда и требовать меньшей доли произведеній за право пользованія ею.

Гдѣ улучшенія были самыя значительныя, тамъ настоящая цѣнность земли, сравнительно съ цѣнностью существующаго труда, мала. Механизмы (т. е. капиталы), помогающіе труду, равняются въ Соединенныхъ Штатахъ итогу произведеній трехлѣтняго, въ Англіи шестилѣтняго, въ Шотландіи восьмилѣтняго, въ Ирландіи одиннадцатилѣтняго труда. Если же въ Англіи процентъ ниже, чѣмъ въ Америкѣ, то не должно забывать, что истинная причина этого явленія (которое вводитъ въ заблужденіе, при сравненіи данныхъ) состоитъ въ томъ, что препятствія, полагаемыя затратамъ капитала, увеличиваютъ денежную цѣну затратъ, приносящихъ доходъ, и поэтому недвижимая собственность въ Англіи продается за тридцатилѣтній слож-

ный доходъ, между тѣмъ какъ въ Америкѣ капиталисты цѣнятъ ее не болѣе какъ по 18-лѣтней или, много, по 20-лѣтней сложности годового дохода. Подобнымъ образомъ все, что мѣшаетъ возрастанію капитала, или свободному употребленію труда, возвышаетъ выраженную трудомъ цѣнность имуществъ. За участокъ земли, приносящей извѣстный доходъ, англійскій работникъ, удаленный ограниченіями внѣшней торговли отъ занятій въ мануфактурахъ, даетъ большее количество труда; французскій дастъ вдвое болѣе противъ англійскаго, а американскій не болѣе $^3/_4$ количества труда, противу предложеннаго послѣднимъ.

При условіяхъ, въ которыхъ находятся Шотландія, Ирландія и Франція, т. е. при существующихъ въ нихъ промышленныхъ стѣсненіяхъ, огромныхъ долгахъ и пр., собственность, уже накопленная въ этихъ странахъ, не можетъ имѣть никакой цѣны въ глазахъ американца. Ежегодное производство Шотландіи, по Кэри, равняется 36 мил. ф. стер., или 180 мил. долларамъ; если исключить отсюда заработную плату, опредѣленную по американскому масштабу въ 165 мил. дол., то, за вычетомъ 10 милліоновъ, слѣдующихъ въ уплату процентовъ по государственнымъ долгамъ, останется всего 5 мил. на долю прибыли.

Итогъ произведеній Ирландіи едва достаточенъ для выдачи половинѣ населенія заработной платы, равной получаемой американскими работниками, такъ что, при настоящихъ обстоятельствахъ, вся земледѣльческая собственность Ирландіи не можетъ имѣть никакой цѣны для американскаго капиталиста; а между тѣмъ, еслибъ въ Ирландіи были обезпечены права личныя и по имуществамъ, еслибъ населенію была дана свобода дѣятельности и свобода торговли, то эта страна могла бы сдѣлаться земнымъ раемъ.

Во Франціи доходъ равняется 8,000 мил. фр., или 1,500 мил. долларовъ. Заработная плата для населенія, равнаго французскому, потребовала бы въ Америкѣ 2,200 м. долларовъ; слѣдовательно, для американскаго землевладѣльца было бы невыгодно занять такія земли даже и тогда, когда бы ему были отданы всѣ произведенія въ качествѣ заработной платы. При настоящихъ обстоятельствахъ, для американскаго капиталиста французская земля, точно такъ же, какъ и ирландская, не имѣетъ мѣновой цѣнности, а населеніе изъ американскихъ работниковъ, равное по числу французскому, не захотѣло бы взять ее даромъ. Что побудило бы ихъ принять во владѣніе цѣлое королевство (what inducements could they have to accept the ownership of the whole kingdom?), еслибъ имъ сказали: вамъ придется постоянно воевать, нести бремя огромной арміи, быть скована ограниченіями во всѣхъ отрасляхъ промышленности; вамъ нельзя разсчитывать на накопленіе капитала; на долю вашу должны выпасть нищета, безпрерывно вызывающая революціи, въ надеждѣ на перемѣны къ лучшему, и дорогой правительственный механизмъ, при недостаткѣ безопасности лица и имущества. Въ такомъ же точно положеніи находится и французскій земледѣлецъ относительно индійца (?!).

Существованіе рабства въ первыя эпохи общественной жизни находится, по мнѣнію Кэри, въ прямомъ противорѣчіи съ мыслію о самостоятельной цѣнности земли. Рабство существуетъ тамъ, гдѣ населеніе незначительно, а земля изобильна, и гдѣ обрабатывается только самая плодородная почва. Это средство для полученія ренты, къ которому прибѣгаютъ до тѣхъ поръ, пока капиталъ не былъ употребленъ для приданія цѣнности землѣ. Когда капиталъ возрастетъ и земля получитъ цѣнность отъ сдѣланныхъ на нее затратъ, тогда необходимость (?) обращать людей въ рабство прекращается; потому что рабы

согласятся платить добровольно бо́льшую ренту, противъ дохода, который можно было бы получить, удерживая ихъ въ неволѣ.

Надо полагать, говоритъ Кэри, что читатель согласится теперь съ тѣмъ, что рента и проценты съ капитала одно и то же, и что цѣнность земледѣльческой собственности, подобно цѣнности другихъ даровъ природы, существующихъ въ неограниченномъ количествѣ, происходитъ единственно отъ труда, употребленнаго на ихъ присвоеніе и улучшеніе. Въ доказательство этой мысли Кэри указываетъ на неизмѣримыя пространства пустопорожнихъ земель, которыя могли бы прокормить населеніе въ десять разъ большее, даже при настоящихъ нашихъ земледѣльческихъ свѣдѣніяхъ. Отчего же, при такомъ огромномъ количествѣ плодородныхъ и незанятыхъ земель, нанимаются другія и платится за нихъ рента? Оттого, что выгоднѣе платить процентъ съ затраченнаго капитала и пріобрѣтать гораздо болѣе, чѣмъ удаляться въ плодородныя пустыни.

Послѣ этого Кэри опровергаетъ возраженія, приводимыя противъ главныхъ его положеній. Могутъ спросить: отчего ирландцы ищутъ заработковъ на берегахъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, между тѣмъ какъ жители Новой Англіи отправляются на западъ, виргинцы и сѣверокаролинцы переходятъ съ своими рабами въ Миссисипи и Алабаму? Оттого, говоритъ авторъ, что ирландцы, при быстромъ возрастаніи капитала, при безопасности и свободѣ, находятъ въ Америкѣ высокую заработную плату—поступятъ ли они работниками на фермы, или же возьмутъ земли въ арендное содержаніе. Въ послѣднемъ случаѣ, отдавая владѣльцу малую долю произведеній, въ качествѣ процента съ капитала, истраченнаго на улучшеніе фермъ, они находятъ для своего труда большее вознагражденіе. Быть можетъ, предшественники этихъ арендаторовъ находятся на пути въ Иллинойсъ, надѣясь найти болѣе

прибыльныя аренды и зная, что земли продаются на западѣ по очень низкимъ цѣнамъ, сравнительно съ громадными выгодами, сопровождающими огромныя затраты капиталовъ на улучшеніе почвы, на устройство сообщеній и пр. Они увѣрены, что подобныя затраты должны продолжаться и возрастать съ необыкновенною быстротою, что каждый издержанный долларъ долженъ увеличить цѣнность пріобрѣтенной ими собственности. Но переселенцы пріобрѣтаютъ эти выгоды цѣною многихъ лишеній.

Населеніе невольническихъ штатовъ подвигается далѣе по той же самой причинѣ, по которой прежде мѣняли на станціяхъ лошадей. Обработка основана на истощеніи почвы и на переходѣ къ новинѣ. Еслибъ слѣдовали другой системѣ, возвращая землѣ удобреніемъ то, что извлечено жатвами, еслибъ потребленіе не было такъ велико, и накопленные капиталы обращались на улучшеніе, то земли старыя имѣли бы высшую цѣнность противъ занимаемыхъ вновь.

Наконецъ, Синьйоръ, приписывая происхожденіе цѣнности ограниченію запасовъ, полагаетъ, что произведенія имѣли бы цѣнность и тогда, когда природа давала бы ихъ человѣку въ существующемъ количествѣ, безъ всякаго труда съ его стороны. Они обмѣнивались бы въ такой же пропорціи, какъ и теперь, т. е. сохраняли бы точно такую же относительную цѣнность. И въ этой гипотезѣ, по мнѣнію Кэри, цѣнность произведеній опредѣляется трудомъ, употребленнымъ на присвоеніе и на доставку, и значительно отличается отъ настоящей. Рыбу даетъ намъ доселѣ природа, и вся цѣнность ея зависитъ отъ труда, употребленнаго на ловлю и на привозъ. Рыбакъ трудится теперь цѣлый годъ для того, чтобъ заработать средства существованія для своего семейства; согласится ли онъ отдать то же количество рыбы за необходимую для него пшеницу или хлопчатобумажную матерію, если на пріі-

обрѣтеніе этихъ предметовъ нужно употребить вмѣсто годового, недѣльный трудъ? Еслибы всѣ нынѣ потребляемыя произведенія даны были природою въ ихъ настоящемъ количествѣ, безъ всякихъ усилій со стороны человѣка, то ихъ относительная цѣнность измѣрялась бы издержками производства тамъ, гдѣ они будутъ требоваться. Но, замѣчаетъ Кэри, всѣ производительные дѣятели: земля, воздухъ, вода, теплота, паръ и пр. въ дѣйствительности находятся въ неограниченномъ (?) количествѣ. Каждый можетъ имѣть ихъ столько, сколько онъ считаетъ выгоднымъ для себя пріобрѣсть. Равнымъ образомъ, всѣ средства, которыми пользуются люди, находятся въ неограниченномъ количествѣ и могутъ быть умножены по произволу, при помощи труда. *Цѣнность* ихъ во всѣхъ случаяхъ измѣряется количествомъ труда, потребнаго для ихъ производства, въ размѣрахъ, необходимыхъ для удовлетворенія требованіямъ тѣхъ, которые обладаютъ другими, предлагаемыми въ обмѣнъ произведеніями.

Сравнивая цѣнность существующаго земледѣльческаго капитала съ употребленными на образованіе его издержками, Кэри приведенными статистическими фактами и наблюденіями не столько подтверждаетъ свою теорію ренты, сколько опровергаетъ выставленную имъ теорію цѣнности, по которой цѣнность произведеній зависитъ отъ количества труда, необходимаго для ихъ воспроизведенія. Онъ правъ, когда доказываетъ, что цѣнность земли, каменноугольныхъ копей, мѣсторожденій металловъ зависитъ не столько отъ плодородія почвы, обилія минераловъ и богатства рудъ, сколько отъ затратъ капиталовъ,—слѣдовало бы сказать, не только ихъ владѣльцами, но вообще всѣмъ населеніемъ страны, самимъ государствомъ, и даже населеніемъ странъ, съ которыми данное государство находится въ близкихъ сношеніяхъ. Равнымъ образомъ слѣдовало бы замѣтить, что

при одинаковыхъ условіяхъ качество почвы или богатство копей и рудниковъ составляютъ рѣшающій моментъ при опредѣленіи ренты, хотя нѣтъ сомнѣнія, что дѣйствительность не всегда представляетъ намъ переходъ въ обработкѣ отъ лучшихъ земель къ худшимъ, отъ богатыхъ копей и рудниковъ къ бѣднымъ.

Затѣмъ, ссылаясь на то, что цѣна, которая уплачивается за недвижимыя имущества, не соотвѣтствуетъ цѣнѣ труда, необходимаго для созданія этой недвижимости, Кэри, незамѣтно для себя самого, опровергаетъ свою теорію цѣнности, которая построена на томъ, что цѣнность произведеній равняется не труду, затраченному въ произведеніяхъ, а необходимому для ихъ воспроизведенія. Множествомъ примѣровъ авторъ доказываетъ, что недвижимыя имущества не могутъ быть воспроизведены трудомъ равной цѣнности.

Значитъ ли это, что работа, затраченная въ недвижимостяхъ, утратила часть своей цѣнности сравнительно съ трудомъ, въ ней затраченнымъ, или что трудъ вздорожалъ. Затѣмъ, можно ли сказать, что цѣнность недвижимыхъ имуществъ создана одною простою работою поденщика? Въ постройкахъ не участвовалъ ли трудъ техниковъ, архитекторовъ, инженеровъ, художниковъ и пр.? Можно ли ихъ работу приравнивать къ работѣ простого физическаго труда?

Еще съ большимъ правомъ можно указать въ ученіи Кэри о рентѣ въ частности и о цѣнности вообще на то, что онъ просмотрѣлъ, или скорѣе отнесъ къ затратамъ труда и капитала вліяніе на цѣнность стеченія благопріятныхъ обстоятельствъ (Conjuncturen), существенное обстоятельство, которое особенно принимается во вниманіе современными германскими экономистами. Такъ напримѣръ, проводится желѣзная дорога, и земли въ сосѣдствѣ съ линіею пріобрѣтаютъ двойную цѣну, хотя бы владѣльцы и

не дѣлали никакихъ затратъ; или заселяется городъ, и цѣны земель растутъ, независимо отъ помѣщаемыхъ капиталовъ, въ одномъ предвидѣніи будущаго спроса на мѣста для построекъ, на дома и на квартиры.

Въ заключеніе Кэри пытается опровергнуть Синьйора относительно вліянія рѣдкости на цѣнность, но едва ли съ нимъ можно согласиться, потому что вся его аргументація основана на томъ, что земля, воздухъ, вода, теплота, паръ и пр. въ дѣйствительности находятся въ неограниченномъ количествѣ. То, что подлежитъ измѣренію, находится въ опредѣленномъ, а не въ неограниченномъ количествѣ, въ особенности, когда дѣло идетъ не о конкретномъ случаѣ. Нельзя убѣдить населеніе, страдающее малоземеліемъ, что земля находится въ неограниченномъ количествѣ, именно потому, что земля, для него доступная, не достаточна для пропитанія его своими произведеніями. Да, наконецъ, поверхность твердой земли на земномъ шарѣ, развѣ она безгранична? Развѣ самая теплота, отъ которой зависитъ все живое на нашей планетѣ, находится въ безпредѣльномъ количествѣ? Годовую работу никто не отдаетъ за другую недѣльную, если послѣдняя доступна или не нужна; но если она нужна и мало доступна, то принимается въ разсчетъ, въ числѣ прочаго, и потребность, выражающаяся въ спросѣ.

Глава IX.

Колебанія цѣнъ.

Если изложенныя мысли, замѣчаетъ Кэри, справедливы, то ими можно объяснить колебанія, происходящія въ цѣнности земельной собственности, которая иногда поднимается выше, а иногда падаетъ ниже дѣйствительной стоимости.

Выше было замѣчено, что цѣнность плуга, бумагопрядильной машины, фермы и пр. въ теченіе времени понижается. Такъ было въ прошлыя времена, и можно заключить, что то же самое происходитъ и въ настоящемъ, потому что природа всегда дѣйствуетъ по однимъ и тѣмъ же законамъ. Отсюда слѣдуетъ, что и настоящее возрастаніе цѣнности земель не соотвѣтствуетъ труду, издерживаемому на улучшеніе. Ежегодное производство Соединенныхъ Штатовъ цѣнится въ 1,500 мил. долларовъ; полагая, что $^1/_{10}$ доля идетъ на постройки, на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и пр., надо допустить, что ежегодное возрастаніе цѣнности имуществъ менѣе этой суммы. На означенные предметы можетъ быть издержана только часть заработной платы или прибыли, въ которой нѣтъ надобности для текущаго потребленія. Это будетъ очевиднѣе, если обратить вниманіе на хозяйственную дѣятельность частнаго лица. Такъ, напримѣръ, если промышленникъ, употребляющій въ предпріятіи весь свой капиталъ и располагающій ежегоднымъ излишкомъ въ 5,000 долларовъ, затѣетъ постройку дома, требующаго по 10,000 долларовъ въ годъ, то онъ будетъ принужденъ или ограничить свои операціи, или прибѣгнуть къ кредиту. Если его сосѣди сдѣлаютъ то же самое, то ему придется остановить постройки и ожидать накопленія капитала, которое позволило бы довести дѣло до конца.

Представленный примѣрный фактъ воспроизводитъ исторію многихъ операцій въ Великобританіи и въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ обѣихъ странахъ бываетъ по временамъ страсть къ спекуляціямъ собственностью: земледѣльческіе участки и усадьбы возникаютъ, дома строятся, дороги и каналы проектируются, отчасти сооружаются, между тѣмъ цѣны растутъ, пока каждый не увидитъ, наконецъ, что онъ не можетъ выполнить предпринятаго безъ помощи сосѣдей; послѣдніе однако находятся въ точно

такомъ же положеніи. Тогда постройка домовъ и желѣзныхъ дорогъ останавливается, цѣны усадьбъ и домовъ падаютъ, новыя постройки не затѣиваются, проекты оставляются, и мало по малу установляется здоровый порядокъ вещей. Тѣ, которые могли удержать въ своихъ рукахъ собственность, теряютъ на нее проценты; тѣ, которые принуждены были продать, уступаютъ ее за безцѣнокъ. Такова исторія всѣхъ обширныхъ спекуляцій недвижимостями и сдѣланными въ нихъ улучшеніями, и таковы всегда будутъ послѣдствія общаго и значительнаго возвышенія цѣнности земельной собственности [1]).

Возрастаніе цѣнности *мѣстное* можетъ имѣть значительные размѣры и длиться постоянно; но *внезапное* всегда сопровождается пониженіемъ цѣнности въ другомъ мѣстѣ или же болѣе медленнымъ возрастаніемъ впослѣдствіи. Цѣнность земель въ Иллинойсѣ можетъ быстро увеличиваться, но она увеличивается только пропорціонально капиталу, употребленному на улучшенія. Еслибы желѣзныя дороги и каналы облегчили пользованіе землями и представилось бы выгоднымъ фермерамъ Новой Англіи, Нью-Йорка и Пенсильваніи оставить или продать свои фермы, ради пріобрѣтеній въ Иллинойсѣ, то возвышеніе цѣнности въ послѣднемъ сопровождалось бы соотвѣтствующимъ упадкомъ въ мѣстахъ, откуда двинулся потокъ переселенія.

Возрастаніе цѣнности земель въ Алабамѣ и Миссисипи было велико, но оно совпадало съ пониженіемъ въ Южной Каролинѣ, Сѣверной Каролинѣ и Виргиніи, въ которыхъ

[1]) То же самое повторяется и при учрежденіи банковъ. Когда всѣ пускаются на спекуляцію ссужать деньги, т. е. помѣщаютъ свои капиталы въ банковыхъ акціяхъ, предназначая эти капиталы для учета, тогда вскорѣ оказывается, что акціонеры не въ состояніи сдѣлать всѣхъ слѣдующихъ съ нихъ взносовъ. Многіе пытаются сбыть полуоплаченныя акціи; но такъ какъ взносы требуются банковыми компаніями отъ огромнаго числа лицъ, то покупщиковъ не бываетъ, и акціи падаютъ до тѣхъ поръ, пока развитіе торговли не доставитъ занятій затраченному въ нихъ капиталу.

собственники продавали свои плантаціи по низкимъ цѣнамъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ оставляли вовсе. То же самое было бы и во многихъ мѣстахъ Новой Англіи, еслибы затраты капитала въ мануфактурахъ не открывали земледѣлію домашняго рынка, болѣе выгоднаго противъ доставляемаго желѣзными дорогами плодороднымъ землямъ Запада.

Кэри полагаетъ невозможнымъ, чтобъ цѣна имуществъ въ Нью-Йоркѣ росла въ дѣйствительности такъ быстро, какъ показываютъ сдѣланныя оцѣнки, по которымъ нью-йоркская собственность оцѣнивалась въ 1834 году до 600, въ 1835 году до 700, въ 1836 году до 900 милл. долларовъ, и думаетъ такъ потому, что съ 1818 г. по 1834 г., въ цѣломъ Союзѣ годичное возрастаніе равнялось не болѣе 100 милліонамъ, при вѣроятной затратѣ въ 150 милліоновъ долларовъ. Такимъ образомъ, по его мнѣнію, быстрое возвышеніе цѣнности должно испытать паденіе въ будущемъ; оно дѣйствительно послѣдовало вскорѣ по выходѣ перваго тома его «Началъ» [1]). Если, говоритъ онъ, мы видимъ быстрое возрастаніе цѣнности недвижимаго имущества, послѣ ряда лѣтъ, въ теченіе которыхъ благоденствіе росло, а трудъ и капиталъ были употребляемы съ выгодою, то *мы можемъ быть увѣрены, что это не можетъ длиться постоянно, потому что возрастаніе дѣйствительной цѣнности происходитъ только отъ ежегодныхъ сбереженій, употребленныхъ на улучшенія, и не можетъ равняться итогу затрачиваемаго такимъ образомъ капитала.*

При отсутствіи препятствій со стороны закона, цѣна

---

[1]) Кэри считаетъ невозможнымъ, чтобъ желѣзныя дороги возвышали доходъ съ земель свыше прибыли съ затрачиваемаго въ нихъ капитала; въ противномъ случаѣ, владѣльцы дорогъ могли бы требовать пошлину за увеличеніе доходности земель. Очевидно, въ настоящемъ случаѣ авторъ ошибается. Употребленіе капитала можетъ быть болѣе или менѣе выгоднымъ; а приращеніе цѣнности земель иногда превышаетъ среднюю величину затратъ, иногда же остается ниже ихъ.

капитала, выражаемая процентами, клонится къ паденію. Замѣчая, что проценты быстро растутъ, что торговля даетъ большія прибыли, мы можемъ ожидать, что наступитъ время для противнаго, и что проценты упадутъ ниже уровня, тогда какъ прежде они стояли выше послѣдняго. *Въ данный моментъ перемѣна приписывается большей производительности капитала; но еслибы капиталъ и трудъ въ самомъ дѣлѣ были производительнѣе, то доля капиталиста уменьшилась бы, а не возросла.*

Когда цѣны товаровъ растутъ при уменьшеніи вознагражденія работника, тогда можно быть увѣрену, что явленіе не будетъ длиться постоянно. Это бываетъ слѣдствіемъ войны, а миръ влечетъ за собою паденіе цѣнъ и возрастаніе заработной платы. Цѣна товаровъ, выраженная трудомъ, падаетъ съ увеличеніемъ и растетъ вмѣстѣ съ упадкомъ производства. Неурожаи сопровождаются такими же послѣдствіями, какъ и война.

Цѣна (т. е. цѣнность, выраженная деньгами) товаровъ, кромѣ золота и серебра, клонится къ пониженію, потому что усовершенствованіе въ производствѣ всѣхъ товаровъ, кромѣ золота и серебра, происходитъ быстрѣе. Всеобщее возрастаніе цѣнъ есть слѣдствіе оцѣнки не монетою, а ея представителями (т. е. кредитными орудіями обращенія); но коль скоро усилится спросъ на золото и серебро, то цѣна кредитныхъ знаковъ падаетъ.

Цѣна труда склонялась бы къ пониженію вмѣстѣ съ возрастающею трудностью (?) пріобрѣтенія драгоцѣнныхъ металловъ, еслибъ кредитные знаки не замѣняли монеты въ большей части оборотовъ [1]). Доколѣ этотъ замѣнъ под-

---

[1]) Итакъ, Кэри допускаетъ истощеніе производительности природы; но если обратить вниманіе на способы совершенія мѣны, то можно сказать утвердительно, что въ развитыхъ обществахъ потребность въ орудіяхъ мѣны удовлетворяется, независимо отъ добыванія металловъ, гораздо полнѣе, чѣмъ въ странахъ отсталыхъ съ богатыми рудниками.

держиваетъ настоящее отношеніе между трудомъ и монетою, до тѣхъ поръ средняя цѣна остается безъ перемѣны, но если рудники перестаютъ доставлять достаточное количество металла и если уменьшается возможность замѣны монеты кредитомъ, то среднія цѣны понижаются; онѣ падаютъ также при ограниченіи кредита и при извлеченіи монеты изъ обращенія. Напротивъ, быстрое развитіе кредита, когда билеты и векселя замѣняютъ монету, ведетъ къ возвышенію цѣнъ. Сохраненіе всеобщаго мира, облегченіе оборотовъ, вслѣдствіе устройства желѣзныхъ дорогъ и увеличенія довѣрія къ билетамъ и векселямъ, значительно уменьшаетъ потребность въ монетѣ и возвышаетъ заработную плату на деньги. Недостатокъ довѣрія уменьшаетъ вознагражденіе работника въ монетѣ, но нѣтъ повода сомнѣваться въ постоянномъ возрастаніи довѣрія и въ облегченіи оборотовъ, а слѣдовательно въ возвышеніи средней цѣны труда, выраженной монетою. Можно ожидать также большаго предложенія металловъ послѣ возстановленія мира въ Мексикѣ и Перу, и еслибъ это послѣдовало, то горные промыслы сдѣлались бы, по всей вѣроятности, болѣе производительными, а данное количество труда пріобрѣтало бы большее количество монеты.

При неподвижности среднихъ цѣнъ, могутъ происходить у народовъ перемѣны, сходныя съ постигающими частныхъ лицъ. Если цѣна башмаковъ равняется одному доллару, а въ день будетъ сшита одна пара, то цѣна дневного труда будетъ=одному доллару. Если одинъ башмачникъ устроитъ машину, при помощи которой онъ въ состояніи сшить двѣ пары въ день, между тѣмъ какъ другой шьетъ только полпары, то первый получитъ 2 доллара, а второй — 50 центовъ. Одинъ получитъ вознагражденіе выше, другой ниже средняго. То же самое бываетъ и у цѣлыхъ народовъ. Китайцы и индійцы получаютъ заработную плату меньшую, сѣверо-американцы и англичане

большую противъ средней величины. Пріобрѣтеніе всѣми башмачниками подобныхъ машинъ возвыситъ производительность труда и понизитъ цѣны башмаковъ до 50 центовъ за пару. Тогда средняя цѣна труда, выраженная монетою, останется та же самая, но заработки имѣвшаго монополію машины понизятся до 1 доллара, пока онъ не сдѣлаетъ новаго улучшенія. Плохой работникъ, который не въ состояніи пріобрѣсти машину, сдѣлаетъ полпары въ день и пріобрѣтетъ въ деньгахъ только половину заработной платы монетою противъ той, которую онъ получалъ до происшедшей перемѣны.

Заработная плата на деньги въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Англіи выше, чѣмъ гдѣ-либо, потому что здѣсь трудъ обладаетъ пособіями, не существующими въ другихъ странахъ свѣта. Еслибъ эти механизмы оставались безъ усовершенствованій, а между тѣмъ жители континентальной Европы сравнялись съ англичанами и сѣверо-американцами, то и денежная заработная плата послѣднихъ упала бы непремѣнно.

При одномъ и томъ же отношеніи между драгоцѣнными металлами и трудомъ, заработная плата, выдаваемая деньгами въ Соединенныхъ Штатахъ, можетъ удержать свое превосходство только превосходствомъ машинъ; послѣднее обусловливается свободою работника и капиталиста въ сферѣ промышленности и употребленіемъ лишь малой части произведеній труда на государственные расходы.

Великое общество, образующее міръ, управляется тѣми же законами, какъ и небольшое, состоящее изъ сотни жителей, отдѣленныхъ отъ остального свѣта и зависящихъ, относительно удовлетворенія своихъ потребностей, единственно отъ себя самихъ. Если болѣзнь лишаетъ общество услугъ башмачника или портного, то каждый членъ чувствуетъ потерю въ увеличившемся количествѣ труда, потребномъ для снабженія себя башмаками или одеждою.

Уменьшенное производство одного сопровождается уменьшеніемъ вознагражденія за трудъ, получаемаго всѣми остальными. Такъ бываетъ въ цѣломъ мірѣ. Еслибы германскій народъ не могъ продать своего хлѣба, то онъ не могъ бы купить хлопчатой бумаги и табаку. Еслибы война помѣшала воздѣлывать эти продукты, то народъ Соединенныхъ Штатовъ ощутилъ бы ея послѣдствія въ уменьшеніи для него возможности пріобрѣсть другіе товары въ обмѣнъ на свои произведенія.

Недостатокъ въ жатвѣ за границею ведетъ къ возвышенію цѣнъ въ странѣ и къ призрачному возрастанію благосостоянія; но послѣдствіе этого возвышенія цѣнъ состоитъ, какъ въ уменьшеніи возможности для работника пріобрѣтать пшеницу въ обмѣнъ за свои произведенія, такъ и въ уменьшеніи спроса на трудъ со стороны иностранцевъ, перестающихъ покупать другіе предметы, кромѣ тѣхъ, къ которымъ они привыкли. *Уменьшившееся производство, въ какой бы то ни было части свѣта, клонится къ уменьшенію количества товаровъ, пріобрѣтаемыхъ работникомъ въ каждой другой части; между тѣмъ, возрастающее производство въ одной клонится къ увеличенію пріобрѣтенія въ каждой другой. Итакъ, интересъ всѣхъ и каждаго заставляетъ желать господства всеобщаго мира, накопленія капитала и возрастанія производительности труда.*

Если возвышеніе заработной платы на деньги есть слѣдствіе дальнѣйшаго усовершенствованія механизмовъ, увеличивающихъ производительныя силы работника и поставляющихъ его производство выше средней величины, то это сопровождается дальнѣйшимъ пониженіемъ цѣны произведеній [1]).

[1]) Въ 1834 году, на двухъ манчестерскихъ бумагопрядильняхъ, гдѣ выдѣлываются тонкія нити, одинъ прядильщикъ могъ произвести 16 фунтовъ нитей (по 200 мотковъ въ фунтѣ) машинами въ 300—384 веретенъ, при 69 часовой работѣ въ недѣлю. (Въ то время онъ производилъ скорѣе

Такимъ образомъ, еслибы башмачники и шапочники Соединенныхъ Штатовъ могли вдругъ увеличить свое производство на 25 проц., башмаки и шляпы упали бы въ цѣнѣ, при возвышеніи заработной платы на деньги. Возрастаніе послѣдней въ какой-либо странѣ отъ увеличенія производства выгодно для всѣхъ, потому что оно указываетъ на возрастаніе возможности пріобрѣтать товары вообще, между тѣмъ какъ возрастаніе заработной платы въ одной странѣ отъ уменьшенія производства въ другой не выгодно для всѣхъ, такъ какъ оно указываетъ вообще на уменьшеніе способовъ къ пріобрѣтенію предметовъ потребленія.

Такимъ образомъ, если возвышеніе заработной платы, уплачиваемой деньгами, слѣдуетъ за возрастаніемъ цѣнъ произведеній, то оно происходитъ или отъ уменьшившагося производства, или отъ излишка замѣняющихъ монету орудій обращенія; оно не выгодно для работника, и существуетъ временно [1]).

болѣе, чѣмъ менѣе 16 фунтовъ). Эти машины были замѣнены въ томъ же году другими, вдвое могущественнѣйшими. Результатъ получился слѣдующій. Когда прядильщикъ производилъ 16 фунтовъ № 200, тогда онъ получалъ по 3½ шилл. за фунтъ, а въ недѣлю (умноживъ 3½ на 16) 54 шилл. дохода, изъ котораго ему приходилось платить 13 шилл. своимъ помощникамъ. Затѣмъ у него оставалось 41 шилл. чистой прибыли. Но вскорѣ потомъ машины стали устраиваться съ 648 веретенами. Онъ началъ получать 2 шилл. 5 пенс. за фунтъ, вмѣсто 3½, т. е. ⅔ прежней платы, и производилъ въ то же время не 16, а 32 фунта. Поэтому его доходъ = 32 × 2 шилл. 5 пенс. = 77 шилл. 4 пенс.; а за вычетомъ по 5 шилл. для помощниковъ, или 25 шилл., положимъ даже 27 шилл., его чистый доходъ будетъ=52 шилл. 4 пенс. за 69 часовой трудъ, вмѣсто 41, или 9 шиллингами 4 пенс. въ недѣлю болѣе. Эти данныя о прибыли прядильщиковъ скорѣе менѣе, чѣмъ болѣе противъ дѣйствительныхъ. «Supplementary Factory Report». Preface to tables, by J. W. Cowell. Esq.

[1]) Это-то положеніе вещей порождаетъ trade unions и другія комбинаціи для увеличенія цѣнности труда. Работники чувствуютъ невыгоду высокой цѣны произведеній и очень естественно желаютъ, чтобъ ихъ доходы были также увеличены, что случается рѣдко, за исключеніемъ времени, предшествующаго взрыву, лишающему ихъ работы. Во-первыхъ, они терпятъ отъ высокихъ цѣнъ всѣхъ товаровъ, и, во-вторыхъ, отъ не-

Если, наоборотъ, паденіе цѣнъ слѣдуетъ за возвышеніемъ заработной платы на деньги, то это происходитъ отъ возрастанія производства,—оно выгодно для работника, и по всей вѣроятности постоянно.

Въ настоящей главѣ Кэри касается разнообразныхъ причинъ, вліяющихъ на цѣны независимо отъ уменьшенія труда, необходимаго для воспроизведенія цѣнностей, какъ напримѣръ развитія спекуляціи, усиленія производительности труда и капитала, количества и легкости добыванія металловъ, изъ которыхъ чеканится монета, возрастанія суммы кредитныхъ орудій обращенія, акцій, и въ заключеніе дѣлаетъ выводъ относительно солидарности интересовъ всѣхъ народовъ и значенія, которое имѣетъ возвышеніе заработной платы.

Во всемъ этомъ нѣтъ ничего особенно новаго, но изложеніе Кэри отличается свойственнымъ ему мастерствомъ. Конечно, онъ не углубляется въ вопросы, которые онъ разбираетъ, онъ скользитъ по нимъ, но все изложенное гармонируетъ съ цѣлымъ.

Глава X.

Выводы.

Главные результаты, къ которымъ пришелъ Кэри, могутъ быть выражены слѣдующими положеніями.

I. Человѣкъ желаетъ сохранить или улучшить свое положеніе.

возможности получить бо́льшую плату. Они болѣе замышляютъ, чѣмъ размышляютъ. Препятствія, или пертурбаціи, вслѣдствіе войнъ и ограниченій, нарушающихъ дѣйствіе естественныхъ законовъ, правящихъ торговлею, всегда бываютъ причиною этихъ повышеній въ цѣнѣ, которыя уменьшаютъ вознагражденіе труда и дѣлаютъ рабочихъ безпокойными и безпорядочными.

II. Онъ пытается достичь этой цѣли, занимаясь производствомъ предметовъ, которые доставляютъ ему пользу, или удовольствіе.

III. Человѣкъ не можетъ ни увеличить, ни уменьшить количества вещества, изъ котораго состоитъ міръ; онъ можетъ только измѣнить форму вещества или перемѣстить его съ одного мѣста на другое. Производство состоитъ въ усвоеніи, измѣненіи и перемѣщеніи даровъ природы.

IV. Произведенные предметы имѣютъ въ глазахъ человѣка цѣнность, потому что онъ обмѣнялъ ихъ на свой трудъ.

V. Произведенныя цѣнности образуютъ доходъ.

VI. Часть дохода употребляется на удовлетвореніе настоящихъ потребностей, остатокъ сохраняется для будущаго пользованія или для содѣйствія дальнѣйшему производству.

VII. Отложенная такимъ образомъ доля составляетъ капиталъ, который обнимаетъ собою всѣ предметы, имѣющіе мѣновую цѣнность, какъ-то: земли, дома, корабли, запасы продовольствія, алмазы и предметы другого рода.

VIII. Капиталъ помогаетъ труду и усиливаетъ производительность; онъ облегчаетъ также раздѣленіе занятій и сочетаніе труда.

IX. Трудъ, пользующійся такою помощію, улучшается въ качествѣ.

X. Каждое улучшеніе въ качествѣ клонится къ уменьшенію количества труда, потребнаго для производства какой бы то ни было части товара, и облегчаетъ пріобрѣтеніе послѣдняго.

XI. Цѣнность всѣхъ произведеній въ моментъ производства опредѣляется количествомъ и качествомъ труда, необходимаго для ихъ производства.

XII. Такъ какъ каждое улучшеніе въ качествѣ клонится къ уменьшенію количества труда, потребнаго для производства какого бы то ни было товара, то отсюда слѣдуетъ, что улучшеніе въ качествѣ труда клонится и къ уменьшенію количества труда, которое можетъ быть пріобрѣтено въ обмѣнъ на уже накопленныя произведенія подобнаго рода.

XIII. Поэтому, по мѣрѣ того какъ трудъ улучшается въ качествѣ, существуетъ постоянное стремленіе къ уменьшенію количества труда, которое можетъ быть пріобрѣтено въ обмѣнъ на существующій капиталъ. Цѣнность послѣдняго находитъ предѣлъ въ издержкахъ, необходимыхъ для его воспроизведенія.

XIV. Работникъ, получая чужой капиталъ въ пользованіе, даетъ собственнику долю товаровъ, произведенныхъ при помощи капитала.

XV. Доля, которую удерживаетъ работникъ, называется заработною платою, а та, которую получаетъ капиталистъ,—прибылью.

XVI. Заработная плата вознаграждаетъ человѣка за его трудъ, за дѣятельность его искусства, или таланта.

XVII. Прибыль составляетъ вознагражденіе, уплачиваемое за пособіе, оказанное вещами, имѣющими мѣновую цѣнность.

XVIII. Торговая прибыль есть соединеніе прибыли капитальной съ платою за работу или за надзоръ.

XIX. При трудѣ низшаго качества, производство не велико, капиталъ накопляется медленно, и владѣлецъ требуетъ большую долю произведеннаго, въ вознагражденіе за оказанную помощь.

XX. Въ это время количество произведеній, подлежащихъ раздѣлу, не значительно. Доля работника мала, и онъ съ трудомъ получаетъ необходимое для существованія.

Доля, достающаяся капиталисту изъ общей массы, значительна, но количество произведеній не велико, а потому онъ получаетъ малое количество произведеній, доставляющихъ необходимое и служащее къ удобствамъ въ жизни, въ вознагражденіе за пользованіе капиталомъ, произведеннымъ съ большимъ пожертвованіемъ труда.

XXI. Количество произведеній, подлежащихъ обмѣну, не значительно, и оба, какъ работникъ, такъ и капиталистъ, принуждены удѣлить торговцу бо̀льшую долю, въ качествѣ торговой прибыли, уменьшая такимъ образомъ для себя въ значительной степени возможность пріобрѣтать предметы, доставляющіе необходимое и служащее къ удобствамъ въ жизни.

XXII. По мѣрѣ того какъ трудъ улучшается въ качествѣ, онъ становится болѣе производительнымъ, капиталъ накопляется съ меньшимъ трудомъ и капиталистъ можетъ требовать меньшую долю произведеннаго за оказываемую помощь.

XXIII. При каждомъ улучшеніи качества труда, количество товаровъ, подлежащихъ раздѣлу, увеличивается. Это увеличивающееся производство сопровождается для работника возможностью удерживать постоянно большую долю произведенныхъ товаровъ. Поэтому онъ непрерывно улучшаетъ свое положеніе.

XXIV. Хотя доля капиталиста, при увеличеніи производительности труда, постоянно уменьшается, но эта меньшая доля доставляетъ постоянно увеличивающееся количество произведеній и позволяетъ увеличить потребленіе. Такимъ образомъ, между тѣмъ какъ легкость накопленія постоянно увеличивается, процентъ, или доля прибыли, постоянно уменьшается, но количество произведеній, получаемыхъ собственникомъ въ вознагражденіе за пользованіе даннымъ капиталомъ, постоянно растетъ.

XXV. Количество обмѣниваемыхъ произведеній быстро

возрастаетъ, и торговецъ находитъ возможнымъ получать непрерывно возрастающую торговую прибыль при постоянно уменьшающейся долѣ изъ итога произведеній, проходящихъ чрезъ его руки. Поэтому оба, капиталистъ и работникъ, получаютъ возможность пріобрѣтать большее и большее количество предметовъ, относящихся къ удобствамъ, комфорту и роскоши, въ обмѣнъ на свои произведенія.

XXVI. Такимъ образомъ интересы работника и капиталиста находятся въ совершенномъ согласіи между собою, потому что и тотъ и другой извлекаютъ выгоды отъ каждой мѣры, клонящейся къ увеличенію капитала и производительности труда, тогда какъ все, что ведетъ къ противоположному результату, не выгодно для обоихъ.

XXVII. Весь міръ управляется тѣми же законами, которые одинаковы, какъ для отдѣльныхъ работниковъ и капиталистовъ, такъ и для извѣстнаго числа этихъ лицъ, образующихъ общество или народъ.

XXVIII. Поэтому интересы всѣхъ народовъ находятся въ согласіи между собою, и каждая мѣра, которая клонится къ уменьшенію производительности одного народа, клонится къ уменьшенію вознагражденія какъ работника, такъ и капиталиста въ каждомъ другомъ государствѣ; и всякая мѣра, которая ведетъ къ увеличенію производительности въ одной странѣ, ведетъ къ возрастанію вознагражденія работника и капиталиста въ прочихъ.

XXIX. Поэтому общій интересъ требуетъ сохраненія всеобщаго мира, предотвращающаго истребленіе населенія и капиталовъ, и единственное состязаніе между народами должно состоять въ стремленіи къ наиболѣе быстрымъ успѣхамъ въ тѣхъ мирныхъ искусствахъ, которыя содѣйствуютъ возрастанію удобствъ и наслажденій всего человѣческаго рода.

XXX. Желаніе улучшить свое положеніе побуждаетъ людей къ совокупной дѣятельности.

XXXI. Въ первобытныхъ обществахъ недостатокъ въ капиталахъ ставитъ человѣка въ зависимость при снисканіи средствъ къ жизни, отъ присвоенія предметовъ, произведенныхъ природою безъ его помощи. Человѣкъ принужденъ блуждать по обширнымъ пространствамъ для того, чтобъ пріобрѣсть достаточныя средства для существованія; онъ исключительно пользуется почвою возвышенностей.

XXXII. Вотъ причина, почему люди въ такую пору живутъ изолированно или въ малыхъ обществахъ. При разсѣянномъ населеніи, плодородная земля находится въ изобиліи, но нѣтъ средствъ для того, чтобъ сдѣлать ее производительною.

XXXIII. Добывъ большое количество пищи, человѣкъ не имѣетъ средствъ для перевоза и для сохраненія того, въ чемъ онъ не нуждается для непосредственнаго потребленія. Поэтому жизнь его представляетъ безпрестанную смѣну обилія и нищеты (starvation). Онъ бѣденъ и несчастенъ.

XXXIV. Первое накопленіе капитала позволяетъ людямъ обратиться для пріобрѣтенія пропитанія къ воздѣлыванію низинъ. Они находятъ, что болѣе ограниченное пространство доставляетъ имъ средства для удовлетворенія потребностямъ. Раздѣляя занятія, они получаютъ возможность селиться ближе другъ къ другу и соединяться для взаимнаго содѣйствія, которое дѣлаетъ трудъ болѣе производительнымъ.

XXXV. Орудія, однако, еще грубы, человѣкъ принужденъ воздѣлывать большое пространство земли для того, чтобъ получить необходимое для своего существованія. Избытокъ, сверхъ необходимаго для собственнаго потребленія, малъ, и почти все общество должно трудиться, чтобъ пріобрѣсть запасъ пищи, такъ что остается очень мало свободнаго труда для приготовленія одежды, по-

стройки домовъ и производства какихъ-либо другихъ предметовъ, доставляющихъ удобства въ жизни. Положеніе человѣка становится лучше, но онъ все еще бѣденъ и несчастенъ.

XXXVI. При дальнѣйшемъ накопленіи капитала, человѣкъ приступаетъ къ обработкѣ еще болѣе низменныхъ земель, и съ каждымъ подобнымъ переходомъ увеличивается легкость, съ которой пріобрѣтаются средства существованія съ болѣе ограниченной поверхности; поэтому люди получаютъ съ каждымъ днемъ возможность селиться тѣснѣе, оказывать бо́льшую помощь другъ другу, вслѣдствіе чего трудъ становится болѣе производительнымъ. Эта увеличившаяся легкость пріобрѣтать средства существованія, производитъ постоянное уменьшеніе въ количествѣ рукъ, необходимыхъ для производства пищи, и позволяетъ большему числу лицъ заняться производствомъ одежды, жилищъ и другихъ удобствъ.

XXXVII. Такимъ образомъ, по мѣрѣ того какъ капиталъ возрастаетъ, населеніе становится болѣе сжатымъ и низины обрабатываются, при увеличивающемся вознагражденіи труда. Люди получаютъ возможность извлекать выгоду изъ совокупной дѣятельности, кротость нравовъ и доброжелательство замѣняютъ дикость и хищническіе обычаи первыхъ ступеней общественности. Бѣдность и нищета исчезаютъ постепенно и замѣняются довольствомъ и и комфортомъ. Трудъ становится постепенно менѣе тяжкимъ, и количество усилій, потребныхъ для обезпеченія существованія, уменьшается. Человѣкъ можетъ посвятить болѣе времени своему духовному образованію. Нравственное развитіе подвигается наравнѣ съ вещественнымъ, и добродѣтели, сопровождающія цивилизацію, замѣняютъ пороки дикой жизни.

Таковы, говоритъ Кэри, законы, управляющіе производствомъ и распредѣленіемъ богатствъ, законы, которые могутъ быть выведены изъ мірового опыта за сотни и

даже тысячи лѣтъ. Мы убѣждены, что они, подобно другимъ законамъ природы, просты, и поэтому, по всей вѣроятности, имѣютъ характеръ всеобщихъ истинъ. Есть другой признакъ, по которому можно узнать, что эти законы даны природою: они установляютъ гармонію, совершенное согласіе между интересами владѣльца и арендатора, капиталиста и работника, плантатора и раба (!).

Часто интересы кажутся противоположными тамъ, гдѣ они въ дѣйствительности согласны. Англійскіе землевладѣльцы видѣли въ хлѣбныхъ законахъ выгоду для себя; но, вслѣдствіе этихъ постановленій, прибыли ихъ=3 и $3^1/_2$ процентамъ, вмѣсто 4 и 5 проц. Кромѣ того, они терпѣли и оттого, что производство было въ упадкѣ.

Мануфактуристы Соединенныхъ Штатовъ никогда не извлекали особой прибыли отъ покровительственнаго тарифа. Побужденные къ затратамъ принудительными законами, они получали меньшее количество произведеній, нежели тогда, когда этихъ законовъ не было.

По Рикардо, землевладѣльцы выигрываютъ отъ высокихъ цѣнъ и большихъ рентъ, слѣдовательно отъ дороговизны производства, въ то время какъ мануфактуристы и потребители отъ этого теряютъ. Сдѣлки между земельными владѣльцами и другими лицами не походятъ на сдѣлки мѣновыя, въ которыхъ выигрываютъ обѣ стороны, потому что вся выгода на одной, весь проигрышъ на другой сторонѣ; и если хлѣбъ отъ привоза сдѣлался дешевле, то потеря отъ недозволенія привоза значительнѣе для одной стороны, чѣмъ выигрышъ для другой. Равнымъ образомъ, по мнѣнію Рикардо, малая прибыль въ интересѣ работника, но не въ интересѣ капиталиста; а по Синьйору производство велико только при большой прибыли, но работникамъ выгодно, чтобъ прибыль была мала.

Таковы заблужденія, составляющія слѣдствіе непониманія законовъ гармоніи хозяйственнаго порядка. Отвергая

эти законы и прибѣгая къ захвату и монополіи, мы находимъ, что интересы разныхъ сторонъ противоположны: то, что выгодно для одной стороны, не выгодно для другой; основа для взаимнаго соглашенія утрачивается и возникаетъ раздоръ, отсутствующій тамъ, гдѣ законы природы правятъ міромъ, и неизбѣжный въ системѣ, принимающей, что одно изъ коренныхъ началъ нашего бытія состоитъ въ правѣ сильнаго.

That they may take who have power,
And those may keep who can [1]).

Въ приведенныхъ 37 положеніяхъ Кэри представляетъ окончательный выводъ изъ своего ученія. Идиллія, нарисованная авторомъ, отражаетъ патріархальныя времена заатлантической республики, когда борьба интересовъ проявлялась еще очень слабо; но знакомство Кэри съ исторіею должно было бы привести его къ заключенію, что согласіе интересовъ, какъ нѣчто необходимое, неизбѣжное не существуетъ, что это согласіе вырабатывается цивилизаціею, и представляется лишь въ возможности, будучи обусловлено нравственнымъ авторитетомъ или принудительною силою верховной власти тамъ, гдѣ одной нравственной силы не достаточно. Конечно, разнообразные союзы и устанавливающіяся между людьми отношенія предустановлены природою, и для произвола человѣка существуютъ границы, которыя нельзя переступить, не коснувшись существованія какъ общества, такъ и отдѣльныхъ лицъ. Конечно и за разрушеніемъ общества, рано или поздно можетъ наступить пора его возсозданія, ибо подобно тому какъ пертурбаціонныя силы въ природѣ не разрушаютъ матеріи, такъ же точно эти силы въ мірѣ

[1]) Чтобъ захватывалъ тотъ, кто имѣетъ силу, а удерживалъ за собою тотъ, кто можетъ.

человѣческомъ не уничтожаютъ началъ союзности, общественности, солидарности. Но, какъ пертурбаціи въ мірѣ физическомъ разрушаютъ гармонію существующаго, такъ и возмущающія силы въ области общественной ведутъ къ борьбѣ интересовъ. Гармонія между послѣдними возникаетъ лишь тогда, когда всѣ силы бываютъ болѣе или менѣе уравновѣшены.

Поэтому въ сущности то, что говоритъ Кэри, справедливо, но справедливо лишь въ исключительныхъ случаяхъ, *когда никто не захватываетъ, хотя имѣетъ силу*. Затѣмъ никакими доводами нельзя доказать, что наживающійся на чужой счетъ сдѣлается богаче, если онъ изберетъ правильные, нравственные способы пріобрѣтенія. Интересы монополиста, въ столкновеніи съ интересами потребителей, не кажутся противоположными, а дѣйствительно противоположны, и милліоны, накопляющіеся въ рукахъ Асторовъ, Гульдовъ и Рокфеллеровъ, служатъ яснымъ доказательствомъ, что можно легче всего обогатиться на счетъ другихъ.

Находя *совершенное согласіе между интересами владѣльца и арендатора, капиталиста и работника, плантатора и раба*, Кэри очевидно забываетъ, что одно существованіе рабства есть уже само по себѣ отрицаніе согласія интересовъ. И однако согласіе это существуетъ какъ цѣль, какъ предметъ помысла лучшихъ великодушныхъ умовъ, которые стремились перенестись изъ міра суровой дѣйствительности въ міръ правды, благосостоянія и просвѣщенія.

Къ нимъ скорѣе всего можно примѣнить слова поэта объ утопистахъ:

Heureux les fous qui feraient faire
Un rêve heureux au genre humain.

III. Джонъ Стюартъ Милль какъ экономистъ.

John Stuart Mill. Principles of political economy with some of their applications to social philosophy. (Начала политической экономіи и нѣкоторыя изъ ихъ примѣненій къ общественной философіи, соч. Дж. Ст. Милля). 1865 [1]).

Имя Джона Стюарта Милля, какъ философа, политика и экономиста, пользуется громкою и почетною извѣстностью. Немногимъ изъ экономистовъ удавалось пріобрѣсти такое вліяніе и такую всеобщую популярность. На Милля ссылались послѣдователи самыхъ противоположныхъ направленій, начиная съ экономистовъ-либераловъ и оканчивая соціалистами. Кэри, Бастіа и Маклеодъ имѣли восторженныхъ поклонниковъ и безпощадныхъ порицателей; Тука и Ньюмарча много хвалили, но мало читали;

[1]) Переводовъ «Началъ политической экономіи» Милля очень много; лучшій изъ нихъ нѣмецкій Соетбера. Русскій переводъ изданъ А. Н. Пыпинымъ, въ 2-хъ томахъ, С.-Пб., 1865. При изложеніи ученія Милля, авторъ настоящей статьи пользовался подлинникомъ.—Критическія изслѣдованія о Миллѣ, по большей части, панегирики; къ числу послѣднихъ относятся: нѣсколько страницъ, предпосланныхъ Курсель-Сенелемъ его переводу; небольшое сочиненіе Ланге: «J. S. Mill's Ansichten über die sociale Frage, und die angebliche Umwälzung der Socialwissenschaften durch Carey», болѣе замѣчательное по разбору ученія Кэри,—и мн. др. Къ исключеніямъ должно причислить монографію г. Рождественскаго «О значеніи Милля въ ряду современныхъ экономистовъ», С.-Пб., 1867, полагающаго отличительною чертою Милля *утилитаріанизмъ*. Не соглашаясь во многомъ съ даровитымъ авторомъ этого изслѣдованія, нельзя не признать, что г. Рождественскій основательно изучилъ не одного Милля, но и современную экономическую литературу.

предъ Миллемъ преклонялись всѣ, исключая, быть можетъ, однихъ приверженцевъ крайней неподвижности, да и тѣ предпочитали не вступать съ нимъ въ борьбу.

Такое почетное положеніе, составляющее удѣлъ немногихъ избранныхъ, невольно вызываетъ на разъясненіе вопроса: въ чемъ заключается тайна этого огромнаго и рѣдкаго успѣха? Для того, чтобы господствовать надъ умами, надо имѣть, конечно, много таланта; но этого мало: надо обладать способностію удовлетворять потребностямъ современнаго мыслящаго общества, проникнуться его завѣтными стремленіями и надо умѣть поставить себя такъ, чтобы для всѣхъ быть своимъ. Именно этимъ искусствомъ въ высокой степени обладалъ Милль. Другой на его мѣстѣ или написалъ бы безцвѣтную книгу, или впалъ бы въ ярко выступающія противорѣчія (противорѣчій замаскированныхъ у Милля не мало) и, изъ желанія угодить всѣмъ, никому бы не угодилъ. Милль, напротивъ того, почти никогда не заходитъ слишкомъ далеко: разсуждая о существующемъ порядкѣ вещей, онъ не приходитъ къ заключенію, что этотъ порядокъ долженъ быть разрушенъ; говоря о возможности иного общественнаго устройства, выдаваемаго утопистами за наилучшее, онъ не допускаетъ возможности жертвовать въ пользу его индивидуальною свободою. Другими словами, Милль не удовлетворяется общественнымъ порядкомъ, основаннымъ на началѣ частной собственности и личной свободы, и въ то же время разсматриваетъ коммунизмъ и соціализмъ какъ ученія, еще не провѣренныя опытомъ; онъ видитъ и понимаетъ все зло, существующее въ настоящемъ, и съ сочувственнымъ словомъ останавливается передъ чаяніемъ будущаго; но мысль его такъ строга и умъ такъ трезвъ, что онъ не можетъ отдаться построенію утопій. Отмѣчая предѣлы для дѣятельности правительства, Милль является другомъ свободы и поборникомъ невмѣшательства власти;

но онъ не задумывается призывать власть на помощь тамъ, гдѣ требуетъ этого благо общества. Напрасно стали бы мы искать въ этой гибкости направленія (если только можно такъ выразиться) признака однихъ лишь неустановившихся воззрѣній или наконецъ признанія за каждымъ явленіемъ права на безстрастное къ нему отношеніе; умъ Милля отличается такою ясностію и опредѣлительностію, что колебанія его проистекаютъ не отъ недостатка убѣжденія въ истинѣ того, что онъ говоритъ, а отъ логическихъ заблужденій. Равнымъ образомъ, снисходительность его къ соціальнымъ ученіямъ происходитъ не отъ безстрастнаго отношенія его къ разнымъ враждебнымъ другъ другу направленіямъ, а отъ глубокаго чувства человѣчности. Имѣя очень много общаго съ тѣми истинно государственными умами, которые не пугаются той или другой доктрины и не приходятъ въ ужасъ, въ трепетъ, въ негодованіе при одномъ словѣ соціализмъ, Милль, однако же, не въ силахъ отнестись съ холодною сдержанностію и строгимъ скептицизмомъ къ самымъ эфемернымъ ученіямъ, внушеннымъ желаніемъ блага и добра.

Кромѣ этихъ особенностей, книга знаменитаго писателя представляетъ интересъ еще потому, что она принадлежитъ къ числу рѣдкихъ произведеній, составляющихъ не простой ученый трактатъ, а попытку разработать науку по началамъ философскимъ. Можно сказать, что политическая экономія Милля есть прикладная часть его логики, ея повѣрка на самомъ дѣлѣ, а потому, при критическомъ изученіи его «Началъ политической экономіи», необходимо взять въ пособіе его «Систему логики». Заблужденія Милля, по преимуществу, логическаго свойства; они происходятъ или отъ погрѣшности самаго метода, или отъ невѣрнаго примѣненія этого метода въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдній бываетъ безупреченъ. Съ одной стороны, Милль имѣетъ слишкомъ много вѣры въ апріорическое

мышленіе, въ возможность выработать политическую экономію изъ немногихъ положеній, принятыхъ имъ за причины явленій; съ другой, онъ слишкомъ рѣдко останавливается на повѣркѣ выводовъ теоретическихъ указаніями опыта. Для того, чтобы понять сущность вышесказаннаго, необходимо прежде всего обратиться къ научному методу Милля и затѣмъ уже, разсмотрѣвъ взглядъ автора на систему и задачу экономической науки, изложить содержаніе и представить оцѣнку пяти книгъ, на которыя онъ дѣлитъ свое сочиненіе.

Глава I.

Научный методъ Милля въ примѣненіи къ политической экономіи [1]).

Умъ человѣка слѣдуетъ двоякому пути при исканіи истины: онъ или наблюдаетъ явленія и воспроизводитъ ихъ, дѣлая заключенія о причинахъ, производящихъ явленія, и объ образѣ дѣятельности этихъ причинъ, — или же принимаетъ извѣстныя начала и предположенія за аксіомы, за истины и выводитъ изъ нихъ рядъ заключеній, объясняя явленія, которыя должны были при этомъ произойти. Первый путь есть наведеніе, inductio; отсюда и самый методъ называется *индуктивнымъ*. Этотъ способъ служитъ для того, чтобы открыть и доказать общую истину. Тэнъ видитъ въ немъ процессъ, по которому мы заключаемъ, что то, что истинно для отдѣльныхъ явленій, истинно и для цѣлаго ряда однородныхъ явленій, и что истина, въ извѣстное время, будетъ всегда истиною, при одинаковыхъ

---

[1]) *Mill.* System of Logic; Стюартъ Милль и Тэнъ, перев. *Н. Хмьлевскаго*, С.-Пб., 1866. Выписки изъ послѣдней книги не обозначены въ текстѣ статьи, потому что въ нихъ сдѣланы перестановки, а иногда и незначительныя измѣненія въ редакціи.

обстоятельствахъ. Второй путь—выводъ, deductio; отсюда и названіе метода *дедуктивный* или *выводной*. Познаніе извѣстныхъ истинъ ведетъ къ ряду новыхъ истинъ и положеній, къ уясненію явленій, въ которыхъ дѣйствуютъ однѣ извѣстныя причины, или совершаются однородныя преемственныя явленія.

Сравнивая оба метода, наведенія и вывода, по ихъ удобствамъ, пользѣ и сферѣ примѣнимости, мы, говоритъ Тэнъ въ прекрасномъ своемъ изслѣдованіи о трудахъ Милля какъ философа, раскрываемъ всю исторію человѣческой науки, ея разногласія, надежды и предѣлы. Наведеніе достигло преобладающаго могущества въ эпоху Бэкона и начинаетъ его терять въ настоящее время; дедукція утратила свое значеніе во времена Бэкона и теперь начинаетъ возстановлять его. Наука, перейдя изъ состоянія выводного въ опытное, теперь переходитъ отъ опытнаго къ выводному. Къ области наведенія относятся всѣ разложимыя явленія и такія, надъ которыми мы можемъ производить опыты. Къ области выводного метода относятся всѣ неразложимыя явленія и такія, надъ которыми мы не можемъ производить опытовъ. Первый дѣйствителенъ въ физикѣ, химіи, зоологіи, ботаникѣ, въ низшемъ разрядѣ изслѣдованій по каждой наукѣ, всюду, гдѣ явленія малосложны, не превышаютъ нашихъ силъ и могутъ быть видоизмѣняемы при помощи тѣхъ средствъ, которыми мы располагаемъ. Второй методъ доступенъ въ астрономіи, въ высшихъ частяхъ физики, въ физіологіи, исторіи, вообще въ высшихъ отдѣлахъ каждой науки, всюду, гдѣ явленія или очень сложны, какъ, напримѣръ, въ жизни животной или общественной, или же недосягаемы для насъ, какъ напримѣръ, движенія небесныхъ свѣтилъ и перевороты земной коры. Когда употребляется не надлежащій методъ,—наука останавливается; когда употребляется надлежащій методъ,—наука идетъ впередъ. Въ этомъ вся тайна ея прошедшаго

и настоящаго. Естественныя науки оставались неподвижны до Бэкона потому именно, что до него употребляли выводной методъ тамъ, гдѣ слѣдовало бы употребить наведеніе; физіологія и нравственныя науки не подвигаются впередъ въ настоящее время, потому что въ нихъ употребляютъ наведеніе, тогда какъ слѣдовало бы идти путемъ выводовъ. Физіологическія явленія могутъ быть объяснены только посредствомъ выводовъ, основанныхъ на физическихъ и химическихъ законахъ [1]). Историческія, или точнѣе, общественныя явленія могутъ быть объяснены лишь посредствомъ выводовъ и законовъ разума. Подобно физіологіи и исторіи, всѣ другія науки клонятся къ тому, чтобы сдѣлаться выводными, чтобы высказаться въ нѣсколькихъ общихъ положеніяхъ, изъ которыхъ можно было бы дѣлать выводъ остального. Чѣмъ малочисленнѣе эти положенія, тѣмъ болѣе подвинулась наука впередъ. Чѣмъ меньше предположеній и данныхъ требуетъ наука, тѣмъ она совершеннѣе. Такое приведеніе къ немногимъ началамъ есть конечное состояніе науки. Астрономія, акустика, оптика представляются образцами въ этомъ смыслѣ. Мы тогда познаемъ природу, когда будемъ въ состояніи милліоны представляемыхъ ею фактовъ выводить изъ двухъ или трехъ законовъ. Спрашивается: какіе же пріемы употребляются въ наведеніи и дедукціи для отысканія причинной связи явленій?

Наведеніе, по Миллю, употребляетъ четыре способа: согласованія, разницы, остатка и сопутствующихъ измѣненій. Эти способы представляются съ совершенною ясностію, если выразить ихъ въ видѣ основныхъ правилъ.

1) Основное правило согласованія заключается въ слѣдующемъ: «Если двумъ или большему числу случаевъ изслѣдуемаго явленія природы обще одно лишь обстоятель-

[1]) Все это утверждали въ то время, когда еще не подозрѣвали роли микроорганизмовъ въ физіологическихъ процессахъ. *Н. Б.*

ство, то обстоятельство, въ которомъ всѣ случаи согласуются, есть причина, производящая данное явленіе, его agens».

2) Основное правило способа разницы можетъ быть выражено такъ: «Если случай, въ которомъ изслѣдуемое явленіе природы имѣетъ мѣсто, и случай, въ которомъ оно не имѣетъ мѣста, представляютъ всѣ условія общія, за исключеніемъ лишь одного, и это одно условіе встрѣчается только въ первомъ случаѣ, то условіе, которымъ оба случая разнятся другъ отъ друга, есть дѣятель или причина, или необходимая составная часть причины явленія».

3) Для способа остатка Милль даетъ слѣдующее правило: «Выдѣли изъ даннаго явленія природы ту часть его, которая, какъ изъ прежнихъ наведеній дознано, есть слѣдствіе извѣстныхъ предшествовавшихъ причинъ, и оставшаяся часть, остатокъ явленія природы, будетъ слѣдствіемъ остальныхъ дѣятелей (причинъ)».

4) Основное правило способа сопутствующихъ измѣненій — слѣдующее: «Если измѣненія въ двухъ какихъ либо явленіяхъ непремѣнно сопутствуютъ другъ другу, то одно изъ нихъ составляетъ причину, а другое слѣдствіе, и оба они состоятъ въ какой-либо причинной связи».

Въ сущности, всѣ эти способы сводятся къ одному— къ выдѣленію изъ совокупности условій бо́льшаго или меньшаго числа послѣднихъ, для того, чтобы составить отдѣльныя пары явленій, находящихся въ причинной связи. Эта мысль выражена у Милля слѣдующимъ образомъ: по способу разницы, все, что не можетъ быть выдѣлено изъ явленія, связано съ нимъ какимъ-либо закономъ; по способу согласованія, все, что можетъ быть выдѣлено, отнюдь не связано съ явленіемъ какимъ-либо закономъ. Способъ остатка есть только частный случай способа разницы; способъ сопутствующихъ измѣненій есть другой

частный случай того же способа, съ тѣмъ только различіемъ, что онъ имѣетъ дѣло не съ парой данныхъ явленій, но съ ихъ измѣненіями.

Таково ученіе Милля о методѣ наведенія. Но изложенные пріемы его во многихъ случаяхъ бываютъ безсильны, и именно тогда, когда дѣйствіе, произведенное совокупностію причинъ, не допускаетъ подраздѣленія на свои элементы. Невозможность выдѣленія условій не позволяетъ дѣлать наведенія отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. Это важное затрудненіе встрѣчается почти во всѣхъ случаяхъ движенія, ибо почти каждое движеніе есть дѣйствіе совокупныхъ силъ, и соотвѣтственныя дѣйствія различныхъ силъ сливаются въ немъ до такой степени, что нѣтъ возможности раздѣлить ихъ, не разстроивъ самого дѣйствія; а потому представляется невозможнымъ узнать: какая доля участія въ произведеніи этого движенія принадлежитъ каждой силѣ? Ни одинъ изъ способовъ (согласованія, разницы, остатка и сопутствующихъ измѣненій), которые разлагаютъ явленія и выдѣляютъ условія, не можетъ быть примѣненъ къ явленію, по самой природѣ своей исключающему всякое выдѣленіе и всякое разложеніе. Итакъ, надлежитъ обойти это препятствіе, и вотъ здѣсь то въ наше распоряженіе и предоставляется послѣдній ключъ къ природѣ, выводной методъ. Мы покидаемъ явленіе, переносимся въ сторону отъ него, изучаемъ другія, болѣе простыя явленія, установляемъ ихъ законы и связываемъ каждое изъ нихъ съ соотвѣтствующею причиною при помощи способовъ обыкновеннаго наведенія; затѣмъ, предполагая совокупное дѣйствіе двухъ или нѣсколькихъ причинъ, заключаемъ, по ихъ извѣстнымъ уже законамъ, каково должно быть это совокупное дѣйствіе; потомъ мы повѣряемъ, совершенно ли подобно дѣйствительное явленіе предсказанному нами, и если это такъ, то мы приписываемъ его тѣмъ причинамъ, изъ которыхъ мы вывели его

a priori. Такимъ образомъ, для того, напримѣръ, чтобъ открыть законы движенія планетъ, мы отыскиваемъ помощію простыхъ наведеній двѣ причины, силу центробѣжную и силу центростремительную. Затѣмъ мы выводимъ посредствомъ вычисленія движеніе тѣла, которое будетъ подвержено соединеннымъ дѣйствіямъ этихъ двухъ силъ, и, провѣривъ, что наблюдаемыя планетныя движенія совершенно совпадаютъ съ предсказанными нами, заключаемъ, что силы, о которыхъ идетъ рѣчь, суть дѣйствительно причины планетныхъ движеній. «Этому именно методу», говоритъ Милль, «человѣческій умъ обязанъ своими наиболѣе великими торжествами. Мы обязаны ему всѣми теоріями, подводящими обширныя и сложныя явленія подъ нѣсколько простыхъ законовъ[1])».

Этотъ же самый методъ Милль считаетъ единственно примѣнимымъ къ наукамъ человѣческаго духа, за исключеніемъ психологіи, законы которой получаются путемъ наведенія. Всѣ прочія науки, имѣющія своимъ предметомъ или человѣка, или общество,—выводныя.

Науки общественныя принадлежатъ къ труднѣйшимъ отраслямъ нашихъ знаній, потому что явленія общественныя слагаются подъ вліяніемъ множества условій, среди которыхъ развивается какъ самый человѣкъ, такъ и цѣлое общество. Политика, говоритъ Милль, только выходитъ изъ того состоянія, въ которомъ находилась медицина до появленія физіологіи и до развитія естествознанія. Попытка изучать патологію и терапію общества, не зная его физіологіи, привела къ мысли, что въ политикѣ общія истины не возможны; но не возможны не истины научныя, а пригодные во всѣхъ случаяхъ рецепты для образовъ правленія или для системъ законодательства.

---

[1]) Ср. «Стюартъ Милль и Тэнъ», стр. 252—270. Послѣдующее изложеніе есть сжатый очеркъ 6-й книги «Системы логики» Милля.

Хотя между общественными явленіями нѣтъ двухъ случаевъ, вполнѣ похожихъ другъ на друга, тѣмъ не менѣе общественныя явленія зависятъ отъ извѣстныхъ причинъ, и образъ дѣйствія послѣднихъ можетъ быть приведенъ къ самымъ простымъ законамъ. Отсюда слѣдуетъ невозможность не общихъ законовъ, а только практическихъ общепримѣнимыхъ началъ. Въ этомъ состоитъ одно изъ отличій общественныхъ наукъ отъ астрономіи [1]). Въ послѣдней предстоитъ изученіе очень немногихъ причинъ, а потому можно не только объяснить, но предсказать явленіе; въ общественныхъ наукахъ условій такъ много, что знаніе законовъ общественныхъ явленій можетъ служить лишь средствомъ къ пониманію настоящаго состоянія общества или къ уразумѣнію тѣхъ измѣненій, къ которымъ оно стремится въ данное время.

Для того, чтобы понять правильный методъ, примѣнимый къ общественнымъ наукамъ, Милль разсматриваетъ сначала методы ошибочные: химическій и геометрическій.

Химическій методъ, въ сущности, есть методъ опыта и наведенія. Опытъ не примѣнимъ къ общественнымъ наукамъ, потому что мы не можемъ воспроизводить общественныя явленія по нашему произволу; но еслибъ эксперименты in anima vili и были возможны надъ обществомъ, то всетаки мы не могли бы создать всѣхъ условій, при которыхъ совершаются явленія. Опытъ можетъ состоять изъ однихъ лишь историческихъ примѣровъ; но какъ бы ни было велико число извѣстныхъ намъ примѣровъ, анализъ отдѣльныхъ явленій, при сложности причинъ, не позволяетъ примѣнить наведенія.

Способы разницы и остатка не примѣнимы, потому что нѣтъ двухъ обществъ совершенно схожихъ во всѣхъ

---

[1]) Очевидно, что Милль имѣлъ въ виду ту часть астрономіи, которая касается одного движенія небесныхъ тѣлъ.

другихъ отношеніяхъ, кромѣ выдѣляемыхъ условій; поэтому, если мы хотимъ рѣшить вопросъ, напримѣръ, о томъ, благотворно ли дѣйствуетъ протекціонизмъ на благосостояніе общества, мы не можемъ утверждать, что протекціонизмъ, существующій въ одномъ обществѣ и не существующій въ другомъ, составляетъ существенное отличіе между ними; мы не можемъ также придумать два такіе случая, въ которыхъ мы могли бы выдѣлить всѣ условія, за исключеніемъ протекціонизма, и, слѣдовательно, не можемъ приписать ему то или другое вліяніе. Способъ согласованія не примѣнимъ, потому что дѣйствіе происходитъ отъ различныхъ причинъ; такъ, напримѣръ, благосостояніе происходитъ не отъ одного протекціонизма. Способъ сопутствующихъ измѣненій не примѣнимъ, потому что дѣйствіе извѣстныхъ причинъ производитъ не только качественныя, но и количественныя различія: благосостояніе можетъ сопутствовать и не сопутствовать протекціонизму и развиваться разною силою вслѣдствіе другихъ постороннихъ причинъ. Геометрическій методъ — есть методъ дедуктивный; ошибочность его, въ примѣненіи къ общественнымъ наукамъ, состоитъ въ томъ, что онъ пытается объяснить всѣ явленія не многими, а одною причиною; таково, напримѣръ, ученіе Бентама о выгодѣ, какъ о двигателѣ человѣческой дѣятельности. Не вдаваясь въ разсмотрѣніе этого метода, прекрасно разобраннаго Миллемъ (ошибочность его очевидна съ перваго взгляда для того, кто понимаетъ сложность и разнообразіе причинъ, дѣйствующихъ въ обществѣ), можно обратиться прямо къ двумъ методамъ, которые, по мнѣнію Милля, должны быть признаны единственно плодотворными въ общественныхъ наукахъ, именно—къ конкретно-дедуктивному, или физическому, и къ обратно-дедуктивному, или историческому.

Милль останавливается прежде всего на конкретно-

дедуктивномъ методѣ. Въ общественныхъ наукахъ мы имѣемъ дѣло съ явленіями, составляющими слѣдствіе большого числа сложныхъ причинъ, и результатъ дѣйствія послѣднихъ равняется суммѣ дѣйствія этихъ причинъ, отдѣльно взятыхъ. Предположивъ, что законы физіологіи и этнологіи (науки о характерѣ человѣка) намъ достаточно извѣстны, мы можемъ узнать общественныя явленія, производимыя каждою данною причиной; но когда намъ приходится вывести и предсказать результаты многихъ совмѣстно дѣйствующихъ причинъ, то удовлетворительное разрѣшеніе задачи представляетъ, съ перваго взгляда, непреодолимыя трудности. Чѣмъ болѣе причинъ, обособляющихъ явленіе, принимаемъ мы въ разсчетъ, тѣмъ болѣе возрастаетъ шаткость выводовъ, тѣмъ болѣе положенія науки становятся запутанными и лишенными всякаго значенія. Наконецъ, если мы и можемъ сказать, какъ будетъ дѣйствовать извѣстная причина, то не можетъ знать, въ какомъ объемѣ и съ какою силою она будетъ дѣйствовать, и даже, не будетъ ли она парализована вліяніемъ другихъ обстоятельствъ? Для устраненія этихъ трудностей мы имѣемъ однако же средства, состоящія въ ограниченіи нашихъ изслѣдованій извѣстнымъ кругомъ явленій и въ установленіи надлежащаго способа повѣрки выводовъ *a priori*.

Мы ограничиваемъ наши изслѣдованія такими разрядами общественныхъ явленій, которыя хотя и возникаютъ подъ вліяніемъ всѣхъ общественныхъ причинъ, но, главнымъ образомъ, находятся подъ непосредственнымъ вліяніемъ немногихъ. Къ числу такихъ разрядовъ явленій относится группа явленій экономическихъ,—явленій, возникающихъ изъ стремленія къ пріобрѣтенію богатства и составляющихъ предметъ изученія политической экономіи. Политическая экономія разсматриваетъ, отвлеченно отъ другихъ побужденій, стремленіе человѣка къ богатству и

противодѣйствующія этому стремленію побужденія, отвращеніе къ труду и потребность въ дорого стоющихъ наслажденіяхъ. Политическая экономія изучаетъ человѣка исключительно какъ пріобрѣтателя и потребителя богатства и старается показать, какой ходъ получила бы его дѣятельность въ обществѣ, находясь подъ безусловнымъ вліяніемъ этого мотива и не стѣсненная двумя вышеупомянутыми противодѣйствующими стремленіями. Политическая экономія показываетъ, что люди, желая пріобрѣсть богатство, накопляютъ и употребляютъ его для производства; что они, по взаимному соглашенію, установляютъ собственность и законы, препятствующіе отдѣльнымъ лицамъ силою или обманомъ посягать на имущества другихъ; что они усваиваютъ извѣстныя открытія для усиленія производительности труда; что они вводятъ распредѣленіе произведеній по соглашенію, подъ вліяніемъ соперничества (между тѣмъ какъ само соперничество установляется на основаніи извѣстныхъ законовъ, которые суть послѣдніе регуляторы распредѣленія произведеній), и что они употребляютъ извѣстныя средства (какъ напримѣръ, деньги, кредитъ) для облегченія распредѣленія произведеній. Политическая экономія разсматриваетъ всѣ эти явленія такъ, какъ будто бы они возникали единственно изъ стремленія къ богатству, хотя многія изъ нихъ составляютъ въ дѣйствительности результатъ разнообразныхъ побужденій. Наука переходитъ затѣмъ къ изслѣдованію законовъ этихъ явленій, предполагая, что человѣкъ есть существо, которое, по своей природѣ, предпочитаетъ большее богатство меньшему, за исключеніемъ случаевъ, зависящихъ отъ двухъ, поименованныхъ выше, противодѣйствующихъ причинъ. Политико-экономисты никогда не впадаютъ въ такую безсмыслицу, чтобы считать людей ищущими одного богатства; но они разсматриваютъ людей съ этой стороны, потому что того требуетъ наука. Если явленіе зависитъ

отъ совмѣстнаго дѣйствія нѣсколькихъ причинъ, то эти причины должны быть изучены отдѣльно, и ихъ законы изслѣдованы особо, такъ какъ законъ явленія слагается изъ законовъ всѣхъ причинъ, производящихъ это явленіе. Законы силы центростремительной и центробѣжной должны были сдѣлаться извѣстными прежде, чѣмъ движеніе земли и планетъ было объяснено и могло быть предсказано. То же должно сказать и о дѣятельности человѣка: для того, чтобы судить о томъ, какъ онъ будетъ дѣйствовать подъ вліяніемъ разнообразныхъ желаній и отвращеній, должно знать, какъ онъ будетъ дѣйствовать подъ вліяніемъ каждаго изъ нихъ, отдѣльно взятаго.

Быть можетъ, нѣтъ ни одного хозяйственнаго дѣйствія человѣка, которое не находилось бы посредственно или непосредственно подъ вліяніемъ другихъ побужденій, кромѣ стремленія къ богатству; но политическая экономія не считаетъ своихъ выводовъ примѣнимыми къ другимъ проявленіямъ человѣческой дѣятельности, которыя не ставятъ богатства своею главною цѣлію; она обращаетъ вниманіе только на одну область и разсматриваетъ, какія дѣйствія произвело бы стремленіе къ богатству, еслибъ оно не встрѣчало никакихъ препятствій. Такимъ образомъ, мы приближаемся къ дѣйствительному общественному порядку, исправляя наши выводы тѣмъ, что принимаемъ въ разсчетъ особыя побужденія, подъ вліяніемъ которыхъ слагается результатъ въ данномъ случаѣ. Эти исправленія только въ немногихъ, самыхъ разительныхъ случаяхъ (напримѣръ, когда дѣло идетъ о началѣ населенія) [1]) включаются въ составъ политической экономіи, при чемъ, ради практическаго удобства, дѣлается отступленіе отъ строго-научнаго порядка. Общія положенія, подобныя приведеннымъ выше, могутъ служить, въ каждомъ данномъ состояніи общества, пра-

[1]) Т. е. о законѣ возрастанія населенія.

вильнымъ руководствомъ, хотя бы до поры до времени и не принималось въ разсчетъ видоизмѣняющее вліяніе различныхъ причинъ и дѣйствіе непрерывно совершающихся общественныхъ перемѣнъ. Правда, экономисты часто впадаютъ въ ошибку, примѣняя выводы, сдѣланные для общества въ данномъ состояніи, къ обществамъ, находящимся въ другомъ состояніи, при чемъ многія изъ дѣйствовавшихъ причинъ не однородны; но не трудно примѣнить эти выводы къ другимъ случаямъ, вводя въ надлежащемъ мѣстѣ новыя условія. Такъ, напримѣръ, ошибаются англійскіе экономисты, которые принимаютъ выводы, сдѣланные изъ распредѣленія доходовъ въ Великобританіи, за безусловныя и всеобщія истины. Но хотя эти истины имѣютъ мѣстный характеръ, однако методъ изслѣдованія, посредствомъ котораго онѣ добыты, имѣетъ всеобщую примѣнимость, и точно такъ же, какъ человѣкъ, рѣшившій нѣсколько алгебраическихъ уравненій, можетъ легко рѣшать другія, однородныя, такъ же точно и экономистъ, объяснившій распредѣленіе доходовъ въ данной странѣ, можетъ объяснить это явленіе и въ другой странѣ, хотя бы оно представляло тамъ значительныя уклоненія.

Переходя къ повѣркѣ выводовъ, должно замѣтить, что въ выводной наукѣ прежде всего необходимо добыть общія положенія или посредствомъ статистики, которая даетъ эмпирическіе законы явленій, или путемъ прямого наблюденія. Повѣрка эмпирическихъ законовъ явленій, полученныхъ въ статистикѣ заключеніемъ отъ причинъ къ слѣдствіямъ, состоитъ въ согласіи этихъ законовъ съ выводами *a priori*. Повѣрка общихъ положеній, добытыхъ прямымъ наблюденіемъ (гипотезъ, въ собственномъ смыслѣ слова), заключается не въ апріорическихъ выводахъ, а въ согласіи послѣднихъ съ результатами наблюденія *a posteriori*. Но этотъ двойной логическій процессъ и взаимная повѣрка эмпирическихъ законовъ выводами *a priori*, а послѣднихъ—

конкретными явленіями, не всегда возможны. Статистика составляетъ иногда единственное и наилучшее средство для пріобрѣтенія данныхъ, необходимыхъ въ выводной наукѣ, которая не можетъ рѣшить *a priori* — какъ часто и съ какою силою дѣйствуетъ извѣстная причина; но опытъ ничего не даетъ, кромѣ эмпирическаго закона, неудобнаго для повѣрки выводнымъ путемъ, какъ это явствуетъ изъ нижеслѣдующаго. Если среди большого числа одновременно дѣйствующихъ причинъ имѣется въ виду опредѣлить дѣйствіе одной какой-либо причины, напримѣръ, хлѣбныхъ законовъ, то специфическій выводъ, сдѣланный изъ большого числа случаевъ примѣненія хлѣбныхъ законовъ, можетъ указать лишь на болѣе рѣзкое проявленіе нѣкоторыхъ послѣдствій, происходящихъ отъ извѣстныхъ причинъ, вліяніе коихъ затемняется содѣйствіемъ или противодѣйствіемъ другихъ причинъ. Число подобныхъ случаевъ для того, чтобы обнять всѣ совмѣстно дѣйствующія причины и дать годный въ наукѣ средній выводъ, никогда не бываетъ достаточно велико. Между тѣмъ, *a priori* мы можемъ узнать только то, въ какомъ направленіи будутъ дѣйствовать извѣстныя причины.

Не имѣя предшествующихъ эмпирическихъ обобщеній для сравненія съ ними выводовъ теоріи, мы принуждены довольствоваться единственно возможною повѣркою этихъ выводовъ результатами единичнаго опыта или случая. И здѣсь трудность равно велика, потому что, для повѣрки теоріи опытомъ, условія послѣдняго должны быть тѣ же самыя, которыя приняты въ теоріи, между тѣмъ какъ въ общественныхъ явленіяхъ условія не бываютъ совершенно одинаковы въ двухъ случаяхъ. Опытъ надъ хлѣбными законами, сдѣланный въ одной странѣ или однимъ поколѣніемъ, очень мало подтвердитъ научный выводъ относительно другой страны или другого поколѣнія. Такимъ образомъ, по большей части оказывается, что дѣйстви-

тельно удобный случай для подтвержденія предсказаній теоріи есть именно тотъ, къ которому относятся предсказанія, и, стало быть, подтвержденіе теоріи предлагается дѣйствительностью лишь тогда, когда оно уже не можетъ служить практическимъ руководствомъ. Итакъ, прямая повѣрка не всегда возможна; зато возможна всегда повѣрка непрямая, которая едва ли имѣетъ меньшую цѣну. Выводъ, относящійся къ частному случаю, можетъ быть повѣренъ только имъ самимъ; но онъ допускаетъ непрямую повѣрку, именно подтвержденіе другими выводами, сдѣланными изъ тѣхъ же самыхъ законовъ, въ другихъ частныхъ случаяхъ. Опытъ, оказывающійся запоздалымъ для повѣрки особаго случая, къ которому онъ относится, не является слишкомъ поздно для удостовѣренія годности теоріи вообще. Для того, чтобы убѣдиться, въ какой мѣрѣ наука представляетъ намъ твердую основу для предвидѣнія и, слѣдовательно, для практической дѣятельности, мы должны испытать, въ какой степени наука позволила бы намъ предвидѣть то, что дѣйствительно совершилось. Прежде, чѣмъ мы можемъ вполнѣ довѣрять нашей теоріи о вліяніи извѣстной причины при данныхъ обстоятельствахъ, мы должны быть въ состояніи представить объясненіе цѣлаго отдѣла общественныхъ явленій, на которыя имѣетъ вліяніе эта причина. Однимъ словомъ, наша наука и знаніе частнаго случая позволяютъ намъ предвидѣть будущее, если они даютъ намъ возможность предсказать настоящее и прошедшее. Если мы чего либо не могли предвидѣть, то это будетъ остаточное явленіе, которое требуетъ для своего объясненія дальнѣйшаго изученія, и мы должны отыскать между условіями частнаго случая такое, которое, согласно съ началами нашей теоріи, объясняетъ непонятное явленіе, или же, наоборотъ, мы должны искать объясненія въ развитіи или исправленіи самой теоріи.

Къ явленіямъ сложнымъ, составляющимъ результатъ

разнообразныхъ причинъ, конкретно-дедуктивный методъ не примѣнимъ; въ такомъ случаѣ мы дѣлаемъ наши выводы, основываясь на предположеніяхъ, заимствованныхъ изъ специфическаго опыта, и затѣмъ связываемъ эти выводы апріорическими заключеніями съ началами человѣческой природы, такъ что выводы становятся повѣркою. Такой методъ свойственъ, по Конту, обществовѣдѣнію и называется Миллемъ обратно-дедуктивнымъ или историческимъ. Изслѣдованія, относящіяся къ обществовѣдѣнію, по Миллю, бываютъ двоякаго рода: одни рѣшаютъ вопросъ, какое дѣйствіе производитъ данная причина при извѣстныхъ условіяхъ; другія рѣшаютъ вопросъ, что̀ создаетъ эти общественныя условія, и какія явленія ихъ характеризуютъ. Разсмотрѣніе этого послѣдняго вопроса составляетъ предметъ общаго обществовѣдѣнія.

Свойства природы человѣка и природы общества измѣнчивы. Причина этой особенности заключается во взаимодѣйствіи причинъ и слѣдствій. Обстоятельства создаютъ характеръ человѣка и, въ свою очередь, создаются человѣкомъ. Отсюда должно произойдти одно изъ двухъ—или круговращеніе, или поступательное движеніе явленій (но не совершенствованіе, хотя послѣднее свойственно природѣ человѣка). Начало поступательнаго движенія есть основаніе исторической науки; законъ его не есть законъ естественный, а эмпирическій. Законы общественные не суть законы самостоятельные, а зависятъ отъ психологическихъ и этнологическихъ законовъ; но, выходя изъ стихій человѣческой природы и общихъ условій человѣческаго состоянія, можно *a priori* опредѣлить порядокъ человѣческаго развитія и, слѣдовательно, предсказать общія явленія исторіи до послѣдняго времени,—тѣмъ скорѣе, что вліяніе однихъ поколѣній на другія становится преобладающимъ, и различія между народами сглаживаются, вмѣстѣ съ развитіемъ человѣчества. Такимъ образомъ,

разумное изученіе исторіи даетъ эмпирическіе законы для общества, которые должны быть выведены изъ законовъ человѣческой природы. Дедукція приводитъ насъ къ заключенію, что такъ могло быть, но не къ заключенію, что такъ должно быть. Такова повѣрка обратно-дедуктивнаго метода, и при всякой другой относительное значеніе явленій будетъ непонятно, а историческое обобщеніе окажется ложнымъ. Эмпирическіе общественные законы суть или статическіе—законы сосуществованія извѣстныхъ явленій, или динамическіе — законы послѣдовательнаго развитія, съ которымъ вмѣстѣ измѣняется и соотношеніе между явленіями, одновременно существующими. Эмпирическіе законы, полученные историческимъ обобщеніемъ, не составляютъ даже среднихъ началъ, а служатъ для нихъ матеріаломъ; таково, напримѣръ, преобладаніе въ обществахъ сначала военнаго, а потомъ промышленнаго духа. Для полученія лучшихъ опытныхъ законовъ, недостаточно знать отношеніе между отрывочными дѣйствіями и причинами, но должно изучить связь между статикою и динамикою общественныхъ явленій, законъ соотвѣтствія не только между одновременными состояніями разныхъ обществъ, но и между одновременными перемѣнами, происходящими въ означенныхъ состояніяхъ. Этотъ трудный процессъ наблюденія и сравненія облегчается существованіемъ первоначальной причины (primum agens), господствующей надъ другими началами, то-есть, стремленіемъ къ истинѣ. Поступательное развитіе человѣчества есть развитіе духовныхъ убѣжденій, знаній и мнѣній. Спекулятивный элементъ, при объясненіи явленій, заключается прежде всего въ сверхъестественномъ началѣ, потомъ—въ метафизическомъ (horror vacui, «жизненная сила» и т. п.), наконецъ—въ опредѣленіи законовъ послѣдовательности и сходства. Главное возраженіе противъ существованія общихъ историческихъ законовъ состоитъ въ томъ,

что они несовмѣстны съ свободою воли; но это возраженіе происходитъ отъ смѣшенія причинности съ необходимостію. Если изъ извѣстныхъ причинъ возникаютъ извѣстныя слѣдствія, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы самыя причины были необходимы. Явленія общественныя обусловливаются причинами общественными и индивидуальными, къ числу которыхъ относятся причины, созданныя самимъ человѣковъ. Вліяніе индивидуума на общественныя явленія сильнѣе, чѣмъ на явленія химическія и механическія. Общественныя явленія зависятъ не только отъ распространенія познаній и духовнаго развитія человѣчества, но и отъ вліянія исключительныхъ, выдающихся личностей и самыхъ правительствъ; тѣ и другія составляютъ необходимое звено въ историческомъ развитіи и ускоряютъ движеніе. Если, въ теченіе времени, вліяніе предшествующихъ поколѣній на послѣдующія усиливается, а сила индивидуальности слабѣетъ, то историческая наука становится вслѣдствіе того болѣе и болѣе возможною.

Въ заключеніе, нельзя не привести нѣсколькихъ мыслей Милля объ отношеніи общественной науки къ практической дѣятельности.

Практика состоитъ или въ дѣйствіи по извѣстному правилу (силлогистика,—дѣло судьи), или въ отысканіи правила (дѣло законодателя). Искусство поставляетъ себѣ цѣль и передаетъ ее наукѣ, наука воспринимаетъ эту цѣль и изслѣдуетъ причины и условія, производящія явленіе. Искусство разсматриваетъ затѣмъ сочетаніе условій и объявляетъ, достижима ли цѣль. Единственная посылка искусства состоитъ въ томъ, что цѣль желательна; затѣмъ искусство обращаетъ положеніе науки (indicatio) въ предписаніе (imperatio), въ правило. Для точности послѣдняго необходимо, чтобы теорія была полна и обнимала всѣ причины; но общественныя явленія такъ сложны, что подобная теорія не можетъ выработаться, а потому пра-

вила могутъ служить лишь для обыденныхъ явленій, и притомъ для правильной практической дѣятельности необходимъ анализъ даннаго случая: иначе практика впадаетъ въ ложныя обобщенія, въ силлогистику изъ неподвижныхъ началъ. Наконецъ, и искусство имѣетъ свою теорію, которая состоитъ въ посредствующихъ началахъ, установляющихъ отношеніе между средствомъ и цѣлію. Цѣль ставится искусствомъ, а не наукою; но для постановки нуженъ принципъ; такой принципъ есть счастье, обусловливаемое развитіемъ благородства воли или человѣческаго характера.

Таково ученіе Милля о методахъ научныхъ изслѣдованій, названное знаменитымъ авторомъ *логикою*. Надо сознаться, что немногіе изъ мыслителей умѣли такъ ясно, отчетливо и общедоступно изобразить тотъ путь, которымъ слѣдуетъ человѣкъ въ своихъ изысканіяхъ, тѣ препятствія, которыя предстоитъ ему преодолѣвать, и, наконецъ, тѣ средства, коими онъ достигаетъ, по мнѣнію автора, возможно лучшихъ результатовъ въ наукѣ.

Возраженія противъ Милля и сомнѣнія въ справедливости его положеній являются тогда, когда прочитавшій его «Систему логики» начинаетъ изучать его «Политическую экономію» и провѣрять логическую теорію автора въ ея примѣненіи, когда вѣра въ непреложность апріорическихъ выводовъ начинаетъ колебаться, и одинъ за другимъ возникаютъ вопросы о томъ, не слишкомъ ли мало мѣста даетъ авторъ наблюденію въ области общественныхъ наукъ. По ученію Милля, политико-экономическія истины суть истины общественныя. Явленія общественныя суть результатъ вліянія причинъ психологическихъ и этнологическихъ въ непрерывномъ развитіи общественныхъ явленій, въ ихъ историческомъ ходѣ, который дѣйствительно не можетъ не быть признанъ поступательнымъ. Въ общественной жизни мы не можемъ дѣлать опытовъ, а наблю-

деніе даетъ намъ только гипотезы или эмпирическіе законы явленій, то-есть положенія, которыя служатъ посылками для выводовъ и могутъ быть повѣрены или въ извѣстной области явленій (при чемъ сдѣланная повѣрка сообщаетъ выведеннымъ истинамъ достаточную степень достовѣрности и позволяетъ объяснять ими однородныя явленія), или же установленіемъ связи между данными наблюденіями и началами человѣческой природы. Послѣдній методъ признается Миллемъ примѣнимымъ къ наиболѣе сложнымъ явленіямъ, а такими нельзя не признать тѣхъ экономическихъ явленій, которыя отличаются, по преимуществу, преобладаніемъ въ нихъ историческаго элемента.

Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что Милль нисколько не исключаетъ наблюденія изъ числа пріемовъ, употребляемыхъ въ экономической наукѣ, но даетъ ему подчиненное мѣсто. Вся сила науки, всѣ ея будущія торжества заключаются въ умѣніи сдѣлать выводы изъ положеній или гипотезъ, добытыхъ наблюденіемъ, и затѣмъ въ умѣніи сообщить достовѣрность выводамъ посредствомъ того или другого способа повѣрки; самые же выводы, законы, научныя и теоретическія истины состоятъ въ уясненіи связи между причинами и явленіями, вызванными этими причинами. Приписывая столь огромное значеніе причинности явленій, Милль, повидимому, не упускаетъ изъ виду существующихъ между ними соотношеній; но послѣднія заключаются авторомъ въ болѣе тѣсную область и далеко не имѣютъ того смысла, который придавалъ имъ Грове въ своемъ знаменитомъ сочиненіи—«О соотношеніи физическихъ силъ». Эти недостатки логической системы Милля съ большою очевидностію представляются въ примѣненіи его научныхъ пріемовъ къ обработкѣ политической экономіи.

Политическая экономія первымъ и громаднымъ успѣхомъ своимъ обязана А. Смиту. Что же сдѣлалъ Смитъ?

Онъ поставилъ, конечно, не мало гипотезъ, изъ которыхъ вывелъ рядъ остроумныхъ заключеній; онъ обобщилъ много положеній, извлеченныхъ путемъ наблюденія, и основалъ на нихъ свои выводы; но сила А. Смита заключается не въ этомъ: его гипотезы и положенія давно уже пошатнулись, между тѣмъ какъ зданіе воздвигнутой имъ науки стоитъ еще непоколебимо. Величайшая заслуга шотландскаго экономиста заключается въ богатствѣ наблюденій и въ умѣніи сообщить имъ научный характеръ. Правильны или неправильны положенія и гипотезы, основанныя на наблюденіи, но наблюденіе съ научнымъ характеромъ остается и составляетъ прочное пріобрѣтеніе.

Наблюденіе, въ простѣйшей своей формѣ, есть описаніе явленія; описаніе можетъ коснуться внѣшнихъ признаковъ явленія, элементовъ, изъ которыхъ оно сложилось, силъ, которыя въ немъ обнаружились, наконецъ — если можно такъ выразиться—качественнной стороны какъ самаго явленія, такъ и его составныхъ частей. Такимъ образомъ, описаніе превращается въ самый тонкій анализъ. Оно останавливается сначала на внѣшней сторонѣ явленія и основываетъ классификацію на чисто наружныхъ его признакахъ; потомъ оно обращаетъ вниманіе на внутреннюю природу явленія, на стихіи, изъ которыхъ оно сложилось, на силы, которыя въ немъ дѣйствуютъ: тогда наружные признаки отодвигаются на второй планъ, и является новая классификація, основанная на признакахъ внутреннихъ,—все это однако относится только къ качественной сторонѣ явленій; наконецъ, отъ внутреннихъ признаковъ анализъ переходитъ къ опредѣленію количественнаго содержанія наблюдаемаго, т. е., къ изслѣдованію повторенія явленія, и къ количественному содержанію въ однородныхъ явленіяхъ ихъ элементовъ и дѣйствующихъ въ нихъ силъ. Такова работа подготовительная. Если, при исполненіи ея, наведеніе и выводъ изъ добытыхъ посы-

локъ шли рука объ руку, то и въ дальнѣйшей переработкѣ матеріала раздвоенія между обоими методами не существуетъ. Явленіе распалось, такъ сказать, на свои стихійныя части, и наука начинаетъ уже работать не надъ единичнымъ явленіемъ или надъ явленіями однородными, а надъ однородными стихійными частями явленій. Количественный элементъ получаетъ здѣсь первостепенное значеніе; но наблюденіе это опять имѣетъ цѣну тогда, когда изслѣдователь стремится или уяснить извѣстную мысль, извѣстное начало, или найти соотношеніе между явленіями и ихъ стихіями, ради вывода научныхъ заключеній. Поэтому, пріемы, употребляемые учеными, могутъ быть различны. Одинъ заранѣе задается извѣстными гипотезами, дѣлаетъ изъ нихъ выводы и, принимаясь за количественный анализъ явленія, преслѣдуетъ избранную имъ цѣль; другой, принимая за исходную точку связь между элементами, изъ которыхъ слагается явленіе, уясняетъ путемъ наблюденія природу этой связи и соотношеніе силъ, дѣйствующихъ въ явленіи. Нѣтъ сомнѣнія, что послѣдній путь несравненно вѣрнѣе, потому что онъ чуждъ предвзятой мысли и, можно сказать, создаетъ одновременно не только матеріалъ для науки, но и самую науку: таковъ былъ методъ Тука и Ньюмарча въ «Исторіи цѣнъ». Такимъ образомъ самый плодотворный путь въ общественной наукѣ будетъ слѣдующій: 1) изученіе явленій и классификація ихъ по наружнымъ признакамъ; 2) изученіе внутренняго содержанія явленій, ихъ составныхъ элементовъ, силъ, которыя въ нихъ дѣйствуютъ, а затѣмъ классификація этихъ элементовъ и силъ по внутреннему содержанію; 3) изученіе соотношенія явленій, ихъ стихій и силъ, присущихъ послѣднимъ, съ тѣмъ чтобы опредѣлять ихъ взаимное вліяніе другъ на друга и степень этого вліянія.

Одно изъ самыхъ сильныхъ возраженій, приводимыхъ Миллемъ противъ опытнаго метода въ общественныхъ на-

укахъ, состоитъ въ томъ, что явленія общественныя составляютъ результатъ множества разнообразно дѣйствующихъ причинъ, такъ что два данные случая не походятъ другъ на друга. Противъ этого нельзя ничего возразить; но для того, чтобы преодолѣть трудность, слѣдуетъ только идти нѣсколько далѣе по пути, на который указываетъ Милль. Онъ полагаетъ, что достаточно ограничить изслѣдованія извѣстнымъ родомъ явленій; намъ кажется, что этого мало: надо изучать однородные элементы и силы въ явленіяхъ. Для примѣра можно указать на блестящее изслѣдованіе хлѣбныхъ цѣнъ въ сейчасъ упомянутомъ трудѣ Тука и Ньюмарча. Конечно, нельзя сказать, чтобы матеріалъ, которымъ пользовались эти образцовые экономисты, ничего не оставлялъ желать относительно точности и полноты; но сдѣланное ими служитъ лучшимъ доказательствомъ того, какъ далеко подвинутся общественныя науки, когда статистическія свѣдѣнія будутъ собраны за болѣе продолжительный періодъ времени, при установленіи надлежащей классификаціи и удовлетворительной повѣркѣ. Простое наблюденіе показываетъ, что недостатокъ средствъ продовольствія составляетъ явленіе, повторяющееся время отъ времени, и что этотъ недостатокъ сопровождается возвышеніемъ цѣнъ и несказанными страданіями населенія. Такимъ образомъ, внѣшними признаками помянутаго явленія служатъ неурожай, высокія цѣны и смертность. Явленіе само по себѣ, при низкомъ уровнѣ общественнаго развитія, наводитъ на мысль, что недостатокъ средствъ продовольствія есть слѣдствіе неисповѣдимыхъ судебъ Провидѣнія. Болѣе же глубокій анализъ открываетъ въ явленіи новыя стороны: недостаточность продовольствія находится въ связи съ разными видами собственности, съ разными системами полеводства, съ состояніемъ общественнаго хозяйства — государственнаго и мѣстнаго, степенью богатства или бѣдности народа, съ движеніемъ торговли,

съ трудностію или легкостію заработковъ, съ умѣніемъ заранѣе исчислить существующіе запасы хлѣба, размѣръ предстоящей жатвы и пр. Все это можетъ быть изучено съ достаточною точностію, и хотя даже два года дороговизны не походятъ другъ на друга, но можно опредѣлить съ нѣкоторою достовѣрностію сходство и различіе наблюдаемыхъ явленій. Не меньшею степенью достовѣрности могутъ отличаться наблюденія надъ банковымъ и денежнымъ обращеніемъ и сдѣланные изъ нихъ выводы. Вліяніе количества выпущенныхъ банковыхъ билетовъ на цѣны, на запасы золота, на производство, на торговлю равно доступно для наблюденія. Искусство изслѣдователя состоитъ въ томъ, чтобъ умѣть объяснить каждое уклоненіе отъ общей нормы и подмѣтивъ новое общественное условіе, прослѣдить его въ другихъ случаяхъ. Явленія общественныя, безъ сомнѣнія, очень сложны; но это не есть непреодолимая трудность. Обойти ее дедуктивнымъ методомъ, какъ предлагаетъ Милль, не значитъ еще разрѣшить вопросъ, а введеніе въ апріорическое изслѣдованіе множества новыхъ условій можетъ крайне затруднить дѣло, какъ сознаетъ и самъ авторъ, и какъ это доказалъ Мальтусъ въ своихъ превосходныхъ главахъ о цѣнности и о цѣнѣ. Имѣя дѣло не съ сложными гипотезами, а съ сложными явленіями, можно скорѣе добраться до истины,—во всякомъ случаѣ гораздо скорѣе и вѣрнѣе, нежели тогда, когда все построеніе науки ограничивается отвлеченными выводами изъ нѣсколькихъ положеній, при чемъ неизбѣжно опускается много существеннаго, много такого, что лишаетъ теорію и научной, и практической примѣнимости.

Не менѣе блистательными результатами обязана политическая экономія изученію соотношенія между хозяйственными явленіями. И Милль, какъ было замѣчено выше, говоритъ о соотношеніи общественныхъ явленій; но въ политической экономіи онъ даетъ этому соотношенію очень

ограниченное значеніе. Между тѣмъ нельзя не признать, что потребности вызываютъ производство, а производство развиваетъ потребности; что успѣхи производства зависятъ отъ раздѣленія труда, а раздѣленіе труда обусловливается успѣхами производства; что раздѣленіе труда вызываетъ мѣну, а мѣна способствуетъ раздѣленію труда; что въ мѣнѣ предложеніе опредѣляется спросомъ, а спросъ находится въ зависимости отъ предложенія; что доходы устанавливаются соперничествомъ, а соперничество зависитъ отъ доходовъ и т. д. Милль отдѣляетъ производство, распредѣленіе доходовъ, мѣну, и отдѣляетъ такъ, какъ будто ему предстоитъ изученіе совершенно отдѣльныхъ самостоятельныхъ областей, какъ будто между производствомъ и распредѣленіемъ богатства, съ одной стороны, и распредѣленіемъ и мѣною, съ другой, нѣтъ тѣсной органической связи, которая должна быть схвачена наукою.

Таковы недостатки, свойственные научному методу Милля; но въ своей «Политической Экономіи» авторъ грѣшитъ и противъ началъ, изложенныхъ имъ въ «Системѣ логики». Ни прямой, ни обратно-дедуктивный методъ не нашли здѣсь того примѣненія, котораго слѣдовало бы ожидать. Матеріалы для выводовъ Милль бралъ изъ такъ называемаго непосредственнаго наблюденія и весьма рѣдко обращался къ эмпирическимъ законамъ явленій, представляемымъ статистикою. Повѣрка выводовъ доказательствами *a posteriori* или повѣрка эмпирическихъ законовъ *a priori* выводами оказалась требованіемъ, непримѣненнымъ на дѣлѣ. Обратно-дедуктиввый методъ, который долженъ освѣщать умозрѣніемъ добытые факты, остался научною утопіей. Во всемъ этомъ можно легко убѣдиться при изученіи пяти книгъ, на которыя Милль раздѣлилъ свое сочиненіе.

Глава II.

Общій взглядъ Милля на систему политической экономіи и на главную ея задачу.

Милль очень ясно и опредѣлительно высказываетъ, въ предисловіи къ своей книгѣ, мысль, которая руководила имъ при изложеніи «Началъ политической экономіи». «Ни одинъ изъ существующихъ трактатовъ о политической экономіи», по его словамъ, «не заключаетъ въ себѣ новѣйшихъ усовершенствованій, сдѣланныхъ въ теоріи этой науки». Но пополненіе пробѣловъ прежнихъ сочиненій, носящихъ то же названіе, не было единственною или даже главною цѣлію автора; онъ полагаетъ, что политическая экономія требуетъ книги, по предмету и по общему плану подобной книгѣ Адама Смита, но соотвѣтствующей большему развитію знанія и болѣе вѣрнымъ идеямъ нашего вѣка; «Опытъ о богатствѣ народа» во многихъ своихъ частяхъ устарѣлъ, а во многихъ не удовлетворителенъ. «Политическая экономія», говоритъ Милль, «была при А. Смитѣ въ младенчествѣ; съ тѣхъ поръ она возмужала, а общественная философія, отъ которой этотъ великій мыслитель никогда не отдѣлялъ своего предмета въ практическомъ отношеніи, стала нѣсколькими ступенями выше того положенія, въ которомъ онъ оставилъ ее. Не смотря на это, до сихъ поръ еще не было сдѣлано попытокъ соединить практическій методъ А. Смита съ развитіемъ теоріи и представить экономическія явленія въ связи съ лучшими современными общественными идеями, подобно тому, какъ сдѣлалъ это съ удивительнымъ успѣхомъ А. Смитъ, поставивъ хозяйственныя явленія въ соотношеніе съ философіей своего вѣка». Этою задачей объясняется и планъ сочиненія Милля, мѣстами напоминающій пять книгъ

знаменитаго творенія А. Смита, и попытка Милля вывести теоретическія начала науки, и, наконецъ, включеніе въ кругъ своихъ изслѣдованій практическихъ вопросовъ, которые относятся германскими писателями къ особымъ отдѣламъ науки, къ хозяйственной политикѣ и финансамъ.

Подобно Смиту, Милль раздѣляетъ политическую экономію на пять книгъ; но содержаніе и послѣдовательность ихъ иныя, а именно: 1) производство; 2) распредѣленіе богатствъ; 3) обмѣнъ; 4) вліяніе прогресса общества на производство и на распредѣленіе богатствъ; 5) вліяніе правительства. Знакомые съ трудомъ Смита сразу могутъ замѣтить разницу между системами обоихъ экономистовъ. А. Смитъ, послѣ краткаго введенія, переходитъ къ разсмотрѣнію причинъ, увеличивающихъ производительность труда и порядокъ распредѣленія доходовъ между различными классами населенія, и это составляетъ содержаніе первой его книги; во второй онъ говоритъ о капиталѣ, въ третьей—о путяхъ, которымъ слѣдовало развитіе богатства у разныхъ народовъ, въ четвертой — о системахъ, въ пятой — о финансахъ. Этого перечня уже достаточно, чтобъ убѣдиться въ томъ, что, кромѣ числа общихъ рубрикъ или книгъ, сочиненія А. Смита и Милля имѣютъ мало общаго въ построеніи. Система перваго отличается рѣдкою безъискусственностію; Смитъ не останавливается на производствѣ, потому что по основному, высказанному имъ положенію, которому впрочемъ онъ не всегда бываетъ вѣренъ, одинъ трудъ — производителенъ; затѣмъ все, что относится къ производству, связано у него очень тѣсно съ изслѣдованіями о доходахъ. Сочиненіе свое онъ начинаетъ съ раздѣленія труда, которое составляетъ условіе мѣны; въ мѣнѣ установляется цѣнность промѣниваемаго, цѣнность выражается цѣною, которая въ свою очередь разлагается на заработную плату, прибыль

и ренту, три главныя отрасли доходовъ. Изслѣдованія о капиталѣ дополняютъ собою общую теоретическую часть науки. Въ слѣдующихъ далѣе историческихъ очеркахъ успѣховъ народнаго богатства и политико-экономическихъ системъ А. Смитъ изображаетъ, какъ постепенный ходъ экономическаго развитія западно-европейскихъ обществъ, такъ и тѣ доктрины и учрежденія, которыя сложились подъ вліяніемъ ученій XVII и XVIII вѣковъ. Наконецъ, трактатъ о финансахъ представляетъ полную и довольно подробную обработку науки государственнаго хозяйства, понимаемой въ тѣсномъ смыслѣ.

У Милля нѣтъ ничего подобнаго: онъ начинаетъ съ исторіи системъ въ своемъ предисловіи; затѣмъ переходитъ къ производству богатства и къ ученію о распредѣленіи богатства, которое составляетъ результатъ мѣны, но излагается прежде теоріи мѣны. Отъ мѣны онъ обращается снова къ доходамъ, т. е. къ распредѣленію богатства, и, наконецъ, въ пятой книгѣ излагаетъ и науку финансовъ, и экономическую политику.

Такимъ образомъ система Милля представляетъ хозяйственныя явленія не въ той послѣдовательности, въ какой они вытекаютъ одно изъ другого; одинъ и тотъ же предметъ разсматривается въ разныхъ частяхъ его сочиненія, только съ новыхъ сторонъ. Это отступленіе отъ естественнаго порядка есть слѣдствіе теоретическихъ воззрѣній Милля на общественныя явленія вообще и на экономическія въ особенности. Въ производствѣ онъ видитъ господство неизмѣнныхъ законовъ, не зависящихъ отъ человѣческаго произвола; въ распредѣленіи, мѣнѣ, въ прогрессивномъ развитіи общества и въ дѣятельности правительства онъ слѣдитъ за законами, установляющимися подъ вліяніемъ условій, созданныхъ человѣкомъ или обществомъ. Притомъ, согласно съ мыслями, развитыми имъ въ «Системѣ логики», авторъ разсматриваетъ сначала статику, т. е.

распредѣленіе и мѣну, а потомъ динамику народнаго хозяйства, вліяніе прогресса общества на производство и на распредѣленіе. Вліяніе правительства выдѣлено у него изъ области статики и динамики, потому что оно, по его ученію, должно равно относиться и къ той, и къ другой части науки. Нельзя отрицать, что порядокъ изложенія, принятый авторомъ, имѣетъ логическое основаніе; спору можетъ подлежать иной вопросъ: достигается ли философская цѣль, которою задался Милль, т. е. можно ли отдѣлить статику отъ динамики общественныхъ явленій, и выигрываетъ ли отъ принятой системы политическая экономія? Для разъясненія этихъ предметовъ необходимо рѣшить: дѣйствительно ли политическая экономія представляетъ законы двоякаго рода,—одни, относящіеся къ порядку неизмѣнному, не зависящему отъ произвола человѣческаго, и другіе, относящіеся къ порядку измѣнчивому, зависящему отъ условій, вносимыхъ въ него развитіемъ человѣка и самаго общества?

Предметъ политической экономіи, по Миллю, есть богатство. «Производство богатства», говоритъ онъ, «добываніе средствъ для существованія и наслажденій человѣка изъ матеріаловъ, представляемыхъ земнымъ шаромъ, очевидно, не зависитъ отъ произвола: производство имѣетъ свои необходимыя условія. Изъ этихъ условій нѣкоторыя относятся къ числу физическихъ и зависятъ отъ свойства матеріи или, лучше сказать, отъ мѣры познанія человѣкомъ этихъ свойствъ въ данномъ мѣстѣ и данномъ времени. Политическая экономія не изслѣдуетъ этихъ условій, а предполагаетъ ихъ, предоставляя ихъ изысканіе естественнымъ наукамъ или обыденному опыту. Связывая съ этими фактами внѣшней природы другія истины, относящіяся къ природѣ человѣческой, политическая экономія старается найти вторичные или производные законы, которыми опредѣляется производство богатства и въ которыхъ должны

содержаться объясненіе различій богатства и бѣдности въ настоящемъ и прошедшемъ и причина приращенія богатства въ будущемъ. Отличные отъ законовъ производства, законы распредѣленія отчасти установлены человѣкомъ, потому что способъ распредѣленія богатства въ данномъ обществѣ зависитъ отъ господствующихъ въ немъ законовъ и обычаевъ. Хотя правительство или народы обладаютъ властью для рѣшенія того, какія должны существовать учрежденія, но они не могутъ произвольно опредѣлять, какъ должны дѣйствовать эти учрежденія. Условія, отъ которыхъ зависитъ власть правительствъ или народовъ относительно распредѣленія богатства, и вліяніе, оказываемое на это распредѣленіе разными способами дѣйствія, которые общество считаетъ пригодными, составляютъ точно такой же предметъ точнаго научнаго изслѣдованія, какъ и физическіе законы природы. Законы производства и распредѣленія и нѣкоторые изъ ихъ практическихъ послѣдствій составляютъ предметъ настоящаго трактата». (Милль, Предварительныя замѣчанія).

Та же мысль, только рѣзче и опредѣленнѣе, высказана Миллемъ въ началѣ второй книги о распредѣленіи богатствъ: «Начала, изложенныя въ первой части этого сочиненія, въ извѣстныхъ отношеніяхъ рѣзко отличаются отъ началъ, къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь приступаемъ. Законы и условія производства имѣютъ характеръ истинъ естественныхъ наукъ. Въ нихъ нѣтъ ничего произвольнаго или такого, что можно было бы измѣнить. Все производимое человѣкомъ должно быть производимо тѣми способами и подъ тѣми условіями, какія опредѣляются строеніемъ предметовъ внѣшняго міра и внутренними свойствами физической и духовной природы самого человѣка. Не таковы начала распредѣленія богатства. Это распредѣленіе есть исключительно человѣческое учрежденіе. Съ тѣхъ поръ, какъ явились вещи, люди, или отдѣльно, или всѣ вмѣстѣ, мо-

гутъ поступать съ ними по своему произволу. Они могутъ отдавать ихъ въ распоряженіе кому имъ угодно, и на какихъ угодно условіяхъ. Далѣе, въ обществѣ, всякое распоряженіе вещами можетъ происходить только съ его согласія и производится тѣми, кто располагаетъ дѣятельною силою общества. Даже вещи, произведенныя однимъ своимъ личнымъ трудомъ, безъ всякой чужой помощи, человѣкъ можетъ сохранять въ своемъ распоряженіи не иначе, какъ съ дозволенія общества. Мало того, что общество можетъ взять ихъ у владѣльца, ихъ могли бы взять у него и взяли бы другія частныя лица, еслибы общество оставалось къ этому равнодушнымъ, еслибы оно не употребляло своего вмѣшательства, или не назначало и не содержало бы особыхъ людей, чтобы не давать никому нарушить владѣнія этими вещами. Такимъ образомъ, распредѣленіе богатства зависитъ отъ законовъ и обычаевъ общества. Правила, по которымъ оно происходитъ, создаются мнѣніями и желаніями правящей части общества; въ разныя времена и въ разныхъ обществахъ эти правила очень различны и могли бы сдѣлаться еще отличнѣе отъ прежнихъ, еслибы того захотѣли люди» (кн. 2, гл. 1, § 1). Правда, Милль непосредственно за этимъ ограничиваетъ область человѣческаго произвола и говоритъ: «Мнѣнія и чувствованія человѣчества не случайны. Они составляютъ результатъ основныхъ законовъ человѣческой природы, въ связи съ существующими знаніемъ, опытомъ, общественными учрежденіями, умственною и нравственною культурою. Но законы происхожденія человѣческихъ мнѣній составляютъ предметъ не политической экономіи, а болѣе трудной области вѣдѣнія, общей теоріи человѣческаго прогресса. Въ политической экономіи разсматриваются не причины, а слѣдствія тѣхъ правилъ, по которымъ можетъ быть распредѣлено богатство. Эти слѣдствія, во всякомъ случаѣ, также мало произвольны и на столько же имѣютъ характеръ физическихъ законовъ,

какъ и законы производства. Люди могутъ контролировать свои собственныя дѣйствія, а не слѣдствія своихъ дѣйствій относительно самихъ себя или для другихъ людей. Общество можетъ подчинить распредѣленіе богатства какимъ угодно правиламъ, которыя можетъ считать наилучшими, но какіе практическіе результаты произойдутъ отъ дѣйствія этихъ правилъ, это, какъ всякая другая физическая или отвлеченная истина, должно быть раскрыто наблюденіемъ или изслѣдованіемъ» (ibid).

Такимъ образомъ, по основному воззрѣнію Милля, то, что въ распредѣленіи богатства представляется съ характеромъ необходимости, составляетъ лишь слѣдствіе уже существующихъ причинъ, между тѣмъ какъ причины, правила, по которымъ распредѣляется богатство, хотя и вытекаютъ изъ основныхъ законовъ человѣческой природы, но составляютъ произведеніе свободной воли человѣка, обусловливаемой его индивидуальнымъ и общественнымъ развитіемъ. Законы, которымъ подчинена свободная воля, не таковы, чтобы они лишали человѣка возможности сдѣлать выборъ между распредѣленіемъ богатства, основанномъ или на началѣ личной собственности и соперничества, или на началѣ общаго владѣнія имуществомъ.

Вотъ въ чемъ заключается главное разногласіе между Миллемъ и современными политико-экономистами. Послѣдніе не допускаютъ этой двойственности законовъ въ наукѣ и принимаютъ за аксіому, что какъ производство, такъ и распредѣленіе богатствъ совершаются на основаніи законовъ совершенно однородныхъ, въ которыхъ, какъ для естественной необходимости, такъ и для человѣческой воли предустановлены извѣстные предѣлы. Дѣятельность природы, труда и капитала зависитъ отъ условій, которыя не представляются съ характеромъ абсолютной необходимости; необходимость заключается лишь въ границахъ, установленныхъ природою, и въ томъ предѣлѣ, который поставленъ

для самого человѣка его развитіемъ и знаніемъ при пользованіи производительными силами. Въ чертѣ этихъ границъ воля человѣка остается свободною: она можетъ пользоваться или не пользоваться данными условіями для усиленія и развитія производства. То же самое должно сказать и о распредѣленіи богатства: и здѣсь произволъ не можетъ переступить назначенной ему черты при достиженіи предположенной цѣли, и здѣсь, не выходя за указанную ему границу, остается достаточно простора для свободной дѣятельности. Но есть еще другое обстоятельство, на которое Милль не обратилъ должнаго вниманія: это—зависимость между производствомъ и распредѣленіемъ богатства. Конечная цѣль хозяйственной дѣятельности состоитъ въ удовлетвореніи потребностямъ; къ этой цѣли направлены и производство, и распредѣленіе. Еслибы первое не способствовало достиженію этой цѣли, то не существовало бы и побужденія къ производству; равнымъ образомъ, еслибы распредѣленіе богатства не приводило къ удовлетворенію потребностей производителей, то энергія послѣднихъ должна была бы неизбѣжно ослабѣть; поэтому распредѣленіе составляетъ одно изъ коренныхъ условій для развитія производительной дѣятельности, и законы производства не могутъ быть разсматриваемы независимо отъ условій распредѣленія богатства. Самъ Милль въ изслѣдованія о производствѣ включилъ изслѣдованія о послѣдствіяхъ того или другого распредѣленія богатства; такъ, напримѣръ, указываемыя имъ послѣдствія употребленія капитала для поддержанія труда и для покупки разнаго рода товаровъ, въ сущности, составляютъ результатъ предшествовавшаго распредѣленія богатства.

Нельзя однако сказать, чтобы законы распредѣленія богатства были поставлены Миллемъ внѣ зависимости отъ естественной необходимости. Онъ самъ отрицаетъ случайность въ мнѣніяхъ и чувствованіяхъ человѣка, самъ при-

знаетъ, что тѣ и другія вытекаютъ изъ основныхъ законовъ человѣческой природы; но вмѣсто того, чтобы ввести это совершенно вѣрное воззрѣніе въ область политической экономіи, онъ относитъ изслѣдованіе означенныхъ законовъ къ теоріи человѣческаго прогресса и оставляетъ за политическою экономіей изслѣдованіе однихъ лишь послѣдствій того или другого порядка распредѣленія богатства, установленнаго человѣкомъ или, правильнѣе, обществомъ. Если-бы Милль не переступилъ затѣмъ предѣловъ дѣйствительности и ограничился бы изслѣдованіемъ существующихъ явленій, представляемыхъ распредѣленіемъ богатства, то его нельзя было бы упрекнуть въ невѣрности своимъ собственнымъ идеямъ и въ противорѣчіи, въ которое онъ себя поставилъ. На дѣлѣ оказывается однако, что Милль коснулся порядка распредѣленія богатствъ, проектированнаго философами и соціалистами, слѣдовательно, коснулся построеній, опирающихся на основные законы человѣческой природы, отнесенные имъ къ теоріи прогресса, и тѣмъ самымъ далъ право обсудить вопросъ, на сколько свобода и необходимость участвуютъ въ установленіи этого порядка, и какими условіями опредѣляется характеръ этой необходимости. Главный источникъ заблужденій Милля относительно порядка распредѣленія богатства заключается въ одностороннемъ воззрѣніи его на человѣка, какъ на общественнаго дѣятеля. Одни изъ экономистовъ, послѣдователи такъ называемой либеральной школы, расширяютъ до крайности сферу дѣятельности индивидуума и его свободы и самое общество разсматриваютъ, какъ результатъ частныхъ стремленій, добровольной союзности, возникающей изъ общихъ цѣлей и совмѣстной добровольной дѣятельности отдѣльныхъ лицъ; между тѣмъ другіе экономисты, именно нѣкоторые изъ приверженцевъ государственнаго и регламентарнаго устройства частнаго хозяйства, и соціалисты раздвигаютъ до крайности предѣлы общественной власти и разсматриваютъ

дѣятельность индивидуума, какъ отправленіе составной части общества, не признавая за человѣкомъ другой воли, другой иниціативы, кромѣ той, которую предоставляетъ ему правительство въ видахъ общаго блага. Послѣдователи перваго направленія относятся враждебно ко всему, что налагается на человѣка общественною властію: стоитъ только припомнить, какъ Ж. Б. Сэй разсуждалъ о финансахъ. Послѣдователи второго направленія возстаютъ противъ права человѣка располагать своимъ лицомъ и своимъ имуществомъ и отрицаютъ самую свободу, какъ, напр., Консидеранъ въ своей книгѣ «Предназначеніе общественное—Destinée sociale». Какъ бы далеко ни простиралось развитіе началъ личности или общественности, но одно не исключаетъ другого. Индивидуальная свобода, частная собственность также точно не мыслимы внѣ общежитія, въ которомъ человѣкъ и его имущество принуждены служить общественнымъ цѣлямъ, и гдѣ весь порядокъ хозяйственныхъ отношеній слагается подъ вліяніемъ права, развивающагося путемъ закона или обычая, какъ немыслимо такое общественное устройство, которое сглаживало бы всякое проявленіе человѣческой личности, всякій слѣдъ частной собственности; по крайней мѣрѣ, та порція за общимъ столомъ, которая назначается каждому члену коммунистическаго общества, составляетъ безспорно его исключительное достояніе, но достояніе, которымъ онъ не можетъ располагать для хозяйственныхъ цѣлей, исключая одного потребленія.

Равнымъ образомъ, порядокъ распредѣленія богатства всегда предполагаетъ и условленное вознагражденіе за участіе въ производствѣ, и обязательные взносы или повинности для удовлетворенія потребностямъ общественнымъ. Съ природою общества одинаково несовмѣстно, съ одной стороны, чтобъ отношенія индивидуума къ обществу зависѣли отъ соглашенія между нимъ и обществомъ, а съ дру-

гой, чтобы всѣ общественныя отношенія имѣли лишь обязательный характеръ, исключающій всякую свободу. Поэтому вовсе и не можетъ быть рѣчи о выборѣ между обществомъ, основаннымъ исключительно на частномъ интересѣ, личной свободѣ, соперничествѣ и частной собственности, и обществомъ чисто коммунистическимъ. Первое никогда не существовало, второе навсегда останется утопіей. Самое широкое развитіе личности и индивидуальной свободы всегда обусловливалось общественнымъ строемъ, въ которомъ существовало и общее имущество, и подчиненіе личной индивидуальной свободы, и ограниченіе соперничества, и предѣлы для частной собственности. Самыя коммунистическія формы общежитія никогда не были обществами политическими, существовавшими совершенно независимо отъ общихъ условій, которымъ подчиняется гражданственность. Нельзя же приводить въ примѣръ устройство, существовавшее при перуанскихъ Инкахъ или введенное іезуитами въ Парагваѣ, гдѣ были и сословіе властвовавшее, и сословіе подчиненное, или же мормонство съ владычествомъ духовнымъ, или другія коммунистическія общества, въ которыхъ экономическая жизнь находилась въ тѣсной зависимости отъ той некоммунистической общественной среды, которая охватывала коммунистическую общину со всѣхъ сторонъ, надѣляла ее плодами своей цивилизаціи, своею наукою, своими изобрѣтеніями, капиталами и денежною единицей для измѣренія и оцѣнки имуществъ.

Изъ предыдущаго можно, кажется, заключить съ нѣкоторымъ правомъ, что, собственно говоря, нѣтъ того или другого правила для распредѣленія богатства, правила, установляемаго произволомъ человѣка, а есть разныя формы распредѣленія, подчиненныя однимъ общимъ правиламъ. Достоинство этихъ формъ и соотвѣтствіе ихъ съ главною хозяйственною цѣлью человѣка состоитъ не въ томъ,

чтобы преобладало то или другое начало — личности или общественности, а въ томъ, чтобы оба получили возможно полное развитіе, только не въ ущербъ другъ другу. Дѣйствительно, мы видимъ, что въ современныхъ обществахъ, чуждыхъ коммунистическому принципу, государственное и общественное хозяйство обнимаетъ постепенно большее число предметовъ и болѣе обширный кругъ дѣятельности; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобъ этимъ стѣснялась область, въ которой дѣйствуетъ свободная личность человѣка, чтобы уничтожались частный интересъ, соперничество и личная собственность. Наоборотъ, предѣлы, въ которые заключена свободная дѣятельность человѣка, раздвигаются далѣе и далѣе, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ община, область и государство принимаютъ на себя заботу объ образованіи человѣка, о доставленіи ему безопасности, удобствъ для жизни и даже объ удовлетвореніи многихъ изъ такихъ потребностей, которыя, въ болѣе отдаленныя времена, возлагались на попеченіе частныхъ лицъ, предоставленныхъ своимъ собственнымъ силамъ. Предшествующія изслѣдованія приводятъ къ заключенію, что законы производства, разсматриваемаго съ политико-экономической точки зрѣнія, и законы распредѣленія богатства не представляютъ, по существу своему, коренного различія; по крайней мѣрѣ, ни въ какомъ случаѣ нельзя сказать, чтобы производство слѣдовало законамъ неизмѣннымъ, а распредѣленіе зависѣло бы отъ человѣческаго произвола. Затѣмъ производство и распредѣленіе богатства находятся въ тѣсной зависимости другъ отъ друга, а потому отдѣленіе статики отъ динамики хозяйственныхъ явленій составляетъ научное отвлеченіе, которое не можетъ привести къ плодотворнымъ результатамъ. Всѣ явленія общественныя суть явленія измѣняющіяся, и каждое изъ нихъ въ частности испытываетъ на себѣ, въ большей или меньшей мѣрѣ, перемѣны, происходящія въ

другихъ явленіяхъ. Безъ сомнѣнія, разсмотрѣніе отдѣльныхъ родовъ или видовъ хозяйственныхъ явленій порознь и затѣмъ обозрѣніе ихъ во взаимной связи могутъ составить предметъ особыхъ подраздѣленій въ наукѣ; но первое составляетъ только подготовленіе ко второму и не есть что-либо отъ него отличное; послѣднее же—не болѣе, какъ заключительная глава, тожественная по содержанію съ предыдущими. Въ научномъ отношеніи, какъ будетъ показано далѣе, политическая экономія также мало выигрываетъ отъ противопоставленія статики динамикѣ хозяйственныхъ явленій, какъ и отъ той ошибочной мысли, что законы производства имѣютъ свойства, совершенно отличныя отъ законовъ распредѣленія богатства. Построеніе системы науки на этихъ логическихъ основаніяхъ разрываетъ только естественную связь, которая вытекаетъ изъ самаго содержанія предмета и приводитъ къ частымъ повтореніямъ, къ частому прикрѣпленію прерванной нити изложенія, къ длиннымъ эпизодамъ, къ перенесенію въ послѣдующія главы того, что существенно необходимо для яснаго пониманія излагаемаго въ главахъ предыдущихъ. Если все это не поражаетъ большинства читателей Милля, то единственно лишь потому, что многіе изъ нихъ не нуждаются въ предварительныхъ свѣдѣніяхъ, которыя излагаются у Милля только въ третьей книгѣ, но необходимы для правильнаго уразумѣнія содержащагося въ книгахъ первой и второй. Приступающіе къ изученію науки, какъ показываетъ педагогическій опытъ, выносятъ изъ политической экономіи Милля болѣе смутныя представленія, чѣмъ изъ посредственныхъ трактатовъ, написанныхъ по системѣ Сэя.

Глава III.

Производство.

Тринадцать главъ, посвященныхъ Миллемъ ученію о производствѣ, содержатъ въ себѣ изложеніе мыслей автора объ участіи природы и труда въ производствѣ, о разныхъ видахъ труда, о дѣленіи послѣдняго на производительный и непроизводительный, о капиталѣ, о рентѣ, о началѣ населенія и о законахъ возрастанія производительныхъ силъ. Убѣжденный въ томъ, что политическая экономія должна быть построена *a priori* и состоять въ развитіи немногихъ общихъ положеній, Милль извлекаетъ эти положенія не изъ анализа фактовъ, а изъ доктринъ англійской фаталистической школы, въ особенности изъ сочиненій Рикардо и Мальтуса, и старается согласовать ихъ съ соціальными идеями новаго времени. Эта попытка и эти пріемы увлекаютъ автора на путь остроумныхъ соображеній, которыя подтверждаются вымышленными примѣрами, такъ что мысль, высказанная какъ гипотеза, подкрѣпляется въ свою очередь новою гипотезою, только въ другой формѣ. Не останавливаясь на томъ, что говоритъ Милль о природѣ и трудѣ, обратимъ вниманіе на объясненіе сущности капитала и четырехъ относящихся къ нему теоремъ, которыя развиты съ большою подробностію.

«Ясное пониманіе роли капитала въ производствѣ», говоритъ Милль, «очень важно, потому что многія изъ ошибочныхъ мнѣній, которыя губятъ нашу науку, возникаютъ изъ неточности и сбивчивости понятія объ участіи капитала въ производствѣ». Что же такое капиталъ? По словамъ автора, «это — накопленный запасъ произведеній прежняго труда» (кн. I, гл. 4, § 1). Опредѣленіе такъ ясно, что, повидимому, не позволяетъ желать болѣе точнаго; но въ слѣдъ

затѣмъ Милль исключаетъ деньги изъ итога произведеній, составляющихъ капиталъ, а нѣсколько далѣе причисляетъ къ капиталу деньги, служащія для производства, и исключаетъ изъ капитала ту часть имущества, которая не имѣетъ въ виду производительныхъ цѣлей. Но это еще не все: если капиталъ расходуется на содержаніе рабочихъ, и содержаніе это превышаетъ дѣйствительную необходимость для жизни и здоровья человѣка, то такой излишекъ не идетъ на производство, слѣдовательно, не есть уже капиталъ, между тѣмъ какъ часть личнаго или семейнаго расхода капиталиста, которая не превышаетъ надлежащаго (?) вознагражденія за его труды по рыночной цѣнѣ, должна считаться частію капитала. Вотъ подлинныя слова автора, которыя вполнѣ подтверждаютъ предыдущее: «Деньги не суть синонимъ ни капитала, ни богатства; сами по себѣ, деньги не могутъ выполнять ни малѣйшей доли того, что совершаетъ капиталъ, потому что не могутъ оказывать никакого содѣйствія производству» (кн. I, гл. 4, § 1). «Не *всѣ* деньги капиталиста, не всѣ готовыя, принадлежащія ему, произведенія входятъ въ составъ его капитала, потому что не всѣ онѣ обращаются имъ на производство (на плату рабочимъ, на пополненіе запаса матеріаловъ, на поправку строеній и машинъ и на пріобрѣтеніе новыхъ); часть наличныхъ денегъ и часть денегъ, вырученныхъ за произведенія, капиталистъ обращаетъ на свое личное потребленіе и на потребленіе своего семейства, на наемъ домашней прислуги, на содержаніе охотничьихъ лошадей и собакъ, на воспитаніе дѣтей, на уплату налоговъ и на дѣла благотворительности. Въ чемъ же состоитъ его капиталъ? Въ части имущества, которую онъ предназначаетъ для дальнѣйшаго производства, какова бы ни была форма этого имущества» (ib.). «Значительная доля производительнаго капитала страны, который употребляется на выдачу заработной платы, очевидно, не составляетъ того, что въ строгомъ смыслѣ слова неизбѣжно

и необходимо для производства. Излишекъ платы, превышающій дѣйствительно необходимое для жизни и здоровья (этотъ излишекъ особенно значителенъ для искусныхъ работниковъ), расходуется въ сущности не на поддержаніе, а на вознагражденіе труда, и еслибы рабочіе лишились этого излишка, то производство продолжалось бы въ прежнемъ размѣрѣ. Равнымъ образомъ, значительный капиталистъ содержится также напередъ заготовленными средствами. Если онъ самъ лично завѣдываетъ своими дѣлами, то часть личнаго или семейнаго его расхода, которая не превышаетъ надлежащаго вознагражденія за его трудъ по рыночной цѣнѣ, должна считаться частію его капитала, расходуемаго, подобно другимъ, на производство; часть его личнаго потребленія, которая состоитъ изъ вещей, необходимыхъ для жизни, составляетъ производительное потребленіе» (ib., § 2). Останавливаться долѣе на сбивчивости и противорѣчіяхъ, въ которыя впадаетъ Милль, говоря о капиталѣ, было бы безполезно. Изъ всего предыдущаго можно сдѣлать одинъ выводъ: чѣмъ болѣе мы стараемся уяснить сущность и свойства производительной силы, руководствуясь въ нашихъ изслѣдованіяхъ не наблюденіемъ явленій дѣйствительности, а отвлеченными положеніями, схваченными на лету и признаваемыми за истину, тѣмъ болѣе шаткихъ, гадательныхъ соображеній мы вносимъ въ изслѣдованіе, и тѣмъ труднѣе согласовать ихъ между собою.

Эта истина подтверждается и слѣдующею главою, заключающею въ себѣ «основныя теоремы относительно капитала». Такихъ теоремъ Милль насчитываетъ четыре, именно: 1) размѣръ промышленности ограничивается размѣромъ капитала; 2) капиталъ есть результатъ сбереженія; 3) хотя капиталъ сберегается и составляетъ результатъ сбереженія, тѣмъ не менѣе онъ потребляется; 4) капиталъ поддерживаетъ и доставляетъ занятіе производительному труду, когда издерживается на доставленіе работы, а

не на покупку готовыхъ произведеній труда; спросъ на произведенія не есть спросъ на трудъ. Эту послѣднюю теорему, по словамъ Милля, быть можетъ, чаще, нежели другія, или упускаютъ вовсе изъ виду, или же понимаютъ ошибочно. Нельзя сказать, чтобы всѣ разсужденія о первыхъ трехъ теоремахъ были совершенно безспорны. Говоря объ истинахъ общепризнанныхъ, Милль нерѣдко вводитъ новыя положенія, далеко не безспорныя, и гипотезы, находящіяся за предѣлами возможнаго. Что сказать, напримѣръ, о слѣдующемъ: «Къ производительнымъ силамъ относятся только трудъ и природа, и если въ обширномъ смыслѣ можно сказать о какой-нибудь части капитала, что она имѣетъ производительную силу, то развѣ только объ орудіяхъ и машинахъ, которыя, подобно вѣтру и водѣ, дѣйствуютъ совмѣстно съ трудомъ. Продовольствіе рабочихъ и матеріалы для производства не имѣютъ производительной силы» (гл. V, § 1). Между тѣмъ самъ Милль говоритъ въ началѣ гл. VII такъ: «Капиталъ есть произведеніе труда; дѣятельность его въ производствѣ есть, въ сущности, не прямая дѣятельность труда». Что нибудь одно: производительны или органы, орудія и вещества, которые приводятъ въ дѣятельность силы природы, дѣйствующія въ матеріи, или то и другое вмѣстѣ. По ученію физіократовъ, производительна одна природа; по Смиту, (конечно не во всѣхъ частяхъ его книги) производителенъ одинъ трудъ; по ученію послѣдователей Смита, производителенъ также и капиталъ, сочетаніе силъ природы и труда; наконецъ, по ученію соціалистовъ, капиталъ не производителенъ, почему нѣкоторые изъ соціалистовъ и требовали его уничтоженія [1]). Слѣдуя же Миллю, должно признать машину производительною, а капиталъ, состоящій въ матеріалахъ, напримѣръ, въ удобреніи, непроизводитель-

[1]) Pecqueur.

нымъ. А вотъ и другія слова Милля, заключающія въ себѣ гипотезу весьма сомнительнаго свойства: «Каждый можетъ понять, что еслибы доброжелательное правительство владѣло всѣмъ продовольствіемъ, всѣми орудіями и матеріалами, существующими въ обществѣ, то подобное правительство могло бы требовать производительнаго труда отъ всѣхъ, кому оно удѣлитъ порцію пищи, и никогда не имѣло бы затрудненія въ пріисканіи занятія этому производительному труду». (кн. 1. гл. 5. § 3) (!). Доброжелательное правительство, владѣющее всѣмъ продовольствіемъ, всѣми орудіями и матеріалами, есть такое предположеніе, о которомъ разсуждать и противъ котораго спорить невозможно, потому что доброжелательство и завладѣніе всѣмъ имуществомъ — понятія совершенно несовмѣстимыя, и самъ Милль, авторъ сочиненія «О свободѣ», лучше всякаго другого долженъ знать цѣну подобнаго доброжелательства.

Но, не останавливаясь на парадоксахъ и заблужденіяхъ, которые перемѣшаны у Милля съ объясненіями о сбереженіи, о потребленіи и о возстановленіи капиталовъ, замѣчательными впрочемъ по многимъ мѣткимъ и глубокимъ соображеніямъ, слѣдуетъ подробно разобрать четвертое положеніе, которому онъ придаетъ особый вѣсъ. «Спросъ на произведенія не есть спросъ на трудъ». Предположимъ, говоритъ Милль, что есть спросъ на бархатъ и сумма, готовая для покупки бархата, но нѣтъ капитала для основанія бархатной фабрики. Какъ бы великъ ни былъ этотъ спросъ — все равно: пока не обратится капиталъ на фабрикацію, не будетъ выдѣлано и, стало быть, не будетъ куплено ни одного дюйма бархата. Поддержку и занятіе труду доставляетъ капиталъ, расходуемый на употребленіе труда въ дѣло, а не спросъ покупателей на произведенія труда. Спросъ на произведенія не есть спросъ на трудъ. Первымъ опредѣляется направленіе труда, а не размѣръ требуемаго труда и не размѣръ

расходовъ на трудъ. Какъ бы ни былъ великъ спросъ на бархатъ, пока капиталъ не обратится на его выдѣлку, до тѣхъ поръ не будетъ произведено и куплено ни одного дюйма этой ткани, развѣ спрашивающій превратитъ часть дохода, предназначаемаго для покупки бархата, въ капиталъ на выдѣлку послѣдняго. Наоборотъ: есть капиталъ для выдѣлки бархата, но нѣтъ спроса, и бархатъ также не будетъ выдѣлываться. Если спросъ внезапно прекратится, то погибнетъ капиталъ, и занятіе, которое капиталъ доставляетъ труду, остановится, не вслѣдствіе прекращенія спроса, а вслѣдствіе гибели капитала. Повѣрка приведеннаго начала заключается не въ гипотезѣ внезапной гибели капитала, а въ постепенномъ его переходѣ, при чемъ потеря относится только къ искусству и знанію. Для разъясненія предыдущаго Милль предполагаетъ, что потребитель можетъ употребить доходъ или для найма землекоповъ и каменьщиковъ, или на покупку бархата и кружевъ. Въ первомъ случаѣ потребитель даетъ занятіе рабочимъ, безъ котораго они остались бы при другомъ производствѣ. Говорятъ, что это все равно; но это совершенно невѣрно, потому что покупщикъ не даетъ занятій рабочимъ, а опредѣляетъ только, чѣмъ будутъ занимать ихъ другія лица. Если потребитель, издерживавшій доходъ на наемъ каменьщиковъ, обратитъ доходъ на покупку бархата, то трудъ перестанетъ производить предметы необходимости для рабочихъ и обратится на производство бархата. Наоборотъ, если покупщикъ бархата начнетъ на сумму, предназначавшуюся для покупки бархата, нанимать каменьщиковъ, то капиталъ, который расходовался на продовольствіе ткачей бархата, будетъ употребленъ на что-либо другое, такъ что на продовольствіе и вознагражденіе труда будутъ употреблены двѣ суммы вмѣсто одной. Тутъ будетъ не простой замѣнъ занятія ткачей бархата работою каменьщиковъ, а новое занятіе для каменьщиковъ и замѣна занятія ткачей другою

работой. Конечно, могутъ сказать, что употребляя 1,000 фун. на наемъ труда, я употребляю 1,000 фунтовъ капитала бархатнаго фабриканта, но это случилось бы, еслибы капиталъ не имѣлъ времени освободиться и погибъ; при постепенномъ извлеченіи явятся два капитала, содержащіе двойное число рабочихъ.

Смыслъ предыдущаго Милль поясняетъ слѣдующимъ образомъ. «Я хочу доказать», говоритъ онъ, «что человѣкъ приноситъ пользу не тѣмъ, что онъ потребляетъ самъ, а тѣмъ, что даетъ потреблять другимъ. Если я, вмѣсто того, чтобъ издержать сто фунтовъ на себя, раздаю эти сто фунтовъ рабочимъ, то я отсрочиваю свое потребленіе, оставляя болѣе на потребленіе другихъ лицъ, трудъ которыхъ можетъ создать на сто фунтовъ новыхъ произведеній. Положимъ, напримѣръ, что землевладѣлецъ *A* расходуетъ извѣстную сумму на заработную плату и подаянія, и что эта сумма обращается на потребленіе хлѣба. *A* умираетъ; его наслѣдникъ *B* начинаетъ расходовать эту сумму на тонкія блюда для своего стола. Потребленіе рабочихъ замѣняется утонченнымъ потребленіемъ владѣльца. *Для того, чтобы производство хлѣба не уменьшилось и только пополнилось производствомъ утонченныхъ предметовъ потребленія владѣльца, необходимо, чтобы послѣдній отсрочилъ свое потребленіе на годъ и далъ бы хлѣбъ рабочимъ, которые своимъ трудомъ произведутъ предметы роскоши.* Хотя спросъ на бархатъ опредѣляетъ лишь направленіе, получаемое извѣстнымъ количествомъ труда и капитала, но для предпринимателей, уже занятыхъ и не желающихъ оставить своего дѣла, это обстоятельство имѣетъ величайшую важность. Для нихъ уменьшеніе спроса есть дѣйствительная потеря, которая можетъ увеличиться до такой степени, что они найдутъ нужнымъ прекратить производство. Наоборотъ, возрастаніе спроса дастъ имъ средства расширить свои обороты, получить прибыль на большій капиталъ, если онъ у нихъ есть, или если

они могутъ занять его; при быстрѣйшихъ оборотахъ они дадутъ болѣе постоянное занятіе своимъ работникамъ или увеличатъ число ихъ. Такимъ образомъ, увеличеніе спроса на товаръ, въ самомъ дѣлѣ, часто имѣетъ своимъ слѣдствіемъ то, что въ отдѣльной отрасли промышленности прежній капиталъ даетъ большее занятіе труду. Но дѣло въ томъ, что въ указанныхъ случаяхъ выгода пріобрѣтается трудомъ и капиталомъ въ одной отрасли промышленности только при утратѣ таковой же выгоды въ другой отрасли; если же перемѣна произвела свое естественное дѣйствіе и привлекла къ данной отрасли лишній капиталъ, пропорціональный увеличивающемуся спросу, то пріобрѣтенная выгода прекращается сама собою. Спросъ на произведенія скорѣе имѣетъ важность въ теоріи мѣны, чѣмъ въ теоріи производства. Вообще, и въ постоянномъ ходѣ дѣлъ вознагражденіе производителя обусловливается производительною силою его капитала. Продажа произведеній за деньги и покупка на эти деньги другихъ произведеній есть простой обмѣнъ равноцѣнныхъ произведеній для взаимнаго удобства. Операція обмѣна,—ведется ли она прямою мѣною товара на товаръ или мѣною, совершаемою посредствомъ денегъ, — есть механизмъ, при помощи котораго каждый превращаетъ вознагражденіе за свой трудъ или за свой капиталъ въ особенную, наиболѣе пригодную для него форму; но ни въ какомъ случаѣ мѣна не составляетъ вознагражденія» (кн. I, гл. V, § 9).

Для уясненія ошибокъ, заключающихся въ предыдущемъ, необходимо подвергнуть тщательному анализу то, что высказалъ авторъ, придерживаясь изложенныхъ имъ пріемовъ и соображеній.

Но прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что Милль представляетъ капиталъ чѣмъ-то, заключающимся въ строго-опредѣленныя границы, опредѣляющимъ размѣры производства, между тѣмъ какъ образованіе капитала сопут-

ствуетъ ходу производства и потребленія, и производительность капиталовъ очень измѣнчива. Конечно, есть страны бѣдныя и есть богатыя капиталами, но въ данный періодъ времени производство въ двухъ странахъ можетъ быть далеко не пропорціональнымъ капиталамъ, даже при томъ понятіи о капиталѣ, какое встрѣчается у Милля. Не скупясь на гипотезы, Милль приводитъ случаи, если не совсѣмъ невѣроятные, то во всякомъ случаѣ исключительные. Таково, напримѣръ, поставленное Миллемъ условіе для того, чтобы производство хлѣба не уменьшилось, а пополнилось производствомъ предметовъ роскоши, заключающееся въ отсрочкѣ потребленія предметовъ роскоши на годъ (см. на стр. 358 слова напечатанныя курсивомъ).

Разсматривая условія перехода отъ однихъ занятій къ другимъ, Милль допускаетъ при этомъ два случая: 1) переходъ, сопряженный съ потерею капитала, и 2) переходъ, сопровождающійся появленіемъ двухъ новыхъ капиталовъ вмѣсто одного прежняго. Затѣмъ, Милль устанавливаетъ различіе между употребленіемъ дохода или для удовлетворенія личныхъ потребностей, преимущественно въ предметахъ роскоши, или для производительныхъ цѣлей, преимущественно для найма рабочихъ, и развиваетъ мысль, что только послѣднее употребленіе дохода выгодно для народнаго благосостоянія. Наконецъ, Милль утверждаетъ, что спросъ на произведенія опредѣляетъ только форму вознагражденія участниковъ въ производствѣ, а потому мѣна не есть источникъ самого вознагражденія. Очевидно, что положеніе Милля: «Спросъ на произведенія не есть спросъ на трудъ», далеко не выражаетъ всего того, что высказалъ авторъ. Мало того: теорема Милля предполагаетъ обстоятельное изученіе закона соперничества, распредѣленія доходовъ и разнообразнаго ихъ назначенія.

Обращаясь къ вопросу о послѣдствіяхъ перехода отъ однихъ занятій къ другимъ, слѣдуетъ замѣтить, что Милль

разсматриваетъ въ настоящемъ случаѣ двѣ гипотезы: 1) если спросъ на бархатъ внезапно прекратится, то погибнетъ товаръ, а вмѣстѣ съ нимъ и капиталъ, и 2) если спросъ на бархатъ будетъ постепенно сокращаться, а спросъ на трудъ, напримѣръ, каменьщиковъ, будетъ постепенно возрастать, то капиталъ, который употреблялся на покупку бархата, получитъ лишь новое назначеніе, а доходъ, употребленный на наемъ каменьщиковъ, создастъ новый капиталъ. Наоборотъ, увеличеніе потребленія бархата отвлечетъ капиталъ отъ участія въ другихъ отрасляхъ производства и доставитъ только временную выгоду ткачамъ бархата.

Эти разсужденія, даже съ точки зрѣнія самого Милля, не выдерживаютъ критики. Если спросъ на бархатъ внезапно прекратится, то весь доходъ, расходуемый на бархатъ, можетъ быть употребленъ сразу на наемъ каменьщиковъ, тогда какъ при постепенномъ сокращеніи спроса, доходъ, расходуемый на бархатъ, можетъ обращаться на наемъ рабочихъ лишь постепенно, при чемъ произойдетъ нѣкоторая отсрочка въ улучшеніи ихъ положенія. При внезапномъ прекращеніи спроса капиталъ бархатнаго фабриканта погибнетъ вдругъ, но такъ какъ доходъ, употреблявшійся на покупку бархата, обратится на наемъ труда, то получится все то, что произведутъ каменьщики и земледѣльцы, добывающіе для нихъ пищу, и проч. При постепенномъ же сокращеніи спроса, фабрикантъ бархата выручитъ только свой оборотный капиталъ, и притомъ цѣною непроизводительнаго потребленія; машины же, орудія и многія другія затраты фабриканта погибнутъ во всякомъ случаѣ. Затѣмъ, чѣмъ болѣе будетъ длиться непроизводительное потребленіе бархата, тѣмъ хуже будетъ для народнаго хозяйства. Конечно, приведенныя разсужденія грѣшатъ, въ свою очередь, противъ истины, но ошибочность ихъ представится съ большею ясностію

послѣ разсмотрѣнія второго вопроса о послѣдствіяхъ производства и потребленія предметовъ роскоши и необходимости. Стараясь доказать, что спросъ на произведенія не есть спросъ на трудъ, и что только послѣдній дѣйствуетъ благотворно на народное благосостояніе, Милль противопоставляетъ потребленіе предметовъ роскоши найму рабочихъ, ихъ содержанію и прокормленію. Въ сущности же, онъ доказываетъ не свою теорему, а нѣчто другое, именно, что производство предметовъ роскоши для немногихъ менѣе полезно обществу, чѣмъ производство предметовъ для потребленія большинства, и что народъ выигрываетъ не тогда, когда капиталъ употребляется на увеличеніе роскошнаго потребленія нѣсколькихъ лицъ, а когда служитъ для снабженія предметами необходимости массы населенія. Это совершенно вѣрно; но то или другое употребленіе доходовъ зависитъ не отъ условій производства, а отъ распредѣленія доходовъ и того положенія, въ какомъ находится общество, болѣе или менѣе расположенное или къ развитію производства на счетъ потребленія, или къ усиленію потребленія на счетъ производства. Только въ области распредѣленія имущества и доходовъ, понятія о роскоши, объ удобствахъ жизни и предметахъ необходимости имѣютъ смыслъ, тогда какъ съ отвлеченной точки зрѣнія (это явствуетъ изъ словъ самого Милля) излишкомъ въ производствѣ оказывается все то, что не составляетъ необходимости для жизни и здоровья человѣка. Притомъ Милль вовсе не поборникъ воззрѣнія, по которому человѣкъ существуетъ для производства, а задача народнаго хозяйства состоитъ лишь въ усиленіи производства, при возможно меньшихъ средствахъ на содержаніе производителей. Между тѣмъ, въ своемъ ученіи о производствѣ, ратуя противъ роскоши, Милль неизбѣжно впадаетъ въ это противорѣчіе: въ его глазахъ не одни тонкія блюда, потребляемыя капиталистомъ, составляютъ потерю для производства или

непроизводительный расходъ, но также и то, что издерживаетъ этотъ человѣкъ на воспитаніе своихъ дѣтей.

Признавая невозможнымъ установить опредѣленную границу между потребленіемъ предметовъ необходимости и роскоши и затѣмъ оставляя этотъ вопросъ въ сторонѣ для того, чтобы не выйти за предѣлъ теоремы, развитой Миллемъ, нельзя не согласиться, что и спросъ на трудъ далеко не имѣетъ такого значенія, какое старается придать ему авторъ. Спросъ на трудъ можетъ точно такъ же способствовать уменьшенію, какъ и увеличенію поддержки и занятія труда. Капиталистъ, который располагаетъ капиталомъ въ 100,000 фунтовъ, можетъ употребить эту сумму на постройку или великолѣпнаго, но безполезнаго для производства дома, или фабрики, которая доставитъ занятіе рабочимъ; и наоборотъ 100,000 фунтовъ, уплаченные за домъ, т. е. за готовое произведеніе, спекулятору, занимающемуся постройками, могутъ быть израсходованы на новыя постройки и доставить поддержку труду и занятіе каменьщикамъ. Можно указать на другой примѣръ: если населеніе, обремененное налогами, уменьшаетъ покупку хлѣба, дровъ, полотна, сукна и проч., а собранные налоги расходуются на наемъ рабочихъ, напримѣръ, какъ это было для перестройки Парижа, то слѣдуетъ ли отсюда, чтобы сокращеніе спроса на произведенія доставляло поддержку и занятіе труду? Очевидно, что Милль имѣлъ въ виду нѣчто другое; по собственному его сознанію, онъ хотѣлъ доказать, что человѣкъ приноситъ пользу не тѣмъ, что потребляетъ самъ, а тѣмъ, что даетъ потреблять другимъ. Въ поясненіе этой мысли авторъ проводитъ параллель между владѣльцемъ, который расходуетъ свой доходъ на заработную плату, на подаянія и т. п., и его наслѣдникомъ, который расходуетъ тотъ же доходъ на тонкія блюда. При этомъ Милль не замѣчаетъ, что онъ создаетъ для перваго владѣльца положеніе совершенно фальшивое. Владѣлецъ

этотъ употребляетъ свой капиталъ на производство средствъ существованія или для нищихъ (т. е., заставляетъ работать одну часть населенія для содержанія другой части, которой слѣдовало бы дать самостоятельное и независимое хозяйственное положеніе), или ради того, чтобы производить, не заботясь объ увеличеніи собственнаго потребленія. Но производство ради производства не имѣетъ смысла: конечную цѣль всякаго производства должно составлять всегда потребленіе. Безъ сомнѣнія, производитель, который затрачиваетъ весь пріобрѣтаемый имъ излишекъ на развитіе производства, полезнѣе расточительнаго потребителя, но самое развитіе производства, накопленіе капиталовъ и пр. составляютъ въ глазахъ производителя не цѣль, а средство для будущаго потребленія.

Наконецъ, въ заключеніе Милль развиваетъ мысль, что мѣна не служитъ источникомъ вознагражденія, а только опредѣляетъ форму его. Однако же, въ мѣнѣ установляется не только форма, но и размѣръ вознагражденія; въ этомъ состоитъ отношеніе мѣны къ производству и причина ея вліянія на послѣднее, чего самъ Милль не отрицаетъ и отрицать не можетъ.

Въ слѣдующихъ главахъ, Милль говоритъ объ оборотномъ и основномъ капиталѣ, объ условіяхъ производительности элементовъ производства, о сотрудничествѣ и сочетаніи труда, о производствѣ въ большомъ и маломъ размѣрахъ, о законахъ возрастанія труда, капитала и произведеній земледѣлія и о послѣдствіяхъ сихъ законовъ. Здѣсь можно, конечно, указать на блестящія страницы; не многіе изъ экономистовъ отличались такимъ широкимъ пониманіемъ вліянія общественнымъ причинъ на усиленіе производительности, не многіе коснулись столь разнообразныхъ сторонъ въ вопросѣ о раздѣленіи и сочетаніи труда; но всѣ эти изслѣдованія, свидѣтельствующія о рѣдкомъ дарованіи автора и о его проницательности, имѣютъ болѣе

публицистическій характеръ и содержатъ мало новаго; вездѣ общія разсужденія подкрѣпляются лишь изрѣдка историческими примѣрами, при совершенномъ отсутствіи научно разработанныхъ фактовъ. Вслѣдствіе этого, трудъ автора принимаетъ часто догматическій оттѣнокъ, и то, что остается еще вопросомъ, требующимъ разъясненія и изслѣдованія, предлагается, какъ неопровержимая истина. Такъ, напримѣръ, вопросъ о народонаселеніи представляется Миллю законченнымъ; но онъ не высказываетъ о немъ болѣе того, что было высказано Мальтусомъ, какъ будто бы труды статистиковъ вовсе не существуютъ, и самое разнообразіе явленій, представляемыхъ движеніемъ населенія, не даетъ матеріала для новыхъ выводовъ и соображеній. Равнымъ образомъ глава, излагающая законъ возрастанія земледѣльческихъ произведеній, содержитъ въ себѣ часть ученія о рентѣ Рикардо и имѣетъ въ виду уяснить мысль, что предѣлъ для возрастанія производства заключается въ пространствѣ и производительности земли, которая, при увеличеніи капитала и труда, прилагаемыхъ къ производству, дастъ массу произведеній, не пропорціональную новымъ сдѣланнымъ затратамъ, а гораздо меньшую, чему противодѣйствуютъ въ извѣстной мѣрѣ улучшенія, сдѣланныя въ земледѣліи. Развивая эти положенія, Милль почти не выходитъ изъ области апріорическихъ сужденій. Нельзя же счесть общихъ указаній на интенсивность обработки въ нѣкоторыхъ странахъ, на введеніе новыхъ растеній въ сѣвооборотъ, на улучшеніе орудій и способовъ воздѣлыванія земли, какъ на серіозную фактическую часть сочиненія, послужившую основаніемъ или подтвержденіемъ для приведенныхъ положеній и сдѣланныхъ изъ нихъ выводовъ. Для того чтобы законъ возрастанія произведеній, доставляемыхъ землею, имѣлъ современное научное значеніе, необходимо было бы принять въ соображеніе числовыя данныя о томъ, въ какой мѣрѣ про-

изводство, на извѣстномъ пространствѣ земли, можетъ быть увеличено затратою труда и капитала, и въ какой мѣрѣ тѣ или другія улучшенія усилили производительность земледѣлія. Притомъ не подлежитъ сомнѣнію, что возрастаніе производства зависитъ не только отъ одного пространства земли, отъ употребляемаго въ дѣло труда и капитала и, наконецъ, отъ сдѣланныхъ улучшеній, но также и отъ свойства установившихся отношеній между земледѣльческими классами, отъ права на владѣніе и пользованіе землею, отъ степени дробленія и соединенія земли въ большіе или малые поземельные участки, однимъ словомъ, отъ порядка и условій распредѣленія богатства. Изъ этого, конечно, нельзя заключить, что Миллю слѣдовало бы еще болѣе раздвинуть рамку для своихъ изслѣдованій о производствѣ; напротивъ того, можно полагать, и не безъ основанія, что книга его выиграла бы отъ болѣе краткой, но фактической характеристики производительныхъ силъ природы, капитала и труда.

Глава IV.

Распредѣленіе богатствъ.

Въ книгѣ, которую Милль посвящаетъ распредѣленію богатствъ, разсматриваются три предмета: 1) вопросъ о собственности; 2) отношенія земледѣльческихъ классовъ другъ къ другу и къ землѣ, и 3) три главныя отрасли доходовъ: заработную плату, прибыль и ренту. Къ этому послѣднему предмету Милль обращается дважды, и въ IV книгѣ, гдѣ онъ разсматриваетъ вліяніе общества на производство и на распредѣленіе, и въ V книгѣ, гдѣ онъ говоритъ о вліяніи правительства. Впрочемъ, въ послѣдней книгѣ трактуется еще разъ и о собственности.

Въ изложеніи общаго взгляда на систему политической экономіи Милля, была уже указана оригинальная точка зрѣнія, съ которой смотритъ авторъ на распредѣленіе богатства. По его мнѣнію, это вопросъ, зависящій отъ благоусмотрѣнія человѣка и общества. Политическая экономія, по Миллю, не признаетъ ничего безусловно необходимаго въ формахъ, или точнѣе, въ правилахъ, установленныхъ для распредѣленія богатства. Общество, по Миллю, можетъ отдать предпочтеніе частной или личной собственности предъ общею собственностію или коммунизмомъ и, наоборотъ, можетъ ввести у себя общее владѣніе всѣми орудіями производства и общее пользованіе результатами производства. Этотъ взглядъ вытекаетъ у автора изъ основного философскаго воззрѣнія на распредѣленіе богатства, какъ на дѣло человѣческаго произвола. Такимъ образомъ, Миллю представляются двѣ системы, именно: частной собственности и коммунизма, и онъ самъ не знаетъ, какой изъ нихъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе. «Если отважится на догадку», говоритъ онъ, «то, *вѣроятно*, рѣшеніе будетъ зависѣть, главнымъ образомъ, отъ того, которая изъ двухъ системъ наиболѣе совмѣстна съ свободою и самоопредѣленіемъ человѣка» (кн. II, гл. I, § 3). Не полагаясь даже на критическую оцѣнку системъ, Милль идетъ еще далѣе и предоставляетъ рѣшеніе опыту. «Опытъ долженъ рѣшить, въ какой мѣрѣ и скоро ли могутъ нѣкоторыя изъ возможныхъ системъ общности имущества замѣнить собою организацію промышленности, основанную на частномъ обладаніи землею и капиталомъ. Между тѣмъ, не думая ставить границъ дальнѣйшему развитію способностей человѣческой природы, мы можемъ сказать, что экономистъ еще довольно долго долженъ будетъ заниматься, главнымъ образомъ, условіями существованія и прогресса, присущими обществу, основанному на частной собственности и на личномъ соперничествѣ, и что главною цѣлью

стремленій, при нынѣшнемъ состояніи человѣческаго развитія, служитъ не ниспроверженіе системы личной собственности, а ея улучшеніе и доставленіе полнаго участія въ ея выгодахъ каждому члену общества» (ib., § 4). Этихъ заключеній нельзя не признать крайне странными: съ одной стороны, авторъ допускаетъ для системъ критерій въ свободѣ человѣка и его самостоятельности; съ другой, онъ отвергаетъ возможность этого критерія и ждетъ, что̀ скажутъ опыты; наконецъ, въ заключеніе, онъ ставитъ цѣлью своихъ стремленій не ниспроверженіе личной собственности, а ея улучшеніе и доставленіе полнаго участія въ ея выгодахъ каждому члену общества, что безъ сомнѣнія исключаетъ возможность соціалистическихъ и коммунистическихъ опытовъ.

Указанныя противорѣчія составляютъ конечный выводъ изъ представленнаго Миллемъ разбора тѣхъ возраженій, которыя, по его словамъ, были сдѣланы противъ коммунизма, требующаго совершенной отмѣны частной собственности, и соціализма, не требующаго совершенной ея отмѣны.

Милль начинаетъ свой разборъ положеніемъ, что «справедливость не дозволяетъ сказать, чтобы планы соціализма и коммунизма были неосуществимы. Коммунистическая сельская община можетъ найти средства получить, а если потребуется, то и вынудить у каждаго изъ своихъ членовъ, способныхъ къ работѣ, количество труда, нужнаго для доставленія имъ удобствъ жизни» (ib., начало § 3). Затѣмъ, Милль разсматриваетъ четыре возраженія противъ коммунизма и опровергаетъ ихъ. Во первыхъ, утверждаютъ, что при коммунизмѣ каждый будетъ постоянно избѣгать выполненія труда, причитающагося на его долю. Добросовѣстнаго и успѣшнаго труда можно ожидать лишь отъ людей, которые сами лично пользуются плодами своихъ усилій. Но возражающіе, говоритъ Милль, забываютъ, что отъ ирландскаго жнеца

или чернорабочаго и до верховнаго судьи и государственнаго министра почи весь трудъ, выполняемый въ обществѣ, вознаграждается поденною платой или опредѣленнымъ жалованьемъ. Нынѣшній фабричный работникъ въ меньшей степени лично заинтересованъ въ своемъ трудѣ, чѣмъ членъ коммунистической ассоціаціи; хозяйскій же глазъ на соціалистской фермѣ будетъ глазъ не одного хозяина, но всѣхъ членовъ общины. Противъ закоренѣлаго упорства въ исполненіи своей доли труда община имѣла бы тѣ же самыя средства, какія и теперь имѣетъ общество для принужденія людей къ соблюденію необходимыхъ условій общественныхъ отношеній. Теперь побужденіемъ къ труду служитъ угроза отпустить неисправнаго работника; но это средство безполезно (?!), когда всякій другой работникъ трудится не лучше своего предшественника. Работникъ, теряющій свое занятіе по лѣности или небрежности, не претерпѣваетъ даже въ самомъ дурномъ случаѣ ничего худшаго, кромѣ развѣ необходимости переносить дисциплину работы, и если желаніе избѣжать этого зла служитъ достаточнымъ побужденіемъ при нынѣшней системѣ, то должно быть достаточнымъ и при системѣ коммунистической. Еслибы коммунистическій трудъ и былъ менѣе энергиченъ, чѣмъ трудъ поселянина собственника или ремесленника, работающаго на свой собственный счетъ, то вѣроятно, онъ былъ бы энергичнѣе, чѣмъ трудъ наемнаго работника, который лично вовсе не заинтересованъ въ дѣлѣ. Члены ассоціаціи непремѣнно всѣ получатъ воспитаніе и при этомъ будутъ работать также хорошо, какъ служащіе нынѣ по найму изъ лицъ средняго и высшаго сословій. Наконецъ, люди способны проникаться въ сильнѣйшей степени общественнымъ духомъ, чѣмъ въ настоящее время обыкновенно полагаютъ. Исторія свидѣтельствуетъ, что многочисленныя человѣческія общества могутъ привыкать къ тому, чтобы считать общественную выгоду своею собственною. Коммунистиче-

ская ассоціація была бы самою выгодною почвой для развитія этого чувства, потому что все честолюбіе и вся дѣятельность, физическая и духовная, направленныя въ настоящее время къ преслѣдованію отдѣльныхъ частныхъ интересовъ, потребовали бы другой сферы для дѣятельности и нашли бы ее, конечно, въ преслѣдованіи общественнаго блага (ib., § 3).

Другое возраженіе противъ коммунизма, приводимое и разбираемое Миллемъ, состоитъ въ томъ, что при обезпеченіи продовольствія, послѣдовало бы неизбѣжно чрезмѣрное размноженіе населенія, которое довело бы послѣднее до нищеты; но въ коммунизмѣ общественное мнѣніе должно возстать съ наибольшею энергіей противъ невоздержности въ размноженіи населенія, увеличивающей трудъ и уменьшающей удобства жизни, и еслибы порицаніе со стороны общественнаго мнѣнія оказалось недостаточнымъ, то были бы назначены какія-либо наказанія для того, чтобы сдерживать человѣка отъ поблажки самому себѣ на счетъ общества (ib).

Третье возраженіе—трудность распредѣлять общественный трудъ между членами ассоціаціи—дѣйствительно существуетъ; но нельзя сказать, чтобы трудность эта была непреодолимою. Притомъ самое худшее, самое несправедливое распредѣленіе труда при системѣ, стремящейся къ равенству, было бы такъ далеко отъ неравенства и несправедливости, съ какою распредѣляется трудъ нынѣ (не говоря уже о томъ, какъ нынѣ распредѣляется вознагражденіе), что не стоило бы принимать эту несправедливость въ разсчетъ при сравненіи съ нынѣшнею (ib).

Наконецъ, переходя къ четвертому возраженію, къ несовмѣстности свободы и самобытной дѣятельности съ коммунистическою организаціей общества, Милль замѣчаетъ, что это возраженіе очень преувеличено, подобно всѣмъ другимъ возраженіямъ противъ соціалистскихъ пла-

новъ. Ассоціаціи нѣтъ надобности принуждать своихъ членовъ имѣть въ жизни болѣе общенія между собою, чѣмъ теперь, нѣтъ надобности въ надзорѣ за тѣмъ, какъ они будутъ распоряжаться лично принадлежащею имъ долею произведеній и часами отдыха, число которыхъ, вѣроятно, будетъ значительно, если ассоціація ограничится производствомъ вещей, дѣйствительно заслуживающихъ быть произведенными. Нѣтъ надобности привязывать людей къ извѣстному занятію или къ извѣстному мѣсту. Узы коммунизма были бы свободою сравнительно съ нынѣшнимъ состояніемъ большинства людей. Одно только кажется Миллю сомнительнымъ или, какъ онъ выражается, вопросомъ, требующимъ изслѣдованія, именно, останется ли при коммунизмѣ какое-либо прибѣжище для индивидуальности характера, хотя впрочемъ, по его мнѣнію, однообразіе составляетъ одинъ изъ недостатковъ и современнаго общества (ib).

Еще большею снисходительностью отличаются отзывы Милля о соціализмѣ не коммунистическомъ, въ особенности о фуріеризмѣ. Относя сенсимонизмъ и фуріеризмъ къ самымъ замѣчательнымъ явленіямъ прошедшаго и нынѣшняго времени, по великой умственной силѣ, которою они отличаются, и по представляющемуся въ нихъ широкому философскому рѣшенію нѣкоторыхъ изъ основныхъ общественныхъ и нравственныхъ задачъ, Милль признаетъ, однако же, сенсимонистское распредѣленіе занятій по способностямъ, а вознагражденія по заслугамъ, при помощи общественной власти, хотя бы и выборной, несостоятельнымъ. Люди, говоритъ онъ, могутъ безъ ропота подчиняться опредѣленному правилу, напримѣръ, правилу равенства, или случая, или внѣшней необходимости; но допустить, чтобъ одинъ человѣкъ или нѣсколько людей взвѣшивали способности и заслуги каждаго члена общества на своихъ вѣсахъ, чтобы давали одному больше,

другому меньше лишь потому, что такъ вздумали и разсудили,—этого человѣкъ не потерпитъ, если не считаетъ распредѣлителей существами высшими и не сдерживается суевѣрнымъ страхомъ (ib., § 4). Передъ фуріеризмомъ Милль является совершенно безоружнымъ. Эта система, по его словамъ, построена самымъ искуснымъ образомъ; она не требуетъ уничтоженія ни частной собственности, ни наслѣдства. Община выдѣляетъ сначала каждому члену—способенъ ли онъ къ труду или нѣтъ—minimum продовольствія, а затѣмъ остатокъ распредѣляетъ между трудомъ, капиталомъ и талантомъ. Не уничтожая ни одного изъ побужденій къ дѣятельности, существующихъ въ нынѣшемъ состояніи общества, фуріеристы присоединяютъ къ нимъ еще одно новое—привлекательность труда, зависящую отъ свободы выбора, симпатіи и соревнованія группъ, къ которымъ принадлежатъ рабочіе. По мнѣнію Милля, «было бы очень опрометчиво сказать о фуріеризмѣ, что онъ не можетъ имѣть успѣха или не можетъ осуществить значительной части надеждъ, основываемыхъ его приверженцами» (ib.).

Если ошибочность основного воззрѣнія Милля на распредѣленіе богатства объясняетъ, почему относящіяся сюда экономическія явленія представились ему лишенными характера необходимости, то нельзя не сознаться, что его снисходительность къ коммунизму и соціализму имѣетъ еще другія причины: во-первыхъ, крайне поверхностное знакомство съ этими ученіями, что доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что Милль считаетъ *единственнымъ* предметомъ своего разногласія съ соціалистами признаніе имъ благодѣтельныхъ результатовъ и необходимости соперничества (тогда какъ такое разногласіе полагаетъ коренное различіе между ученіями соціализма и экономическими школами); во-вторыхъ, впечатлѣніе, оставленное въ его умѣ промышленными товариществами, которыя дали въ Англіи

блистательные результаты, и смѣшеніе ихъ съ системами соціалистовъ. Съ одной стороны, Милль вводитъ въ коммунизмъ и соціализмъ условія, которыхъ не хотѣли допустить сами утописты; съ другой, онъ не замѣчаетъ въ этихъ системахъ тѣхъ характеристическихъ чертъ, безъ которыхъ онѣ совершенно немыслимы. Разсматривая первое возраженіе противъ коммунизма, отсутствіе побужденій къ труду, Милль полагаетъ, что это явленіе свойственно и современному обществу, въ которомъ трудъ вознаграждается поденною платой или опредѣленнымъ жалованьемъ. Поверхностность этого сужденія очевидна уже изъ того, что начиная отъ ирландскаго жнеца и оканчивая министромъ, наемная плата есть личная собственность, которою получающій вознагражденіе располагаетъ по своему усмотрѣнію, тогда какъ въ коммунистическомъ обществѣ этого права не существуетъ, а есть право на порцію пищи, на помѣщеніе и одежду, выдаваемыя общинною властію. Недостатокъ усердія и рвенія къ дѣлу, по мнѣнію Милля, можетъ быть и въ коммунистическомъ обществѣ восполненъ рабочимъ домомъ; но коммунисты, за немногими, весьма рѣдкими исключеніями, именно отвергаютъ подобныя средства. Если же Милль ссылается на силу общественнаго мнѣнія и на монашескіе ордена, которые служили дѣлу общественному, то еще вопросъ, забывали ли эти люди себя и не находили ли они достаточнаго вознагражденія въ достиженіи своихъ личныхъ цѣлей на счетъ остального некоммунистическаго общества? Притомъ господство общественнаго мнѣнія, проникнутаго религіознымъ настроеніемъ, какъ это встрѣчается въ нѣкоторыхъ сектахъ, не составляетъ характеристической черты гражданскаго общества. Милль полагаетъ возможнымъ остановить въ коммунистическомъ обществѣ размноженіе населенія силою общественнаго мнѣнія или *наказаніемъ*—панацеей, которой не признаетъ ни одно цивилизованное общество, не

признаетъ и самый коммунизмъ. Мысль, что распредѣленіе труда и произведеній не будетъ хуже въ коммунизмѣ, чѣмъ въ современномъ обществѣ, отвергается самимъ Миллемъ въ разборѣ сенсимонизма; каковъ бы ни былъ принципъ распредѣленія, оно будетъ производиться людьми, облеченными властію, и никогда не можетъ быть ни безпристрастнымъ, ни безусловно справедливымъ. Примѣненіе начала равенства распредѣленія имуществъ или другого правила всегда будетъ зависѣть отъ произвола распредѣлителей. Наконецъ, съ такою же легкостію относится Милль и къ вопросу о свободѣ. Ему не представляется возможнымъ, чтобы въ коммунизмѣ человѣкъ не былъ господиномъ своего времени и своего заработка; но въ такомъ случаѣ это не коммунизмъ, потому что въ коммунистическомъ обществѣ нѣтъ дѣятельности, которая не принадлежала бы обществу и не предписывалась бы имъ; нѣтъ заработка, кромѣ участія въ пользованіи тѣмъ, чѣмъ пользуются другіе. Миллю кажется только сомнительнымъ сохраненіе человѣкомъ индивидуальности характера въ коммунистическомъ обществѣ; но трудно объяснить, откуда взялось у него это сомнѣніе? Если его не поразила дисциплина, которая въ коммунизмѣ властвуетъ надъ человѣкомъ во всѣхъ сферахъ дѣятельности, то откуда явилось у него опасеніе за индивидуальность человѣка? Быть можетъ теорія воспитанія навела его на эту мысль. Наконецъ, то, что говоритъ Милль о фуріеризмѣ, заставляетъ думать, что авторъ не читалъ ни подлинныхъ сочиненій знаменитаго соціалиста, ни обстоятельнаго ихъ изложенія. Возраженія противъ коммунизма относятся въ равной степени и къ системѣ Фурье. Кромѣ того, побужденіе къ труду, при щедромъ вознагражденіи капитала и таланта, назначенномъ въ системѣ Фурье, становится весьма сомнительнымъ. Привлекательность труда есть гипотеза, обусловливаемая возможностью по

произволу мѣнять занятія, соревнованіемъ и увлеченіемъ рабочихъ, трудящихся въ группахъ и серіяхъ; но это вызываетъ новые вопросы: Будетъ ли исполняемый трудъ соотвѣтствовать ощущаемой въ немъ потребности? Возможно ли соревнованіе и увлеченіе въ группахъ и серіяхъ? Откуда возьмутся эти двигатели? Наконецъ, самый способъ распредѣленія грѣшитъ тѣмъ же самымъ недостаткомъ, на который указалъ Милль, разбирая ученія Сенъ-Симона. Таковы сомнѣнія, возникающія по поводу фуріеризма, представленнаго Миллемъ въ блѣдномъ и слабомъ очеркѣ. Эти сомнѣнія перешли бы въ увѣренность и въ убѣжденіе, еслибы Милль изложилъ теорію страстей Фурье и разсмотрѣлъ бы его систему, какъ способъ возможно полнаго ихъ осуществленія, еслибы онъ понялъ, что Фурье, подобно большинству соціалистовъ, проповѣдываетъ совершенный разрывъ съ прошедшимъ и, отвергая непрерывность и послѣдовательность человѣческаго развитія, предлагаетъ такую форму общественности, въ которую жизнь могла бы уложиться однажды навсегда и тѣмъ доставить человѣку невозмутимое счастіе и безконечныя наслажденія. Только совершеннымъ незнакомствомъ съ сочиненіями Фурье можно объяснить, почему Милль умалчиваетъ объ эпикурейскомъ сенсуализмѣ этого ученія, и почему оно не возмущаетъ автора стороною, антипатичною для нравственнаго чувства. Неоспоримо однако, что эти недостатки Милля наиболѣе способствовали его популярности между соціалистами и новаторами. Тѣ и другіе не могли не увидѣть въ немъ союзника, тогда какъ въ сущности, въ другихъ частяхъ своей книги, Милль постоянно остается вѣренъ дѣйствительности и нигдѣ не простираетъ своихъ практическихъ требованій за предѣлы возможнаго.

Въ заключеніе нельзя не замѣтить, что разрѣшеніе вопроса о распредѣленіи богатства, согласно съ тѣми цѣ-

лями, къ которымъ стремятся современныя общества, заключается не въ выборѣ между частною собственностію и коммунизмомъ, но, во-первыхъ, въ развитіи свободныхъ товариществъ на твердомъ основаніи частной собственности въ области производства, распредѣленія, накопленія и потребленія богатства; во-вторыхъ, въ замѣнѣ старыхъ, обветшалыхъ формъ цеховаго устройства, крѣпостнаго состоянія и отчасти наемнаго труда новыми свободными формами союзности; наконецъ, въ-третьихъ, въ доставленіи свободной личности точки опоры въ общественномъ порядкѣ, не имѣющемъ привилегированнаго характера. Между этою задачей и цѣлями соціализма и коммунизма цѣлая бездна. Распространеніе товариществъ не требуетъ ни переустройства общества, ни пересозданія природы человѣка, но предполагаетъ лишь правильное развитіе экономической жизни на почвѣ исторической. Тщательное изученіе современныхъ товариществъ, условій ихъ процвѣтанія и испытанныхъ ими неудачъ, при вѣрномъ пониманіи авторомъ значенія этихъ хозяйственныхъ явленій, составило бы болѣе прочное пріобрѣтеніе въ наукѣ, чѣмъ защита коммунизма, которую не могутъ принять коммунисты, и чѣмъ нѣсколько легкое отношеніе къ порядку экономическому, корень котораго заключается въ природѣ человѣка.

Въ главѣ, слѣдующей за разборомъ способовъ распредѣленія богатства, Милль разсматриваетъ вопросы о принципѣ собственности, о порядкѣ ея пріобрѣтенія и въ особенности о наслѣдствѣ. Развивая взглядъ на частную собственность, свойственный большинству англійскихъ философовъ, начиная съ Локка и Уолластона, и излагая законы о наслѣдствѣ у различныхъ народовъ, Милль становится снова на твердую экономическую почву и только относительно наслѣдства высказываетъ парадоксальную мысль, которую, впрочемъ, самъ же лишаетъ всякаго ав-

торитета, не признавая ея соотвѣтствія съ существующими мнѣніями и обычаями. По его словамъ, наиболѣе раціональный порядокъ наслѣдства состоялъ бы въ ограниченіи количества имущества, которое можетъ быть получено по наслѣдству или по завѣщанію. Милль надѣется предупредить этимъ образованіе чрезмѣрныхъ богатствъ и достичь значительныхъ пожертвованій въ пользу государства или полезныхъ учрежденій, по примѣру Соединенныхъ Штатовъ. Но подобный платоновскій законъ, по сознанію Милля, противорѣчащій современному настроенію общества и его стремленіямъ, не имѣлъ бы силы, и желающіе обойти его предписаніе нашли бы всегда достаточныя къ тому средства. Щедрость же, съ которою частныя лица въ Соединенныхъ Штатахъ надѣляютъ общественныя учрежденія, проистекаетъ не изъ ограниченія свободы завѣщателя, а, напротивъ, изъ тѣхъ гарантій, которыми эта свобода обставлена. Посвятивъ далѣе нѣсколько словъ указанію классовъ, между которыми распредѣляются произведенія подъ вліяніемъ соперничества или обычая, Милль почти на сотнѣ страницъ излагаетъ отношенія земледѣльческихъ и землевладѣльческихъ классовъ другъ къ другу и къ самой землѣ. Почему именно Милль ограничиваетъ свои изслѣдованія земледѣліемъ и не распространяетъ ихъ на другія отрасли производства — горные промыслы, лѣсоводство, рыболовство, ремесла, фабрики и пр., не видно изъ его книги. Можно полагать, что прекрасныя страницы о земледѣліи, въ которыхъ авторъ является горячимъ защитникомъ образованія сословія земледѣльцевъ-собственниковъ, были внушены ему образцовыми изслѣдованіями Сисмонди. Этотъ отдѣлъ не отличается самостоятельностію, но представляетъ мастерской сводъ чужихъ мнѣній и наблюденій, сводъ, проникнутый единствомъ мысли, вполнѣ здравой и современной. Тотъ же самый Милль, который, за нѣсколько страницъ передъ

тѣмъ, полемизировалъ противъ частной собственности и не находилъ никакихъ особыхъ неудобствъ въ коммунизмѣ, приводитъ съ живымъ сочувствіемъ слова Юнга: «Магическая сила собственности обращаетъ песокъ въ золото»;... «дайте человѣку въ прочное владѣніе голую скалу, онъ превратитъ ее въ садъ; дайте ему по девятилѣтнему контракту садъ, онъ обратитъ его въ пустыню» (гл. VI, § 7). При всемъ томъ Милль нѣсколько нерѣшительно относится къ ирландскому аграрному вопросу. Прославляя Штейна и Гарденберга и сочувствуя установленію вѣчныхъ, неизмѣнныхъ рентъ и даже выкупу ихъ, Милль колеблется совѣтовать подобную развязку для борьбы, длящейся въ Ирландіи до настоящаго времени. Онъ предлагаетъ мѣры палліативныя: установленіе неизмѣнныхъ рентъ для вновь расчищенныхъ земель, покупку и раздробленіе большихъ имѣній, наконецъ, онъ возлагаетъ надежды на послѣдствія введенія въ Ирландіи англійской системы земледѣлія, и если не требуетъ бо̀льшаго, то потому лишь, что смѣлый въ области чисто отвлеченныхъ умозрѣній, онъ не рѣшается идти въ разрѣзъ съ мнѣніями и убѣжденіями англійскаго общества въ вопросѣ чисто практическомъ.

Въ шести главахъ, собственно относящихся къ распредѣленію доходовъ, т. е., къ изслѣдованію условій, отъ которыхъ зависитъ величина заработной платы, прибыли и ренты, Милль останавливается долѣе всего на заработной платѣ и разсматриваетъ, въ связи съ нею, вопросы о средствахъ противъ ея пониженія и о народонаселеніи.

Глава о заработной платѣ содержитъ въ себѣ изслѣдованія, пополняющія А. Смита и Мальтуса, и критику мѣръ, предложенныхъ для поддержанія заработной платы. Всѣ доходы, а въ частности и заработная плата, по Миллю, опредѣляются или *обычаемъ* или *соперничествомъ*. Но слову «обычай» въ настоящемъ случаѣ необходимо дать болѣе обшир-

ный смыслъ; въ сущности, это тѣ ограниченія соперничества, которыя устанавливаются силою юридическихъ отношеній. Не останавливаясь на вліяніи обычая, Милль разсматриваетъ главную, по его мнѣнію, дѣйствующую причину—спросъ на трудъ и предложеніе труда или отношеніе между населеніемъ и капиталомъ. По его мнѣнію, только перевѣсъ въ приращеніи капитала надъ приращеніемъ населенія обезпечиваетъ возрастаніе заработной платы. Упуская изъ виду послѣдствія болѣе или менѣе равномѣрнаго распредѣленія доходовъ и капитала, Милль является рѣшительнымъ поборникомъ Мальтуса и полагаетъ, что главное средство для улучшенія заработной платы состоитъ въ сдерживаніи животной силы размноженія. Все, что предлагали доселѣ противъ пониженія заработной платы, по мнѣнію Милля, не выдерживаетъ критики, а именно, установленіе законнаго размѣра или, по крайней мѣрѣ, крайняго наименьшаго размѣра заработной платы, опредѣленіе платы совѣтами изъ депутатовъ отъ рабочихъ и хозяевъ, наконецъ, вліяніе общественнаго мнѣнія, обязывающаго послѣднихъ давать достаточное вознагражденіе труду. Возраженія противъ этихъ трехъ способовъ противодѣйствія пониженію заработной платы Милль основываетъ на невозможности давать плату свыше той, которая устанавливается соперничествомъ. Милль является въ настоящемъ случаѣ его горячимъ защитникомъ. «Соперничество, говоритъ онъ, не только понижаетъ заработную плату, но служитъ также средствомъ для ея возвышенія... Есть люди, воображающіе, что дѣйствію соперничества нѣтъ предѣловъ, что соперничество продавцовъ труда можетъ понижать цѣны и довести плату рабочимъ до нуля или до какой-то неопредѣленно малой величины. Это совершенная ошибка. Цѣна товара можетъ понижаться соперничествомъ только до предѣла, пока число покупщиковъ не окажется достаточнымъ для сбыта; а заработная плата мо-

жетъ понижаться соперничествомъ только до того предѣла, когда всѣ работники получатъ долю въ распредѣленіи фонда заработной платы. Если она упадетъ ниже этого предѣла, то часть капитала, по недостатку работниковъ, останется незатраченною, начнется обратное соперничество со стороны капиталистовъ, вслѣдствіе чего заработная плата поднимется». Поэтому, замѣчаетъ Милль, еслибы законъ или общественное мнѣніе успѣли поднять заработную плату выше нормы, опредѣляемой капиталомъ, то нѣкоторые работники остались бы безъ занятій. Безполезно опредѣлять наименьшую величину заработной платы, если не приняты мѣры, чтобы находилась работа или плата для каждаго, требующаго работы. Еслибы нравственное вліяніе общественнаго мнѣнія было недостаточно для того, чтобы побудить богатыхъ къ сбереженіямъ, предназначеннымъ къ доставленію занятій всѣмъ бѣднымъ за удовлетворительную плату, то пришлось бы установить налоги или мѣстные, или государственные для выдачи заработной платы. Но это средство не задержало бы размноженія населенія, и налогъ на бѣдныхъ поглотилъ бы весь доходъ страны. Общество, говоритъ Милль, не можетъ безнаказанно принять на себя продовольствіе населенія, предоставляя ему свободу размножаться. Слѣдующія слова живо напоминаютъ Мальтуса: «Каждый имѣетъ право жить. Предположимъ, что право это обезпечено. Но никто не имѣетъ права давать жизнь существамъ, содержать которыя будутъ обязаны другіе люди. Кто хочетъ настаивать на первомъ изъ этихъ правъ, тотъ долженъ отказаться отъ всякаго притязанія на второе». По тѣмъ же причинамъ Милль возстаетъ противъ добавочной платы (Allowance System), выдававшейся недостаточнымъ отъ приходовъ. Мѣра эта не возвышала заработной платы: она отнимала одною рукой то, что давала рабочему другою. Прибавка 3 шиллинговъ къ 7 шиллингамъ не улучшитъ

положенія рабочихъ, если не уменьшится стремленіе къ размноженію, и если заработная плата упадетъ съ 7 шиллинговъ на 4. Къ подобному же результату должна привести участковая система (Allotment System), надѣленіе рабочихъ огородами, что конечно уже лучше прибавочной платы, но также не останавливаетъ размноженія населенія и не увеличиваетъ средствъ рабочаго сословія. Какія же средства предлагаетъ съ своей стороны Милль? Распространеніе здравыхъ понятій о зависимости заработной платы отъ возрастанія населенія и разумное воспитаніе народа, колонизацію, къ которой онъ отнесся довольно скептически въ концѣ XIII главы, и употребленіе общинныхъ земель на распространеніе мелкой земельной собственности. Послѣдняя глава о заработной платѣ (различіе заработной платы по роду занятій) не представляетъ ничего особенно оригинальнаго и новаго. Это пополненное и исправленное изложеніе ученія А. Смита (гл. XI—XIV).

Въ прибыли Милль различаетъ три составныя части: процентъ съ капитала, или вознагражденіе за воздержаніе отъ потребленія, страховую премію и плату за трудъ. По странной непослѣдовательности Милль отдѣляетъ вопросъ о величинѣ процентовъ (кн. III, гл. XXIII) отъ изслѣдованія о прибыли и относитъ его къ мѣнѣ. Очевидно, что авторъ руководствуется въ настоящемъ случаѣ чисто внѣшними признаками, утверждая, что вопросъ о процентахъ по займамъ, будучи въ сущности вопросомъ о мѣновой цѣнности, естественно относится къ этому отдѣлу его книги. Колебанія въ величинѣ процентовъ происходятъ, по Миллю, отъ спроса и предложенія на ссуды. Спрашиваютъ и предлагаютъ капиталы; но такъ какъ спросъ и предложеніе происходятъ въ формѣ денегъ, то размѣръ процентовъ считается обыкновенно послѣдствіемъ обилія или недостатка денегъ. Сбивчивость понятій усиливается при этомъ еще

болѣе отъ того, что величину процентовъ обозначаютъ выраженіемъ: *цѣнность денегъ*.

Оспаривая заблужденія, состоящія въ смѣшеніи денегъ съ капиталами вообще, а процентовъ съ цѣною денегъ, Милль заходитъ однако слишкомъ далеко. Обильное предложеніе денегъ при отсутствіи предложенія капиталовъ невозможно; но неоспоримо, что при одинаковомъ количествѣ запасовъ и произведеній, можетъ быть избытокъ и недостатокъ денегъ, низкій и высокій процентъ. Покупная сила (т. е. деньги) сама подчинена закону спроса и предложенія, и предложеніе во многомъ зависитъ не отъ количества произведеній, но отъ прочности кредита, который безъ легкости металлическихъ платежей, по большей части, бываетъ шатокъ. Это послѣднее обстоятельство выяснено въ замѣчательномъ сочиненіи Лавеле «Le marché monétaire et ses crises» 1865.

Разъяснивъ условія, отъ которыхъ зависитъ наименьшій размѣръ прибыли и возможныя въ немъ колебанія, различія въ прибыли, происходящія отъ разнаго свойства предпріятій, на которыя капиталъ обращается, и причины, по которымъ величина прибыли стремится къ равенству во всѣхъ занятіяхъ, Милль развиваетъ слѣдующія три положенія: 1) прибыль не зависитъ отъ цѣнъ и не есть результатъ покупки и продажи; 2) затраты капиталиста состоятъ единственно въ платѣ за трудъ; 3) величина прибыли зависитъ отъ стоимости труда. Эти положенія, по своей важности, заслуживаютъ подробнаго изученія.

По ходячему въ обществѣ мнѣнію, говоритъ Милль, промышленная прибыль зависитъ отъ цѣнъ. Повидимому, производитель или продавецъ получаетъ прибыль, вслѣдствіе продажи своего товара по цѣнѣ, превышающей издержки производства. Но всматриваясь ближе въ операціи производителя, мы замѣчаемъ, что деньги, которыя онъ получаетъ за свои произведенія, составляютъ не причину, а

только форму выдаваемой ему прибыли. Причина прибыли состоитъ въ томъ, что трудъ производитъ больше, чѣмъ требуется на его содержаніе [1]). Земледѣльческій капиталъ даетъ прибыль, потому что люди могутъ произвести болѣе пищи, чѣмъ необходимо на ихъ прокормленіе во время производства, включая сюда и время, употребляемое на изготовленіе орудій и исполненіе всѣхъ другихъ нужныхъ приготовленій. Изъ этого слѣдуетъ, что если капиталистъ возьмется кормить работниковъ съ условіемъ обратить произведенія въ свою пользу, то, по возмѣщеніи своихъ затратъ, онъ получитъ еще нѣкоторый остатокъ. Итакъ, прибыль возникаетъ не вслѣдствіе появленія мѣны, но вслѣдствіе производительной силы труда, и общая прибыль страны всегда зависитъ отъ производительной силы труда, будетъ ли мѣна имѣть мѣсто, или нѣтъ. Еслибы не было раздѣленія занятій, то не было бы ни покупки, ни продажи; но прибыль всетаки существовала бы. Если работники страны всѣ вмѣстѣ произведутъ на 20% болѣе своей заработной платы, то производители (въ сложности) получатъ 20% прибыли, каковы бы цѣны ни были. Прибыль капиталистовъ зависитъ исключительно отъ двухъ обстоятельствъ: во-первыхъ, отъ количества полученныхъ произведеній, иначе, отъ производительной силы труда и, во-вторыхъ, оттого, какую часть произведеній получатъ работники. Эти два элемента служатъ данными, по которымъ опредѣляется вся сумма, раздѣляемая между всѣми капиталистами страны. Но размѣръ прибыли, процентное ея отношеніе къ капиталу, зависитъ только отъ второго элемента, т. е., отъ доли, получаемой работникомъ, а не отъ итога подлежащихъ раздѣлу произведеній. Еслибы произведенія труда удвоились, и работники получили бы прежнюю долю, т. е. вдвое болѣе, то капи-

[1]) Ср. выше ученіе Маркса.

талисты тоже получили бы вдвое противъ прежняго; но такъ какъ они притомъ затратили бы вдвое противъ прежняго, то и размѣръ ихъ прибыли не увеличился бы, а остался прежнимъ (гл. XV, §§ 5 и 7). Такимъ образомъ, говоритъ Милль, мы приходимъ къ выводу Рикардо и нѣкоторыхъ другихъ экономистовъ, что размѣръ прибыли зависитъ отъ заработной платы, возвышаясь при паденіи и падая при возвышеніи ея. Но, принимая это ученіе, Милль настаиваетъ на болѣе точномъ выраженіи мысли Рикардо. По его мнѣнію, слѣдуетъ сказать, что прибыль зависитъ не отъ заработной платы, а отъ стоимости труда. Говоря математическимъ языкомъ, стоимость труда есть функція трехъ измѣняемыхъ—успѣшности труда, заработной платы (т. е. вещественнаго, а не денежнаго вознагражденія работника) и стоимости, по которой могутъ быть производимы или покупаемы вещи, составляющія это существенное вознагражденіе. Если трудъ вообще станетъ болѣе успѣшенъ, а вознагражденіе его не возвысится, если вознагражденіе за трудъ упадетъ, а стоимость предметовъ, составляющихъ это вознагражденіе, не увеличится, и самый трудъ не станетъ менѣе успѣшенъ, или если предметы, составляющіе вознагражденіе работника, станутъ дешевле, а работникъ будетъ получать ихъ не больше прежняго, то въ каждомъ изъ этихъ случаевъ прибыль возвысится. Если же, напротивъ того, трудъ станетъ менѣе успѣшенъ (что можетъ произойти отъ уменьшенія физической силы въ народѣ, отъ уничтоженія постояннаго капитала или отъ упадка народнаго образованія), или если работникъ станетъ получать большее вознагражденіе, безъ уменьшенія стоимости составляющихъ вознагражденіе вещей, или, наконецъ, если онъ будетъ получать и не больше прежняго, но самая стоимость полученныхъ имъ вещей будетъ больше, то во всѣхъ этихъ случаяхъ прибыль уменьшится. Кромѣ этихъ случаевъ, нѣтъ сочетанія другихъ

обстоятельствъ, отъ которыхъ могъ бы падать или возвышаться общій размѣръ прибыли въ странѣ во всѣхъ отрасляхъ промышленности (гл. XV, § 7).

Три положенія, развитыя Миллемъ, далеко не могутъ быть признаны безспорными. Замѣтимъ прежде всего, что на прибыль никакъ нельзя смотрѣть, какъ на плату капиталисту за воздержаніе отъ потребленія; прибыль возникаетъ преимущественно изъ участія капиталиста въ продолженіи производства, достигаемаго вслѣдствіе употребленія капитала Аргументація Милля, направленная къ тому, чтобы доказать, что прибыль составляетъ ту долю произведеній, которая остается за выдѣломъ заработной платы или стоимости труда, напоминаетъ нѣсколько ученіе физіократовъ. Прибыль не оттого высока или низка, что получается болѣе или менѣе произведеній за покрытіемъ расходовъ на трудъ, но отъ цѣнъ, установленныхъ спросомъ и предложеніемъ. Для того, чтобъ убѣдиться, какъ ошибочна попытка Милля отдѣлить мѣну, которою совершается распредѣленіе, отъ самаго распредѣленія, стоитъ только припомнить, что при чрезвычайномъ урожаѣ въ земледѣльческихъ странахъ прибыль, доставляемая земледѣліемъ, доходитъ до 0, хотя бы производство дало самый блистательный результатъ. Конечно, прибыль немыслима, если производители расходуютъ болѣе, чѣмъ они производятъ; но изъ предыдущаго примѣра очевидно, что для того, чтобы прибыль существовала, необходимо, чтобы избытокъ могъ быть проданъ по хорошей цѣнѣ. Гипотеза о странѣ, въ которой нѣтъ раздѣленія труда и гдѣ работникъ производитъ на 20% болѣе противъ своей заработной платы, не можетъ быть допущена въ томъ видѣ, какъ ее принимаетъ Милль; она понятна лишь подъ условіемъ денежной оцѣнки, потому что нельзя представить себѣ ни случая отсутствія раздѣленія труда, ни приращенія въ производствѣ каждаго изъ предметовъ на 20%. Если прибыль есть результатъ

соперничества, устанавливающаго цѣны, конечный выводъ, къ которому приходитъ производитель, по сведеніи своихъ счетовъ, то нельзя сказать, чтобы прибыль и заработная плата или стоимость труда измѣнялись въ обратномъ отношеніи. Произведенія распредѣляются соперничествомъ согласно съ установившимися цѣнами труда, капитала, земли и самыхъ произведеній. Полагать, что одна стоимость труда устанавливаетъ прибыль, значитъ забывать то, что самъ Милль говорилъ о непомѣрно высокихъ рентахъ въ Ирландіи, устанавливаемыхъ соперничествомъ. Такимъ образомъ, никакъ нельзя сказать, чтобы величина прибыли зависѣла отъ стоимости труда. Равнымъ образомъ неточно и второе положеніе Милля, именно, что затраты капиталиста состоятъ единственно въ платѣ за трудъ; это положеніе есть ни что иное, какъ развитіе мысли о трудѣ, какъ о единственной производительной силѣ, чего самъ Милль не допускаетъ. Притомъ трудно понять, какъ могъ допустить Милль эту мысль, послѣ того какъ онъ доказывалъ, «что спросъ на произведенія не есть спросъ на трудъ».

Происхожденіе ренты Милль объясняетъ сначала монопольнымъ обладаніемъ землею, а вслѣдъ затѣмъ развиваетъ въ общихъ чертахъ принятую имъ теорію Рикардо и представляетъ возраженія противъ ученія Кэри, которое, по его мнѣнію, нисколько не опровергаетъ того положенія, что всегда существуютъ земли, болѣе и менѣе плодородныя, болѣе и менѣе близкія къ рынкамъ, и что если воздѣлываются земли менѣе плодородныя и менѣе близкія къ рынкамъ, то болѣе плодородныя и болѣе близкія къ потребителямъ даютъ ренту. Рента, по словамъ Милля, нисколько не зависитъ отъ затраты капиталовъ и не объясняется переходомъ отъ воздѣлыванія земель болѣе легкихъ и менѣе плодородныхъ къ воздѣлыванію земель болотистыхъ, поросшихъ лѣсами и болѣе плодородныхъ. Не останавли-

ваясь на разборѣ мыслей Рикардо, изложенныхъ Миллемъ, и на полемикѣ послѣдняго съ Кэри, нельзя не замѣтить, что Милль допускаетъ двоякое объясненіе ренты, съ одной стороны, исключительнымъ обладаніемъ землею, съ другой, необходимостью обратиться къ воздѣлыванію худшихъ земель, при существующемъ спросѣ на произведенія земли, что, очевидно, не одно и то же. Однако же не это одно составляетъ недостатокъ въ ученіи Милля. Авторъ часто упускаетъ изъ виду то, что самъ говоритъ въ кн. III, гл. V, § 4 своего сочиненія, именно, что рента есть явленіе общее всѣмъ отраслямъ промышленности, и что ренту даетъ талантъ, точно такъ же, какъ малораспространенное открытіе или болѣе плодородная почва. Онъ совершенно неправъ, утверждая, что истинная теорія ренты, изложенная въ прошломъ столѣтіи Андерсономъ, была черезъ двадцать лѣтъ снова открыта почти одновременно Уэстомъ, Мальтусомъ и Рикардо. Ученія Мальтуса и Рикардо ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть разсматриваемы, какъ однородныя; первое носитъ на себѣ явные слѣды физіократическаго ученія. Наконецъ, несомнѣнно и то, что разрѣшеніе вопроса о рентѣ составляетъ задачу будущаго и сдѣлается возможнымъ только тогда, когда политическая экономія станетъ на твердую почву положительныхъ фактовъ, когда удастся уловить колебаніе ренты и разнообразныя условія, при которыхъ оно совершается. Самое строгое осужденіе предложенной Миллемъ теоріи заключается въ слѣдующихъ его словахъ: «Никто не скажетъ, чтобы факты, въ какомъ-нибудь конкретномъ случаѣ, съ абсолютною точностью соотвѣтствовали тому или другому научному принципу. Мы никогда не должны забывать, что истины политической экономіи суть истины только въ общихъ чертахъ». «Въ политической экономіи невозможно достичь теоремъ такого рода, чтобъ ими обнимались всѣ многосложныя обстоятельства, отъ которыхъ зависитъ ре-

зультатъ въ частномъ случаѣ». Если это такъ, если нельзя знать *всѣхъ* обстоятельствъ, при которыхъ совершилось явленіе, то можно и должно знать условія, которыя существенно необходимы для объясненія послѣдняго. Наконецъ, особенно замѣчательно признаніе Милля, что истинная теорія ренты представится съ большею ясностію послѣ изложенія ученія о цѣнности и цѣнѣ. Такимъ образомъ, самый ходъ изслѣдованій привелъ автора къ заключенію, что распредѣленіе богатства нельзя понять вполнѣ, не имѣя понятія о мѣнѣ, цѣнности и цѣнѣ.

Глава V.

Мѣна.

Книга третья заключаетъ въ себѣ слѣдующіе главные отдѣлы: 1) теорію цѣнности, 2) изслѣдованія о деньгахъ, 3) о кредитѣ и 4) о международныхъ торговыхъ сношеніяхъ.

1. Цѣнность.

Цѣнность, по мнѣнію Милля, не относится къ производству и касается распредѣленія богатства лишь въ той мѣрѣ, въ какой распредѣляющею силой является соперничество, а не обычай или обыкновеніе; но прежде, чѣмъ начать изслѣдованіе законовъ цѣнности и цѣны (такъ часто смѣшиваемыхъ между собою, тогда какъ цѣна означаетъ цѣнность, выраженную деньгами), необходимо замѣтить, что въ дальнѣйшемъ изложеніи будутъ разсмотрѣны лишь тѣ случаи, въ которыхъ цѣнность и цѣна опредѣляются однимъ соперничествомъ, а слѣдовательно, могутъ быть подведены подъ опредѣленные законы (кн. III, гл. 1, §§ 1 и 5). Чтобы вещь имѣла мѣновую цѣн-

ность, для этого необходимы два условія: во-первыхъ, вещь должна быть на что-нибудь пригодна, а во-вторыхъ, пріобрѣтеніе ея должно быть сопряжено съ трудностію. Степень годности составляетъ крайній предѣлъ мѣновой цѣнности. Трудность пріобрѣтенія бываетъ различна; одни предметы рѣдки, и предложеніе ихъ ограничено безусловнымъ предѣломъ, напримѣръ, нѣкоторыя вина могутъ быть выдѣлываемы только въ извѣстныхъ мѣстностяхъ и въ опредѣленномъ количествѣ; другіе предметы могутъ быть получены лишь подъ условіемъ употребленія извѣстнаго труда и расхода; наконецъ, третьи могутъ быть произведены въ большемъ количествѣ только при употребленіи бо́льшаго труда и расхода. (гл. II, §§ 1 и 2).

Цѣнность пре́дметовъ перваго разряда опредѣляется рѣдкостію, или точнѣе, спросомъ и предложеніемъ. Цѣнность произведеній второго разряда, которыя могутъ быть произведены трудомъ и капиталомъ въ неограниченномъ количествѣ, имѣетъ наименьшій предѣлъ, состоящій въ издержкахъ производства; но этотъ предѣлъ будетъ и наивысшій, если соперничество дѣятельно и свободно. Наконецъ, цѣнность предметовъ третьяго разряда, которые могутъ быть произведены въ большемъ количествѣ только при болѣе значительныхъ издержкахъ производства и производятся съ различными издержками, опредѣляется наивысшимъ размѣромъ послѣднихъ (гл. II, § 3, гл. III, § 1, гл. V, § 1). Говоря о предметахъ, цѣнность которыхъ зависитъ отъ рѣдкости, Милль приходитъ къ слѣдующему выводу: «Если спросъ и предложеніе въ извѣстную минуту становятся неравны, то соперничество уравниваетъ ихъ соотвѣтственнымъ данному случаю измѣненіемъ цѣнности. При возрастаніи спроса цѣнность поднимается, при уменьшеніи его падаетъ; при уменьшеніи предложенія, цѣнность поднимается, при увеличеніи падаетъ; она продолжаетъ подниматься и падать до той степени, на которой спросъ

и предложеніе становятся снова равны, такъ что цѣнность извѣстнаго товара на рынкѣ есть та, которую устанавливаетъ спросъ, нужный для сбыта существующаго или ожидаемаго предложенія. Вотъ законъ цѣнности для всѣхъ тѣхъ товаровъ, количество которыхъ не можетъ быть увеличиваемо по произволу» (гл. II, § 4). Цѣнность предметовъ, количество которыхъ можетъ увеличиваться по произволу, не зависитъ отъ спроса и предложенія, исключая лишь рѣдкіе случаи, и то на время, необходимое для того, чтобы производство могло приноровиться къ спросу: напротивъ того, предложеніе и спросъ зависятъ отъ цѣнности. Если есть спросъ на извѣстное количество товара по его естественной цѣнности, то и предложеніе постоянно приноравливается къ ней. Если предложеніе уклоняется отъ этой цѣнности, то причиной тому ошибка въ разсчетѣ или какая-нибудь перемѣна или въ естественной цѣнности, то есть въ издержкахъ производства, или въ спросѣ отъ перемѣны вкусовъ общества, или въ числѣ и богатствѣ потребителей. Эти причины колебанія случаются очень часто, и достаточно одной изъ нихъ, чтобы рыночная цѣнность предмета отклонилась отъ естественной. Дѣйствительный законъ спроса и предложенія—уравниваніе ихъ между собою—и тутъ не перестаетъ дѣйствовать. Управляя этими колебаніями цѣнности, само уравненіе спроса и предложенія подчиняется высшей силѣ, которая заставляетъ цѣнность тяготѣть къ издержкамъ производства, устанавливаетъ и всегда держитъ ее на этой высотѣ, если не возникаютъ постоянно новыя возмущающія вліянія, производящія отклоненія цѣнности. Спросъ и предложеніе постоянно стремятся къ равновѣсію; но положеніе «устойчиваго равновѣсія» есть то, когда предметы обмѣниваются другъ на друга соразмѣрно издержкамъ своего производства (гл. III, § 2).

Окончательное разъясненіе предыдущаго даетъ Милль

въ своемъ анализѣ издержекъ производства. Издержки производства, по Миллю, который въ настоящемъ случаѣ только излагаетъ ученіе Рикардо, слагаются изъ заработной платы и прибыли, но не ренты, которая составляетъ результатъ цѣнъ. Издержки опредѣляются, главнымъ образомъ, величиною заработной платы и количествомъ труда, употребленнаго на производство; измѣненія въ заработной платѣ (кромѣ мимолетныхъ колебаній) относятся обыкновенно ко всѣмъ предметамъ и не имѣютъ значительнаго вліянія на цѣнность; гораздо важнѣе различія въ количествѣ труда, необходимаго для производства, потому что въ данное время измѣненіе относится къ одному или къ немногимъ произведеніямъ. Независимо отъ количества труда и заработной платы, въ составъ издержекъ производства входитъ прибыль. Вліяніе этого элемента на цѣнность весьма различно. Та часть капитала, которая потребляется въ теченіе годичнаго періода производства, входитъ всецѣло въ составъ цѣны произведеній; та же часть, которая въ видѣ долговѣчныхъ машинъ потребляется медленно, входитъ въ составъ цѣнъ на столько, на сколько потребляется капиталъ. Такимъ образомъ, затрата капитала въ товарахъ на долгое время, напримѣръ, въ винѣ, или замѣнъ оборотнаго капитала постояннымъ и долговѣчнымъ увеличиваютъ долю прибыли въ общей массѣ издержекъ производства; но зато, при замѣнѣ труда долговѣчною машиною, издержки производства будутъ менѣе, и такъ какъ прибыль входитъ въ различной пропорціи въ ихъ составъ, то очевидно, что пониженіе прибыли, происходящей отъ увеличенія стоимости труда, произведетъ неравномѣрное измѣненіе въ цѣнности произведеній (гл. IV).

Таково ученіе Милля о цѣнности. Сущность его выражена авторомъ въ слѣдующихъ семнадцати основныхъ положеніяхъ:

I. Цѣнность есть отношеніе. Цѣнность одного предмета

означаетъ количество другого предмета или предметовъ вообще, на которые онъ обмѣнивается. Поэтому, не можетъ быть общаго пониженія или возвышенія цѣнности, а возвышенію однихъ цѣнностей соотвѣтствуетъ пониженіе другихъ.

II. Временная или рыночная цѣнность произведеній зависитъ отъ спроса и предложенія; она возрастаетъ съ увеличеніемъ спроса и падаетъ съ увеличеніемъ предложенія. Спросъ измѣняется однако же вмѣстѣ съ цѣнностію; онъ бываетъ больше тогда, когда предметъ дешевъ, меньше,— когда дорогъ; и цѣнность всегда принаравливается при этомъ такъ, что спросъ равенъ предложенію.

III. Кромѣ временной цѣнности, предметъ имѣетъ цѣнность постоянную, или, такъ-сказать, естественную, къ которой рыночная, послѣ каждаго ея измѣненія, всегда стремится приблизиться. Эти колебанія уравновѣшиваются такъ, что произведеніе промѣнивается, въ среднемъ выводѣ, приблизительно по своей естественной цѣнности.

IV. Естественная цѣнность нѣкоторыхъ предметовъ есть цѣнность рѣдкости, но бо̀льшею частью предметы обмѣниваются другъ на друга, соразмѣрно съ издержками производства или съ ихъ стоимостью (cost valne).

V. Предметы, естественно и постоянно имѣющіе цѣнность рѣдкости, суть тѣ, предложеніе которыхъ не можетъ вовсе или на столько увеличиться, чтобы удовлетворить всякому спросу, который бы имѣлъ мѣсто, еслибъ они продавались сообразно съ издержками производства (cost value).

VI. Монопольная цѣнность означаетъ цѣнность рѣдкости. Монополія сообщаетъ цѣнность лишь вслѣдствіе ограниченія предложенія.

VII. Каждое произведеніе, предложеніе котораго можетъ быть безконечно увеличено трудомъ и капиталомъ, промѣнивается на другія вещи пропорціонально наиболь-

шимъ издержкамъ производства, необходимымъ для производства и поставки на рынокъ самой дорогой части потребнаго предложенія. Цѣнность естественная и стоимость синонимы: стоимость означаетъ наибольшія издержки, съ коими эта часть предложенія произведена.

VIII. Издержки производства состоятъ изъ нѣсколькихъ элементовъ, изъ которыхъ иные всеобщи и постоянны, а другіе случайны. Заработная плата и прибыль суть два необходимые элемента въ издержкахъ производства. Случайные элементы суть подати и чрезвычайныя издержки, условливаемыя рѣдкостію нѣкоторыхъ принадлежностей производства.

IX. Рента не составляетъ элемента, входящаго въ составъ издержекъ производства предметовъ, которые даютъ ренту, исключая случай, скорѣе воображаемый, чѣмъ дѣйствительный, именно, когда издержки происходятъ отъ рѣдкости и составляютъ ея слѣдствіе; но если земля, могущая дать ренту въ земледѣліи, употребляется для другой цѣли, то рента, которую она могла бы дать, входитъ въ составъ издержекъ производства того предмета, для производства котораго служитъ эта земля.

X. Если опустить случайные элементы цѣнности, то предметы, которые могутъ быть произведены въ неограниченномъ количествѣ, промѣниваются естественно и постоянно пропорціонально издержанной на нихъ заработной платѣ и прибыли, которую должны извлечь капиталисты, уплачивающіе эту заработную плату.

XI. Относительный размѣръ расходовъ на заработную плату не зависитъ отъ нея самой. Высокая заработная плата не есть причина высокой цѣнности, а низкая заработная плата—низкой цѣнности. Относительный размѣръ расходовъ на заработную плату зависитъ отчасти отъ количества потребнаго труда, отчасти отъ размѣра вознагражденія за трудъ.

XII. Равнымъ образомъ относительная доля прибыли не зависитъ отъ высоты прибыли. Высокая прибыль не есть причина высокой цѣнности, а низкая—низкой цѣнности. Размѣръ прибыли зависитъ частію отъ продолжительности времени, въ теченіе котораго употребляется капиталъ, частію отъ относительной доли прибыли въ разныхъ отрасляхъ занятій.

XIII. Если два предмета производятся однимъ и тѣмъ же количествомъ труда, получающаго ту же плату за одно и то же время, и если по роду занятій не требуется постоянное различіе въ величинѣ прибыли, то такіе два предмета въ среднемъ результатѣ будутъ обмѣниваться другъ на друга независимо отъ того, будутъ ли заработная плата и прибыль высоки или низки, а количество труда велико или мало.

XIV. Если одинъ изъ двухъ предметовъ вообще имѣетъ, среднимъ числомъ, цѣнность бо̀льшую, то это потому, что его производство требуетъ или количества труда, болѣе значительнаго, или употребленія труда, лучше оплачиваемаго, или затраты капитала на болѣе продолжительное время, а также потому, что производство сопровождается какимъ-либо обстоятельствомъ, которое требуетъ, для уравновѣшенія, прибыли бо̀льшаго размѣра.

XV. Количество труда, необходимаго для производства, составляетъ самый важный изъ этихъ элементовъ; вліяніе другихъ слабѣе, хотя каждый изъ нихъ не малозначущъ.

XVI. Чѣмъ ниже прибыль, тѣмъ менѣе значенія имѣютъ второстепенные элементы издержекъ производства, и тѣмъ менѣе отклоняется цѣнность произведеній отъ цѣнности, соотвѣтствующей количеству и качеству труда, употребленнаго на ихъ производство.

XVII. Но всякое пониженіе прибыли понижаетъ въ извѣстной мѣрѣ стоимость (cost value) вещей, произведенныхъ машинами, наиболѣе долговѣчными, и возвышаетъ

цѣнность вещей, составляющихъ произведеніе ручной работы, а всякое возвышеніе прибыли производитъ противоположный результатъ (гл. VI, § 1).

Въ предыдущемъ исчерпано, по возможности, ученіе Милля о цѣнности,—ученіе, которое, по его словамъ, развито вполнѣ и представляетъ единственную трудность, заключающуюся въ такомъ изложеніи, которое могло бы напередъ разъяснить главныя недоразумѣнія касательно примѣненія теоріи. Едва ли этотъ конечный выводъ, къ которому пришелъ авторъ, можетъ быть признанъ вѣрнымъ. Теорія цѣнности составляетъ одинъ изъ труднѣйшихъ отдѣловъ политической экономіи, окончательный выводъ изъ сложныхъ явленій потребностей, производства, мѣны и потребленія. Какъ во многихъ другихъ отдѣлахъ «Началъ политической экономіи» Милля, такъ и здѣсь у него встрѣчается неудавшаяся попытка отдѣлить производство, распредѣленіе богатства и мѣну другъ отъ друга, а также нѣкоторая двойственность содержанія: цѣнность опредѣляется и соперничествомъ вообще, и издержками производства; цѣнность рѣдкихъ предметовъ опредѣляется исключительно соперничествомъ, цѣнность остальныхъ—и соперничествомъ, и издержками производства. Примиреніе этихъ двухъ условій достигается, по Миллю, уравненіемъ спроса и предложенія, стремленіемъ ихъ къ равновѣсію, при которомъ предметы второго разряда обмѣниваются по своей естественной цѣнности, а предметы третьяго разряда по наибольшимъ издержкамъ производства. Такимъ образомъ, у Милля является цѣнность двоякаго рода: рыночная, устанавливаемая соперничествомъ, во многихъ случаяхъ сообразная съ издержками производства, и естественная, слагающаяся изъ этихъ издержекъ. Въ чемъ же состоятъ главные недостатки теоріи, изложенной Миллемъ?

Недостатки эти состоятъ, во-первыхъ, въ томъ, что Милль, указавъ на причины, отъ которыхъ зависитъ цѣнность, не

связалъ этихъ причинъ съ соперничествомъ. Онъ совершенно вѣрно замѣтилъ, что цѣнность произведенія зависитъ отъ его годности (способность удовлетворить потребности) и отъ трудности пріобрѣтенія, отъ условій, составляющихъ необходимые, но и не единственные элементы соперничества. Спросъ, независимо отъ соображеній, касающихся снабженія рынка обусловливается потребностію, средствами пріобрѣтателей и существующими между ними связями; предложеніе наличнымъ количествомъ произведеній, которое *должно* быть продано производителями, а также связями между производителями и большею или меньшею трудностію производства, позволяющею или не позволяющею усилить размѣры послѣдняго. Во-вторыхъ, Милль, противопоставляя рыночную цѣнность естественной или издержкамъ производства, не совсѣмъ удачно опредѣляетъ отношеніе между обѣими. По Миллю, издержки производства слагаются изъ заработной платы и прибыли, рента же не входитъ въ ихъ составъ (исключая тотъ случай, когда земля употребляется не для добыванія земледѣльческихъ произведеній, а для какихъ-либо другихъ цѣлей). Величина издержекъ производства,—заработной платы, прибыли и ренты, какъ замѣчено было выше, регулируется также спросомъ и предложеніемъ на трудъ, на капиталъ и на монопольный элементъ, который составляетъ достояніе или работника, или капиталиста, или землевладѣльца, обладающихъ особыми качествами труда, капитала или земли. Что бы ни говорили экономисты о стремленіи заработной платы и прибыли къ достиженію одного общаго уровня, но практика приводитъ неоспоримыя доказательства, что расходы на трудъ, на капиталъ и на землю, при большемъ или меньшемъ искусствѣ предпринимателей, при благопріятныхъ или неблагопріятныхъ общественныхъ и физическихъ условіяхъ, представляютъ огромное разнообразіе, и издержки, сдѣланныя для производства даннаго количества извѣстныхъ произ-

веденій разными лицами, бываютъ далеко не одинаковы. Можно, конечно, взять среднія числа для издержекъ производства, но эти выводы годны для цѣлей научныхъ или практическихъ только тогда, когда данныя не отклоняются другъ отъ друга значительно. Итакъ, строго говоря, естественная цѣнность или издержки производства слагаются изъ рыночныхъ цѣнъ, которыя платятся за силы, участвующія въ производствѣ, и если рѣчь идетъ о соотношеніи между естественною и рыночною цѣнностію, то въ сущности рѣшается вопросъ: можетъ ли цѣна произведенія быть болѣе или менѣе итога составныхъ частей, изъ которыхъ она слагается? Еслибы спросъ на трудъ, на капиталъ и на землю, а также предложеніе труда, капитала и земли были равномѣрны во всѣхъ отрасляхъ производства, еслибы пользованіе этими силами было вездѣ равно успѣшно и, наконецъ, еслибы спросъ на всѣ произведенія и предложеніе послѣднихъ колебались пропорціонально бывшему спросу и предложенію на производительныя силы, то, дѣйствительно, могло бы быть самое строгое соотношеніе между издержками производства и рыночною цѣнностію произведеній; но достаточно сдѣлать приведенныя выше предположенія для того, чтобъ убѣдиться въ совершенной ихъ невозможности. Какое же существуетъ отношеніе между издержками производства и рыночными цѣнами произведеній? Издержки ли регулируютъ рыночныя цѣны произведеній, или же сами регулируются, въ свою очередь, послѣдними? Смитъ, ближайшіе его послѣдователи и Милль въ томъ числѣ полагаютъ, что цѣны всѣхъ или большинства произведеній зависятъ отъ издержекъ производства; Маклеодъ утверждаетъ противное, именно, что издержки производства зависятъ отъ цѣнъ. Производитель, говоритъ онъ, рѣшается издержать болѣе или менѣе, смотря по тому, на какую цѣну онъ разсчитываетъ. Положеніе Маклеода справедливо только на половину; нельзя сказать, чтобы

цѣны всегда сообразовались съ издержками производства, но не всегда также и высокія цѣны бываютъ причиною большихъ издержекъ производства. Между цѣнами, которыя платятся за производительныя силы, между издержками производства и цѣнами произведеній нѣтъ строгой пропорціональности, потому что между спросомъ и предложеніемъ, которыми регулируются издержки производства и устанавливаются цѣны, находится болѣе или менѣе значительный промежутокъ времени, а затѣмъ результаты производства не пропорціональны сдѣланнымъ издержкамъ. Такъ какъ Милль самъ признаетъ, что цѣнность предметовъ рѣдкихъ опредѣляется спросомъ и предложеніемъ, то можно примѣнить приведенныя выше соображенія къ тому, что говоритъ авторъ о соотношеніи между цѣнами и издержками производства предметовъ второго и третьяго разрядовъ.

Что касается такъ называемыхъ предметовъ второго разряда, то, по Миллю, цѣнность ихъ имѣетъ низшій предѣлъ, состоящій въ издержкахъ производства; этотъ предѣлъ будетъ и наивысшимъ, если соперничество дѣятельно и свободно. Спрашивается: о какихъ издержкахъ производства здѣсь идетъ рѣчь, о высшихъ ли, среднихъ, или низшихъ?

Очевидно, что еслибы рыночная цѣнность сообразовалась съ наивысшими издержками, то не было бы никакого различія между предметами второго и третьяго разрядовъ; притомъ подобная высота рыночной цѣнности несовмѣстна съ предположеніемъ о возможности увеличенія производства въ произвольныхъ размѣрахъ. Цѣнность не можетъ сообразоваться съ низшими издержками производства, потому что при такомъ условіи предпріятія, требующія наивысшихъ издержекъ, не могли бы существовать. Итакъ, повидимому, остается допустить, что цѣнность нормируется средними издержками; однако же и это опять не-

вѣрно, какъ потому, что производство при высшихъ издержкахъ было бы убыточно, такъ и потому, что условія спроса и предложенія измѣнчивы, и цѣнность, по большей части, бываетъ или выше, или ниже среднихъ издержекъ.

Относительно цѣнности предметовъ третьяго разряда (къ которымъ относятся главнымъ образомъ земледѣльческія произведенія) Милль замѣчаетъ, что она опредѣляется наивысшимъ размѣромъ издержекъ производства. Но это положеніе оказывается также несостоятельнымъ. Кто сколько-нибудь слѣдилъ за состояніемъ хлѣбныхъ цѣнъ, тому извѣстно, что цѣнность произведеній земледѣлія въ неурожайные годы бываетъ даже выше наибольшихъ издержекъ, а въ урожайные годы, при недостаточности капиталовъ и бѣдности сельскаго населенія, вынужденнаго для уплаты податей сбывать свои произведенія, падаетъ иногда ниже наименьшихъ издержекъ.

Какой же выводъ позволяютъ сдѣлать изложенныя соображенія? Можно сказать, кажется, съ нѣкоторымъ правомъ, что во всѣхъ отрасляхъ промышленности кромѣ монопольныхъ, высшія и низшія издержки производства составляютъ два крайніе предѣла возвышенія и паденія рыночной цѣнности произведеній, — предѣлы, которые цѣнность переступаетъ въ немногихъ исключительныхъ случаяхъ. По общему правилу, рыночная цѣнность всѣхъ произведеній какъ второго, такъ и третьяго разряда колеблется между высшими и низшими издержками производства; она никогда не можетъ остановиться, на высшихъ издержкахъ, такъ какъ производство, не заключенное въ извѣстныя границы, ведетъ къ усиленію предложенія предметовъ однородныхъ, произведенныхъ съ меньшими издержками, и что самое предложеніе усиливается или ослабѣваетъ подъ вліяніемъ разнообразныхъ естественныхъ причинъ, нисколько не зависящихъ отъ человѣческаго произвола; но цѣна не можетъ остановиться и на низшихъ из-

держкахъ, потому что предпріятія, производящія съ большими издержками, не могли бы существовать, а потому паденіе цѣнности до низшаго предѣла предполагаетъ въ будущемъ уменьшеніе и производства, и предложенія. Отсюда слѣдуетъ, что при данномъ спросѣ цѣнность возвышается или падаетъ, сообразно съ увеличеніемъ или уменьшеніемъ предложенія, и что усиленіе спроса, при увеличеніи предложенія, и упадокъ спроса, при уменьшеніи предложенія (фактъ очень рѣдкій), могутъ предупредить крайнія колебанія цѣнности.

Эти колебанія, происходящія подъ вліяніемъ соперничества, составляютъ одно изъ самыхъ обыкновенныхъ явленій рынка, и ими регулируется производство, на сколько оно зависитъ отъ производителей. Такъ, во время междоусобной сѣверо-американской войны, высокая цѣнность хлопка вызвала производство его въ Египтѣ, въ Индіи и въ другихъ странахъ. Впрочемъ, увеличеніе предложенія произведеній разныхъ отраслей промышленности требуетъ не одинаковаго времени преодолѣнія различныхъ трудностей,—искусства и знанія, пріобрѣтаемыхъ въ школѣ и въ практической дѣятельности. Притомъ, не должно забывать, что регулированіе производства слѣдуетъ понимать лишь какъ направленіе капитала и труда къ наиболѣе выгоднымъ отраслямъ промышленности. Результаты производства въ предпріятіяхъ существующихъ измѣнчивы и непостоянны еще въ большей степени, нежели условія спроса, въ которомъ заявляются не однѣ потребности, но и средства покупателей. Обиліе или недостатокъ жатвы, техническія усовершенствованія въ обрабатывающей промышленности (не говоря уже о чисто общественныхъ причинахъ, войнахъ, займахъ, и пр.) разрушаютъ разсчеты производителей на опредѣленные размѣры предложенія. При такомъ положеніи вещей нельзя сказать, чтобы издержки производства, высшія, среднія или низшія, составляли норму цѣн-

ности; уменьшеніе издержекъ производства на столько можетъ имѣть вліянія на пониженіе цѣнности, на сколько оно совпадаетъ съ увеличеніемъ предложенія.

Послѣ этого едва ли предстоитъ необходимость останавливаться на положеніи Милля объ уравненіи спроса и предложенія, которое въ сущности ничего не разъясняетъ, такъ какъ это уравненіе происходитъ при всякомъ спросѣ всякомъ предложеніи и устраняетъ лишь мысль о томъ, что спросъ можетъ быть сильнѣе или слабѣе предложенія, что дѣйствительно случается тогда, когда цѣны бываютъ далеко выше или ниже среднихъ, долгое время господствовавшихъ на рынкѣ. Впрочемъ уравненіе спроса и предложенія не мѣшаетъ Миллю признаться, что можетъ быть излишекъ въ предложеніи отдѣльныхъ видовъ произведеній; онъ отрицаетъ лишь чрезмѣрное предложеніе всѣхъ произведеній вообще, потому что произведенія обмѣниваются на произведенія, и лица, предъявляющія спросъ, въ свою очередь, являются съ предложеніемъ какихъ-либо предметовъ. Такая же логическая несообразность, говоритъ Милль, заключается и въ другой гипотезѣ, что предложеніе товаровъ превышаетъ потребности, потому что еслибы потребности производителей были удовлетворены, то не было бы побужденія къ производству. Излишекъ предложенія всѣхъ товаровъ бываетъ, по Миллю, только слѣдствіемъ коммерческаго кризиса и спекулятивныхъ закупокъ, когда уничтожается, въ значительной степени, покупная сила кредита. Но это явленіе нисколько не походитъ на изображенную Чомерсомъ и Сисмонди картину бѣдствій, происходящихъ отъ чрезмѣрнаго производства. Равнымъ образомъ, нельзя видѣть признаковъ излишка предложенія въ пониженіи прибыли; низкая прибыль и недостатокъ спроса не одно и то же. Слѣдовательно, замѣчаетъ Милль, оказываются двѣ практическія задачи—усиленіе производства и наилучшее распредѣленіе, и нѣтъ надобности въ созданіи рынка для про-

изведеній или въ соразмѣреніи производства съ рынкомъ (кн. III, гл. XIV).

Въ этихъ соображеніяхъ много правды, но едва ли авторомъ вѣрно понято то явленіе, о которомъ говорилъ Сисмонди. Всеобщее чрезмѣрное предложеніе составляетъ, конечно, пустой призракъ; но чрезмѣрное производство нѣкоторыхъ товаровъ, а тѣмъ болѣе несоотвѣтствіе между производствомъ и доходами есть дѣло возможное. Доходы значительной части населенія могутъ сдѣлать потребленіе невозможнымъ, при чемъ равно терпятъ и производители, которые не могутъ сбыть свои произведенія, и населеніе, которое не въ состояніи удовлетворить своимъ потребностямъ. Зло происходитъ отъ неравномѣрнаго распредѣленія доходовъ, которое, въ свою очередь, зависитъ отъ недоступности капитала и невозможности накопленія его менѣе достаточными классами. Конечно, для устраненія зла, необходимо не соразмѣрить производство съ спросомъ, а улучшить систему народнаго хозяйства, при чемъ возрастаніе доходовъ устранитъ избытокъ произведеній и возстановится соразмѣрность между производствомъ и потребленіемъ.

Мысли, заимствованныя Миллемъ у Рикардо (см. основныя положенія, XI—XVII) о соотношеніи между цѣнами и отдѣльными составными частями издержекъ производства, по большой части, не могутъ быть признаны вѣрными. Такъ напримѣръ, Милль полагаетъ, что высокая заработная плата или высокая прибыль не составляютъ причины высокой цѣнности, и наоборотъ, низкая заработная плата и низкая прибыль не составляютъ причины низкой цѣнности произведеній. Это справедливо, но не въ томъ смыслѣ, въ какомъ высказано Миллемъ. Высокая цѣнность произведеній заставляетъ иногда платить высокую заработную плату и даетъ бо́льшую прибыль; затѣмъ размѣръ заработной платы и прибыли никогда не можетъ быть одинаковъ въ цѣлой странѣ, а тѣмъ болѣе въ разныхъ

странахъ, находящихся въ международныхъ торговыхъ сношеніяхъ, поэтому, положенія Милля, которыми признается независимость цѣнности отъ общаго возвышенія и пониженія заработной платы или прибыли, относятся къ числу гипотезъ, не всегда оправдываемыхъ на опытѣ. Высота заработной платы и прибыли на столько имѣетъ вліяніе на цѣны, на сколько издержки эти вызываются необходимостію увеличить предложеніе для удовлетворенія существующему или ожидаемому спросу; прибыль же зависитъ также и отъ того, на сколько спросъ, при данномъ предложеніи, позволяетъ выгодно сбыть извѣстный товаръ. Большая часть положеній Милля справедлива для частныхъ случаевъ, но они не имѣютъ характера общихъ законовъ, такъ какъ цѣнность не регулируется безусловно издержками производства, а тѣмъ болѣе составными частями послѣднихъ. Наконецъ, Милль недостаточно уяснилъ различіе между интенсивностію и экстенсивностію спроса и предложенія. Вообще, этотъ отдѣлъ сочиненія Милля составляетъ образцовое изложеніе предмета съ точки зрѣнія Рикардо, но показываетъ, что ученый авторъ не воспользовался собранными фактами, относящимися къ исторіи цѣнъ, и даже не придалъ надлежащаго значенія превосходнымъ изслѣдованіямъ Мальтуса, которыя въ новѣйшее время такъ удачно переработалъ Маклеодъ.

Въ связи съ изслѣдованіями о цѣнности находится еще одинъ вопросъ—объ отысканіи единицы или постояннаго мѣрила для опредѣленія относительной величины цѣнности разныхъ произведеній, какъ въ данное время, такъ и въ различныя эпохи. Изъ понятія о цѣнности, по справедливому замѣчанію Милля, слѣдуетъ, что такого мѣрила быть не можетъ, потому что цѣнность, заключающаяся въ каждомъ произведеніи, сама подвержена измѣненіямъ. Мысль, что цѣнность вещи измѣряется количествомъ труда, необходимымъ или для ея покупки, или для

ея производства, замѣняетъ понятіе о мѣновой цѣнности другимъ понятіемъ, указывающимъ или на внутреннюю цѣнность вещи, или на условія, опредѣляющія ея цѣнность (кн. III, гл. XV). Признавая эти замѣчанія совершенно вѣрными, нельзя однако же не пожалѣть, что Милль придалъ такъ мало значенія изслѣдованіямъ Смита, Мальтуса и Рикардо. Трудъ, который или покупается произведеніями, или необходимъ для ихъ производства, даетъ понятіе—первый о степени благосостоянія, достигнутаго обществомъ, а второй объ условіяхъ, при которыхъ это благосостояніе становится возможнымъ. Положеніе общества тѣмъ благопріятнѣе, чѣмъ болѣе произведеній можетъ быть куплено деннымъ трудомъ простого работника, и чѣмъ менѣе труда необходимо для производства каждаго предмета въ частности.

2. О монетѣ.

Ученіе о монетѣ проникнуто у Милля тѣмъ же духомъ реакціи противъ меркантильнаго направленія, который отличаетъ Смита и ближайшихъ послѣдователей знаменитаго основателя политической экономіи. Фунты и шиллинги, по его словамъ, суть родъ ордеровъ, которые могутъ быть представлены въ каждую лавку для уплаты, и въ хозяйствѣ общества нѣтъ, по существу своему, болѣе малозначущаго предмета, какъ деньги, если не взять въ разсчетъ, что онѣ способствуютъ сбереженію времени и труда. Это машина для болѣе быстраго и удобнаго исполненія того, что безъ нея дѣлалось бы менѣе быстро и удобно. Затѣмъ, признавая монету товаромъ, Милль находитъ, что цѣнность ея установляется временно уравненіемъ спроса и предложенія, а постоянно и въ среднемъ выводѣ—издержками производства. Для уясненія перваго условія, опредѣляющаго цѣнность монеты, Милль обращается къ гипотезамъ объ увеличеніи количества монеты

и ускореніи ея обращенія; переходя ко второму условію, онъ находитъ, что какъ количество монеты въ странѣ, такъ и цѣнность ея опредѣляются издержками производства. Въ заключеніе, Милль развиваетъ справедливую мысль о необходимости избрать для денежной единицы монету изъ одного металла (кн. III, гл. VII—X).

Очевидно, что въ противомеркантильномъ воззрѣніи есть значительная доля преувеличенія: монета не только ордеръ, на который можно купить товаръ въ любой лавкѣ, но и цѣнность, результатъ предшествующаго производства. Деньги, какъ средство для накопленія богатства и какъ орудіе мѣновыхъ оборотовъ, имѣютъ первостепенную важность, и хотя монета не служитъ для непосредственнаго потребленія, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы по существу своему она имѣла мало значенія: и земля, и машины, сами по себѣ, не служатъ для удовлетворенія потребностямъ человѣка въ пищѣ, одеждѣ, жилищѣ и пр. Наконецъ, гипотезы Милля о вліяніи увеличенія количества монеты на цѣны нисколько не убѣдительны; ибо для того, чтобы цѣны всѣхъ предметовъ удвоились отъ удвоенія количества денегъ въ рукахъ народа, необходимо сдѣлать еще одно, въ высшей степени натянутое, предположеніе, именно, допустить, что каждый человѣкъ сдѣлаетъ изъ денегъ то же самое употребленіе, какое онъ дѣлалъ прежде, то-есть, что онъ явится покупателемъ на тѣ же самые товары и съ готовностію дороже платить. Но этого никогда не было и не можетъ быть; одинъ станетъ копить, другой употреблять добавочную сумму денегъ на производительныя затраты, и далеко не всѣ усилятъ спросъ на товары. Опытъ всѣхъ странъ и всѣхъ вѣковъ представляетъ неопровержимыя доказательства тому, что съ увеличеніемъ количества денегъ, хотя оно никогда не происходило (да и не можетъ происходить) въ томъ видѣ, какъ предполагалъ Милль, производство всегда усиливалось, и парал-

лельно возвышенію цѣнъ, увеличивалось предложеніе произведеній еще въ большей пропорціи. Такъ, по исчисленію Галлатина, количество золота и серебра, со времени открытія Америки до 1830 года, возросло въ пятнадцать разъ, а цѣны, по Рошеру, возвысились не болѣе, какъ въ четыре раза. Самъ Милль отчасти признаетъ эту истину въ XXII главѣ III-й книги.

3. Кредитъ и бумажныя деньги.

Изслѣдованія Милля о кредитѣ принадлежатъ къ лучшимъ страницамъ въ его книгѣ. При богатствѣ англійской литературы по этому предмету, философскій умъ автора нашелъ обильный матеріалъ для обобщеній. Конечно, здѣсь нѣтъ надлежащей оцѣнки вліянія кредита на производство и есть существенные пробѣлы; но, разсматривая кредитъ какъ орудіе мѣны или купли, замѣняющее деньги, Милль обработалъ нѣкоторыя страницы въ этомъ отдѣлѣ своего сочиненія съ замѣчательнымъ талантомъ. Милль отличаетъ четыре формы кредита, создающія покупную силу: 1) взаимные разсчеты, перечисленіе суммъ, слѣдующихъ къ выдачѣ, или платежу, съ одного счета на другой; 2) переводные векселя [1]), которые переходятъ по передаточнымъ надписямъ и служатъ, подобно деньгамъ, для расплатъ; 3) билеты, т. е. платежныя обязательства по предъявленіи, выданныя на себя должниками — банками или правительствомъ, служащія въ обращеніи какъ монета и избавляющія отъ надобности употреблять послѣднюю на сумму, равную этимъ обязательствамъ; отличительная ихъ особенность состоитъ въ томъ, что они не даютъ процен-

[1]) Милль, согласно съ Торнтономъ, отрицаетъ опасность, приписываемую векселямъ, возникающимъ изъ некоммерческихъ сдѣлокъ, такъ какъ въ сущности это только снабженные двумя подписями,—соло-векселя, недостатки коихъ состоятъ лишь въ томъ, что люди болѣе рискующіе выдаютъ ихъ за дѣйствительные векселя, и что выпускъ этихъ бумагъ не ограничивается торговыми оборотами.

товъ; 4) чеки, ордера, выдаваемые частными лицами на банкировъ или на банки, которые хранятъ кассы частныхъ лицъ или открываютъ имъ кредитъ. При помощи этихъ формъ кредита, замѣчаетъ Милль, громадные обороты такой страны, какъ Великобританія, ведутся изумительно малымъ количествомъ золота и серебра.

Указавъ на разные виды кредита, какъ покупной силы, Милль переходитъ къ разсмотрѣнію ихъ вліянія на цѣны и ихъ значенія, какъ орудій обращенія (гл. XI). По мнѣнію Милля, банковые билеты составляютъ болѣе могущественное орудіе для возвышенія цѣнъ, чѣмъ векселя, а векселя—болѣе могущественное, нежели кредитъ по книгѣ. Кредитъ по книгѣ обнаруживаетъ покупную силу лишь одинъ разъ; кредитъ по векселю служитъ для покупокъ столько разъ, сколько вексель перейдетъ изъ рукъ въ руки; но пріемъ векселя въ платежи зависитъ отъ довѣрія къ лицамъ, участвовавшимъ въ векселѣ, между тѣмъ какъ кредитъ по банковому билету дѣлаетъ кредитъ банкира покупною силою въ рукахъ владѣльцевъ билета, независимо отъ кредита, которымъ эти послѣднія лица сами могутъ пользоваться. Но эта сила дѣйствуетъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой она дѣйствительно употребляется. По свидѣтельству Тука, спекулятивныя покупки, приводившія къ кризисамъ, производились нерѣдко на кредитъ по книгамъ, при чемъ количество банковыхъ билетовъ увеличивалось мало и только въ послѣдній періодъ спекуляціи. Притомъ не должно забывать, что выдача чековъ по открытымъ счетамъ у банкировъ и въ банкахъ имѣетъ всю ту силу, которую приписывали банковымъ билетамъ. Затѣмъ, вопросъ о томъ, какія формы кредита слѣдуетъ считать деньгами, а какія—нѣтъ, по мнѣнію Милля, есть словопреніе; значеніе, которое придаютъ этому вопросу, основывается на мысли, что нѣкоторыя формы кредита увеличиваютъ количество денегъ и возвышаютъ цѣны. Предметъ этотъ былъ уже разсмотрѣнъ,

и выше показано, что цѣны опредѣляются не количествомъ денегъ, а суммами, на которыя простираются покупки (гл. XII).

Если изслѣдованія Милля о кредитѣ, какъ о покупной силѣ, отличаются замѣчательною правильностію, то нельзя сказать, чтобы авторъ вѣрно оцѣнилъ отношеніе кредита къ производству, и этотъ пробѣлъ есть также необходимое послѣдствіе взгляда, по которому кредитъ отнесенъ имъ къ мѣнѣ, а мѣна составляетъ лишь результатъ производства. Миллю кажется странною «необходимость доказывать, что кредитъ, позволяя одному лицу пользоваться капиталомъ другого, не увеличиваетъ, а только перемѣщаетъ средства производства». Конечно, авторъ не отрицаетъ, что безъ кредита, производительныя силы не могутъ быть вполнѣ употреблены въ дѣло; но, тѣмъ не менѣе, онъ полагаетъ, что въ кредитѣ одна сторона получаетъ то, что другая отдаетъ. Не такова, однако, бываетъ роль кредита въ покупкахъ и продажахъ въ кредитъ, когда фабрикантъ продаетъ готовыя произведенія въ кредитъ для того, чтобы на полученный вексель купить сырого матеріала. Лицо, продающее свои произведенія въ кредитъ, не могло бы употребить ихъ въ производствѣ, а услуга, оказываемая кредитомъ, состоитъ въ томъ, что онъ, подобно деньгамъ, составляетъ рычагъ производства, съ тѣмъ различіемъ, что для покупки на деньги нужно имѣть *капиталъ*, а для покупки въ кредитъ нѣтъ надобности въ уплатѣ: достаточно пользоваться довѣріемъ въ мѣновыхъ сдѣлкахъ и представить надлежащее ручательство въ исполненіи даннаго обѣщанія.

Въ связи съ ученіемъ Милля о кредитѣ находятся двѣ главы разбираемой 3-й книги: XIII-я, о неразмѣнныхъ бумажныхъ деньгахъ, и XXIV-я, о регулированіи размѣнныхъ бумажныхъ денегъ. Говоря о первыхъ, Милль полагаетъ, что употребленіе бумажныхъ денегъ, выпускаемыхъ правительствомъ, обусловливается соглашеніемъ. Цѣнность та-

кихъ денегъ, по его мнѣнію, вполнѣ зависитъ отъ произвола. Но когда выпуски бумажныхъ денегъ увеличатъ массу орудій обращенія, тогда возвысятся цѣны всѣхъ вещей, въ томъ числѣ вещей изъ драгоцѣнныхъ металловъ, монета будетъ отчасти переливаться въ слитки, отчасти уходить за границу. Указавъ затѣмъ очень бѣгло и неполно на пагубныя послѣдствія бумажныхъ неразмѣнныхъ денегъ, Милль опровергаетъ мысль, что цѣнность бумажныхъ денегъ можетъ быть обезпечена землею, и что выпускъ ихъ усиливаетъ производство. Для того, чтобы бумажныя деньги не были вредны, онѣ, по его мнѣнію, должны быть или размѣнны, или же подчиняться какому-либо ограничивающему началу. Къ послѣднему Милль обращается въ XXIV-й главѣ, почти исключительно посвященной разбору акта Пиля 1844 года. Находя основное начало этого закона ошибочнымъ и соглашаясь съ мнѣніями Тука и Фуллартона, что каждое увеличеніе или уменьшеніе выпуска размѣнныхъ банковыхъ билетовъ не производитъ возвышенія или пониженія цѣны, и что при нормальномъ положеніи рынка размѣнъ на монету заключаетъ выпускъ билетовъ въ извѣстные предѣлы, Милль полагаетъ, однако, что въ послѣднемъ періодѣ спекуляціи, ссуды банкировъ, выдаваемыя банковыми билетами, могутъ способствовать поддержанію высокихъ цѣнъ и противодѣйствовать наступающей реакціи. Цѣль акта 1844 года — предотвратить замедленіе въ наступленіи реакціи. Благотворно дѣйствуя въ этомъ смыслѣ, то-есть, не останавливая реакціи и не поддерживая ссудами спекуляціи, уже падающей, актъ 1844 года имѣетъ и пагубныя послѣдствія, ибо отказываетъ въ кредитѣ фирмамъ солиднымъ и не замѣняетъ своимъ кредитомъ кредита уничтоженнаго. Ограниченіе выпуска билетовъ, при уменьшеніи металлическаго запаса въ банкѣ, продолжается, не смотря на то, есть ли привозъ золота въ страну или вывозъ его за границу (гл. XIV). Наконецъ, въ вопросѣ о правѣ

выпуска размѣнныхъ билетовъ, однимъ ли центральнымъ учрежденіемъ или многими, Милль склоняется въ пользу перваго способа, не столько, впрочемъ, въ видахъ устраненія разнообразія орудій обращенія, сколько въ видахъ обезпеченія самаго размѣна. По мнѣнію его, прочіе банки, кромѣ центральнаго, могли бы быть обязаны лишь къ размѣну своихъ билетовъ на билеты сего послѣдняго.

Вообще обѣ эти главы, XIII и XIV, за исключеніемъ обстоятельной оцѣнки акта Пиля, не имѣютъ желательной полноты: авторъ не коснулся въ нихъ многихъ самыхъ важныхъ и любопытныхъ явленій, представляемыхъ неразмѣнными билетами, и самый вопросъ о множественности банковъ и объ обязательности для нихъ размѣна билетовъ не разрѣшенъ имъ удовлетворительно, потому что предлагаемый имъ обмѣнъ билетовъ частныхъ банковъ на размѣнные билеты центральнаго учрежденія, въ сущности то же самое, что и обязательство размѣна на монету, если только центральный банкъ отличается прочностію.

4. О международныхъ торговыхъ сношеніяхъ.

(Гл. XVII—XXII и XXV).

Выгода международной или внѣшней торговли, по мнѣнію Милля, состоитъ не только въ томъ, что каждая страна получаетъ предметы, которыхъ она сама не производитъ, но и въ томъ, что ея производительныя силы получаютъ употребленіе, дающее наилучшіе результаты. Кромѣ этой главной выгоды, внѣшняя торговля доставляетъ еще слѣдующія: 1) она способствуетъ расширенію рынка и тѣмъ содѣйствуетъ улучшенію производства, 2) она пробуждаетъ потребности народовъ отставшихъ и 3) она пробуждаетъ умственную и нравственную жизнь общества. Но не въ уясненіи этихъ положеній заключается сущность ученія Милля о внѣшней торговлѣ. Авторъ поставляетъ своею

главною задачей развить мысль Рикардо о значеніи для международной торговли не абсолютной, а сравнительной величины издержекъ производства промѣниваемыхъ произведеній. Еще Джемсъ Милль доказывалъ, что если данное количество полотна производится въ Польшѣ 100 днями труда, а въ Англіи — 150 днями, тогда какъ данное количество хлѣба производится въ Польшѣ 100 днями, а въ Англіи — 200 днями, то Польша будетъ вывозить въ Англію хлѣбъ и покупать въ Англіи полотно. Цѣнность привозимаго товара будетъ опредѣляться не издержками его производства на мѣстѣ, а издержками производства товара, вывозимаго въ уплату. Если 10 ярдовъ сукна стоятъ въ Англіи столько же труда, сколько 15 ярдовъ полотна, а въ Германіи столько же, сколько 20 ярдовъ полотна, то сукно будетъ ввозиться въ Германію, которая будетъ уплачивать за него Англіи полотномъ. Цѣнность для полотна въ Англіи установится между 15 и 20. Если 15 ярдовъ полотна въ Англіи будутъ обмѣниваться на 10 ярдовъ сукна, то выиграетъ одна Германія, а если на 20, то выиграетъ одна Англія; при среднемъ числѣ между 15 и 20 выгода будетъ дѣлиться между обѣими странами. Эта выгода опредѣлится размѣромъ обоюднаго спроса. Вводя въ разсчеты издержки привоза, обмѣнъ не двухъ, а многихъ товаровъ и обмѣнъ не между двумя, а нѣсколькими странами, Милль приходитъ къ заключенію, что положеніе дѣла отъ этого нисколько не измѣнится. Законъ, здѣсь уясненный, можно назвать уравненіемъ международнаго спроса; онъ можетъ быть выраженъ слѣдующимъ образомъ: произведенія одной страны обмѣниваются на произведенія другихъ странъ по такимъ цѣнностямъ, что итогъ вывоза оплачиваетъ итогъ привоза. За симъ, для уясненія явленій внѣшней торговли, Милль вводитъ гипотезу объ удешевленіи издержекъ производства, которое можетъ или создать новый предметъ отпуска, или уси-

лить отпускъ прежнихъ предметовъ. При этомъ спросъ на отпускаемый товаръ можетъ увеличиться или въ большей мѣрѣ, чѣмъ дешевизна его, или наравнѣ съ нею, или въ меньшемъ размѣрѣ. Послѣднее Милль считаетъ болѣе вѣроятнымъ, и въ такомъ случаѣ выиграютъ обѣ страны, ведущія торговлю. Но, при разсмотрѣніи международныхъ цѣнностей, надо брать въ разсчетъ не одни количества требуемыхъ въ каждой странѣ товаровъ, а также и то, въ какой мѣрѣ освобождаются средства для удовлетворенія этому спросу въ той и другой странѣ перемѣною въ направленіи ея промышленности. Общій выводъ, къ которому приходитъ Милль, состоитъ въ слѣдующемъ: итоги произведеній двухъ странъ, выработанные для отпуска другъ къ другу трудомъ и капиталомъ, освобожденными вслѣдствіе привоза, будутъ обмѣниваться одинъ на другой. Выгода при этомъ можетъ или достаться одной изъ странъ, или дѣлиться между ними въ разной пропорціи. «Предполагая, наконецъ, что отношеніе между спросомъ и удешевленіемъ товара будетъ не одинаково въ разныхъ странахъ, мы, говоритъ Милль, находимъ слѣдующій единственный общій законъ: цѣнность, по которой одна страна обмѣнивается своими произведеніями съ чужеземными странами, зависитъ отъ двухъ условій, во-первыхъ, отъ размѣра и степени расширяемости спроса этихъ странъ на ея произведенія и, во-вторыхъ, отъ величины капитала, который сберегается въ ней во внутреннемъ производствѣ для ея собственнаго потребленія, вслѣдствіе ввоза товаровъ заграничныхъ. Чѣмъ значительнѣе спросъ на ея произведенія, сравнительно съ ея спросомъ на заграничныя произведенія, чѣмъ меньше она сберегаетъ капитала при производствѣ для заграничныхъ рынковъ, сравнительно съ количествомъ капитала, сберегаемаго въ чужихъ странахъ при производствѣ для ея рынковъ, тѣмъ благопріятнѣе будутъ для нея условія мѣны, т. е., тѣмъ больше она бу-

детъ получать иностранныхъ произведеній за данное количество своихъ. Въ сущности, оба эти условія сводятся къ одному: то, что сберегаетъ страна во внутреннемъ производствѣ для собственнаго потребленія, пропорціонально ея заграничному спросу». Разсматриваемую главу Милль заканчиваетъ слѣдующимъ разъясненіемъ положенія Синьйора: «Страна, производящая свои товары съ меньшими издержками, пріобрѣтаетъ съ меньшими издержками и привозимые въ нее товары». Удешевленіе можно понимать и въ смыслѣ цѣнности, когда большее количество обмѣнивается на меньшее, и въ смыслѣ величины издержекъ производства, когда страна, съ прежнимъ расходомъ труда и капитала, пріобрѣтаетъ большее количество произведеній. Въ такомъ случаѣ товаръ, посредствомъ внѣшней торговли, удешевляется для страны, соразмѣрно ея внутренней производительности или успѣшности ея труда. Если Англія получаетъ за 10 ярдовъ сукна 17 ярдовъ полотна изъ Германіи, то Франція, хотя бы она употребляла въ два раза болѣе труда на производство сукна, не могла бы сбывать сукно въ Германію за большее количество полотна. Англія будетъ пріобрѣтать полотно дешевле, чѣмъ Франція; но стоимость ввоза для Англіи есть функція измѣняемыхъ величинъ: количества товаровъ, даваемыхъ за ввозимые въ Англію товары, и стоимости этихъ товаровъ. Изъ этихъ двухъ величинъ лишь вторая опредѣляется производительностію труда, первая же опредѣляется настоятельностію и расширяемостію заграничнаго спроса на ея товары, сравнительно съ ея спросомъ на заграничныя произведенія.

Изложенные законы, по мнѣнію Милля, нисколько не измѣняются участіемъ денегъ въ международной мѣнѣ и вексельными оборотами при заграничныхъ платежахъ. Золото и серебро составляютъ во внѣшней торговлѣ такой же товаръ, какъ и всѣ другіе товары; цѣнность ихъ въ

привозящей странѣ будетъ тѣмъ ниже, чѣмъ больше заграничный спросъ на ея товары, и чѣмъ подвижнѣе и удобнѣе эти товары для провоза; но такая страна будетъ получать дешевле и всѣ другія привозныя произведенія. Какъ въ международной, такъ и во внутренней торговлѣ деньги служатъ тѣмъ же, чѣмъ масло, употребляемое для смазки машины, или рельсы, облегчающіе передвиженіе; это только средство для уменьшенія тренія. Усиленіе привоза монеты, вслѣдствіе удешевленія вывозимыхъ товаровъ и возвышенія на нихъ спроса, ведетъ къ возвышенію цѣнъ и къ усиленію привоза товаровъ извнѣ; въ общемъ же результатѣ, какъ справедливо замѣтилъ Рикардо, торговля будетъ идти тѣмъ же порядкомъ, какимъ она бы шла безъ посредства этихъ металловъ, при простой мѣнѣ товаровъ на товары. Милль полагаетъ, что подобные результаты будутъ имѣть мѣсто и при появленіи бумажныхъ денегъ въ большемъ количествѣ; даже тогда, когда курсъ послѣднихъ упадетъ, внѣшняя торговля будетъ идти рѣшительно такъ, какъ будто деньги сохранили свою цѣнность. Остается затѣмъ еще одинъ вопросъ: какая страна выигрываетъ отъ внѣшней торговли? Выигрываетъ, по мнѣнію Милля, страна, привозящая къ себѣ товары, которыхъ она не могла бы произвести или производила бы съ бо́льшимъ расходомъ труда и капитала (гл. XVII, § 4). Но нѣсколько далѣе (гл. XVIII, § 4) Милль замѣчаетъ, что еслибы былъ предложенъ вопросъ, какая страна извлекаетъ наибольшую долю выгоду отъ торговли, которую она ведетъ, то слѣдуетъ отвѣтить: та страна, на произведенія которой въ другихъ странахъ существуетъ наибольшій спросъ, и притомъ спросъ, наиболѣе способный возрастать, вслѣдствіе дешевизны ея товаровъ. Привозныя произведенія обходятся ей тѣмъ дешевле, чѣмъ меньше объемъ и интенсивность ея спроса на привозимые товары. Чѣмъ спросъ ея слабѣе, тѣмъ ниже цѣны, по которымъ

она будетъ покупать. Эта мысль находитъ разъясненіе въ слѣдующемъ (гл. XVIII, § 8): «Оказывается, что на выгоднѣйшихъ условіяхъ ведутъ свою внѣшнюю торговлю страны, товары которыхъ наиболѣе требуются за границею, и которыя сами наиболѣе требуютъ заграничныхъ товаровъ». Отсюда, въ числѣ другихъ послѣдствій, происходитъ то, что при равенствѣ прочихъ обстоятельствъ, данная сумма внѣшней торговли приноситъ наименѣе выгоды странѣ наиболѣе богатой. При большемъ спросѣ на товары вообще, въ послѣдней, конечно, сильнѣе спросъ и на заграничные товары, и это обращаетъ условія обмѣна къ ея невыгодѣ. Ея выгоды отъ внѣшней торговли, конечно, болѣе чѣмъ выгоды бѣдныхъ странъ, потому что она ведетъ эту торговлю въ большемъ размѣрѣ и выигрываетъ отъ дешевизны болѣе значительнаго потребленія, но на каждомъ отдѣльномъ предметѣ потребленія она будетъ имѣть меньше выгоды, чѣмъ бѣдная страна.

Къ предыдущему вопросу о выгодахъ, доставляемыхъ внѣшнею торговлей, относятся изслѣдованія Милля о соперничествѣ разныхъ странъ на одномъ рынкѣ. Только при двухъ условіяхъ одна страна можетъ отбить рынокъ у другой и даже совершенно вытѣснить ее: 1) если первая изъ странъ имѣетъ рѣшительное, не абсолютное, а относительное преимущество въ производствѣ вывозимыхъ товаровъ предъ другой, и 2) если она доставляетъ покупающей странѣ бо́льшую выгоду, нежели та, которую можетъ извлечь покупающая въ международной торговлѣ съ другими странами. Потеря рынка можетъ быть только временною: вывозъ уменьшится при перевѣсѣ привоза товаровъ надъ отпускомъ, цѣны золота и серебра упадутъ, и отпускъ возобновится. Если одна страна вытѣснена съ рынка другою, то понесенный первою убытокъ составитъ выигрышъ для человѣчества, такъ какъ при этомъ будетъ сбережено большее количество труда и капитала въ цѣ-

ломъ свѣтѣ. Наконецъ, Милль отрицаетъ возможность подрыва рынка вслѣдствіе того, что заработная плата въ странѣ, отпускающей товары, будетъ низка; если низкая заработная плата не составляетъ причины низкихъ цѣнъ внутри страны, то она не можетъ понизить цѣнъ и на иностранныхъ рынкахъ.

Таковы главные выводы, къ которымъ приходитъ Милль, не вслѣдствіе анализа явленій дѣйствительной жизни, а вслѣдствіе поставленныхъ имъ гипотезъ. Какъ и въ другихъ случаяхъ, въ вопросѣ о внѣшней торговлѣ Милль иногда представляетъ международный обмѣнъ независящимъ отъ участія денегъ въ оборотахъ; а затѣмъ, когда вводитъ это условіе и разсматриваетъ вопросъ о соперничествѣ на одномъ рынкѣ, тогда монета или благородные металлы начинаютъ играть у него свойственную имъ роль. Въ этомъ, однако же, заключается первый и едва ли не главный источникъ заблужденій Милля. Купцы, занимающіеся внѣшнею торговлей, соображаются прежде всего съ цѣнами товаровъ, какъ отпускаемыхъ за границу, такъ и привозимыхъ въ страну. Не количество труда, употребленнаго на производство, а цѣна, установленная соперничествомъ, руководитъ соображеніями при привозѣ и отпускѣ товаровъ. Если въ Англіи 10 ярдовъ сукна и 15 ярдовъ полотна стоятъ 30 шиллинговъ, а въ Германіи 10 ярдовъ сукна и 20 ярдовъ полотна стоятъ также 30 шиллинговъ, то полотно будетъ вывозиться изъ Германіи въ Англію, но не будетъ выгоды вывозить сукно изъ Англіи въ Германію. Для уплаты Англія должна будетъ или найти такой товаръ, который она могла бы гдѣ-либо продать съ выгодою заграницей (въ Германіи или въ другой странѣ), или же уплатить монетою за привезенное изъ Германіи полотно. Таково общее правило. Гипотеза о международномъ обмѣнѣ, основанномъ на размѣрѣ относительныхъ издержекъ производства, указываетъ лишь на исключительные

случаи, на рѣдко встрѣчающіеся способы оплаты международнаго привоза. По гипотезѣ Милля, товаръ, вывозимый изъ извѣстной страны, можетъ продаваться дешевле за границею, чѣмъ у себя дома. Иногда это и случается, въ особенности при чисто мѣновой торговлѣ: напримѣръ, такое явленіе поражало многихъ въ нашей прежней китайской торговлѣ, когда отпускъ монеты изъ Россіи былъ запрещенъ; но едва ли это можетъ случиться въ торговлѣ между Англіей и Германіей: еслибъ англійское сукно продавалось на мѣстѣ дороже, чѣмъ въ Германіи, то оно было бы обратно привезено въ Англію и оплачено деньгами. Исключеніе возможно только при стачкахъ, устроиваемыхъ синдикатами и то лишь подъ вліяніемъ высокаго покровительства таможеннаго тарифа.

Затѣмъ, едва-ли можно такъ положительно утверждать, какъ утверждаетъ Милль, слѣдуя многимъ изъ предшествующихъ ему экономистовъ, что, вслѣдствіе перевѣса привоза надъ отпускомъ, количество монеты въ привозящей странѣ должно уменьшиться въ размѣрѣ, достаточномъ для пониженія цѣнъ и усиленія отпуска, которымъ въ результатѣ былъ бы оплаченъ привозъ. Явленіе, о которомъ говоритъ Милль,—пониженіе цѣнъ при неблагопріятномъ торговомъ балансѣ, — относится къ явленіямъ, мало изслѣдованнымъ. Можно полагать и, кажется, не безъ нѣкотораго основанія, что прежде или, по крайней мѣрѣ, одновременно съ возвышеніемъ цѣнности денегъ, произойдутъ другія явленія. Уменьшеніе отпуска можетъ, само по себѣ, понизить цѣны отпускаемыхъ товаровъ, увеличеніе же привоза, если оно было слѣдствіемъ спекуляціи, а не дѣйствительнаго спроса потребителей, въ свою очередь, также понизитъ цѣны привозныхъ товаровъ. На рынкѣ въ количествѣ денегъ еще не произойдетъ никакой перемѣны, а между тѣмъ цѣны могутъ упасть. Наконецъ, нельзя не замѣтить, что вопросы о международной тор-

говлѣ и о перевѣсѣ привоза надъ отпускомъ и, наоборотъ, равно какъ и самое уравновѣшеніе цѣнности привозимыхъ товаровъ цѣнностью или отпускаемыхъ товаровъ, или металловъ, или процентныхъ бумагъ значительно осложняются фактомъ распредѣленія доходовъ и создаваемымъ ими спросомъ, а также происходящимъ накопленіемъ сбереженій въ продающихъ и покупающихъ странахъ. Страна можетъ имѣть очень мало товаровъ для отпуска и покупать сравнительно съ своими средствами слишкомъ много, если покупателями явятся классы владѣющіе и капиталисты. Ихъ закупки пришлось бы оплачивать металломъ, но металлъ не будетъ вывозиться изъ страны, если правительство, нуждаясь въ финансовыхъ средствахъ, будетъ прибѣгать къ частымъ внѣшнимъ займамъ. Итакъ, повидимому, было бы несравненно правильнѣе сказать, что во внѣшней торговлѣ произведенія покупаются или произведеніями, или деньгами, или процентными бумагами. Затѣмъ и товары вывозятся туда, гдѣ они дороже, а привозятся оттуда, гдѣ они дешевле. Спрашивается только: на сколько же выигрываютъ страны отъ международной торговли при такомъ положеніи вещей?

Отвѣтъ Милля на этотъ вопросъ не отличается особенною опредѣленностью. То онъ доказываетъ, что выгода состоитъ въ ввозѣ, а не въ отпускѣ товаровъ; то опять утверждаетъ, что наиболѣе выигрываетъ та страна, на произведенія которой существуетъ наибольшій спросъ, другими словами, та страна, которая вывозитъ при наиболѣе выгодныхъ для нея условіяхъ и наименѣе нуждается въ произведеніяхъ другихъ странъ. Отъ этого, конечно, оставалось бы сдѣлать еще одинъ шагъ для того, чтобы перейти въ лагерь Листа и Кэри, но Милль остается послѣдователемъ свободы торговли.

Въ заключеніе должно замѣтить, что Милль допускаетъ возможность потери одною страной рынка другой и при-

водитъ въ утѣшеніе для страны, понесшей эту потерю, то, что отъ этого выигрываетъ человѣчество и что подобное явленіе не можетъ быть продолжительнымъ. Страна, утратившая рынокъ, принуждена будетъ вывозить металлы; цѣны въ ней упадутъ, а дешевизна товаровъ откроетъ снова сбытъ для ея произведеній. Если даже допустить, что такой ходъ вещей возможенъ, то едва ли пониженіе цѣнъ, происшедшее отъ потери части металлическихъ запасовъ, не отзовется очень болѣзненно на всемъ народномъ хозяйствѣ. Пусть деньги составляютъ только масло и рельсы, уменьшающіе треніе, но каково промышленности, которой пришлось бы испытать это треніе въ большей степени противъ прежняго, не говоря уже о томъ переворотѣ въ хозяйствѣ, который происходитъ отъ значительнаго возвышенія или паденія цѣнности денегъ?

Глава VI.

Вліяніе прогресса общества на производство и распредѣленіе.

(Кн. IV, гл. I—VII).

Три предыдущія книги, говоритъ Милль, на сколько позволяетъ ихъ объемъ, заключаютъ въ себѣ обозрѣніе того, что, по счастливому обобщенію одного математическаго выраженія, было названо статикою политической экономіи. Мы обозрѣли совокупность одновременно существующихъ общественныхъ хозяйственныхъ явленій; мы узнали, въ извѣстной мѣрѣ, ихъ взаимную зависимость другъ отъ друга. Намъ предстоитъ теперь разсмотрѣть экономическое положеніе общества, подверженное измѣненіямъ и дѣйствительно развивающееся прогрессивно. Намъ предстоитъ разсмотрѣть эти измѣненія и ихъ законы и присоединить теорію движенія къ теоріи равновѣсія, ди-

намику политической экономіи къ статикѣ. Измѣненія, составляющія характеристическія черты прогрессивнаго развитія обществъ, происходятъ: 1) отъ возрастанія естествознанія и практическаго его примѣненія, 2) отъ безопасности лицъ и имуществъ и огражденія лицъ отъ произвола власти, 3) отъ возрастанія производства и сбереженій, 4) отъ увеличенія способности людей къ отправленію работъ не столько вслѣдствіе развитія природной смышленности, сколько отъ способности дѣйствовать по общему плану, и 5) отъ возрастанія начала и практики сотрудничества, то-есть, отъ развитія ассоціаціи.

Послѣ этого небольшого введенія Милль переходитъ къ изслѣдованію вліянія прогресса на цѣнность и цѣны, на главныя отрасли доходовъ и на вѣроятную будущность рабочихъ классовъ. Прогрессъ, по словамъ Милля, состоитъ въ уменьшеніи издержекъ производства; но есть причины, противодѣйствующія этому явленію. Еслибы населеніе не возрастало, то и тогда производство предметовъ, находящихся въ ограниченномъ количествѣ, при уменьшеніи запасовъ, начало бы дорожать. Если населеніе будетъ возрастать, то увеличатся издержки земледѣльческаго производства, въ особенности производства пищи; одни фабричныя издѣлія будутъ дешевѣть. Увеличатся ли подобно относительнымъ и абсолютныя издержки земледѣльческаго производства, это будетъ зависѣть отъ результата успѣховъ земледѣльческаго искусства при возрастаніи населенія. Что касается цѣнъ, то колебанія ихъ, происходящія отъ дѣйствительнаго спроса и предложенія, будутъ слабѣе, а колебанія, происходящія отъ спекуляціи, возрастутъ.

Переходя затѣмъ къ изслѣдованію вліянія на доходы главныхъ условій прогресса—возрастанія населенія, капитала и усовершенствованій производства, Милль останавливается сначала на первомъ изъ упомянутыхъ условій. Если увеличится населеніе, то заработная плата пони-

зится, а прибыль возвысится; если же, вслѣдствіе усиленія спроса на хлѣбъ, возрастетъ рента (притомъ не только какъ доля произведеннаго хлѣба, но и по оцѣнкѣ послѣдней на фабричные или иностранные товары) и, при большемъ требованіи на сельскій трудъ, увеличатся издержки производства, то прибыль можетъ остаться безъ перемѣны. Часть потери работника будетъ состоять въ добавочномъ потребованномъ отъ него трудѣ, часть — въ уплаченной землевладѣльцу добавочной рентѣ. Если возрастаетъ одинъ только капиталъ, а прочія условія прогресса останутся неизмѣненными, то въ такомъ случаѣ количество произведеній не увеличится; возвысятся лишь заработная плата и рента, вслѣдствіе бо́льшаго спроса на продовольствіе. Если возрастутъ и населеніе, и капиталъ, то заработная плата останется та же, а увеличится рента и по количеству, и по стоимости произведеній. Если возрастетъ искусство производителей, то произведенія, на которыя расходуется заработная плата, вообще сдѣлаются дешевле. Если улучшенія будутъ относиться къ предметамъ роскоши, то выиграютъ потребители землевладѣльцы, привилегированные изъ числа рабочихъ и капиталисты какъ потребители, потому что доля прибыли не измѣнится. Если улучшенія коснутся производства предметовъ потребленія рабочихъ, и притомъ земледѣльческихъ произведеній, то при улучшеніяхъ, и позволяющихъ, и не позволяющихъ уменьшить пространство обрабатываемой земли, рента понизится (во второмъ случаѣ болѣе, чѣмъ въ первомъ), а заработная плата возвысится, пока не начнется противодѣйствіе, вслѣдствіе возрастанія населенія, что повлечетъ за собою пониженіе прибыли. При улучшеніяхъ въ фабричномъ производствѣ, тѣ же измѣненія произойдутъ въ заработной платѣ и прибыли, но рента возвысится. Въ результатѣ хозяйственный прогрессъ общества, состоящаго изъ землевладѣльцевъ, капиталистовъ и рабочихъ, ведетъ

къ прогрессивному обогащенію сословія землевладѣльцевъ, между тѣмъ какъ стоимость продовольствія рабочихъ стремится къ возрастанію, а прибыль къ паденію. Земледѣльческія улучшенія противодѣйствуютъ двумъ послѣднимъ результатамъ, но возрастаніе населенія обращаетъ всѣ выгоды въ пользу землевладѣльцевъ. Другія послѣдствія заключаются въ слѣдующемъ: при пониженіи своемъ, прибыль имѣетъ извѣстный крайній предѣлъ, который зависитъ отъ стремленія къ накопленію, обусловленному наклонностію къ сбереженію и степенью безопасности капитала. Пониженію прибыли противодѣйствуютъ кризисы, улучшенія въ производствѣ и переходы капиталовъ въ другія страны. Только улучшеніями въ производствѣ предметовъ, потребляемыхъ работниками, капиталъ удерживается въ странѣ, обезпечивая капиталистамъ болѣе значительную прибыль. Основываясь на предыдущемъ, Милль утверждаетъ, что страны богатыя и малолюдныя поступаютъ благоразумно, если издерживаютъ часть своего капитала. Правительство можетъ способствовать благосостоянію расходами на общеполезныя предпріятія, на переселеніе и проч., а также улучшеніями земледѣлія или открытіемъ доступа къ произведеніямъ болѣе плодородныхъ земель другихъ странъ. Превращеніе оборотнаго капитала въ основной дѣйствуетъ вредно на первыхъ порахъ только въ бѣдной странѣ, если уменьшаются фондъ заработной платы, средства существованія и занятіе труда; въ богатой странѣ оно служитъ лишь къ удержанію капитала отъ выхода заграницу.

Состояніе неподвижности населенія и капитала не представляется Миллю зломъ: онъ видитъ въ немъ нѣчто желанное, съ тѣмъ однако, чтобы общее благосостояніе было обезпечено, и чтобы не было препятствія для человѣческаго развитія. Промышленныя искусства, при такомъ состояніи, могутъ развиваться, способствуя не увеличенію богатства, но уменьшенію употребляемаго въ производствѣ

труда. Прогрессивное возрастаніе богатства и населенія не составляетъ, по мнѣнію Милля, идеала, способнаго увлечь филантропа. Америка не прельщаетъ автора. Американцы, говоритъ онъ, имѣютъ всѣ шесть пунктовъ чартизма и не знаютъ нищеты; но изъ всего этого они извлекли только ту пользу, что жизнь всѣхъ мужчинъ посвящается у нихъ ловленію долларовъ, а жизнь всѣхъ женщинъ—вскармливанію дѣтей, которыя будутъ ловить доллары.—Въ заключеніе, Милль разсматриваетъ вопросъ о вѣроятной будущности рабочихъ классовъ. По его словамъ, идеалъ прогресса человѣческаго общества состоитъ не въ увеличеніи, а въ лучшемъ распредѣленіи богатства, въ томъ, чтобы не было раздѣленія общества на два класса — рабочій и нерабочій. Есть двѣ теоріи устройства лучшей будущности рабочихъ классовъ: теорія зависимости, патріархальной опеки, и теорія самостоятельнаго ихъ развитія, при чемъ цѣлью улучшенія должно быть не поставленіе людей въ возможность обходиться другъ безъ друга, а доставленіе имъ возможности трудиться вмѣстѣ и другъ для друга, въ отношеніяхъ независимыхъ. Первая теорія отжила свой вѣкъ, рабочіе классы пережили ее; что касается второй, то она осуществляется товариществами изъ работниковъ и капиталистовъ и товариществами изъ однихъ работниковъ. Ознакомивъ читателя съ устройствомъ товариществъ того и другого рода, Милль останавливается въ особенности на попыткахъ, сдѣланныхъ во Франціи въ 1848 г., и на исторіи Рочдэльскаго товарищества. Онъ отдаетъ преимущество товариществамъ изъ рабочихъ и заявляетъ, что въ этомъ отношеніи онъ согласенъ съ соціалистами: пора приступить къ этой реформѣ, помочь ей и поощрить ее всѣми справедливыми и дѣйствительными средствами. Но Милль не согласенъ съ разглагольствованіями соціалистовъ противъ соперничества; по его словамъ, они забываютъ, что гдѣ нѣтъ соперничества, тамъ существуетъ мо-

нополія, налогъ въ пользу безпечности или даже хищничества; что кромѣ соперничества между рабочими всѣ другія проявленія соперничества обращаются въ пользу рабочихъ; что человѣку свойственна естественная безпечность, расположеніе быть пассивнымъ, рабомъ привычки, безконечно оставаться на разъ избранномъ пути. Поэтому, соперничество необходимо какъ между рабочими, такъ и между отдѣльными товариществами. Быть-можетъ, соперничество не есть наилучшее изъ возбужденій, но теперь оно необходимо, и никто не можетъ предусмотрѣть времени, когда оно перестанетъ быть необходимымъ для прогресса. Вмѣсто того, чтобы считать соперничество пагубнымъ и противообщественнымъ началомъ, какъ считаетъ его большинство соціалистовъ, Милль полагаетъ, что даже и при нынѣшнемъ состояніи общества всякое стѣсненіе соперничества вредно, а всякое расширеніе его, хотя бы на время и вредило какому-нибудь классу рабочихъ, непремѣнно приноситъ пользу въ результатѣ. Устраненіе соперничества есть защита лѣности, умственной тупости, освобожденіе человѣка отъ необходимости быть столько же разумнымъ и дѣятельнымъ, какъ другіе.

Задача, которую пытался разрѣшить Милль въ динамикѣ политико-экономическихъ явленій, уясненіе связи между явленіями, послѣдовательно развивающимися, относится, безъ сомнѣнія, къ самымъ любопытнымъ, но въ то же время и самымъ труднымъ въ наукѣ. Милль обошелъ значительную часть предстоявшихъ трудностей и то далеко не вполнѣ тѣмъ, что ограничился изслѣдованіями о соотношеніи между доходами, при возрастаніи населенія, капитала и улучшеній въ производствѣ. Соотношеніе между экономическими учрежденіями, между устройствомъ поземельной собственности, формами обрабатывающей промышленности, порядкомъ и положеніемъ торговли и государственно-экономическими предпріятіями оставлено авто-

ромъ въ сторонѣ, а между тѣмъ въ соотношеніи этихъ явленій и заключается ключъ къ пониманію измѣненій въ доходахъ. Затѣмъ, въ тѣсныхъ предѣлахъ, назначенныхъ имъ для себя, Милль выполнилъ свою задачу съ замѣчательнымъ искусствомъ: это образецъ примѣненія логическихъ пріемовъ, на которые онъ возлагаетъ столько надеждъ; но въ то же время это самое блистательное доказательство безплодности исключительнаго примѣненія дедуктивнаго метода къ политической экономіи. Вводя послѣдовательно новыя и новыя условія, Милль, повидимому, исчерпываетъ все содержаніе поставленнаго имъ вопроса; но, въ сущности, окончательный выводъ его не новъ и едва ли подтверждается исторіей. Подобно Смиту, въ особенности же подобно Рикардо и его школѣ, Милль приходитъ къ заключенію, что при прогрессивномъ развитіи общества, т. е., при возрастаніи населенія и накопленіи капитала, рента возрастаетъ, прибыль падаетъ, а рабочій классъ ведетъ трудную борьбу за существованіе. Все различіе между Миллемъ и его предшественниками (въ особенности Рикардо) состоитъ въ томъ, что Милль не смотритъ такъ пессимистически на положеніе рабочаго класса и возлагаетъ надежды на развитіе духа ассоціаціи или на возвышеніе уровня потребностей въ будущемъ. Тѣмъ не менѣе, приведенные имъ положенія и выводы не болѣе, какъ логическое построеніе, которое не оправдывается фактами [1]). Строго говоря, въ этомъ нельзя винить автора: соотношеніе хозяйственныхъ явленій составляетъ результатъ такого множества причинъ, что подтвержденіемъ логическаго вывода могутъ служить не конкретные факты или случаи, а многочисленныя наблюденія, подвергнутыя статистической переработкѣ и точному анализу. Недоста-

[1]) Достаточно указать на колебанія земельной ренты съ 1868 года, когда была написана настоящая статья.

точно знать, что населеніе увеличивается, что капиталъ возрастаетъ, что пространство воздѣлываемой земли становится обширнѣе, что въ производствѣ дѣлаются улучшенія; надо еще знать, какая составная часть населенія возрастаетъ и при какихъ условіяхъ; надо знать, возрастаетъ ли капиталъ вмѣстѣ съ сосредоточеніемъ его въ немногихъ рукахъ или съ раздробленіемъ въ рукахъ многихъ лицъ, распространяется ли большая или малая поземельная собственность, дѣлаются ли улучшенія въ земледѣліи или въ обрабатывающей промышленности и т. д.; надо знать, какія отношенія развиваются и упрочиваются между участниками въ производствѣ, какія государственныя и общественныя предпріятія и какимъ образомъ вступаютъ въ связь съ частною дѣятельностью; надо имѣть средства для количественной и качественной оцѣнки изучаемыхъ явленій, чтобъ имѣть право ссылаться на нихъ въ подтвержденіе своихъ умозрѣній. Въ противномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи о правильности и достовѣрности самихъ выводовъ. Пока статистическія изысканія не будутъ приняты за исходное начало не только для повѣрки, но и для построенія теоріи, до тѣхъ поръ выводы науки останутся дѣломъ вкуса и личнаго разумѣнія; въ подтвержденіе этого можно указать на то, что говоритъ Милль о неподвижномъ состояніи общества. Желая придать этому положенію вещей нѣчто заманчивое и привлекательное, авторъ дѣлаетъ неподвижность подвижною и сообщаетъ принятому термину условный смыслъ. Неподвижное состояніе не исключаетъ у него ни успѣховъ образованія, ни возрастанія благосостоянія, ни усовершенствованій въ области производства, какъ будто бы такіе успѣхи не сопровождаются увеличеніемъ народнаго богатства.

Наконецъ обращаясь къ вопросу чисто практическому, къ вѣроятной будущности рабочихъ классовъ, Милль не

касается историческихъ условій возникновенія этого вопроса; между тѣмъ въ этихъ условіяхъ и въ попыткахъ ихъ устраненія новымъ устройствомъ промышленности заключается весь интересъ разсматриваемаго предмета. Передъ Миллемъ открывалось обширное поле для изслѣдованія положенія рабочихъ классовъ и разнообразныхъ попытокъ для созданія новаго лучшаго хозяйственнаго порядка, а онъ ограничивается приведеніемъ нѣсколькихъ фактовъ изъ исторіи товариществъ во Франціи и въ Англіи и самою поверхностною характеристикой ихъ формъ. Конечно, можно возразить, что для исполненія требованій, подобныхъ предыдущимъ, понадобилось бы не нѣсколько десятковъ страницъ, а цѣлая книга. Но это не совсѣмъ справедливо: Милль могъ бы, по примѣру Губера (см. его статью объ ассоціаціи въ Staatswörterbuch von Bluntschli und Brater), на тѣхъ же тридцати страницахъ представить въ историческомъ, догматическомъ и статистическомъ отношеніи болѣе богатое содержаніемъ изложеніе занимающаго его предмета.

Глава VII.

Вліяніе правительства.

Въ послѣдней книгѣ, заключающей въ себѣ менѣе одной пятой части всего сочиненія, Милль излагаетъ тѣ отдѣлы науки, которые у германскихъ экономистовъ относятся къ финансамъ и государственному благоустройству. Приступая къ обзору круга правительственной дѣятельности вообще, Милль замѣчаетъ, что въ прежнее время было много споровъ о томъ, какъ правительства должны быть устроены, и какими началами должна руководствоваться общественная власть; теперь почти столько же разногласія въ вопросѣ о томъ, на какія отрасли общественной дѣятельности должна прости-

раться эта власть. На континентѣ господствуетъ ученіе, черезъ мѣру расширяющее кругъ дѣятельности правительства; въ Англіи доселѣ существуетъ противоположное направленіе. Милль начинаетъ съ обзора обязанностей, нераздѣльныхъ съ идеею правительства, или по обычаю оставляемыхъ за нимъ, и отдѣляетъ ихъ отъ произвольнаго участія правительства въ частной дѣятельности. При перечисленіи необходимыхъ занятій правительства, Милль указываетъ на заблужденія тѣхъ, которые полагаютъ, что вся задача власти состоитъ въ огражденіи частныхъ лицъ отъ насилія и обмана. Законы о наслѣдствѣ, собственности и договорахъ, чеканка монеты, установленіе нормальныхъ мѣръ и вѣсовъ, улучшеніе портовъ, топографическія работы—все это оправдывается лишь общественною пользою. За симъ Милль излагаетъ нѣкоторыя части науки о финансахъ и разсматриваетъ хозяйственную дѣятельность правительства, способствующую развитію богатства и благосостоянія.

1. Очерки финансовой науки.

Это заглавіе можетъ быть дано шести главамъ пятой книги, которыя содержатъ въ себѣ общія основанія системы налоговъ, налоги прямые, налоги на произведенія и на другіе предметы, сравненіе прямыхъ налоговъ съ косвенными и главу о государственномъ долгѣ.

Общія основанія системы налоговъ Милль излагаетъ по Смиту, его собственными словами; т. е. онъ требуетъ: 1) равенства, или точнѣе, соразмѣрности налоговъ, 2) извѣстности относительно времени и количества платежа, 3) удобствъ для плательщиковъ относительно взноса и 4) своевременнаго и дешеваго взиманія. Только относительно равенства платежа Милль входитъ въ подробныя объясненія. Вопреки Смиту, онъ стоитъ не за прогрессивный, а за пропорціональный налогъ, а затѣмъ совѣтуетъ изъ всякаго дохода вычитать извѣстную сумму, которая не должна быть

облагаема податями. Возставая противъ прогрессивнаго налога, какъ средства для уравненія состояній, Милль замѣняетъ его налогомъ на наслѣдство. Далѣе авторъ осуждаетъ налогъ на облигаціи государственныхъ займовъ, составляющій, по его словамъ, нарушеніе первыхъ правилъ честности, вдается въ подробныя изслѣдованія о томъ, слѣдуетъ ли временные и постоянные доходы облагать податью одинаковаго размѣра, и приходитъ къ заключенію, что налогъ долженъ быть соразмѣренъ не съ тѣмъ, сколько человѣкъ имѣетъ, а сколько онъ можетъ расходовать, и что трудность достичь полной справедливости не служитъ основаніемъ для отказа въ справедливости возможной. Относительно ренты Милль предлагаетъ установленіе налога на будущее ея возрастаніе, на основаніи предварительно установленнаго кадастра. Соглашаясь наконецъ, что подати должны взиматься съ дохода, а не съ капитала, авторъ полагаетъ, что въ богатой странѣ налогъ, поглощающій часть капитала, въ особенности налогъ на наслѣдство, не представляетъ особаго вреда.

Налоги, по Миллю, бываютъ: прямые, взимаемые съ лицъ, на которыхъ они налагаются; не прямые, которые возмѣщаются плательщиками съ другихъ лицъ, и наконецъ такіе, которые не могутъ быть отнесены ни къ тому, ни къ другому разряду.

Прямые налоги берутся съ дохода или съ расхода. Источники дохода суть: рента, прибыль и заработная плата. Налогъ на ренту взимается всегда съ землевладѣльца, потому что часть произведеній, получаемая съ земель, находящихся въ наименѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, и регулирующая цѣны, не даетъ ренты и не платитъ налога. Общій равномѣрный налогъ на прибыль падаетъ на капиталистовъ. Онъ или вызываетъ улучшенія, которыя возвышаютъ прибыль, или приближаетъ срокъ, когда положеніе страны становится неподвижнымъ, или

усиливаетъ эмиграцію капитала и спекуляцію. Поэтому, налогъ на прибыль особенно вреденъ въ такой странѣ, какъ Англія. Въ странахъ, гдѣ прибыль далека отъ наименьшаго размѣра, налогъ на прибыль, не сопровождающійся улучшеніями, при размноженіи населенія, отчасти падаетъ на рабочихъ, а при задержкѣ въ размноженіи населенія, останавливаетъ возрастаніе ренты, слѣдовательно, лишаетъ нѣкоторыхъ выгодъ землевладѣльца. Налогъ на заработную плату падаетъ на рабочихъ; но если размѣръ ихъ потребностей не уменьшается, то приращеніе населенія останавливается, заработная плата растетъ, и налогъ уплачивается предпринимателями.

Переходя къ общему подоходному налогу, Милль, ради соблюденія справедливости, считаетъ необходимымъ: 1) облагать налогомъ только часть дохода, превышающую извѣстный *minimum*, и 2) освободить отъ налога сберегаемыя суммы или, если это невозможно, облагать меньшимъ налогомъ пожизненные доходы и доходы отъ коммерческихъ дѣлъ и промысловъ. При всемъ томъ, налогъ этотъ будетъ не равномѣренъ, потому что исчисленіе доходовъ представляетъ непреодолимыя трудности. Налогъ съ домовъ слагается изъ двухъ податей—съ ренты землевладѣльческой и съ ренты за строенія: первая падаетъ на владѣльца, если только поземельная рента вообще платитъ подать, вторая же на наемщика и требуетъ освобожденія *minimum'a*. Это самый справедливый налогъ.

Подати съ предметовъ потребленія взимаются или съ производителей, или съ потребителей, или съ купцовъ и раздѣляются на акцизы, таможенныя и транзитныя пошлины. Налоги эти увеличиваютъ издержки производства; но размѣръ возвышенія цѣнъ будетъ зависѣть лишь отъ затраты капитала въ производствѣ на болѣе или менѣе продолжительный срокъ. Налогъ на какой-либо предметъ потребленія возвышаетъ его цѣнность и цѣну свыше раз-

мѣра подати, вслѣдствіе необходимости предупредить контрабанду и затратить часть капитала на уплату налога. Измѣненіе налогомъ цѣнности предметовъ необходимости для работниковъ имѣетъ вліяніе и на распредѣленіе богатства. Налогъ на хлѣбъ или понижаетъ уровень потребленія рабочихъ (напримѣръ, когда они обратятся къ болѣе дешевой пищѣ), или же уровень потребленія рабочихъ остается безъ измѣненія, и тогда налогъ падаетъ на прибыль. Что касается ренты, то измѣненія въ ней зависятъ отъ способа взиманія налога. Десятина натурою падаетъ на ренту, но землевладѣлецъ можетъ быть вознагражденъ цѣнностью и цѣною хлѣба, составляющаго его ренту за вычетомъ налога, и потерпитъ ущербъ лишь какъ потребитель хлѣба. Опредѣленная денежная подать съ количества собраннаго хлѣба дѣйствуетъ какъ десятина, но будетъ составлять не одинаковую долю итога произведеній. Подать съ пространства земли увеличиваетъ ренту лучшихъ земель; собственно это уже не налогъ на предметы потребленія. Издавна существующіе налоги на земледѣльческія произведенія могутъ, какъ замѣтилъ Синьіоръ, имѣть и другія послѣдствія. Налогъ на земледѣльческія произведенія ускоряетъ возвышеніе цѣны и упадокъ прибыли, а слѣдовательно, и накопленіе капитала. Потребитель ранѣе будетъ платить ту цѣну, которую ему пришлось бы платить позднѣе, еслибы налога не было вовсе. Но въ окончательномъ результатѣ, чѣмъ ближе будетъ прибыль къ *minimum*'у, тѣмъ болѣе налогъ будетъ переходить на землевладѣльца. Поэтому, говоритъ Милль, я раздѣляю мнѣніе Синьіора, что десятина, еще до замѣны ея другими налогами, перестала понижать прибыль и возвышать цѣну хлѣба и сдѣлалась простымъ вычетомъ изъ ренты; другая сторона ея вліянія состояла въ томъ, что она уменьшала капиталъ, производство и число населенія, какъ-будто плодородіе земли въ Англіи было слабѣе на

$^1/_{10}$ часть или, лучше сказать, на $^1/_{20}$, потому что часть земли была свободна отъ десятины. Уничтоженіе десятины уменьшитъ издержки производства на $^1/_{10}$ долю, рента, выраженная деньгами или товарами, вообще останется прежняя, а рента, выраженная земледѣльческими произведеніями, возрастетъ; страна отдалится отъ неподвижнаго состоянія, и быстрота накопленія сбереженій увеличится. Замѣна десятины налогомъ на ренту обратится въ пользу потребителя, на счетъ землевладѣльца, рента котораго впрочемъ начнетъ возрастать при увеличившемся накопленіи капитала и размноженіи населенія. Вліяніе податей съ предметовъ потребленія представляется въ иномъ видѣ, когда не соблюдается должное безпристрастіе, и налогъ падаетъ не на произведенія, а на какой-нибудь способъ ихъ пріобрѣтенія. Пагубны налоги, которые заставляютъ избирать способы болѣе дорогіе, напримѣръ, производство свекловичнаго сахара вмѣсто покупки колоніальнаго, производство хлѣба внутри страны во избѣжаніе привоза его извнѣ (хлѣбные законы). Налоги эти убыточны для казны и разорительны для потребителей. Къ нимъ должно отнести и диференціальныя пошлины.

Въ заключеніе, Милль разсматриваетъ вліяніе таможенныхъ пошлинъ на внѣшнюю торговлю. Что касается пошлинъ съ отпуска, то при сильномъ спросѣ на вывозимые товары онѣ могутъ пасть на потребителей-иностранцевъ, и даже привозные товары могутъ сдѣлаться дешевле, вслѣдствіе уменьшенія металлическихъ запасовъ у иностранцевъ, оплачивающихъ свой привозъ монетою. Можно допустить другой случай, когда отпускающая страна выручитъ одинъ только налогъ или часть онаго, а другая падетъ на производителей. Наконецъ, можетъ случиться, что установляя пошлину съ отпуска, государство заставитъ своихъ подданныхъ платить еще налогъ въ пользу иностранцевъ. Вывозныя пошлины, какъ основанныя на томъ, что одна сторона выигры-

ваетъ то, что̀ другая теряетъ, по мнѣнію Милля, не взимались бы, еслибы соблюдаемы были правила международной нравственности. Пошлины съ привозимыхъ товаровъ падаютъ иногда на потребителей, а иногда на иностранцевъ. Если пошлина не мѣшаетъ привозу изъ Германіи всего товара, потребляемаго въ Англіи, но ограничиваетъ его, то привозъ уменьшится; Германіи придется уплачивать за свой привозъ изъ Англіи деньгами, цѣны въ Германіи упадутъ, и выиграетъ отъ этого Англія, а Германія потеряетъ. Если спросъ не уменьшится отъ наложенія пошлины на привозъ, то налогъ падетъ на внутреннихъ потребителей; но спросъ обыкновенно уменьшается, и налогъ падаетъ отчасти и на иностранцевъ, потребляющихъ наши товары. На производителя пошлины падаютъ только тогда, когда произведенія его составляютъ предметъ монопольный, или когда пошлина на произведенія земли и рудниковъ такъ высока, что заставляетъ покинуть участки земли или рудники низшаго разряда. Пошлины съ привозимыхъ товаровъ бываютъ двоякаго рода: охранительныя, которыя мѣшаютъ сбереженію труда и капитала, и не охранительныя, которыя составляютъ выигрышъ для устанавливающей ихъ страны, но выигрышъ этотъ можетъ быть обращенъ въ ничто другими странами, которыя установятъ у себя подобные налоги.

Кромѣ налоговъ на доходъ и на предметы потребленія,—говоритъ Милль (гл. V),—есть много другихъ, которые не подходятъ вполнѣ ни подъ одинъ изъ этихъ двухъ разрядовъ. Сюда относятся: пошлины съ договоровъ и съ перехода имуществъ движимыхъ и недвижимыхъ, пошлины со страхованія, почтовый сборъ, налогъ на газеты, судебныя пошлины и мѣстные налоги. Милль ограничивается въ этомъ бѣгломъ обзорѣ однимъ лишь указаніемъ на невыгоды, сопряженныя съ этими нало-

гами, а иногда затрогиваетъ и вопросъ о переложеніи податей.

На вопросъ, какіе налоги лучше, прямые или косвенные, Милль отвѣчаетъ, что прямые налоги ощущаются сильнѣе и потому обязываютъ къ большей бережливости; но реальное значеніе косвенныхъ налоговъ съ каждымъ днемъ лучше понимается большинствомъ. Мысль, что косвенные налоги уплачиваются по доброй волѣ плательщиковъ, Милль считаетъ иллюзіею, но признаетъ, что время и способъ платежа соединены съ большими удобствами для плательщика. Сильнѣйшее возраженіе противъ взиманія всѣхъ государственныхъ доходовъ посредствомъ прямого налога состоитъ въ невозможности справедливой его раскладки. Допуская, поэтому, налоги косвенные, Милль рекомендуетъ слѣдующія практическія правила: 1) взимать налоги съ предметовъ роскоши; 2) взимать налоги въ моментъ самый близкій къ потребленію; 3) установлять такіе сборы, которые падали бы преимущественно на средніе и на большіе доходы; 4) взимать налоги съ немногихъ статей, преимущественно съ возбуждающихъ напитковъ, 5) отдавать преимущество таможеннымъ пошлинамъ, уплачиваемымъ при привозѣ товаровъ, и не доводить ихъ до размѣра, который вызываетъ трудную борьбу съ контрабандою.

Отдѣлъ о финансахъ оканчивается у Милля изслѣдованіями о государственномъ долгѣ, которыя впрочемъ состоятъ изъ разсмотрѣнія однѣхъ лишь невыгодъ государственныхъ долговъ и способовъ уплаты. По Миллю, если рынокъ переполненъ капиталами, которые готовы уйти за границу, то займы не представляютъ обыкновенныхъ неудобствъ, и хотя будущее обременяется на счетъ настоящаго, но и будущее можетъ также участвовать въ выгодахъ, доставленныхъ дѣйствительно полезными займами. Высокій процентъ служитъ признакомъ, что рынокъ

не переполненъ капиталами, и что правительство должно воздерживаться отъ займовъ. Погашеніе государственнаго долга представляется Миллю желательнымъ, но погашеніе раскладкою долга на населеніе онъ признаетъ неудобоисполнимымъ, а постепенную уплату допускаетъ лишь съ ограниченіями, полагая, что лучше отмѣнять крайне обременительные налоги, чѣмъ уменьшать старые долги.

Въ отдѣлѣ о финансахъ Милль не прибавляетъ почти ничего новаго къ тому, что было извѣстно до него, а извѣстное передаетъ въ такихъ общихъ чертахъ, съ такими пропусками и сокращеніями, что человѣкъ, знакомый съ предметомъ, можетъ найти интересъ лишь въ болѣе близкомъ знакомствѣ съ нѣкоторыми изъ воззрѣній автора; изучающій же финансы можетъ пріобрѣсти только элементарныя и отрывочныя свѣдѣнія, которыя мало принесутъ ему пользы, какъ въ ученыхъ занятіяхъ, такъ и въ практической дѣятельности. Въ опредѣленіи общихъ основаній налоговъ, въ установленіи границы между налогами прямыми и косвенными, а въ особенности въ опредѣленіи мѣста для тѣхъ и другихъ въ финансовой системѣ страны, въ оцѣнкѣ относительнаго достоинства формъ податей разнаго рода и вида, въ изученіи государственныхъ потребностей, устройства финансовой администраціи, однимъ словомъ, въ рѣшеніи всѣхъ теоретическихъ и практическихъ вопросовъ финансовая наука сдѣлала замѣчательные успѣхи. Она обогатилась множествомъ наблюденій, фактовъ и выводовъ. Между тѣмъ у Милля повторяются лишь общія соображенія, которыя можно найти у Смита, Рикардо и нѣкоторыхъ послѣдователей Рикардо. Самые интересные и притомъ практическіе вопросы устранены: нѣтъ и признаковъ какой-либо попытки подтвердить сказанное историческими примѣрами. Можно сказать, что Милль даетъ не краткій очеркъ финансовой науки, а теоретическій остовъ, препарированный не безъ нѣкоторой симметріи, но съ явнымъ пренебреженіемъ

къ тому, что представляетъ дѣйствительная жизнь. Вниманіе автора по преимуществу сосредоточено на вопросѣ о переложеніи податей и на разъясненіи справедливости или несправедливости бо́льшаго или меньшаго обремененія населенія нѣкоторыми изъ налоговъ. Но и въ этихъ изслѣдованіяхъ, которыя, повидимому, должны были перенести Милля въ столь сродную ему сферу спекулятивныхъ построеній, онъ не восходитъ къ разрѣшенію общаго вопроса о переложеніи налоговъ и объ условіяхъ, отъ которыхъ зависитъ это явленіе, а обращается къ нему лишь по поводу того или другого налога. Система государственнаго кредита изложена въ книгѣ Милля также поверхностно и кратко. Ограничиваясь этими общими замѣчаніями и сомнѣваясь, чтобы выводы Милля относительно переложенія разнаго рода налоговъ были основательны и подтверждались опытомъ, должно замѣтить, что автору мало знакома разработка германскою и даже французскою литературой теоретическихъ и практическихъ вопросовъ, представляемыхъ финансовою наукой. Равнымъ образомъ, едва ли извѣстны ему финансовыя учрежденія Европы въ тѣхъ подробностяхъ, которыя сообщаютъ жизнь и интересъ научнымъ изслѣдованіямъ. Милль почти вездѣ имѣетъ въ виду одну Англію, но оригинальныя черты ея финансоваго устройства служатъ ему лишь для спекулятивныхъ построеній по предвзятымъ понятіямъ, чуждымъ практической примѣнимости. Въ подтвержденіе предыдущаго можно указать на мысль автора объ установленіи поземельнаго налога на будущее приращеніе ренты, для того чтобы не нанести ущерба настоящимъ интересамъ (почему бы въ такомъ случаѣ не поставить условіемъ, чтобы всѣ налоги устанавливались въ разсчетѣ на будущее приращеніе всѣхъ доходовъ, а не на настоящіе доходы?), или на одобреніе налоговъ на предметы роскоши, несостоятельность которыхъ дознана практикою.

2. Хозяйственная дѣятельность правительства, способствующая развитію богатства и благосостоянія.

Три послѣднія главы въ пятой книгѣ сочиненія Милля относятся почти исключительно къ той части политической экономіи, которая носитъ названіе народно-экономической политики или государственнаго благоустройства. Если очеркъ финансовъ у Милля представляетъ много пробѣловъ, то ученіе о благоустройствѣ отличается у него еще большею отрывочностью. Автору ставятъ въ великую заслугу, что въ этихъ изслѣдованіяхъ онъ не является неумолимымъ доктринеромъ, готовымъ принести въ жертву идеѣ промышленной свободы устройство общественныхъ отношеній, выработанныхъ подъ вліяніемъ законовъ и государственныхъ учрежденій, что онъ не вдается и въ противоположную крайность, не требуетъ безусловнаго подчиненія свободнаго хода жизни юридическимъ нормамъ и вліянію власти; но эти неоспоримыя достоинства не составляютъ, въ настоящее время, удѣла немногихъ избранныхъ. Затѣмъ, при многихъ мѣткихъ и вѣрныхъ мысляхъ, Милль высказываетъ иногда очень рѣшительно мнѣнія далеко не безспорныя, а иногда дѣлаетъ уступки, несогласныя съ его собственными воззрѣніями. Задавшись вопросомъ о томъ, что вредитъ преуспѣянію общества, Милль справедливо замѣчаетъ, что недостаточное охраненіе личности и собственности составляетъ неоспоримое зло, но что свобода, при обезпеченіи людямъ единства дѣятельности и взаимнаго содѣйствія, выкупаетъ, въ нѣкоторой степени, недостатокъ безопасности, тогда какъ произволъ правительственныхъ агентовъ обращаетъ цвѣтущія страны въ пустыню. Вредятъ народному благосостоянію не только непомѣрные налоги, но и налоги невысокіе, когда они неравномѣрны и неопредѣленны. Вредятъ успѣхамъ богатства и благосостоянія дурные законы объ укрѣ-

пленіи правъ на собственность, недостаточно охраняющіе права, которыя вытекаютъ изъ собственности и договоровъ; разительные примѣры такого несовершенства представляютъ нѣкоторые англійскіе законы.

Отъ этихъ замѣчаній объ общей системѣ законовъ Милль переходитъ къ законамъ о наслѣдствѣ, договорахъ, товариществахъ и несостоятельности. О наслѣдствѣ Милль повторяетъ то, что было высказано имъ прежде. Общимъ правиломъ, по его мнѣнію, должна быть свобода завѣщанія, съ двумя ограниченіями: 1) обязательнымъ обезпеченіемъ прямыхъ нисходящихъ наслѣдниковъ и 2) опредѣленіемъ нормы наслѣдуемаго въ размѣрѣ, обезпечивающемъ скромную независимость. Далѣе, авторъ высказывается въ пользу непризнанія наслѣдованія въ боковыхъ линіяхъ и обращенія въ такомъ случаѣ наслѣдства, если нѣтъ завѣщанія, въ собственность государства. Затѣмъ Милль проводитъ параллель между англійскими и французскими законами о наслѣдствѣ; тѣ и другіе внушены не справедливостію, но политическими стремленіями, первые желаніемъ сохранить аристократію, а вторые желаніемъ ее уничтожить и сдѣлать невозможною. Милль подробно разбираетъ экономическія невыгоды маіоратовъ и субституцій, но также не одобряетъ и французскаго закона, стѣсняющаго свободу завѣщанія и не ограничивающаго наслѣдства извѣстнымъ размѣромъ. Переходя отъ вопроса о наслѣдствѣ къ договорамъ, Милль останавливается на однихъ товариществахъ. Онъ находитъ законы объ этомъ предметѣ, въ особенности англійскіе, стѣснительными и недостаточно ограждающими и права товарищей, и права постороннихъ лицъ противъ товарищей, отстаиваетъ формы товариществъ обыкновеннаго акціонернаго и акціонернаго на вѣрѣ, существующаго во Франціи, и приводитъ длинныя выписки изъ статей Коклена и Кэри. Наконецъ, по поводу законовъ о банкротствѣ, Милль считаетъ необходимымъ изслѣдовать

причины банкротства и замѣчаетъ, что англійскій законъ, отмѣнившій заключеніе за долги, ничего не даетъ въ замѣнъ послѣдняго. Очевидно, что эти три случая примѣненія закона къ экономическимъ отношеніямъ далеко не исчерпываютъ всей области юридическаго устройства народнаго хозяйства, и даже то, чего коснулся авторъ, не изслѣдовано имъ съ надлежащею полнотой. Несостоятельность предположеній Милля объ установленіи новыхъ законовъ о наслѣдствѣ была изложена выше; но нельзя не признать, что критика дѣйствующаго законодательства въ Англіи и Франціи отличается у него большимъ мастерствомъ. Столь же вѣрны замѣчанія автора о постановленіяхъ, которымъ были въ прежнее время подчинены промышленныя товарищества; но постановленія эти значительно измѣнены въ Англіи въ недавнее время, а между тѣмъ авторъ не коснулся этихъ измѣненій даже въ новомъ изданіи своей книги; мало того, онъ не обратилъ должнаго вниманія на темную сторону, которую даетъ полная свобода, предоставленная компаніямъ, и на попытки новѣйшаго законодательства дать товарищамъ ручательство, что ихъ довѣріе не будетъ легко или безнаказанно употреблено во зло. Наконецъ, Милль, съ свойственною ему проницательностью, очень вѣрно оцѣнилъ значеніе законовъ, установившихъ заключеніе за долги, и предложилъ очень разумную середину при рѣшеніи этого вопроса, который въ недавнее время получилъ такую необдуманную развязку въ нѣкоторыхъ законодательныхъ собраніяхъ, въ особенности во Франціи.

Остальные случаи участія власти въ устройствѣ народнаго хозяйства отнесены авторомъ къ изслѣдованію предѣловъ промышленной свободы, которымъ онъ предпослалъ разсмотрѣніе вмѣшательства правительства, основаннаго на примѣненіи ошибочныхъ теорій. Ошибочныя политико-экономическія теоріи, говоритъ Милль, лишились довѣрія

людей, не отставшихъ отъ общественнаго прогресса, а потому здѣсь нечего вдаваться въ подробности. Изъ подобныхъ теорій самая замѣчательная есть ученіе о покровительствѣ отечественной промышленности. Выше было показано, что, при обыкновенномъ ходѣ внѣшней торговли, ввозъ заграничныхъ товаровъ тогда только выгоденъ для страны, когда онъ получается ею съ меньшимъ расходомъ труда и капитала. Запрещать ввозъ товара и производить его съ большими издержками дома—значитъ причинять жителямъ потерю, равную разности между цѣною заграничнаго и производимаго внутри страны товара. Но, разсмотрѣвъ и опровергнувъ доводы меркантильной системы, потомъ доводы протекціонистовъ, опирающіеся на интересы національнаго производства и защиты, а наконецъ и на достиженіе финансовыхъ цѣлей, Милль допускаетъ временное покровительство въ странахъ молодыхъ и развивающихся въ видахъ водворенія производства, вполнѣ соотвѣтствующаго условіямъ, въ которыхъ находится страна. «Преимущество одной страны предъ другою», говоритъ онъ, «можетъ состоять лишь въ пріобрѣтенномъ искусствѣ и въ опытности. Страна, которой надо пріобрѣсть эти качества, можетъ, по другимъ условіямъ, быть способнѣе, чѣмъ другія страны, ранѣе ея выступившія на это поприще. Кромѣ того, по справедливому замѣчанію Рэ, ничто не вызываетъ въ такой степени улучшенія, какъ поставленіе промышленности въ новыя условія. Нельзя ожидать, чтобы частныя лица рѣшились завести новую фабрику на собственный рискъ, или скорѣе, съ вѣрною потерей для себя и несли бы это бремя, пока не достигнутъ уровня развитія иностранныхъ производителей, для которыхъ промыселъ составляетъ преданіе. Покровительственная пошлина на разумный срокъ бываетъ иногда наименѣе неудобнымъ способомъ подвергать себя налогу на поддержку такого опыта. Но покровительство должно ограничиваться случаями, от-

носительно которыхъ существуетъ вполнѣ достаточная увѣренность, что покровительствуемая промышленность будетъ въ состояніи со временемъ обойтись безъ этого поощренія, и никакъ не должно давать отечественнымъ производителямъ надежды на то, что поощреніе продлится долѣе времени, необходимаго для достиженія цѣли». Сужденія о протекціонизмѣ Милль оканчиваетъ краткимъ порицаніемъ колоніальной политики, направленной къ эксплоатаціи колоній въ пользу метрополій.

Второй предметъ изъ области отношеній закона и власти къ народному хозяйству, на который Милль обращаетъ вниманіе, есть установленіе законныхъ процентовъ. Законы о процентахъ, по его словамъ, несовмѣстны съ установленіемъ цѣнъ соперничествомъ и обращаются во вредъ должника, ограничивая предложеніе.—Въ-третьихъ, Милль возстаетъ противъ установленія таксъ, въ особенности на хлѣбъ, и полагаетъ, что удешевленіе хлѣба достигается не пособіями нуждающимся, усиливающими спросъ и возвышающими цѣны (что̀ поставляетъ въ затруднительное положеніе людей, которые могли обойтись дотолѣ своими средствами), а ограниченіемъ потребленія. Правительство, говоритъ Милль, можетъ сдѣлать лишь одно: совѣтовать всѣмъ, чтобы каждый соблюдалъ умѣренность въ потребленіи, и запрещать тѣ виды потребленія, которые не имѣютъ первостепенной важности. Подвозъ пищи на счетъ государства издалека полезенъ, если нельзя ожидать этого отъ частной предпріимчивости; въ противномъ случаѣ содѣйствіе государства будетъ ошибкой. Столь же ошибочно и предоставленіе монополій; этого, впрочемъ, нельзя сказать о привилегіяхъ на изобрѣтенія, потому что общество обязано вознаградить изобрѣтателя за услугу.—Въ-четвертыхъ, Милль разсматриваетъ законы о стачкахъ и требуетъ свободы для соглашеній между рабочими. Что касается послѣдствій стачекъ, то, по его словамъ, всеобщая коалиція

могла бы уменьшить число рабочихъ часовъ и доставить прежнюю плату за меньшее количество работы, но не можетъ возвысить плату свыше уровня, опредѣляемаго спросомъ и предложеніемъ. Возвышеніе заработной платы стачкою возможно въ отдѣльной отрасли промышленности, но возвышеніе цѣнъ на произведенія такой промышленности должно, повидимому, или уменьшить число занятыхъ въ ней рабочихъ, и вытолкнуть на рынокъ часть людей, ищущихъ занятій, или же, уменьшивъ капиталъ, уменьшить и спросъ на трудъ. Не должно, однако, упускать при этомъ изъ виду, что возвышеніе уровня потребленія рабочихъ въ одной промышленности имѣетъ вліяніе на заработную плату вообще, и что стачки, по замѣчанію Фаусетта, составляются обыкновенно рабочими при высокой прибыли. Впрочемъ, стачки должны быть добровольны, то-есть, исключать насиліе, дѣлаемое одними рабочими другимъ, и имѣть въ виду цѣль, не противную общему благу. Наконецъ, въ-пятыхъ, Милль возстаетъ противъ ограниченія закономъ свободы печати и свободы мнѣній.

Въ этомъ разборѣ ошибочныхъ теорій есть также доля непослѣдовательности. Милль возстаетъ противъ протекціонизма и однако же допускаетъ такое исключеніе, которое должно вполнѣ удовлетворить самыхъ требовательныхъ протекціонистовъ, потому что защита внутренняго производства таможенными пошлинами принята имъ въ принципѣ. Онъ оправдываетъ ее не по государственнымъ, а по народно-экономическимъ соображеніямъ; онъ даже не только стоитъ за охрану того, что существуетъ, что возникло и не окрѣпло еще подъ вліяніемъ покровительства, но даже считаетъ полезнымъ созданіе новаго покровительства. Онъ не замѣчаетъ, что указанное имъ исключеніе, въ сущности, ничѣмъ не отличается отъ общаго правила. Вполнѣ несостоятельны нѣкоторыя мнѣнія, высказанныя ученымъ политико-экономистомъ по поводу народнаго продоволь-

ствія. Милль правъ, отвергая установленіе таксъ; но совѣты его относительно сокращенія потребленія въ пору голода совершенно непонятны, а запрещеніе потребленія хлѣба въ нѣкоторыхъ производствахъ, какъ показалъ опытъ, не даетъ удовлетворительныхъ результатовъ. Опыты эти были сдѣланы въ Англіи, и замѣчательно, что авторъ не обратилъ на нихъ вниманія. Наконецъ, столь же шатки его разсужденія по поводу вліянія стачекъ на возвышеніе заработной платы. Съ точки зрѣнія той теоріи, которую развиваетъ Милль, слѣдовало бы допустить, что стачки не могутъ улучшить положенія рабочихъ, потому что заработная плата регулируется движеніемъ населенія при данномъ уровнѣ его потребностей и при извѣстномъ отношеніи между спросомъ на капиталъ и предложеніемъ капитала, а слѣдовательно, отъ стачекъ нисколько не зависитъ. Такъ полагали Кокленъ и другіе экономисты, защищавшіе право стачекъ съ точки зрѣнія свободы; но едва ли это справедливо, и можно скорѣе согласиться съ выводами Милля, которые, впрочемъ, не совсѣмъ мирятся съ общими теоретическими его положеніями.

Въ началѣ заключительной главы, Милль высказываетъ сомнѣніе въ возможности всеобщаго опредѣленія основаній и границъ промышленной свободы и намѣревается представить лишь нѣкоторые матеріалы для рѣшенія вопросовъ, возникающихъ при разсмотрѣніи, съ самой общей точки зрѣнія, выгодъ и невыгодъ или вреда отъ правительственнаго вмѣшательства. Вмѣшательство это, говоритъ Милль, бываетъ или повелительнымъ, или не повелительнымъ: въ послѣднемъ случаѣ правительство даетъ совѣты, указанія и даже само устраиваетъ государственныя учрежденія наравнѣ съ частными. Принужденіе состоитъ здѣсь въ собираніи средствъ для достиженія цѣли; но такое вмѣшательство власти не ограничиваетъ свободы личной дѣятельности. Возраженія противъ правительственнаго вмѣшательства со-

стоятъ въ слѣдующемъ: 1) въ жизни каждаго человѣка есть область, въ которой не затрогиваются интересы другихъ лицъ, и эта область должна быть неприкосновенною; съ этимъ Милль вполнѣ согласенъ. 2) Возложеніе на правительство разнообразныхъ обязанностей усложняетъ административный механизмъ, при чемъ дѣятельность управленія представляетъ большіе недостатки; но эти неудобства устраняются раздѣленіемъ труда въ общественныхъ дѣлахъ и двойною отвѣтственностію администраціи предъ избирателями и судомъ, какъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ штатахъ Новой Англіи; тѣмъ не менѣе, при всѣхъ усовершенствованіяхъ правительственнаго устройства, огромное число дѣлъ, возлагаемыхъ на администрацію, будетъ выполняться ею хуже, нежели частными лицами. 3) Расширеніе правительственной дѣятельности на счетъ частной лишаетъ послѣднюю практической школы, составляющей столь же необходимое условіе для развитія человѣка, какъ и научное образованіе; совѣщанія объ общественныхъ дѣлахъ и завѣдываніе ими составляютъ великую школу, въ которой развивается и общественное мнѣніе, и пониманіе общественныхъ дѣлъ, что всегда бываетъ отличительною характеристическою чертой свободныхъ странъ. Демократическія учрежденія, подчиненныя центральной власти, не создаютъ свободы, а распространяютъ лишь до низшихъ ступеней общества желаніе и честолюбіе политическаго господства. Въ однѣхъ странахъ народъ желаетъ, чтобъ его не притѣсняли, а въ другихъ, чтобы каждый имѣлъ одинаковую возможность стать притѣснителемъ. Вмѣсто желанія свободы является непомѣрная алчность къ должностямъ и власти, отвращающая мысли и дѣятельность страны отъ главнаго ея дѣла къ пагубному соперничеству своекорыстныхъ разсчетовъ и къ мелкой оффиціальной суетности.

Представивъ изъ Дюнойе и Кэри нѣсколько примѣровъ вреда отъ далеко простирающейся опеки правитель-

ства въ наиболѣе просвѣщенныхъ европейскихъ странахъ. Милль замѣчаетъ, что коренное правило, по которому потребитель есть лучшій судья того, что онъ пріобрѣтаетъ, допускаетъ впрочемъ много исключеній. Дѣятельность правительства должна простираться, во-первыхъ, на народное образованіе и состоять въ оказаніи пособій первоначальнымъ школамъ и въ учрежденіи общедоступныхъ училищъ. Это—пособіе, оказываемое людямъ для того, чтобъ они могли обходиться безъ пособія. Кромѣ того, правительство, обязывая родителей посылать дѣтей въ школу, должно оказать имъ содѣйствіе. Вмѣшательство правительства необходимо для огражденія интересовъ малолѣтнихъ, идіотовъ, помѣшанныхъ и для отвращенія жестокаго обращенія съ животными; но Милль возстаетъ противъ поставленія женщинъ въ зависимое положеніе (наравнѣ съ несовершеннолѣтними) и требуетъ, чтобъ имъ былъ открытъ доступъ къ промышленнымъ занятіямъ. Второй случай, когда необходимо ограниченіе laisser faire, относится къ вѣчнымъ договорамъ; законъ долженъ въ такомъ случаѣ ограждать лицо, принимающее на себя вѣчныя обязанности. Третій случай касается такихъ дѣлъ, которыя частное лицо можетъ вести чрезъ уполномоченнаго; Милль требуетъ гласности для промышленныхъ товариществъ и полагаетъ, что если предпріятіе само по себѣ, какъ, напримѣръ, желѣзная дорога или каналъ, составляетъ монополію, то правительство обязано дать нѣкоторыя гарантіи обществу, сохранить за собою право контроля, установленія тарифа и т. п. Четвертый случай относится къ такого рода дѣламъ, въ которыхъ необходимо взаимное соглашеніе частныхъ лицъ, но соглашеніе, возможное лишь при существованіи закона; сюда относится ограниченіе числа рабочихъ часовъ и введеніе Уекфильдовой системы колонизаціи, при которой занятіе земли должно обусловливаться ея покупкою, потому что иначе не будетъ ни

наемнаго труда, ни занятія земли, пропорціональнаго средствамъ, ни образованія городского населенія. Пятый случай касается общественной благотворительности. Милль совѣтуетъ, чтобы пособіе давалось лишь въ крайнихъ случаяхъ, и чтобы положеніе человѣка, получающаго помощь, не было лучше содержащагося своимъ трудомъ. При соблюденіи этихъ условій полезно, чтобы законъ обезпечивалъ средства существованія находящимся въ крайности здоровымъ людямъ, и чтобы эти средства не зависѣли отъ частной благотворительности. Частная благотворительность даетъ или слишкомъ много, или слишкомъ мало, а если правительство содержитъ бѣднаго преступника въ тюрьмѣ и не содержитъ невиннаго бѣдняка, то оно назначаетъ награду за преступленіе. Наконецъ, частная благотворительность плодитъ нищенство. Государство должно однако предоставить частной благотворительности оцѣнку бѣдности, заслуживающей пособія. Такого разграниченія не можетъ сдѣлать администрація, да это и не ея дѣло. Къ этой же категоріи относятся и пособія колонизаціи. Наконецъ, участіе правительства необходимо въ общеполезныхъ дѣлахъ, занятіе которыми не обѣщаетъ частному лицу соотвѣтствующаго вознагражденія; сюда относятся пособія для путешествій съ географическою или ученою цѣлью, устройство маяковъ, назначеніе содержанія ученымъ, занятія которыхъ требуютъ изслѣдованій и опытовъ, поглощающихъ все ихъ время. Двигателями науки, замѣчаетъ Милль, были впрочемъ и такіе люди, которые посвящали по нѣскольку часовъ практической дѣятельности. Прежде чѣмъ брать на себя какое-либо дѣло, правительство всегда должно обсудить: не можетъ ли быть это дѣло исполнено свободною частною дѣятельностью, и можетъ ли правительство исполнить его лучше, чѣмъ частныя лица? Бываютъ, впрочемъ, случаи, когда страна осталась бы безъ дорогъ, доковъ, портовъ,

орошенія, больницъ, училищъ, типографій, еслибы не устроило ихъ правительство, потому что общество или слишкомъ бѣдно, или не развито, или не привыкло къ самодѣятельности, вслѣдствіе продолжительнаго деспотизма или завоеванія; въ такихъ случаяхъ правительство должно принять на себя иниціативу, имѣя въ виду воспитаніе въ народѣ индивидуальной энергіи и добровольнаго соединенія силъ.

Предыдущее представляетъ не столько изложеніе основаній и предѣловъ для промышленной свободы, сколько указаніе главныхъ случаевъ участія правительства въ дѣлахъ общества. Въ сущности, послѣдняя глава сочиненія Милля не отличается по содержанію отъ двухъ предшествующихъ; но воззрѣнія его здѣсь гораздо шире, примѣры, приводимые имъ, не смотря на отсутствіе подробностей, которое часто лишаетъ дѣло живого практическаго смысла, несравненно опредѣленнѣе и точнѣе очерчиваютъ мысль автора, и затѣмъ какъ все это далеко отъ соціалистическихъ поползновеній, изложенныхъ въ книгѣ II, главѣ I! Тѣмъ не менѣе, это скорѣе программа для трактата о благоустройствѣ, чѣмъ дѣйствительное ученое изслѣдованіе. Оставляя въ настоящемъ случаѣ вопросъ о научномъ методѣ совершенно въ сторонѣ, авторъ замѣняетъ гипотетическіе пріемы догматикою, источникомъ для которой служитъ не отвлеченное мышленіе, но опытъ, представляемый жизнію, или скорѣе, замѣчательная проницательность ума, схватывающаго на лету смыслъ общественныхъ явленій такъ вѣрно, что въ главныхъ идеяхъ Милля нельзя не видѣть пониманія дѣйствительности и ея практическихъ задачъ.

Окончивъ разборъ «Началъ политической экономіи» Милля, должно признать, что попытка построить науку по дедуктивному методу оказалась несостоятельною, потому что явленія, подлежащія изученію экономиста, не укла-

дываются въ тѣсныя рамки апріорическихъ выводовъ, сдѣланныхъ изъ небольшого числа условій. Точные выводы требуютъ наблюденія и анализа явленій. Не должно думать, чтобы подобный научный пріемъ, сковывая человѣческую мысль, лишалъ ее способности видѣть что-либо за предѣлами существующаго и осуждалъ на одно лишь описаніе или истолкованіе настоящаго. Знаніе того, что есть, составляетъ узду для фантазіи, но не для человѣческой мысли, а несовершенства и недостатки дѣйствительности открываютъ болѣе широкую перспективу для правильныхъ предположеній и постановки задачъ, требующихъ разрѣшенія, чѣмъ широкіе размахи дедуктивнаго метода, примѣненнаго къ общему построенію науки. Многообъемлющія гипотезы предполагаютъ готовую доктрину и служатъ для нея одною лишь внѣшнею оболочкой. Такъ случилось съ Госсеномъ, когда онъ пытался построить политическую экономію чисто математическимъ путемъ: онъ переложилъ на математическій языкъ ученіе Бастіа. Такъ случилось съ Де-Траси (Destutt de Tracy), когда онъ сдѣлалъ попытку вывести всю науку изъ понятія о волѣ: въ сущности онъ изложилъ ученіе Смитовой либеральной школы. То же самое повторилось и съ Миллемъ: его «Политическая экономія» обращается часто въ перифразъ ученій Рикардо-Мальтуса.

Но положительный умъ Милля не могъ остаться въ области однихъ логическихъ построеній. Ему были близки современные общественные и экономическіе вопросы и онъ не могъ обойти ихъ. Здѣсь предстоялъ ему новый камень преткновенія—согласить ученія Рикардо-Мальтуса съ стремленіями второй половины XIX вѣка. Соціалисты видѣли въ фаталистическихъ доктринахъ англійской школы самое разительное доказательство несостоятельности существующаго порядка. Милль самъ не прочь произнести надъ нимъ суровый приговоръ, но онъ чувствуетъ, что внѣ пре-

дѣловъ существующаго наука потеряетъ твердую почву, и что затѣмъ можетъ быть мѣсто для одной лишь утопіи. Поэтому ему ничего не оставалось болѣе, какъ излагать теорію, построенную на дѣйствительно установившихся отношеніяхъ, и сдѣлать уступки новому времени. Эти уступки очень разнообразны, начиная отъ предложенія ограничивать размѣры наслѣдствъ (практичность чего очень сомнительна), отъ провозглашенія начала ассоціаціи (какъ главной основы будущаго развитія общества), не исключающаго ни соперничества, ни свободы, ни индивидуальности, ни собственности, и оканчивая признаніемъ за государствомъ права дѣйствовать для блага общаго, въ предѣлахъ назначенной для него области, а за утопистами—права дѣлать опыты надъ новымъ устройствомъ жизни по теоретическимъ воззрѣніямъ. Еслибы точка отправленія Милля была иная, не гипотезы, а предварительное изученіе явленій, то ему не пришлось бы переходить отъ одной крайности къ другой, дѣлать попытки примиренія непримиримаго и совмѣщенія несовмѣстимаго. Но построеніе науки въ духѣ современномъ потребовало бы работы надъ громаднымъ матеріаломъ, очень часто не обдѣланнымъ, не полнымъ и осуждающимъ ученаго на дѣятельность чернорабочаго. Милль предпочелъ задачу болѣе легкую: онъ ограничился построеніями на основаніи началъ, выработанныхъ въ систематическихъ сочиненіяхъ. Такой трудъ имѣетъ много привлекательнаго, но онъ вноситъ мало новаго въ сокровищницу человѣческихъ знаній. Сочиненіе Милля не можетъ научить правильному методу, потому что авторъ не оправдываетъ своихъ теорій фактами и не выводитъ теорій изъ наблюдаемыхъ явленій; наконецъ, оно не можетъ дать твердыхъ научныхъ основаній и потому, что самъ Милль скептически относится къ существующему, этому вѣчному источнику познанія научной истины.

IV. Шмоллеръ о Менгерѣ [1]).

«Menger, Karl. Untersuchungen ueber die Methode der Socialwissenschaften und der Politischen Oeconomie insbesondere». Leipzig 1883. Менгеръ, Карлъ. «Изслѣдованія о методѣ соціальныхъ наукъ и политической экономіи въ особенности».

По мнѣнію Менгера, въ теоріи политической экономіи можно слѣдовать двумя путями—или *реалистически-эмпирическимъ* (наблюденія опыта), или *точнымъ* (собственно умозрительнымъ), дѣлающимъ выводы изъ самыхъ простыхъ началъ (элементовъ), слѣдовало бы сказать изъ гипотезъ.

[1]) Менгеръ родился въ Галиціи въ 1840 г. и состоитъ нынѣ профессоромъ политической экономіи въ Вѣнскомъ университетѣ. — Написалъ онъ не много и ничего особенно выдающагося, но его считаютъ въ Германіи наиболѣе крупнымъ представителемъ абстрактной школы. По этому разборъ его книги (подъ приведеннымъ выше заглавіемъ), помѣщенный въ Сборникѣ критическихъ очерковъ Шмоллера—«Zur Litteraturgeschichte der Staats und Socialwissenschaften Leipz. 1888», см. статью: «Die Schriften von K. Menger und W. Dilthey zur Methodologie der Staats und Socialwissenschaften» pp. 275—304), заслуживаетъ особаго вниманія, тѣмъ болѣе, что Менгеръ предлагаетъ, такъ сказать, рецептъ, по которому «сочиняются» книги политико-экономическаго содержанія по даннымъ шаблонамъ безъ усвоенія того, что вырабатывается жизнію и что доступно лишь послѣ ряда тщательныхъ наблюденій.

Въ послѣдующемъ изложеніи разборъ Шмоллера приводится съ нѣкоторыми незначительными сокращеніями.

Первый путь, по мнѣнію Менгера, никогда не открываетъ законовъ въ строгомъ смыслѣ слова; второй приводитъ къ установленію типическихъ отношеній, къ законамъ явленій, которымъ дѣйствительность, само собою разумѣется, вполнѣ соотвѣтствовать не можетъ. Такъ какъ въ послѣдней, независимо отъ главныхъ причинъ, дѣйствуютъ также и побочныя или второстепенныя, то теорія политической экономіи не обнимаетъ всеобщей природы (die universelle Natur) хозяйственныхъ явленій, но имѣетъ въ виду постичь особую, конечно, одну изъ важнѣшихъ сторонъ хозяйственной жизни человѣка. Поэтому смѣшна, едва понятна глупость принимающихъ за точку отправленія въ изслѣдованіяхъ психическіе мотивы человѣческой дѣятельности, вмѣсто частнаго интереса. Химикъ позволяетъ же себѣ химическую сторону явленія отдѣлять отъ физической. Упрекъ въ атомизмѣ, который дѣлали точному направленію (слѣдовало бы сказать, замѣчаетъ Шмоллеръ, манчестерскому, индивидуалистическому) въ теоретической національной экономіи, вытекаетъ изъ неправильныхъ аналогій, поверхностно заимствованныхъ экономическою историческою школою у юридической исторической школы. Явленія народнаго хозяйства суть только результаты единичныхъ хозяйственныхъ стремленій, и должны быть разсматриваемы съ этой точки зрѣнія.

Указанные два способа познаванія истины, говоритъ Шмоллеръ, не отдѣлены другъ отъ друга непроходимою пропастью. Напротивъ, чѣмъ несовершеннѣе въ наукѣ описательная часть (классификація, опредѣленія, распредѣленіе отдѣльныхъ явленій по типическимъ формамъ), чѣмъ болѣе теорія состоитъ изъ предварительныхъ, еще сомнительныхъ, отчасти преждевременныхъ обобщеній, тѣмъ значительнѣе пропасть, отдѣляющая наблюденіе отъ умозрѣнія. Таково положеніе національной экономіи, не смотря на сдѣланныя ею сравнительно съ другими обще-

ственными науками значительные успѣхи. Совершенствованіе описательной части науки не есть пренебреженіе теоріею—это необходимое для нея основаніе. Старая отвлеченная національная экономія [1]) совершила многое, но ея жизненная сила изсякла, потому что ея выводы превратились въ отвлеченныя схемы, которыя не имѣютъ ничего общаго съ дѣйствительностію. Въ будущемъ Шмоллеръ предсказываетъ для національной экономіи наступленіе новой эпохи, подъ условіемъ переработки всего историческаго описательнаго и статистическаго матеріала вмѣсто процѣживанія сто разъ уже процѣженныхъ положеній старой догматики.

Менгеръ полагаетъ, что методъ наведенія не даетъ точныхъ результатовъ, потому что самое точное наблюденіе не ручается за повтореніе явленія. Это невѣрно относительно явленій количественно и качественно одинаковыхъ. Изолированіе явленій (собственно причинъ, дѣйствующихъ въ явленіи) дало конечно крупные, научные результаты, но ошибочно противопоставлять его, какъ нѣчто непримиримое, съ совокупностію дѣйствующихъ причинъ. Сегодня можно разсматривать дѣйствіе одной, завтра другой причины. Однажды сдѣланное съ успѣхомъ обособленіе одной причины, не обязываетъ естествоиспытателя повторять одинъ только этотъ опытъ.

Если при изслѣдованіи цѣнъ принимали, какъ причину, частный интересъ для объясненія обыденныхъ явленій, происходящихъ на рынкѣ, то это было плодотворно, но было бы ошибочно принимать одну эту причину во всѣхъ дальнѣйшихъ изысканіяхъ, при изслѣдованіи всѣхъ сложныхъ хозяйственныхъ явленій (Vorgängen). Во всякомъ случаѣ, дѣйствуя такимъ образомъ, надо ясно созна-

[1]) Слово національная экономія Шмоллеръ употребляетъ часто вмѣсто политическая экономія. Различіе между обоими названіями не существенно.

вать, что наука, принимающая за исходную точку гипотезы, даетъ только гипотетическія положенія, которымъ ненадлежащее присвоеніе слова «точныя» не придаетъ еще вида строгой научности.

Осторожность, на которой столь сильно настаиваетъ Милль въ своей логикѣ, Менгеръ совершенно отбрасываетъ тамъ, гдѣ онъ принимаетъ за точку отправленія не изолированіе причинъ, а выводъ изъ простыхъ элементовъ (началъ). И въ этомъ онъ правъ. Если имѣются элементы (начала), относящіеся къ одной наукѣ, или къ цѣлой научной области, то все прочее сравнительно легко: всякая законченная наука дедуктивна, ибо если элементы вполнѣ извѣстны, то самое сложное можетъ быть только сочетаніемъ этихъ элементовъ. Но эти простые элементы, которые установлены въ математикѣ и въ нѣкоторыхъ частяхъ физики, не настолько изслѣдованы и ясно опредѣлены въ общественной наукѣ, чтобы оставалось лишь дѣлать изъ нихъ выводы. По моему личному мнѣнію, говоритъ Шмоллеръ, нужна вполнѣ свѣтско-поверхностная и кабинетно-ученая наивность для того, чтобы принять за исходную точку или человѣческія потребности, или стремленіе къ пріобрѣтенію, или своекорыстіе, какъ конечныя простыя начала (элементы) въ научномъ смыслѣ слова. Еслибы стремленіе къ пріобрѣтенію, или себялюбіе были конечною причиною въ строго научномъ смыслѣ, то таковое начало слѣдовало бы въ научной психологіи ясно отграничить отъ другихъ параллельно существующихъ душевныхъ силъ. Но объ этомъ вовсе нѣтъ рѣчи, и потому-то всѣ научныя попытки въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ, какъ соціализма, такъ равно исторической школы, а равно и догматиковъ Рау и Германа, были направлены къ отысканію лучшаго психологическаго основанія для національной экономіи. Это исканіе только вслѣдствіе того было доселѣ столь безплодно, что ученые, преклоняясь предъ

рамками установившагося раздѣленія научнаго труда, не дерзнули обратиться къ источнику — научной психологіи. Что касается обращенія къ государству и обществу, къ обычаю и къ праву, для уясненія теоретическихъ проблемъ національной экономіи, то, конечно, наша наука должна дать только теорію хозяйственной стороны народной жизни; однако, Менгеръ самъ сознается, что теорія не можетъ допустить существованія негосударственнаго народнаго хозяйства; онъ самъ хочетъ изученія общей природы народно-экономическихъ явленій. Но тогда прежде всего дѣло идетъ о теоріи, которая опирается на наблюденіе, отличающееся несомнѣнностью и совершенною точностію. Однимъ изъ признаковъ такого научно-годнаго наблюденія первый изъ германскихъ логиковъ Зигвартъ считаетъ удовлетвореніе слѣдующему условію: «требуется, чтобы единичное съ самаго начала разсматривалось какъ часть цѣлаго, и чтобы было понято отношеніе этой части къ цѣлому». Не требуется ли поэтому отъ научно-годнаго народно-экономическаго наблюденія, чтобы оно уясняло отношеніе хозяйственныхъ событій къ народной и государственной жизни?

И можно ли приступить къ разсмотрѣнію великихъ основныхъ вопросовъ народнаго хозайства, не касаясь отношенія государства къ народному хозяйству? Что можно сказать объ отношеніяхъ частныхъ предпріятій къ корпоративнымъ и публичнымъ, объ отношеніи семейныхъ хозяйствъ къ предпринимательскимъ и къ государственному, не касаясь сущности государства? Проблему свободы экономической можно разсматривать только опираясь на теорію философіи права, обсуждающую предѣлы нравственности, обычая, права, индивидуальной свободы и принудительной государственной власти.

Конечно, кто (какъ, повидимому, хочетъ Менгеръ) ограничиваетъ теоретическую національную экономію ученіемъ

о цѣнности и объ образованіи цѣнъ, о распредѣленіи доходовъ и о деньгахъ, тотъ въ этомъ не нуждается (по меньшей мѣрѣ такъ кажется), но тотъ и не излагаетъ теоріи народнаго хозяйства въ общемъ смыслѣ слова.

Въ 6-й главѣ первой книги Менгеръ полагаетъ, что національная экономія — наука точная, т. е., что она сама изъ того, что считаетъ простыми элементами, должна сдѣлать рядъ вѣрныхъ выводовъ (дедуктивныхъ заключеній), въ виду которыхъ эмпирическая дѣйствительность можетъ быть отброшена въ сторону, какъ нѣчто совершенно безразличное. Сколько бы ни было потрачено остроумія и послѣдовательности ради подобной *точности*, намъ, въ пыли копающимся эмпирикамъ, говоритъ Шмоллеръ, представляется это какъ странное недоразумѣніе.

Кто хочетъ найти законы, тотъ, по словамъ Менгера, долженъ прибѣгать къ отвлеченіямъ. Само собою разумѣется, замѣчаетъ Шмоллеръ, что всякое мышленіе и познаваніе есть отвлеченіе; необходимо только, чтобы отвлеченія были правильны, приводили къ научнымъ истинамъ, а не къ схематическимъ призракамъ, не къ грезамъ робинзоніадъ, которыми такъ часто хотятъ замѣнить народно-экономическія изслѣдованія и истины.

Отыскать научные законы не такъ легко, какъ собирать ягоды, потому что прежде всего необходимо пониманіе общепризнанныхъ положеній (Urtheile), и если законъ еще не открытъ, то приходится довольствоваться работою надъ законченностію наблюденій, классификаціею матеріала и изслѣдованіемъ причинъ. Конечно, есть достаточное число типическихъ явленій и вѣроятностей, для начертанія теоріи общей природы народнаго хозяйства и существующихъ въ послѣднемъ общихъ связей, для начертанія теоріи, которой еще долго не прійдется сдѣлаться универсальною теоріею соціальныхъ явленій.

Безъ сомнѣнія нѣкоторыя общія положенія относи-

тельно психической связи, существующей въ массахъ, духовнаго движенія, овладѣвающаго массами, морали, обычая, права, государственной власти, политическихъ правъ (Freiheitsrechte) и пр., общи всѣмъ соціальнымъ наукамъ, а поэтому должны или предполагаться въ національной экономіи, какъ извѣстное, или быть излагаемы въ введеніи къ ней, или вводиться въ нее, какъ дополненіе. Но этимъ не вносится въ національно-экономическую теорію особая специфическая точка зрѣнія, свойственная историческому изслѣдованію, а всѣ свѣдѣнія, добытыя въ упомянутой области, обращаются на выясненіе психическихъ и соціальныхъ явленій, которыя въ то же время суть и явленія хозяйственныя. Нельзя имѣть притязанія на объясненіе самыхъ сложныхъ явленій изъ одного начала (элемента) ради одной только точности, т. е. дедукціи.

Нельзя принять за исходную точку — хотя и психологическую, но несостоятельную гипотезу; необходимо требовать изслѣдованія всѣхъ существующихъ причинъ хозяйственныхъ явленій. И только тогда, когда получится убѣжденіе, что эти причины найдены, можно рѣшиться снова сдѣлать выводы. Это не значитъ разбрасываться въ разныя стороны, чего желательно избѣжать въ германской наукѣ;—это научный пріемъ, который одинъ только и можетъ подвинуть науку впередъ.

Не согласенъ Шмоллеръ и со взглядомъ Менгера на экономическую политику и на науку финансовъ, какъ на прикладныя знанія, какъ на собраніе рецептовъ. Рошеръ во 2 и 3 томахъ, Штейнъ и Вагнеръ въ наукѣ о финансахъ возвели эти отрасли человѣческихъ знаній на степень теоретическихъ наукъ. Такъ, ученіе о финансахъ сдѣлается наукою, когда авторъ, принявъ за точку отправленія сравнительную финансовую статистику [1]), из-

[1]) Шмоллеръ могъ бы сказать сравнительную исторію, статистику и законодательство финансоваго хозяйства. Н. Б.

ложитъ общую природу государственнаго хозяйства. Кто посмотритъ съ этой точки зрѣнія на различія въ методахъ обработки теоретической и практической экономіи, тому представятся не коренныя различія, какъ Менгеру, не преступное смѣшеніе теоретической и практической національной экономіи, а различія, зависящія отъ постепенности въ обработкѣ.

Далеко не столь принципіально можно возражать, замѣчаетъ Шмоллеръ, противъ того, что говоритъ Менгеръ во второй книгѣ, гдѣ онъ подробнѣе излагаетъ свои общія обвиненія и идеи. Онъ начинаетъ съ уступки историческому направленію въ томъ, что хозяйственныя явленія, какъ, напр., деньги, проходятъ чрезъ извѣстные періоды развитія и формы, что работникъ, предприниматель, торговый кризисъ проходятъ извѣстныя ступени (Stadien), которыя необходимо знать. Такимъ образомъ, каждое отдѣльное хозяйственное явленіе испытываетъ индивидуальныя измѣненія и самыя учрежденія видоизмѣняются въ теченіе десятилѣтій и столѣтій. Но, говоритъ Менгеръ, отсюда не слѣдуетъ, что должно создавать столько же экономическихъ теорій, сколько существуетъ ступеней развитія. Для экономиста эти различія не болѣе какъ тѣ, которыя находитъ анатомъ при сравненіи организаціи тѣла негра и малайца. Точная наука, не отрицая историческихъ измѣненій, вовсе не должна на нихъ обращать вниманія, потому что для нея каждая новая форма явленій есть новая, требующая рѣшенія, задача; историческое развитіе расширяетъ кругъ предметовъ изученія, но не касается метода послѣдняго. Далѣе слѣдуетъ у Менгера перечень грѣховъ псевдоисторическихъ направленій: послѣднія подшиваютъ къ неисторической теоріи историческую подкладку, принимаютъ исторію литературы и догматики за теорію, смѣшиваютъ вообще опытъ съ исторіею, хотя подлѣ нихъ и надъ ними возвышается наблюденіе единичныхъ явленій человѣче-

скаго хозяйства; они смѣшиваютъ философію исторіи съ національною экономіею, думаютъ въ параллелизмѣ найти главное содержаніе теоретической національной экономіи.

Въ этихъ подробностяхъ второй книги есть много вѣрнаго; отчасти можно согласиться съ перечнемъ грѣховъ исторической школы, но исключаетъ ли это ея заслугу—болѣе глубокое пониманіе и обогащеніе всей науки? Уступки, которыя дѣлаетъ Менгеръ въ началѣ второй книги, вовсе не исчерпываютъ значенія историческаго изученія. Конечно, Менгеръ не можетъ понять существенной причины появленія исторической школы и ея необходимости, потому что ему недостаетъ для этого надлежащаго органа. Она представляетъ собою возвратъ къ научному пониманію дѣйствительности, взамѣнъ ряда отвлеченныхъ туманныхъ картинъ, лишенныхъ всякой реальности.—Менгеръ не понимаетъ также, что всѣ важнѣйшія хозяйственныя явленія въ пространствѣ и времени столь многообъемлющи, что они доступны только собирательному наблюденію, каковое установляютъ исторія и статистика.—Для Менгера это не доступно, потому что онъ смотритъ на все съ точки зрѣнія индивидуальнаго хозяйства, постоянно думаетъ только о мѣнѣ, цѣнности, деньгахъ, а не о хозяйственныхъ органахъ и учрежденіяхъ, которые образуютъ скелетъ народной экономіи.

Уступку, сдѣланную исторической школѣ, Менгеръ беретъ назадъ, замѣчая, что энономистъ-теоретикъ долженъ положить въ основу своего изложенія одно лишь по времени и мѣсту наиболѣе выдающееся состояніе народнаго хозяйства. — Въ этомъ заключается признаніе, что онъ, подобно всѣмъ прежнимъ догматикамъ-экономистамъ, занимался современнымъ состояніемъ Западной Европы и раздѣлялъ крупное методическое заблужденіе, принимая современное народное хозяйство за сущность народнаго хозяйства вообще.—Онъ справедливо замѣтилъ, что, при

смѣняющихся формахъ существующаго, нельзя для каждой придумывать безчисленныя, разнообразныя теоріи; но почему же нельзя объяснять перемѣны, происходящія въ каждомъ учрежденіи, при помощи *одной* теоріи? почему мы должны удовольствоваться единственно формою современною? Менгеръ допускаетъ, что народныя хозяйства разныхъ временъ и народовъ относятся другъ къ другу, какъ анатомическія различія индо-германца и малайца. Но это сравненіе хромаетъ, подобно многимъ заимствованнымъ изъ естествознанія, и показываетъ, какъ мало авторъ интересовался хозяйственными учрежденіями другихъ временъ. Можно сказать, продолжаетъ Шмоллеръ, что въ этомъ признаніи Менгеръ отрекается отъ теоріи, и становится однимъ изъ тѣхъ ученыхъ, на которыхъ онъ смотритъ свысока,— описателемъ мѣстныхъ и временныхъ формъ, не принимающимъ близко къ сердцу общей природы народнаго хозяйства, даже и тогда, когда онъ воображаетъ, что этотъ образъ построенъ имъ точно, какъ выводъ изъ конечныхъ простыхъ началъ (элементовъ).

Въ 3-й книгѣ авторъ говоритъ о попыткахъ способствовать выясненію общественныхъ явленій при помощи аналогіи человѣческихъ обществъ съ естественными организмами, главнымъ образомъ о Кэри, Шеффле и Лиліенфельдѣ. Къ такому воззрѣнію приводитъ Менгера взглядъ на совокупность общественныхъ явленій, какъ на живой организмъ, дѣйствующій цѣлесообразно и въ результатѣ представляющій процессы, совершающіеся естественно и безсознательно. Но только нѣкоторая доля общественныхъ явленій представляетъ аналогію съ естественными организмами. — Напротивъ, многія явленія составляютъ слѣдствіе человѣческаго разсчета, соглашенія. Да и тамъ, гдѣ аналогія существуетъ, она бываетъ не полна.—Соотношеніе, въ смыслѣ взаимнодѣйствія, вообще не имѣетъ значенія, потому что, по законамъ мышленія, нельзя допустить

предположенія, чтобы что-либо могло быть въ одно и то же время и дѣйствіемъ, и причиною.—Еще неумѣстнѣе аналогія относительно такъ называемаго органическаго происхожденія общественнаго устройства—послѣднее всегда бываетъ послѣдствіемъ воли общественной, или индивидуальныхъ стремленій, съ ихъ случайными, ненамѣренными послѣдствіями. Конечно, задача теоретическихъ общественныхъ наукъ состоитъ въ пониженіи значенія и дѣйствія частныхъ соціальныхъ явленій въ цѣломъ. Но перенесеніе по аналогіи результатовъ изслѣдованій физіологическихъ и анатомическихъ въ политическую экономію составляетъ такую безсмыслицу, которую ни одинъ методически-мыслящій человѣкъ не признаетъ заслуживающею серьезнаго опроверженія. Аналогія пригодна для образности изложенія (Darstellung), но не какъ научный методъ.

Менгеръ хочетъ представить *точное* истолкованіе такъ называемыхъ органическихъ общественныхъ формъ (Socialgebilde) и выбираетъ какъ примѣръ происхожденіе денегъ, что повидимому противорѣчитъ направленію, сообщаемому наукѣ частнымъ интересомъ. — Трудность естественной мѣны — такъ гласитъ въ сущности объясненіе Менгера—создала прежде всего ходкій на рынкахъ всѣми любимый товаръ, и такимъ образомъ сами собою возникли деньги.

Къ этому «точному» объясненію, нисколько не отличающемуся поразительною новизною, примыкаютъ нѣсколько краткихъ подобнаго рода положеній о происхожденіи поселеній въ государствѣ. Происхожденіе ихъ не составляетъ результата соглашенія, договора, закона или приданія отдѣльными лицами особаго значенія общественному интересу, но послѣдствіе стремленій—служить частнымъ интересамъ.

Въ четвертой книгѣ Менгеръ поучаетъ, что этотъ взглядъ отличается отъ прежняго—смитовскаго.—Смиту

и его ученикамъ Менгеръ ставитъ въ упрекъ то, что они относятъ слишкомъ многое прагматически къ общимъ соглашеніямъ между людьми. Въ противоположность этому онъ хочетъ видѣть въ общественныхъ формахъ игру индивидуальныхъ стремленій, которыя приводятъ ненамѣренно къ общественнымъ совокупнымъ послѣдствіямъ. (Gesammtergebnissen). Конечно, онъ правъ въ томъ, что общественное устройство составляетъ окончательный результатъ индивидуальныхъ психическихъ мотивовъ (Vorgänge). Но индивидуальная духовная жизнь не исчерпывается противоположностію между соглашеніями и эгоистическими стремленіями, эта жизнь слагается изъ безконечнаго числа себялюбивыхъ и симпатическихъ чувствъ и стремленій; тѣ и другія, отчасти сознательнымъ соглашеніемъ, отчасти безсознательнымъ и только чувствуемымъ единомысліемъ ведутъ къ дальнѣйшимъ послѣдствіямъ, къ твердымъ формамъ, къ хозяйственной и общественной жизни. — Здѣсь, по мнѣнію Шмоллера, оказывается существенный пробѣлъ въ общественно политическихъ идеяхъ Менгера и въ кругѣ его представленій. Повидимому онъ не знаетъ или не хочетъ ничего знать о великихъ новыхъ успѣхахъ въ эмпирической и философской психологіи, въ филологіи, въ философіи права и въ этикѣ, которыя столь много сдѣлали для разъясненія загадочнаго въ индивидуальной духовной жизни и въ психическихъ массовыхъ явленіяхъ. Шмоллеръ думаетъ, что принятіе въ разсчетъ этихъ элементовъ чрезвычайно углубило изслѣдованія и подняло научный уровень при изученіи не только сложныхъ соціальныхъ проблемъ, но главнымъ образомъ доктринъ объ эгоизмѣ, о хозяйственныхъ стремленіяхъ и добродѣтеляхъ, о человѣческихъ потребностяхъ, объ образованіи цѣнности, о спросѣ и предложеніи. Поэтому вопросы о томъ, какія общественныя формы сложились вслѣдствіе соглашенія, какія подъ вліяніемъ стремленій, служащихъ частнымъ интересамъ, не

представляются уже умѣстными и соотвѣтственными современнымъ нашимъ познаніямъ (Erkenntniss). Шмоллеръ не хочетъ объ этомъ распространяться подробнѣе и замѣчаетъ только, что примѣненіе философскихъ изслѣдованій, сдѣланное Шеффле въ его «Строеніе и жизнь общественнаго тѣла», должно бы предостеречь экономистовъ и побудить ихъ не отказываться отъ подобной помощи.

Послѣдняя, четвертая книга, по содержанію относится къ исторіи литературы. Выписками изъ Макіавелли, Бодена, Бэкона, Платона, Аристотеля, Сисмонди и Баумштарка Менгеръ прежде всего хочетъ доказать, что основная мысль исторической школы нѣмецкихъ экономистовъ давно уже извѣстна въ политическихъ наукахъ, и присовокупляетъ, что по поводу ученія объ относительномъ достоинствѣ государственныхъ учрежденій всегда говорилось съ тѣхъ поръ, какъ начали писать о политическихъ предметахъ.

Далѣе Менгеръ имѣетъ въ виду доказать, что историческая школа германскихъ экономистовъ не поняла руководящей мысли исторической школы юристовъ и только по недоразумѣнію считаетъ себя исторической въ смыслѣ послѣдней. Савиньи и Нибуръ были учениками Борка, и разсматривали право въ противоположность раціоналистическому прагматизму, какъ вытекающее изъ сознательной дѣятельности высшей власти; какъ результатъ неотраженной высшей мудрости (als das unreflectierte Ergebniss einer höhern Weisheit), причемъ они нигдѣ не говорятъ объ относительной пригодности институтовъ права. Перенесеніе ихъ ученія въ національную экономію, по мнѣнію Менгера, открыло бы необъятную область для плодотворной дѣятельности въ смыслѣ Борка. Эта живая симпатія къ мистическому народному духу Савиньи, замѣчаетъ Шмоллеръ, вытекаетъ очевидно изъ манчестерскаго отвращенія къ сознательной дѣятельности коллективныхъ органовъ общества.

По Менгеру, подобно тому какъ право возникаетъ само собою, и народное хозяйство, само себѣ предоставленное, оказывается игрою эгоистическихъ, но примиряющихся между собою интересовъ. Шмоллеру кажется, что эта необъятная область плодотворной дѣятельности достаточно воздѣлывалась, но не принесла прочныхъ плодовъ. Рошеръ не принялъ этихъ мистическихъ представленій романтической школы за точку отправленія въ своихъ изслѣдованіяхъ, и сравнительно съ Савиньи это было уже успѣхомъ.

Вмѣсто того, чтобы слѣдовать этимъ путемъ, по словамъ Менгера, большое число посредственностей—Шпиттлеръ, Луденъ, Пелицъ, Веберъ, Вехтеръ, попали на дорогу односторонняго историческаго направленія и зашли далеко назадъ за точку отправленія, принятую Бодэномъ. Истиннымъ основателемъ школы еретиковъ-экономистовъ, ведущей свое начало отъ названныхъ историко-политиковъ, является Гервинусъ въ своемъ появившемся въ 1836 г. критическомъ сочиненіи о политикѣ Дальмана, въ которомъ онъ требуетъ построенія государствовѣдѣнія на почвѣ всемірной исторіи. Къ этой мысли примкнулъ Рошеръ, и вмѣсто того, чтобы, подобно Савиньи и Эйхгорну, изучать исторію отдѣльныхъ народовъ, сравнилъ попавшуюся ему подъ руку исторію всѣхъ народовъ. Такъ осуществилъ Рошеръ то, чего хотѣлъ Гервинусъ для политики, а Бодэнъ для государствовѣдѣнія.—Но, замѣчаетъ Шмоллеръ, здѣсь можно спросить, слѣдуетъ ли считать мысль ошибочною только потому, что основатель школы слишкомъ высоко поставилъ свою задачу и слишкомъ поспѣшно стремился къ всеобщности?

Къ разсужденіямъ о Рошерѣ, Менгеръ, по замѣчанію Шмоллера, присоединяетъ еще нѣсколько словъ о Гильдебрандѣ и Книсѣ и, какъ кажется, не совсѣмъ справедливыхъ. Менгеръ говоритъ: до Книса ни одинъ писатель

не развивалъ съ такою послѣдовательностію методическія начала (Postulate) реалистическаго направленія при изученіи народнаго хозяйства, и никто болѣе Книса не былъ въ такой степени чуждъ пониманія самостоятельнаго значенія *точнаго* направленія теоретическихъ изслѣдованій въ области экономической природы точныхъ ея законовъ, законовъ народнаго хозяйства вообще. Едва можно повѣрить, присовокупляетъ Шмоллеръ, что такой приговоръ постигъ человѣка, который не написалъ ни одного сколько-нибудь крупнаго историко-экономическаго изслѣдованія, который въ молодости защищалъ историческій методъ, но въ годы зрѣлаго возраста въ сочиненіяхъ о деньгахъ и о кредитѣ, относящихся къ лучшимъ изъ всего, что теоретическая германская національная экономія произвела, въ сущности оставилъ этотъ методъ и работалъ въ большей или меньшей степени въ томъ же абстрактномъ направленіи, какъ Менгеръ.

Въ заключеніе Шмоллеръ проситъ позволенія сказать нѣсколько словъ объ авторѣ, не касаясь его личности, подобно тому, какъ и самъ Менгеръ, по собственному заявленію не желалъ этого въ полемикѣ съ своими противниками — историками. Менгеръ, говоритъ Шмоллеръ, — это остроумный діалектикъ, логическій умъ, не заурядный ученый, но ему недостаетъ какъ общаго философскаго и историческаго образованія, такъ и широкаго кругозора, который позволялъ бы ему воспринимать со всѣхъ сторонъ то, что представляютъ опытъ и наблюденіе (Erfarungen und Vorstellungen). Во многихъ частностяхъ, высказанныхъ имъ противъ исторической школы германскихъ экономистовъ, онъ правъ; каждый занимающійся затронутыми имъ вопросами прочтетъ его изслѣдованія съ интересомъ и пользою; въ извѣстномъ смыслѣ они составляютъ отрадный признакъ силы духовной (Spannkraft) и различій въ научныхъ воззрѣніяхъ, отличающихъ современное германское государ-

ствовѣдѣніе. Преобразователемъ Менгеръ конечно не окажется; онъ скорѣе эпигонъ, исключительно прошедшій школу естественно-научной логики Милля и опирающійся на старую догматику національной экономіи. Онъ знаетъ въ точности только одинъ этотъ уголокъ великаго зданія нашей науки; въ немъ онъ свилъ свою паутину съ остроуміемъ и ученостію—и этотъ уголокъ онъ принимаетъ за все зданіе, во всякомъ случаѣ за одинъ изъ лучшихъ и прелестнѣйшихъ въ немъ салоновъ. Я не хочу сказать, что этотъ уголокъ не имѣетъ права на существованіе; я утверждаю только, что оттуда Менгеръ не можетъ обнять взоромъ всего зданія; я виню его не въ томъ, что онъ защищаетъ свой пріемъ, но въ томъ, что онъ съ преувеличеннымъ наставническимъ самосознаніемъ, прогуливаясь по другимъ комнатамъ зданія, съ палкою въ рукахъ, думаетъ, что ему позволено бить по пальцамъ каждаго встрѣчнаго, кто думаетъ иначе, чѣмъ онъ. Не обращая противъ него тѣ гордыя слова презрѣнія къ неспособнымъ—къ историкамъ, которые въ сознаніи своей неспособности къ высшимъ задачамъ спеціальныхъ наукъ хотѣли бы свою собственную неспособность возвести на степень мѣрила для оцѣнки научныхъ произведеній (Leistungen), должно признать, что Менгеръ—крупное, но совершенно одностороннее явленіе, и что затронутое имъ будетъ дѣйствовать, посредствомъ вызванныхъ имъ преній, какъ ферментъ, способствуя просвѣтленію и очищенію. Рѣшительное слово о достоинствѣ его метода скажетъ то, что будетъ произведено имъ и его учениками; ихъ узнаютъ по плодамъ, которые они дадутъ.

Къ этимъ словамъ Шмоллера надо прибавить, что ни Менгеръ, ни его ученики доселѣ кажется ничего выдающагося не произвели.